

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Т. П. Арискина

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет, Саранск, Россия

Представлен обзор работ, принадлежащих отечественным и зарубежным лингвистам, по словообразованию как одному из разделов сравнительно-исторического языкознания. Цель исследования: выделение основных методов, используемых учеными в рамках этого направления; анализ работ, авторы которых в аспекте словообразования сравнивают языки финно-угорской группы, а также сопоставляют разносистемные языки; выявление наиболее актуальных вопросов сравнительно-исторических исследований.

Ключевые слова: *словообразование, сравнительно-исторические исследования, сравнительно-сопоставительные исследования, финно-угорские языки, односистемные языки, разносистемные языки.*

Введение

Любое языковое явление следует анализировать с точки зрения его развития — этот постулат, который сегодня большинством ученых воспринимается как бесспорный, долгое время не поддерживался отечественными лингвистами. В частности, не принималась во внимание историчность словообразования.

В XIX в. предметом лингвистических исследований были единичные аспекты истории языка и крупных работ по сравнительно-исторической грамматике создано не было. Тем не менее серьезные научные изыскания в этой области велись.

Первопроходцем отечественного сравнительно-исторического языкознания принято считать А. Х. Востокова. Именно он подготовил основу для последующих изысканий. Еще одним основоположником сравнительно-исторического метода в русской лингвистике был Ф. И. Буслаев, который сопоставил элементы разных языков индоевропейской семьи. К синтезу сравнительного и исторического подходов в языкознании привели работы И. И. Срезневского и А. А. Потебни. Их исследования стали базой для дальнейших достижений в этой области. Именно А. А. Потебня предвосхитил противопоставление синхронии и диахронии (развитое впоследствии Ф. де Соссюром), ему же принадлежит идея системного изучения явлений языка.

В XX в. сравнительно-историческое языкознание, несмотря на трудности, возникшие в связи с распространением структурного подхода, сохранило свои позиции. Сравнительно-исторический метод был усовершенствован. Одним из достиже-

ний стало создание М. Сводешем метода глоттохронологии, позволяющего измерять скорость языковых изменений. Кроме того, были разработаны новые критерии внутренней реконструкции [19].

В дальнейшем проблемы словообразования исследуются не только с точки зрения сравнительно-исторического метода, активно применяются сопоставительный и типологический подходы. Одна из актуальных проблем современной лингвистики — сравнительно-сопоставительное изучение как родственных, так и генетически отдаленных друг от друга языков. Такой подход подразумевает сочетание сравнительно-исторического и сопоставительного методов анализа. Причем развитие сопоставительно-типологического языкознания, в рамках которого описываются разносистемные языки, позволяет решить сразу две задачи: 1) установить соотношение между системами (подсистемами, микросистемами) структуры двух и более языков; 2) выявить черты, характерные для одного языка и отсутствующие в другом (индивидуальные, специфические признаки).

В данной работе представим обзор исследований, посвященных словообразованию в односистемных (финно-угорских) и разносистемных языках.

Сравнительно-исторические исследования в области финно-угорского словообразования

Работа Д. В. Бубриха «Историческая морфология финского языка» [1] стала первым трудом на русском языке, в котором освещаются вопросы исторической морфологии финно-угорских языков. Именно этот ученый стал, по сути,

основоположником сравнительно-исторических исследований в области финно-угорского словообразования.

По мнению Б. А. Серебренникова, «изучение истории изменения структуры корня... является центральной проблемой сравнительно-исторической грамматики уральских языков» [21. С. 156].

Описывая суффиксы словообразования имен существительных, ученый строит типологические параллели: например, эрзянский *-č'i*, мокшанский *-š'i*, используемые при образовании абстрактных имен, соответствует *-lun* в коми-зырянском языке [20. С. 67].

Сопоставительными и историческими исследованиями занималась К. Е. Майтинская [9; 8]. Она проанализировала процессы, в результате которых формировались основные грамматические категории и некоторые части речи в финно-угорских языках, с привлечением данных из языков других типов [8].

Статья Г. М. Керта [6] посвящена общефинно-угорским *m*-овым именам в современных финно-угорских языках. В саамском языке автор описывает имена действия, которые занимают промежуточное положение между именем и глаголом, причастия на *-ta*, деепричастия на *-ten*; в финском языке в данную группу входят инфинитивы на *-ta*, отрицательные прилагательные; инфинитивами эти древние имена представлены в эстонском, карельском, вепском и водском языках; в «волжско-пермской группе финно-угорских языков *m*-овые имена представлены в виде отглагольных имен действия (мордовский, коми) или в виде причастий и деепричастий (удмуртский, коми, марийский)» [6. С. 74].

В настоящее время *m*-овые имена действия представляют собой различные ступени развития древних подобных имен. Исследователь приходит к заключению, что на более древней стадии часть из них находится в саамском, хантыйском, марийском, мордовском и коми языках.

Фундаментальное исследование языков уральской семьи провел П. Хайду [23]. Он рассмотрел важнейшие первичные суффиксы венгерского языка и привел их соответствия в отдельных родственных языках, в частности это касается суффиксов имен *-k*, *-s*, *-sz*, *-d* и др.

Попытку сравнительного описания мордовских (мокшанского и эрзянского) литературных языков предприняли Д. В. Цыганкин и С. З. Деваев. В области дериватологии авторы отметили общие способы образования новых слов в указан-

ных языках («1) при помощи суффиксов; 2) сложением основ; 3) спариванием слов; 4) конверсией») [25. С. 91]), привели функции и значение словообразовательных суффиксов, анализируя их соответствия в эрзянском и мокшанском языках.

Типологические особенности словообразования в прибалтийско-финских языках северной группы (карельском, вепском, финском) рассмотрела Л. Ф. Маркианова. Она описала способы глаголообразования, подчеркнув, что для этих языков характерен суффиксальный тип, «унаследованный из финно-угорского языка-основы» [10. С. 120]; проанализировала инвентарь глагольного словообразования, указав на разнообразие глаголообразующих суффиксов.

Исследование «Словообразовательная архитектура в волжских языках: диахронная перспектива» [18] С. Сааринен посвящено отыменным и отглагольным суффиксам, образующим имена существительные и прилагательные в марийском и мордовских языках. Ученый отмечает, что «в марийском языке словообразовательных суффиксов в два раза больше. Диахронный подход позволяет автору заключить, что в мордовских языках система старых финно-угорских элементов осталась почти неизменной. Также исследователь анализирует словообразование именных частей речи в марийском и мордовских языках с отсылкой к финскому языку» [17].

Цель автора состояла в создании некоей общей картины словообразования. В мордовских языках «имеется большое количество суффиксов для образования именных частей речи», причем значительная их часть «является прямым наследием финно-угорского праязыка или образована путем слияния старых финно-угорских суффиксов» [Там же. С. 7].

Как и ряд других финно-угроведов, С. Сааринен ищет способы сохранения национальных языков и указывает на проблемы в этой сфере. В отношении способов образования новых слов ученый выявляет как сходства, так и различия, например: «Способы словообразования именных частей речи в марийском и мордовских языках такие же, как и в других финно-угорских языках. Различия, конечно, есть, но они являются скорее тенденциями. Суффиксация новых слов в марийском языке выглядит значительно продуктивнее, нежели в мордовских. ...В мордовских языках в отличие от марийского части сочинительных сложных слов чаще всего употребляются во множественном числе» [17. С. 9].

Продуктивность финно-угорского суффикса *-ка*, восходящего к прауральскому **-kk*, в эрзянском и финском языках исследовала Н. В. Якушкина [27]. Общим для указанных языков является то, что этот суффикс в производных именах выражает уменьшительное значение. Исследователь перечисляет причины продуктивности данного суффикса в эрзянском языке: способность обслуживать терминологическую сферу, поддержка его словообразовательных возможностей со стороны типологически тождественного русского аффикса *-ка*, содержащегося во многих производных заимствованиях. В финском языке он продуктивен в отыменных и отглагольных образованиях, где имеет вид *-kka* (*-kkä*).

Системно-сравнительное описание финно-угорских языков осуществил Е. А. Цыпанов [26]. Ученый выявил как общие черты языков этой группы, так и их специфические особенности.

Мордовские и прибалтийско-финские языки с точки зрения морфологической структуры имени в них сравнил М. В. Мосин. В первую очередь исследователь отметил: «Мордовские и прибалтийско-финские (особенно финский) языки лучше сохранили двусложную основу финно-угорского слова» [11. С. 90]. Различия в современных языках ученый объясняет процессом опрощения: «...В связи с морфологическим процессом опрощения структура многих общих слов в современных мордовских и прибалтийско-финских языках стала существенно отличаться от структуры первичной финно-угорской основы» [Там же. С. 93].

М. В. Мосин также провел сравнительный анализ словообразования сложных слов в эрзянском и финском языках [12; 13; 15]. Прежде всего ученый указывает: «Развитие словосложения в разных финно-угорских языках имеет весьма неодинаковые тенденции. Сохраняя традиционную природу языка-основы, например в лексическом составе финского, венгерского и эстонского языков, словосложение как способ образования новых слов и терминов используется весьма широко, что касается восточных финно-угорских языков, как, например, мордовских, марийского, удмуртского и других, процесс всего словотворчества и в том числе словосложения существенно законсервирован» [13. С. 281].

Причинами «консервации» в восточных финно-угорских языках стали сужение функционирования языков, постоянный поток русских заимствований в них. Тем не менее анализ имеющегося материала позволил установить, что в лексике эрзянского язы-

ка значительное место занимают сложные слова, образованные по типу «существительное + существительное», где первый компонент, как правило, имеет форму номинатива, а сложных образований, где первый компонент представлен в косвенном падеже, незначительное число. Отмечается большое число словосочетаний, в которых первый компонент выступает в роли определения и оно оформлено в форме генитива на *-n*, однако по своей семантике не объясняет значение второго компонента; ученый полагает, что их логично преобразовать в сложные слова. В финском языке заметно число слов, где первым компонентом выступает качественное прилагательное. Автор считает, что в эрзянском языке вместо сложных слов возникли словосочетания по типу таковых в русском языке. Главный вывод исследователя направлен на сохранение своеобразия национальных языков: «...На основе методики образования сложных слов, применяемой в финском языкознании, можно значительно увеличить количество сложных образований в эрзянском и мокшанском языках без нарушения установленных правил их правописания» [13. С. 285].

Д. В. Цыганкин рассмотрел прафинно-угорский словообразовательный суффикс *-ŋ* с точки зрения его словообразовательной потенции в мордовских, хантыйском и мансийском языках. Ученый заметил, что сходство словообразовательных построений этих языков проявляется при анализе производных прилагательных, образованных посредством суффикса *-ŋ* [24].

Способы словообразования в уральских языках сравнивает Т. М. Кобенко [7]. Исследователь обращает внимание на проблему разграничения сложных слов и словосочетаний в уральских языках, подчеркивая особенную ее актуальность для обско-угорских языков.

В очерках С. И. Моськиной [16] проанализированы основные глаголообразующие суффиксы мордовских (мокшанского и эрзянского) языков и их потенциальные возможности в образовании глагольных производных, выявлены их морфологические особенности, различия употребляемости.

Сравнительно-сопоставительные исследования разносистемных языков с точки зрения словообразования

Как уже отмечалось, сочетание сравнительно-исторического и сопоставительного методов анализа позволяет установить соотношение между системами различных языков. Это одно из актуальных направлений в современном языкознании.

О. Е. Трямкина сравнила образование субстантивов в эрзянском и немецком языках [22]. Исследователь выявила основные способы словообразования, характерные для этих языков, проанализировала продуктивность моделей детерминативных композитов.

Анализ именных композитов в эрзянском и немецком языках осуществили М. В. Мосин и Е. А. Кукушкина [14]. Авторы классифицировали композиты с точки зрения структурно-генетического типа и синтаксической связи между компонентами сложного слова.

Сопоставлению венгерского языка с русским посвящено несколько работ А. А. Виноградова, он исследует внутривербальное образование в указанных языках [2], изучает наименования лиц с точки зрения словообразовательной структуры [3; 4]. В частности, ученый выявил взаимосвязь между рангом компонентов со значением лица в производных коррелятивных названиях лиц, мотивированных основными частями речи, как показателя идиоэтничности языкового содержания концептуальных форматов их названий лиц [3]. По мнению исследователя, можно говорить о стремлении венгерского языка «к максимально эксплицитному, лексическому его выражению в рамках композитов различной структуры» [Там же. С. 48]. В отношении способов словообразования исследователь отметил, что в венгерском языке названия лиц «наиболее активно образуются способом конверсии. Субстантивируются причастия и прилагательные», продуктивным способом является синтаксическое образование указанной категории слов, однако «неожиданной на общем фоне» отсубстантивов — наименований лица в венгерском языке для автора стала «высокая активность суффиксального способа их образования». Ученый приходит к выводу: «В венгерском языке типовых соответствий в названиях лиц для подобных русских суффиксальных образований меньше по сравнению с нетиповыми, следовательно, соответствующая словообразовательная область в венгерском языке развита не столь гибко по сравнению с русским языком» [4. С. 97].

Опыт сопоставительного изучения венгерского и русского языков в семантико-структурном и функциональном плане представлен в учебном

пособии А. П. Гуськовой [5]. С целью функционального сопоставления языков автор анализирует субстантивацию, в первую очередь рассматривает «окказионально “опредмеченные”» слова и адъективацию, что позволяет выявить различия и общность в их функционировании, понять специфику русского и венгерского языков. Например, отмечено: «В венгерском языке переход слов разных частей речи в класс существительных осуществляется значительно чаще, чем в русском. ...Особенно ощутимо пополнение разряда венгерских существительных словами, которые используются без какого-либо материального изменения, то есть специальных словообразовательных средств» [Там же. С. 55].

Как и другие финно-угроведы, исследователь подчеркивает, что словосложение — один из главных способов словообразования в венгерском языке. Также автор анализирует возможности и способы перевода субстантивированных слов с венгерского на русский язык.

Заключение

Таким образом, финно-угроведы значительно продвинулись в области сравнения языков. В исследованиях используются как классический сравнительно-исторический метод, так и достижения сопоставительного и типологического анализа. В частности, активно сравниваются мордовские языки между собой, финский и венгерский языки с языками народов Поволжья.

Предметом серьезных научных изысканий стали такие аспекты, как формирование основных грамматических категорий и частей речи в финно-угорских языках; способы и типы образования новых слов, характерные для тех или иных языков; словообразовательный потенциал отдельных морфем. Кроме того, проводится сопоставительное изучение языков в семантико-структурном и функциональном плане.

Констатируя активизацию подобного рода научных изысканий, нельзя не отметить, что сравнительно-исторические исследования в области финно-угорского словообразования (при сочетании различных методов анализа) весьма перспективны, а отдельные аспекты этого актуального научного направления нуждаются в тщательной проработке и последующем развитии.

Список литературы

1. Бубрих, Д. В. Историческая морфология финского языка / Д. В. Бубрих. — М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. — 187 с.
2. Виноградов, А. А. Префиксальное внутриглагольное словообразование в русском и венгерском языках [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. А. Виноградов. — М., 2000. — URL: <http://cheloveknauka.com> (дата обращения 16.09.2019).
3. Виноградов А. А. Ранговость субъектных компонентов в производных названиях лиц русского и венгерского языков как их концептуально-языковая характеристика [Электронный ресурс] / А. А. Виноградов // Научный вiсник Ужгородського університету. — 2011. — № 25. — С. 45—50. — URL: <https://dspace.uzhnu.edu.ua/jspui/bitstream/lib/5184/1/> (дата обращения 16.09.2019).
4. Виноградов, А. Русские суффиксальные наименования лиц и их типовые соответствия в венгерском языке [Электронный ресурс] / А. Виноградов // Научный вiсник Ужгородського університету. — 2010. — № 22. — С. 92—99. — URL: <https://dspace.uzhnu.edu.ua/jspui/handle/lib/6752> (дата обращения 16.09.2019).
5. Гуськова, А. П. Сопоставительная грамматика венгерского и русского языков : учеб. пособие / А. П. Гуськова. — М. : Московский государственный университет, 2012. — 273 с.
6. Керт, Г. М. Отглагольные имена действия в финно-угорских языках / Г. М. Керт // Вопросы финно-угорovedения : межвуз. сб. науч. тр. Вып. V. — Йошкар-Ола, 1970. — С. 72—77.
7. Кобенко, Т. М. К вопросу об основных способах именного словообразования в уральских языках [Электронный ресурс] / Т. М. Кобенко // Мир науки, культуры, образования. — 2009. — № 4. — С. 79—82. — URL: <https://www.twirpx.com/file/852541/> (дата обращения 16.09.2019).
8. Майтинская, К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков / К. Е. Майтинская. — М. : Наука, 1979. — 263 с.
9. Майтинская, К. Е. Образование и классификация суффиксов в агглютинативных языках (на материале финно-угорских языков) / К. Е. Майтинская // Понятия агглютинации и агглютинативного типа языков : тез. докл. — Л., 1961. — С. 18—20.
10. Маркианова, Л. Ф. О некоторых типологических особенностях глаголообразования в прибалтийско-финских языках северной группы / Л. Ф. Маркианова // Вопросы финно-угорской филологии. 5. — Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1990. — С. 119—129.
11. Мосин, М. В. Морфологическая структура имени в мордовских и прибалтийско-финских языках / М. В. Мосин // Мордовские языки: настоящее и будущее : сб. ст. и докл. — Саранск, 2010. — С. 90—93.
12. Мосин, М. В. Особенности образования сложных слов в эрзянском и финском языках (сравнительный анализ) / М. В. Мосин // Мордовские языки: настоящее и будущее : сб. ст. и выступлений. — Саранск, 2015. — С. 31—36.
13. Мосин, М. В. Особенности образования сложных слов в эрзянском и финском языках (сравнительный анализ) / М. В. Мосин // Языковые контакты народов Поволжья: актуальные проблемы морфологии и синтаксиса : материалы IX Междунар. симп. — Саранск : Изд-во Мордовского университета, 2014. — С. 281—285.
14. Мосин, М. В. Структурно-генетическая и синтаксико-семантическая классификация именных композитов в эрзянском и немецком языках : учеб. пособие / М. В. Мосин, Е. А. Кукушкина. — Саранск : Изд-во Мордовского университета, 2010. — 96 с.
15. Мосин, М. В. Структура сложного слова в эрзянском и финском языках (сравнительный анализ) : учеб. пособие / М. В. Мосин, Н. М. Мосина. — Саранск : Изда-во Мордовского университета, 2016. — 104 с.
16. Моськина, С. И. Мордовские языки. Очерки по сравнительно-глагольному словообразованию (с описанием морфонологических процессов) : монография / С. И. Моськина. — Саранск, 2015. — 82 с.
17. Сааринен, С. Словообразование именных частей речи в марийском и мордовских языках / С. Сааринен // Языковые контакты народов Поволжья: актуальные проблемы морфологии и синтаксиса : материалы IX Междунар. симп. — Саранск : Изд-во Мордовского университета, 2014. — С. 5—9.
18. Сааринен, С. Словообразовательная архитектура в волжских языках: диахронная перспектива / С. Сааринен // Словообразовательная архитектура в волжских языках : материалы IX Междунар. симп. (1—4 окт. 1998 г.). — Саранск, 1999. — С. 3—6.

19. Сводеш, М. Лексико-статистическое датирование доисторических этнических контактов / М. Сводеш // Новое в лингвистике. Вып. 1. — М., 1960. — С. 23—52.
20. Серебренников, Б. А. Историческая морфология мордовских языков / Б. А. Серебренников. — М. : Наука, 1967. — 262 с.
21. Серебренников, Б. А. О некоторых закономерных явлениях начала и конца слова в уральских языках / Б. А. Серебренников // Современное финно-угроведение. — 1974. — № 3. — С. 151—157.
22. Трямкина, О. Е. Образование субстантивов в эрзянском и немецком языках: Типологический аспект исследования : дис. ... канд. филол. наук / О. Е. Трямкина. — Саранск, 2000. — 178 с.
23. Хайду, П. Уральские языки и народы / П. Хайду ; пер. с венгер. Е. А. Хелимского ; под ред. К. Е. Майтинской ; предисл. Б. А. Серебренникова. — М. : Прогресс, 1985. — 432 с.
24. Цыганкин, Д. В. О словообразовательной потенции прафинно-угорского словообразовательного суффикса *-ŋ* в мордовских, хантыйском и мансийском языках / Д. В. Цыганкин // Мордовские языки глазами лингвиста-финноугроведа : сб. избр. ст. — Ч. 4 — Саранск : Изд-во Мордовского университета, 2014. — С. 43—52.
25. Цыганкин, Д. В. Очерк сравнительной грамматики мордовских (мокшанского и эрзянского) литературных языков : учеб. пособие для студентов высших учеб. заведений / Д. В. Цыганкин, С. З. Девяев. — Саранск, 1975. — 117 с.
26. Цыпанов, Е. А. Сравнительный обзор финно-угорских языков / Е. А. Цыпанов. — Сыктывкар : Кола, 2008. — 216 с.
27. Якушкина, Н. В. Продуктивность финно-угорского суффикса *-ka* в эрзянском и финском языках / Н. В. Якушкина // Материалы VIII научной конференции молодых ученых Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева : в 3 ч. — Саранск : Изд-во Мордовского университета, 2003. — С. 122—126.

Сведения об авторе

Арискина Татьяна Павловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры финно-угорской филологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, Саранск, Россия. ariskina82@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 1 (435). *Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 7—14.*

COMPARATIVE-HISTORICAL REVIEW IN THE FIELD OF LEXICAL MORPHOLOGY

T.P. Ariskina

National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia. ariskina82@mail.ru

The article presents a review of scholarly papers by Russian and foreign linguists devoted to word-formation as one of the divisions of comparative linguistics. Among the main objectives of the current study is to identify the main methods used by scientists in this area; to analyse works where the authors compare the languages of the Finno-Ugric group in terms of word-formation as well as languages with different systems; to reveal the most pressing issues of comparative historical research in this field. It is noted that the problems of word-formation are dealt with through the prism of comparative-historical method, as well as through the use of comparative and typological approaches. On the basis of the analysis it is concluded that Finno-Ugric scholars made a significant progress in the field of language comparative studies. Considering the above it is claimed that this promising scientific direction requires further attention.

Keywords: *word formation, comparative historical research, comparative-historical research, Finno-Ugric languages, single-system languages, multi-system languages.*

References

1. Bubrikh D.V. *Istoricheskaya morfologiya finskogo yazyka* [Historical morphology of the Finnish language]. Moscow, St. Petersburg, Univ. Publ., 1955. 187 p. (In Russ.).
2. Vinogradov A.A. *Prefiksai'noe vnutriglagol'noe slovoobrazovanie v russkom i vengerskom yazykakh* [Prefixal intra-verbal word formation in the Russian and Hungarian languages. Abstract of thesis]. Moscow, 2000. Available at: <http://cheloveknauka.com>, accessed 16.09.2019. (In Russ.).
3. Vinogradov A.A. Rangovost' sub'ektnykh komponentov v proizvodnykh nazvaniyakh lits russkogo i vengerskogo yazykov kak ikh kontseptual'no-yazykovaya kharakteristika [Rank of subject components in derived names of persons of the Russian and Hungarian languages as their conceptual and linguistic characteristic]. *Naukovij visnik Uzhgorods'kogo universitetu* [Scientific bulletin of the university of the Uzhhorod], 2011, no. 25, pp. 45-50. Available at: <https://dspace.uzhnu.edu.ua/jspui/bitstream/lib/5184/1/>, accessed 16.09.2019. (In Russ.).
4. Vinogradov A. Russkie suffiksai'nye naimenovaniya lits i ikh tipovye sootvetstviya v vengerskom yazyke [Russian suffixal names of persons and their typical correspondences in the Hungarian language]. *Naukovij visnik Uzhgorods'kogo universitetu* [Scientific bulletin of the university of the Uzhhorod], 2010, no 22, pp. 92-99. Available at: <https://dspace.uzhnu.edu.ua/jspui/handle/lib/6752>, accessed 16.09.2019. (In Russ.).
5. Gus'kova A.P. *Sopostavitel'naya grammatika vengerskogo i russkogo yazykov* [Comparative grammar of Hungarian and Russian languages]. Moscow, Univ. Publ., 2012. 273 p. (In Russ.).
6. Kert G.M. Otglagol'nye imena deystviya v finno-ugorskikh yazykakh [Verbal names of action in Finno-Ugric languages]. *Voprosy finno-ugorovedeniya* [Questions of Finno-Ugric studies]. Iss. V. Yoshkar-Ola, 1970. Pp. 72-77. (In Russ.).
7. Kobenko T.M. K voprosu ob osnovnykh sposobakh imennogo slovoobrazovaniya v ural'skikh yazykakh [On the main ways of nominal word formation in the Uralic languages]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education], 2009, no 4, pp. 79-82. Available at: <https://www.twirpx.com/file/852541/>, accessed 16.09.2019. (In Russ.).
8. Maytinskaya K.E. *Istoriko-sopostavitel'naya morfologiya finno-ugorskikh yazykov* [Historical-comparative morphology of the Finno-Ugric languages]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 263 p. (In Russ.).
9. Maytinskaya K.E. Obrazovanie i klassifikatsiya suffiksov v agglyutinativnykh yazykakh (na materiale finno-ugorskikh yazykov) [Formation and classification of suffixes in agglutinative languages (by the material of Finno-Ugric languages)]. *Ponyatiya agglyutinatsii i agglyutinativnogo tipa yazykov* [Concepts of agglutination and agglutinative type of languages]. St. Petersburg, 1961. Pp. 18-20. (In Russ.).
10. Markianova L.F. O nekotorykh tipologicheskikh osobennostyakh glagoloobrazovaniya v pribaltiysko-finskikh yazykakh severnoy gruppy [On some typological features of verb formation in the Baltic-Finnish languages of the Northern group]. *Voprosy finno-ugorskoy filologii* [Questions of Finno-Ugric Philology]. Iss. 5. St. Petersburg, Univ. Publ., 1990. Pp. 119-129. (In Russ.).
11. Mosin M.V. Morfologicheskaya struktura imeni v mordovskikh i pribaltiysko-finskikh yazykakh [Morphological structure of the name in the Mordovian and Baltic-Finnish languages]. *Mordovskie yazyki: nastoyashee i budushchee* [Mordovian languages: present and future]. Saransk, 2010. Pp. 90-93. (In Russ.).
12. Mosin M.V. Osobennosti obrazovaniya slozhnykh slov v erzyanskom i finskom yazykakh (sravnitel'nyy analiz) [Features of the formation of complex words in the Erzya and Finnish languages (comparative analysis)]. *Mordovskie yazyki: nastoyashee i budushchee* [Mordovian languages: present and future]. Saransk, 2015. Pp. 31-36. (In Russ.).
13. Mosin M.V. Osobennosti obrazovaniya slozhnykh slov v erzyanskom i finskom yazykakh (sravnitel'nyy analiz) [Features of the formation of complex words in the Erzya and Finnish languages (comparative analysis)]. *Yazykovye kontakty narodov Povolzh'ya: aktual'nye problemy morfologii i sintaksisa* [Language contacts of the Volga region peoples]. Saransk, Univ. Publ., 2014. Pp. 281-285. (In Russ.).
14. Mosin M.V., Kukushkina E.A. *Strukturno-geneticheskaya i sintaksiko-semanticheskaya klassifikatsiya imennykh kompozitov v erzyanskom i nemetskom yazykakh* [Structural-genetic and syntactic-semantic classification of registered composites in Erzya and German]. Saransk, Univ. Publ., 2010. 96 p. (In Russ.).
15. Mosin M.V., Mosina N.M. *Struktura slozhnogo slova v erzyanskom i finskom yazykakh (sravnitel'nyy analiz)* [Compound structure in Erzya and Finnish (comparative analysis)]. Saransk, Univ. Publ., 2016. 104 p. (In Russ.).

16. Mos'kina S.I. *Mordovskie yazyki. Ocherki po sravnitel'no-glagol'nomu slovoobrazovaniju (s opisaniem morfonologicheskikh processov)* [Mordovian languages. Essays on comparative verb derivation (with a description of morphological processes)]. Saransk, 2015. 82 p. (In Russ.).
17. Saarinen S. Slovoobrazovanie imennykh chastey rechi v mariyskom i mordovskikh yazykakh [Word Formation of nominal parts of speech in Mari and Mordovian languages]. *Yazykovye kontakty narodov Povolzh'ya: aktual'nye problemy morfologii i sintaksisa: materialy IX Mezhdunarodnogo simpoziuma* [Language contacts of the Volga region peoples: Actual problems of morphology and syntax: proceedings of the IX International symp.]. Saransk, Univ. Publ., 2014. Pp. 5-9. (In Russ.).
18. Saarinen S. Slovoobrazovatel'naya arkhitektonika v volzhskikh yazykakh: diakhronnaya perspektiva [Derivational architecture in the Volga languages: diachronic perspective]. *Slovoobrazovatel'naya arkhitektonika v volzhskikh yazykakh: materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma (1-4 okt. 1998 g.)* [Word-building architectonics in the Volga languages: Proceedings of the international sci. symp. (1-4 Oct. 1998)]. Saransk, 1999. Pp. 3-6. (In Russ.).
19. Svodesh M. Leksiko-statisticheskoe datirovanie doistoricheskikh etnicheskikh kontaktov [Lexico-statistic Dating of prehistoric ethnic contacts]. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Iss 1. Moscow, 1960. Pp. 23-52.
20. Serebrennikov B.A. *Istoricheskaya morfologiya mordovskikh yazykov* [Historical morphology of Mordovian languages]. Moscow: Nauka Publ., 1967. 262 p. (In Russ.).
21. Serebrennikov B.A. O nekotorykh zakonomernykh yavleniyakh nachala i kontsa slova v ural'skikh yazykakh [On some natural phenomena of the beginning and end of the word in the Uralic languages]. *Sovremennoe finno-ugrovedenie* [Finno-Ugric studies], 1974, no. 3, pp. 151-157. (In Russ.).
22. Tryamkina O.E. *Obrazovanie substantivov v erzyanskom i nemetskom yazykakh: Tipologicheskii aspekt issledovaniya* [Formation of substances in Erzya and German: Typological aspect of the study. Thesis]. Saransk, 2000. 178 p. (In Russ.).
23. Khaydu P. *Ural'skie yazyki i narody* [Uralic languages and peoples, translated]. Moscow, Progress Publ., 1985. 432 p. (In Russ.).
24. Tsygankin D.V. O slovoobrazovatel'noy potentsii prafinno-ugorskogo slovoobrazovatel'nogo suffiksa *-ŋ* v mordovskikh, khantyyskom i mansiyskom yazykakh [On the word-formative potency of the proto-Finno-Ugric word-formative suffix-ŋ in the Mordovian, Khanty and Mansi languages]. *Mordovskie yazyki glazami lingvista-finnougroveda* [Mordovian languages through the eyes of a linguist-Finno-Ugric scholar]. Vol. 4. Saransk, Univ. Publ., 2014. Pp. 43-52. (In Russ.).
25. Tsygankin D.V., Devaev S.Z. *Ocherk sravnitel'noy grammatiki mordovskikh (mokshanskogo i erzyanskogo) literaturnykh yazykov* [Essay on the comparative grammar of Mordovian (Mokshan and Erzya) literary languages]. Saransk, 1975. 117 p.
26. Tsypanov E.A. *Sravnitel'nyy obzor finno-ugorskikh yazykov* [Comparative review of Finno-Ugric languages]. Syktyvkar, Kola Publ., 2008. 216 p. (In Russ.).
27. Yakushkina N.V. Produktivnost' finno-ugorskogo suffiksa *-ka* v erzyanskom i finskom yazykakh [Productivity of the Finno-Ugric suffix-ka in the Erzya and Finnish languages]. *Materialy VIII nauchnoy konferentsii molodykh uchenykh Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.P. Ogareva* [Proceedings of the VIII scientific conference of young scientists of N. P. Ogarev Mordovia State University]. Saransk, Univ. Publ., 2003. Pp. 122-126. (In Russ.).

ТОПОНИМ «УФА» В КРЕОЛИЗОВАННЫХ ИНТЕРНЕТ-ОТЗЫВАХ

А. Р. Ахметова

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия

Рассматривается топоним «Уфа» в интернет-отзывах. Интернет-отзыв — гибридный жанр, который относится к туристическому, виртуальному и оценочному дискурсам. Выявлены субжанры: отзыв-похвала, отзыв-благодарность, отзыв-совет, отзыв-жалоба. Интернет-отзыв как креолизованный текст состоит из вербальных и невербальных компонентов. Изучение интернет-отзывов о городе способствует формированию эффективного имиджа территории.

Ключевые слова: *интернет-отзыв, креолизованный текст, туристический дискурс, виртуальный дискурс, оценочный дискурс, субжанр, имидж города.*

Значительным явлением в социальной, культурной и политической жизни в XXI в. стал туризм, который из развитой индустрии превратился в феномен массовой культуры. Растет популярность телевизионных тревел-каналов, существуют десятки сайтов о путешествиях, посещаемость которых доходит до миллиона пользователей. Культура потребления, характерная для общества последних десятилетий, постепенно заменяется культурой впечатлений: обыватель получает удовлетворение не от приобретения очередного модного товара, а от возможности открыть новые уголки планеты.

Туризм изучается маркетологами, экономистами, социологами, культурологами, лингвистами. В языкознании наблюдается всплеск интереса к туристическому дискурсу (Л. Ю. Говорунова, Е. И. Панченко, М. В. Терских, Н. А. Тюленева, Н. В. Филатова и др.). Интернет-отзыв туриста, по мнению Л. Ю. Говоруновой, относится к гибридным жанрам, представляющим туристический, виртуальный и оценочный дискурсы [2. С. 43].

Новое направление лингвистических исследований XXI в. — виртуальное жанроведение — причисляет интернет-отзыв к виртуальным жанрам наряду с форумами, электронной почтой, чатами, конференциями, блогами, сайтами и т. п. «Интернет-отзыв — это оформленный текст, включающий в себя коммуникацию среди туристов после возвращения из путешествия с целью обмена оценочными мнениями о путешествии» [2. С. 43].

Мы исследуем топоним «Уфа» в различных дискурсах, и наш исследовательский интерес связан с интернет-отзывами о столице Республики Башкортостан Уфе. В данной статье анализируются 50 интернет-отзывов о городе Уфе, размещенных на популярном специализированном сайте

www.otzovik.com. Орфография и пунктуация авторов в приведенных примерах сохранена.

В контексте филологической урбанографии интернет-отзыв о городе, с одной стороны, отражает когнитивные признаки топонима «Уфа» как лингвокультурного феномена, с другой стороны, оказывает влияние на образ столицы в сознании населения республики и страны в целом. Город существует как место, имя, «котел текстов и кодов», миф. Мифология города формируется в индивидуальном сознании через разнообразные тексты: художественные, публицистические, рекламные, виртуальные и т. д. Интернет-отзыв как нарратив обогащает образ города, наполняет локальный миф новыми смыслами через личные истории туристов.

Бурному развитию виртуального жанра интернет-отзыва способствуют двусторонний интерес адресата и адресанта, неформальный характер коммуникации, наличие мгновенной обратной связи, размытость географических и временных границ. Специализированные сайты регулярно проводят конкурсы отзывов, итоги которых зависят от голосования посетителей сайта, поддерживая их интерес к тематике и мотивируя к написанию текста.

Особенностью жанра «интернет-отзыв туриста» является общение пары равных участников — «турист — турист» («реальный клиент — потенциальный клиент»), когда реальный клиент дает оценку туристической услуге, которой он воспользовался. Эта информация предназначена для потенциального клиента — будущего туриста. Поэтому в некоторых интернет-отзывах прослеживается поучительность со стороны автора: «*Обязательно прокатитесь по Белой на теплоходе — море эмоций и крайне живописные виды вам обеспечены!*», «*Вы всегда для своих поездок*

и передвижений можете воспользоваться услугами такси, которых в Уфе аж 41 служба», «Я уверяю вас, в Уфе есть на что посмотреть», «Если вы приедете на личном транспорте, то можете не беспокоиться — заблудиться в Уфе довольно таки сложно».

Интернет-отзыв является креолизированным текстом. Креолизированные тексты (термин Ю. А. Сорокина и Е. Ф. Тарасова) — это тексты смешанного типа, в которых информация представлена вербально (словесно) и иконически, то есть изобразительно (греч. *eikon* — изображение) [6]. Креолизированные тексты распространены в средствах массовой информации, рекламе, личной коммуникации (например, «смайлики») и т. д. Активное распространение креолизации в текстах связано с явлением визуализации. Для современного человека характерно клиповое мышление, которое представляет собой своеобразную мозаику фактов. Клиповое мышление затрудняет восприятие длинных текстов, поэтому возникает потребность в лаконичной информации. «Привычка к чтению превращается в атавизм, устная речь все больше заменяется знаками иной семиотической природы» [10. С. 159].

По мнению Е. И. Панченко, интернет-отзыв — это «креолизированный текст с жестко закрепленными креолизированными компонентами» [5]. На сайте www.otzovik.com текст является строго структурированным и состоит из следующих компонентов: заголовок, оценка отзыва «Отзыв рекомендуют», достоинства, недостатки, основная часть отзыва (вербальная часть и невербальная — фотографии, «смайлики») с возможным дальнейшим обсуждением через комментарии (см. рисунок).

Отзыв: Экскурсия по г. Уфа (Россия, Башкортостан) - Один день в столице Башкирии

19.06.2019

Отзыв рекомендуют: 85 10

⊕ **Достоинства:**

Много зеленых насаждений, цветов, довольно чисто

⊖ **Недостатки:**

тесное соседство исторических и современных зданий

Текст отзыва на сайте

Яркий, броский заголовок интернет-отзывов, выражающий эмоции от посещения города, привлекает внимание адресата: «Что это за город там, на горе? ... Это Уфа!», «Моя дорогая столица», «Обожая этот город», «Старая добрая Уфа», «Неоднозначно», «На любителя», «Предуральская провинция», «Взгляд изнутри». Большая часть заголовков (13 единиц) связана с категорией красоты: «Очень красивый город», «Красивый, чистый, свет-

лый город», «Уфа — отдыхай у нас, дешево, спокойно и очень красиво!». Во многих заголовках даются определения к слову «город»: «Город Земфиры и Шевчука», «Город зелени и парков», «Город больших возможностей», «Прекрасный город», «Город чудес», «Город на любителя», «Город моей мечты», «Очень красивый город». Антропоцентризм, характерный для современного носителя языка, проявляется в восприятии топонима «Уфа» через личностное отношение, выраженное местоимением со значением принадлежности «мой»: «Мой родной любимый город», «Моя Уфа», «Мой любимый город», «Моя дорогая столица».

Оценка отзыва «Отзыв рекомендуют» выполняет две функции: отслеживает, какому количеству клиентов понравился или не понравился отзыв на основании количества «лайков» (от англ. *like* — «нравиться»), и мотивирует адресата к прочтению текста и написанию собственного отзыва. «Визуальное разделение отзывов по модальности (недостатки и преимущества) способствует облегчению поиска интересующей информации пользователями» [2. С. 45]. Четкая структура интернет-отзыва на рассматриваемом сайте позволяет выявить, что 50 авторов отметили достоинства города: «интересное сочетание церквей и мечетей», «чистый воздух», «очень нестандартный город миллионник», «национальный колорит», «сохранились исторические здания», «много деревьев, парков, чистота», «очень красивый, удобный для гостей и туристов город», «многонациональность, культура, история» и т. д., 29 авторов — недостатки: «общественный транспорт», «загазованность», «отсутствие метро», «дороги плохие», «цены», «деревянные бараки», «пробки» и т. д. Выявление туристом достоинств и недостатков вполне закономерно: он посещает достопримечательности, сравнивает новый для него город с другими знакомыми ему городами и замечает положительные и отрицательные стороны туристического объекта. Интернет-отзывы об Уфе свидетельствуют о том, что город туристам понравился, несмотря на некоторые недостатки.

Основная часть интернет-отзыва представляет вербальный текст с возможными изображениями, чаще всего с фотографиями достопримечательностей. Остановимся на особенностях вербальной части креолизированного текста.

«Жанровая система интернет-дискурса по структуре многоуровневая — она состоит из трех основных пластов: гипержанров, жанров и субжанров с возможным дальнейшим делением на жанроиды»

[7. С. 107—108]. Интернет-отзыв как виртуальный жанр может размещаться внутри таких гипержанров, как сайт, социальная сеть, блог. «Субжанр — это жанровая форма, представляющая собой одноактные высказывания» [4]. Л. Ю. Говорунова выделяет следующие субжанры интернет-отзыва: отзыв-похвала, отзыв-благодарность, отзыв-совет, отзыв-предостережение, отзыв-жалоба, отзыв-опровержение, отзыв-согласие [3. С. 19].

В рассматриваемых нами отзывах об Уфе частотность субжанров отражена в таблице ниже.

Топоним «Уфа» в интернет-отзывах получил 45 положительных оценок. В отзыве-похвале содержится положительная оценка города: «Город очень колоритный и не имеющий аналогов», «Хороша наша Уфа, и хорошо, что она наша», «Город производит приятные впечатления, очень много парков, деревьев и это большой плюс для столицы», «После посещения города и осмотра достопримечательностей остались самые благоприятные впечатления!». Отзывы-благодарности выражают признательность городу или организаторам экскурсии: «Благодарим жителей, что сохраняют старинную архитектуру», «Спасибо за замечательную экскурсию», «Было очень интересно, благодарим экскурсовода», «Отдельное спасибо за подсказки отзовикам из славного города Уфа, Ирка и Stradivary!». Отзывы-советы побуждают адресата посетить город: «Приезжайте в Уфу! Здесь Вам всегда будут рады!», «Приезжайте навсегда в наш город жить», «Приглашаю всех посетить этот замечательный город, желательно весной и летом, когда все его улицы и скверы находятся в зеленом плену». Авторы отзывов дают адресатам рекомендации: «Еще советую посетить Гостиный двор нашего города», «Первое — Покровский храм — обязательно посетите его, он принесет мир и спокойствие Вашей душе». В интернет-отзыве могут содержаться косвенные рекомендации, содержащие в не прямой форме информацию о планах посетить описываемый город: «Уфа, мы обязательно еще вернемся!», «Приеду на следующий год летом».

Известно, что негативная информация в силу своей гиперэмоциональности распространяет-

ся обычно значительно быстрее, чем позитивная. Отзывы-жалобы имеют отрицательную коннотацию, главная цель которых — оградить туристов от негативного опыта: «Больше не поеду», «недостатки — их миллионы», «Мы возвращаемся в первобытное общество».

Рассматривая вербальную часть интернет-отзыва, остановимся на некоторых языковых особенностях отзывов, являющихся отражением национальной лингвокультуры. Автором отзыва может стать любой пользователь Интернета вне зависимости от образования, социального положения, пола и прочего, поэтому наблюдается эмоциональность и стилистическая гибридность (в том числе из-за отсутствия редактирования текстов). Наряду с возвышенной стилистикой используется разговорная, сниженная, сленговая лексика: «речку Сутолоку “затолкали” (или “засунули” — как вам больше нравится)», «закатали ее в асфальт», «стремненькую», «пошарахаешься», «соображалка», «торговчик», «бардак», «желание «свалить»», «недошумахеры», «снаркоманились», «дно».

С точки зрения гендерного аспекта яркой лингвистической особенностью интернет-отзывов женщин является обилие диминутивов: «мостик», «сузробчик», «домики», «ресторанчик», «денек», «торговчик», «чистенько, уютненько», «городишко», «новенький», «улучки», «частенько», «миленько». В Интернете появился термин «мимимишной лексики», который свидетельствует, по мнению социологов, об инфантилизации современного общества. Впрочем, многие лингвисты признают любовь к уменьшительно-ласкательным суффиксам характерной чертой не только женского дискурса, но и всей русскоязычной культуры с традиционной эмоциональностью и душевностью. Так, А. Вежбицкая называет эмоциональность «важной семантической характеристикой, образующей смысловую универсум русского языка» [1. С. 33]. Сравнивая русский язык с «западными» языками, она отмечает, что «именно русский выступает здесь как язык, уделяющий эмоциям гораздо большее внимание и имеющий значительно более богатый репертуар лексических и грамматических выражений для их разграничения» [Там же. С. 44].

Частотность субжанров в отзывах

Вид отзыва	Отзыв-похвала	Отзыв-благодарность	Отзыв-совет	Отзыв-жалоба
Количество	39	1	5	5
ИТОГО	50 отзывов			

В интернет-отзывах вербальный (словесный) текст, как правило, дополняется невербальными средствами креолизации — фотографиями достопримечательностей и «смайликами». «Смайлики», или эмодзи, помогают автору дополнить смысл высказывания, уточнить его экспрессивно-интонационную окраску. Они включаются непосредственно в структуру отзыва: *«Не все успела в отзыв втиснуть, придется подробнее описать каждую достопримечательность 😊»*, *«У нас даже Икея и Ашан есть, решила вас насмешить немного 😊»*, *«Двух дней мало 😊»*.

В отличие от «смайликов», которые не так часто встречаются в интернет-отзывах, фотографии достопримечательностей содержатся во всех рассмотренных нами текстах. В туристическом дискурсе имеются пользовательские фотографии проверенных временем популярных мест. Наличие такого невербального компонента в креолизованном тексте дает возможность автору не отвлекаться на подробное описание достопримечательности, а уделить внимание впечатлениям о посещаемом месте.

Мы проанализировали все пользовательские фотографии с целью выявления самых популярных достопримечательностей, попавших в объектив гостей города и уфимцев. По результатам анализа наиболее популярных мест фотографирования туристов и жителей города в топ-10 достопримечательностей Уфы входят следующие урбонимы: памятник Салавату Юлаеву (20 отзывов), река Белая (15), фонтаны парка «Ватан» (11), Конгресс-холл (10), мечеть «Ляля-Тюльпан» (8), Монумент Дружбы (8), «Старая Уфа» (8), Парк Победы (6), фонтан «Семь девушек» (6), кафедральный собор Рождества Богородицы (5). Популярность фонтана «Семь девушек» не только у туристов, но и у уфимцев свидетельствует о том, что новый урбоним занял достойное место в национальном сознании местного населения на-

ряду с устоявшимися традиционными символами города. В 2015 году, в год открытия, фонтан вошел в тройку лучших фонтанов страны. Отметим также, что туристы часто фотографируют зеленые уголки города Уфы: парки, скверы и знаменитые уфимские липы (в 18 отзывах).

Несмотря на богатый выбор городских объектов, обладающих уникальным национальным колоритом и являющихся этнокультурным достоянием республики, многие урбонимы, достойные внимания туристов, остаются невостребованными. Так, наряду с популярными достопримечательностями уфимские журналисты предлагают туристам посетить Музей археологии и этнографии с уникальной коллекцией сарматского золота, лимонарий, Музей имени М. Нестерова с коллекцией произведений Давида Бурлюка, Музей геологии и полезных ископаемых, Чертово городище, Дом Демидова, Дом Костерина, скалу «Висячий камень», бывшую обсерваторию Башкирского государственного университета [8]. Туристической изюминкой могут стать по аналогии с одесскими катакомбами Дудкинские штольни, которые появились в Уфе в XIX в. благодаря активно развивавшемуся промыслу по выжигу алебаstra. Автор одного из интернет-отзывов также считает штольни привлекательным местом для туристов: *«Уфа так же может заинтересовать и людей которые увлекаются диггерством. Под городом очень много туннелей»*.

Таким образом, креолизованный интернет-отзыв как гибридный жанр, объединяющий туристический, виртуальный и оценочный дискурсы, отражает когнитивные признаки топонима «Уфа», что является ценным материалом для дальнейшего формирования образа столицы Республики Башкортостан. Большой туристический потенциал Уфы как поликультурного города открывает новые возможности для развития имиджа территории.

Список литературы

1. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. — М. : Русские словари, 1996. — 416 с.
2. Говорунова, Л. Ю. Речевой жанр «интернет-отзыв туриста» в разных типах дискурса / Л. Ю. Говорунова // Известия ВГПУ. — 2014. — № 2 (87). — С. 43—47.
3. Говорунова, Л. Ю. Речевой жанр «интернет-отзыв туриста» в русской и итальянской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Ю. Говорунова. — Волгоград, 2014. — 25 с.
4. Кожевникова, К. В. Об аспектах связности в тексте как целом / К. В. Кожевникова // Синтаксис текста. — М. : Наука, 1979. — С. 49—67.

5. Панченко, Е. И. Отзыв туриста как новый вид текста [Электронный ресурс] / Е. И. Панченко // Cyberleninka. — URL: https://movoznavstvo.com.ua/download/pdf/2011_2/article/21.pdf (дата обращения 16.01.20).
6. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Ю. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. — М. : Высшая школа, 1990. — С. 180—186.
7. Ульянова, М. А. Классификация жанров интернет-дискурса / М. А. Ульянова // *Lingua mobilis*. — 2014. — № 3 (49). — С. 102—110.
8. Что посмотреть в Уфе? 10 самых интересных мест [Электронный ресурс] // Яндекс. Дзен. — URL: <https://zen.yandex.ru/media/uraloved/chto-posmotret-v-ufe-10-samyh-interesnyh-mest-5c38683062248c00aa8755f2> (дата обращения 16.01.20).
9. Экскурсия по г. Уфа (Россия, Башкортостан) — отзывы [Электронный ресурс] // ОТЗОВИК. — URL: https://otzovik.com/reviews/gorod_ufa_russia/ (дата обращения 16.01.20).
10. Яковлева, Е. А. Юрислингвистика: креолизованный текст как объект экспертизы / Е. А. Яковлева // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 1 (292). — С. 157—163.

Сведения об авторе

Ахметова Альфия Разифовна — аспирантка Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, проректор по учебно-методической работе Института повышения квалификации профсоюзных кадров, Уфа, Россия. ahmetova.imc@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 1 (435). *Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 15—20.*

THE PLACE-NAME UFA IN CREOLIZED ONLINE REVIEWS

A.R. Akhmetova

Institution of Advanced Training for Trade Union Officials, Ufa, Russia. ahmetova.imc@mail.ru

The article discusses the place-name UFA in online reviews written by tourists and residents of the city of Ufa. An online review is a hybrid genre that refers to tourist, virtual and evaluative discourses, it is a creolized text consisting of verbal and nonverbal parts. The non-verbal component of online reviews is mostly a picture of a sight of the city. In accordance with L.Y. Govorunova's classification we identify the subgenres of online reviews: feedback-praise, feedback-appreciation, feedback-tip, containing a positive evaluation of the city, and a complaint review with a negative rating. The analysis of photos in the reviews revealed the TOP 10 attractions of Ufa. The study of the Internet reviews containing certain cognitive features of the toponym UFA contributes to the formation of an effective image of the city.

Keywords: *internet feedback, creolized text, tourism discourse, virtual discourse, evaluative discourse, the subgenre, the image of the city.*

References

1. Vezhbickaya A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Knowledge]. Moscow, Russkie slovari, 1996. 416 p. (In Russ.).
2. Govorunova L.Yu. Rechevoj zhanr "internet-otzyv turista" v raznyx tipax diskursa [Speech genre "Internet tourist review" in different types of discourse]. *Izvestiya VGPU* [News of VSPU], 2014, no. 2 (87), pp. 43-47. (In Russ.).
3. Govorunova L.Yu. Rechevoj zhanr "internet-otzyv turista" v russkoj i italyanskoj lingvokulturax [Speech genre "Internet review of the tourist" in Russian and Italian cultures. Thesis]. Volgograd, 2014. (In Russ.).
4. Kozhevnikova K.V. Ob aspektax svyaznosti v tekste kak celom [On the aspects of coherence of the text as a whole]. *Sintaksis teksta*. Moscow, 1979. Pp. 49-67. (In Russ.).

5. Panchenko E.I. Otzyv turista kak novyj vid teksta [Tourist review as a new type of text]. *Cyberleninka*. Available at: https://movoznavstvo.com.ua/download/pdf/2011_2/article/21.pdf, accessed 28.06.2019. (In Russ.).
6. Sorokin Yu.A., Tarasov Yu.F. Kreolizovannye teksty i ix kommunikativnaya funkciya [Creolized texts and their communicative function]. *Optimizaciya rechevogo vozdejstviya*. Moscow, 1990. Pp. 180-186. (In Russ.).
7. Ulyanova M.A. Klassifikaciya zhanrov internet-diskursa [Classification of genres of Internet discourse]. *Lingua mobilis*, 2014, no. 3 (49), pp. 102-110. (In Russ.).
8. Chto posmotret v Ufe? 10 samyx interesnyx mest [10 most interesting places]. *Yandex Dzen* [Yandex Zen]. Available at: <https://zen.yandex.ru/media/uraloved/chto-posmotret-v-ufe-10-samyh-interesnyh-mest-5c38683062248c00aa8755f2>, accessed 28.06.2019. (In Russ.).
9. Ekskursiya po g. Ufa (Rossiya, Bashkortostan) — otzyvy [Tour of Ufa (Russia, Bashkortostan) — reviews]. *Otzovik*. Available at: https://otzovik.com/reviews/gorod_ufa_russia/, accessed 28.06.2019. (In Russ.).
10. Yakovleva E.A. Yurislingvistika: kreolizovannyj tekst kak obekt ekspertizy [Jurisprudence: creolized text as an object of expertise]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2013, no. 1 (292), pp. 157-163. (In Russ.).

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

И. Д. Баландина¹, Т. Н. Москвитина¹, Ал. А. Селютин²

¹Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева» в рамках научно-исследовательской работы «Социальные институты и процессы: когнитивно-дискурсивный аспект (на материале английского языка)». Заявка № 34-05/2019 от 26.09.2019.

Статья раскрывает и обобщает основные понятия когнитивной науки (когнитивный принцип, когнитивный подход, когнитивный аспект). Авторы исследуют разные подходы к пониманию дискурса и вводят понятие «узкоспециальный институциональный дискурс». Целью работы является изучение особенностей юридического дискурса и юридической метафоры в рамках когнитивного подхода. Обосновывается необходимость и перспективность исследования юридического дискурса и юридической метафоры с позиций когнитивного подхода и с учетом когнитивного принципа.

Ключевые слова: когнитивный принцип, когнитивный подход, узкоспециальный институциональный дискурс, юридический дискурс, юридическая метафора.

Несмотря на относительную молодость когнитивной науки, она обладает широким понятийным аппаратом, который зачастую лишен однозначности даже среди известных ученых, занимающихся данным направлением. Этим фактом, а также тем, что изучение механизмов восприятия, понимания и порождения речи являются перспективными с точки зрения развития различных наук, и объясняется актуальность данной статьи.

В данной статье мы даем определение понятиям «когниция», «когнитивный подход», «когнитивный аспект», «когнитивный принцип», а также доказываем возможность и необходимость изучения юридического дискурса в рамках когнитивного принципа описания языковых явлений. Новизна статьи определяется вкладом, который она делает в определение структур и схем анализа юридического дискурса и юридической метафоры, а также введением нового понятия «узкоспециальный институциональный дискурс».

Цель статьи — изучить разные подходы к исследованию дискурса. Поставленная цель потребовала решения следующих задач: 1) определение понятий «когнитивный подход», «когнитивный принцип», «когнитивный аспект»; 2) разграничение вышеуказанных понятий; 3) определение понятий «дискурс», «институциональный дискурс»; 4) выделение особого вида дискурса «узкоспециальный институциональный дискурс» и определение его особенностей; 5) определение понятий «юридичес-

кий дискурс» и «юридическая метафора» и обоснование целесообразности их изучения в рамках когнитивного подхода.

Когнитивная лингвистика как полноценное ответвление лингвистики начала развиваться в конце XX века, однако ее основы были заложены значительно раньше. Как известно, когнитивными называются процессы, связанные с познанием, восприятием и переработкой информации, поступающей извне. Относительно лингвистики это означает активное участие языка в познавательном процессе и возможность проследить процесс познания народа по развитию его языка. Именно поэтому когнитивные исследования набирают все большую популярность.

Основным термином когнитивной лингвистики является «когниция». Согласно словарю когнитивных терминов, «когниция», как правило, обозначает «познавательный процесс или же совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов — восприятия мира, простого наблюдения за окружающим, категоризации, мышления, речи и прочего, служащих обработке и переработке информации, поступающей к человеку либо извне по разным чувственно-перцептуальным каналам, либо уже интериоризированной и реинтерпретируемой человеком» [6. С. 81]. При этом информация может поступать либо в чистом виде — из непосредственного источника, либо опосредованно. Человек накапливает

опыт посредством когниции, обрабатывает его и передает дальше. Так и строится когнитивное пространство языка, состоящее, в свою очередь, из более крупных кластеров: пропозиции, фреймы, скрипты и сценарии. Таким образом, когниция как процесс позволяет соотнести вновь полученное знание с уже имеющимся, а при отсутствии последнего — выработать новую ментальную репрезентацию. Именно когниция обеспечивает возможность изучения различных явлений в когнитивном аспекте.

Для человеческого сознания характерно стремление к классификации новой информации, что подразумевает распределение полученной информации по уже существующим классам, знания о которых хранятся в сознании индивида, а в более широком смысле — в коллективном сознании группы (социальной, профессиональной, этнической и т. п.). В случае если явление не поддается классификации по причине новизны, когнитивный процесс протекает тяжелее, но при этом происходит накопление нового опыта. На этом и основано изучение лингвистических явлений в когнитивном аспекте.

Когнитивный подход подразумевает решение традиционных для данной науки проблем методами, включенными в когнитивный аспект (что подразумевает восприятие, мышление, познание, объяснение и понимание).

Под когнитивным подходом понимается постулат о том, что когнитивные структуры (то есть сознание, познание, мышление) находят выражение в языковой форме. В этом плане когнитивная лингвистика сближается с психолингвистикой, но не равна ей. По меткому замечанию А. А. Кибрика, «когнитивная лингвистика — это отнюдь не то же самое, что психолингвистика, ибо последняя — по крайней мере, в современном понимании — чрезвычайно техническая, глубоко экспериментальная дисциплина, в принципе совместимая с любым теоретическим подходом к языку» [4. С. 126].

При проведении исследований часто путают понятия «когнитивный подход», «когнитивный аспект» и «когнитивный принцип», мы попытаемся развести эти понятия. С нашей точки зрения, когнитивный аспект какого-либо явления — это та условная его «часть», которая либо связана с процессами познания, либо возникает как результат познавательного процесса. Например, когнитивный аспект синонимической аттракции глагольных номинаций — это причина, лежащая в сфере осознания действительности языком

и объективации фактов действительности в языке, по которой одни процессуальные единицы получают длинные синонимические ряды, а другие — короткие или не имеют их вовсе. Когнитивный подход — это изучение языка с точки зрения познавательных процессов, с точки зрения того, как процесс познания человеком окружающей действительности отражается в языке.

В свою очередь в основе когнитивного принципа описания и изучения языковых явлений лежит постулат о том, что язык есть объект и субъект познания. Изучение языка — это изучение того, как внеязыковые феномены отражаются и интерпретируются в языке.

В сферу основных задач когнитивной лингвистики входит изучение процессов речепонимания и речепроизводства, а также тех структур языкового знания, которые участвуют в переработке информации. Когнитивная лингвистика делает попытки описать и объяснить взаимодействие говорящего и слушающего с точки зрения передачи, обработки, структурирования и классификации информации.

Исследуя язык с учетом когнитивных принципов, лингвисты могут связать языковые явления и внеязыковую действительность, объясняя появление нового в языке переосмыслением индивидуального и коллективного опыта. И наоборот, изучение языка дает возможность объяснить явления окружающего мира актуальностью их для коллективного опыта.

Данный принцип исследования может быть применен практически к любым явлениям языка, поскольку язык и мышление взаимосвязаны в двух ипостасях — изменения в языке отражаются в мышлении, и наоборот, изменения в мышлении находят свое отражение в языке.

В качестве примера рассмотрим юридический дискурс и особенности его изучения с позиций когнитивного подхода.

До настоящего времени не существует единства ученых в определении понятия «дискурс». Одни ученые акцентируют внимание на динамическом характере дискурса в отличие от текста, другие — на сочетании в дискурсе языка и экстралингвистической действительности [5. С. 15; 1]. В рамках данной статьи под дискурсом понимается явление, сочетающее одновременно два компонента: динамический процесс языковой деятельности, вписанной в ее социальный контекст, и ее результат [2. С. 130].

По мнению В. И. Карасика [3], в первую очередь дискурс делится на персональный и инсти-

туциональный, при этом в первом говорящий выступает как самостоятельная личность, тогда как во втором играет роль, определенную типом дискурса (педагогический — учитель и ученик; спортивный — спортивный журналист и читатель, комментатор и аудитория; юридический — адвокат и прокурор, судья и обвиняемый и т. п.). В рамках данного исследования в институциональном дискурсе мы выделяем группу узкоспециализированных дискурсов, базирующихся на терминосистемах и возникающих в результате взаимодействия в профессиональной сфере.

Юридический дискурс подобно прочим видам институциональных узкоспециализированных дискурсов, обладает рядом универсальных особенностей. К ним относятся:

— лимитированный характер (не каждый носитель языка способен понять и осмыслить данный дискурс без специальной подготовки);

— меньшая значимость экстралингвистических факторов, влияющих на продуцирование дискурса;

— гораздо большая в сравнении с остальными видами дискурсов объективность и точность лингвистического окружения;

— когнитивный механизм в данном типе дискурса подразумевает переход от одномерного исследования текста и языка терминосистем к многоплановому метафорическому описанию дискурса в контексте условий его создания и прагматических установок.

Мы предполагаем, что вид дискурса определяет его когнитивный потенциал. Очевидно, что художественный дискурс, аккумулирующий разные виды дискурса, так же, как рекламный или медиадискурс, обладает большей возможностью переосмысления лингвистического знака и метафорического моделирования.

До недавнего времени узкоспециализированные институциональные дискурсы находились вне внимания когнитивного подхода, поскольку считалось, что в силу конкретности и отсутствия коннотаций они не подвержены когнитивному переосмыслению. В нашей статье мы доказываем, что анализ юридического дискурса перспективнее всего осуществлять именно с позиций когнитивного подхода. В статье исследуются особенности юридического дискурса и юридической метафоры и делается вывод о необходимости и перспективности исследования юридического дискурса и юридической метафоры с позиций когнитивного подхода и с учетом когнитивного принципа.

В рамках данной статьи необходимо разобраться, что представляет собой юридический дискурс.

Юридический дискурс является одной из разновидностей терминологических систем. Когнитивно-деривационная и социальная сущность юридической лексики выражается в ее способности формировать понятийно-смысловые блоки, компоненты которых могут классифицироваться по определенным моделям [2. С. 26]. Особенностью юридического дискурса и юридической терминосистемы является то, что часть терминов известна не только специалистам-юристам, но и — на бытовом уровне — практически любому носителю языка. На юридические термины распространяются все основные признаки терминологической лексики:

— однозначность понимания;

— отсутствие эмоционального компонента;

— автономность (независимость от контекста).

Все эти признаки, безусловно, снижают «когнитивный» потенциал юридического дискурса. Строгость и четкость юридических формулировок зафиксирована на законодательном уровне. Так, «Методические правила по организации законопроектной работы федеральных органов исполнительной власти» (утверждены Приказом Министерства юстиции Российской Федерации и Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации от 10 января 2001 г. № 3/51) [7] предписывают следующее: «Использование эмоционально-экспрессивных языковых средств, образных сравнений (эпитетов, метафор, гипербол и др.) не допускается». Аналогичные положения можно обнаружить в Приказе ГТК России от 14.12.2000 № 1155. Таким образом, получается, что особенности юридического дискурса не только складываются исторически; это один из немногих дискурсов, особенности которого зафиксированы документально. В связи с этим кажется, что возможности метафорического переосмысления юридического дискурса сильно ограничены, и возникает закономерный вопрос о целесообразности изучения юридического дискурса с позиций когнитивного подхода.

Наряду с уже упомянутой жесткой регламентированностью юридического дискурса можно выделить следующие его особенности:

1) наличие специальных понятий и терминов;

2) особая форма выражения права;

3) наличие речевых стандартов-клише;

4) правовое содержание;

5) долженствующе-предписывающий характер.

Юридические тексты содержат узкоспециализированные термины (в том числе термины-

словосочетания, особые клише, свойственные данному типу дискурса): *necessary defence, acquisitive prescription, standard, safety regulations, crime control*, — необходимые для наиболее точного наименования юридических понятий.

Необходимое требование, предъявляемое к любым типам научного дискурса, — объективность при передаче информации — достигается использованием в юридических документах (правовых актов и текстов юридических статей, приговоров) настоящего времени глагола, пассивных конструкций, комплексных грамматических конструкций, включая использование большого количества придаточных, например: *Generally speaking, we are not troubled by this constitutional paradigm. The problem is the more complex case, where more is involved than merely applying the law according to its uncontested meaning. Unsurprisingly, there are constitutional and common law rules that govern the “who, what, and when” of contested (meaning determinations [14].* (В целом мы не обеспокоены данной конституциональной парадигмой. Проблема заключается в более сложном случае, когда требуется больше, чем простое применение закона в соответствии с его неоспоримым значением. Неудивительно, что существуют конституционные и общие нормы права, которые регулируют так называемые «кто, что и когда» оспариваемых значений судебных определений¹).

Предписывающе-всеобщий характер информации юридических текстов наделяет особой важностью и информативностью подлежащее, которое может быть выражено не только существительным — специальным термином, но и широкозначными существительными и местоимениями (обобщенно-личными, неопределенно-личными) — *some, any, everyone, each*: *...The maximum penalty which may attach to any new criminal offence is a two year term of imprisonment [13]* (...Максимальное наказание, которое может быть назначено за любое новое уголовное преступление, составляет два года лишения свободы); *Any regulations seeking to update the maximum level of any financial penalty set out in section 2(5)(a) of the Bill will be subject to the affirmative procedure and therefore subject to the express approval of Parliament each time the powers are exercised [Ibid.]* (Любые нормативные акты, направленные на обновление максимального уровня любого финансового наказания, изложенного в разделе 2(5)(а) Билля, подлежат положительной

процедуре одобрения и, следовательно, подлежат прямому одобрению Парламента каждый раз, когда осуществляются его полномочия).

Данное свойство юридического текста также передается глагольными структурами со значением модальности необходимости, возможности, запрета, рекомендации, обязанности — *may make provision; may attach; must be able to require, can be required, is to be treated, is to be determined: The remaining provisions of this Act come into force on such day or days as may be appointed by regulations made by the Secretary of State [Ibid.]* (Остальные положения настоящего Закона вступают в силу в тот день или дни, которые могут быть назначены постановлениями государственного секретаря).

Неотъемлемое свойство юридического текста — его избыточность, передаваемая через полноту структур, разнообразие синтаксических и лексических средств, передающих логические связи. Причинно-следственные связи, логические структуры в текстах законодательных актов, комментариях к ним данные значения выражены различными языковыми средствами (*therefore, in the case of, if, on application, to show cause why, if a condition is imposed, for the purposes of, unless, provided*). Основные функции юридического дискурса (информационная, аналитическая, оценочная, предписывающая, воздействующая и прогнозирующая), таким образом, реализуются через спектр эксплицитных и имплицитных языковых средств. Доминанта юридического дискурса — текст юридических документов — является толчком в социально-правовом развитии общества, следовательно, исследование данного вида дискурса требует дальнейшего исследования в рамках когнитивного подхода.

Спектр ключевых концептов права, функционирующих в юридическом дискурсе, довольно широк: *law, crime, right, justice, injustice, evidence, proof, equality, guilt, innocence, defence, prosecution, offence, charge, discharge, prohibition, intention, argument, deceit, honesty, judgement, punishment, claim, court, inquiry, sentence*. В ядре юридического дискурса — язык законодательных актов, закон, предписывающий регулирование в различных социальных областях, видах человеческой деятельности: профессиональная деятельность юристов (*barrister, solicitor, army attorney, bar examinations, obtain a license*), экологическое право (*eco-law, eco-system, immigration*), бытовое общение (*marriage, property, adoption, divorce*), художественное творчество (*intellectual property, falsehood, patent act*),

¹ Здесь и далее перевод автора Т. Н. Москвитиной.

регулирование в медицине (*standard health benefit, clinically appropriate, health care providers*).

Юридический дискурс считается одним из наиболее актуальных дискурсов, поскольку охватывает и вовлекает в себя практически все слои общества. В зависимости от культурных и социальных условий коммуникативного акта, от цели общения говорящий выбирает наиболее приемлемые в данной ситуации языковые средства выражения смысла сообщения. То есть текст законопроекта (являясь научным текстом) содержит элементы официально-делового текста, речь адвоката — ораторского, статья в научном юридическом журнале, интервью адвоката или судьи — публицистического. В таких случаях изменяется план использования эмоциональных возможностей слова, усложняется синтаксическая структура высказывания, перестраивается логика построения текста. Структура языкового знака усложняется, происходит так называемое «приращение смысла» [8. С. 275].

Несмотря на вышесказанное, язык — это живой организм, и юридический дискурс функционирует в среде и используется живыми индивидами, поэтому «иногда судьи не сдерживают своих эмоций и допускают в текстах судебных актов использование риторических фигур: сравнений, метафор, гипербол, литот и др. Неуместность использования перечисленных экспрессивных средств языка в судебных актах определяется особенностями официально-делового стиля и языка судопроизводства» [10. С. 118]. И, следовательно, юридический дискурс так же подчиняется механизмам когнитивного моделирования, как и все прочие виды дискурса.

Под когнитивным моделированием подразумевается выстраивание соответствий между лингвистическими структурами текста (дискурса) и структурами представлений его автора [9. С. 417]. По мнению О. С. Федотовой, объектом когнитивного моделирования могут выступать самые разнообразные аспекты языковых явлений [11. С. 200].

Именно когнитивное моделирование позволяет построить схему, обеспечивающую накопление, обработку, систематизацию и хранение накопленных знаний о мире в мозгу человека. Поскольку многие лингвисты (М. Б. Антонова, Г. Г. Бондарчук, Л. А. Манерко, Г. И. Проконичев) полагают, что объектом когнитивного моделирования действительности могут стать любые аспекты языковых явлений, логично предположить, что и любые лингвистические феномены не только могут, но и должны стать объектом когнитивного моделирования.

В связи с этим возникает закономерный вопрос о возможности метафорического моделирования действительности и, в частности, возможности когнитивного моделирования юридического дискурса. И здесь мы находим подтверждение гипотезы о том, что, несмотря на регламентированность юридического дискурса, юридическая терминология обладает определенной метафоричностью, которую можно и нужно изучать в рамках когнитивного подхода. Например, частотными метафорами юридической деятельности можно считать следующие термины: *to win a case, crime control, hard evidence, checks and balances mechanism*. Метафорический перенос уместен тогда, когда малопонятный специализированный термин (например, в законодательных актах и текстах судопроизводства) необходимо сделать понятным не только для профессиональных юристов, но и для людей, для кого юриспруденция не является профессией (например, в ходе судебного процесса, где присутствуют представители разных социальных групп).

Анализируя язык судопроизводства, ученые приходят к выводу о том, что метафорический перенос является необходимым и целесообразным тогда, когда изначально используемые термины слишком специфичны и могут быть правильно поняты и интерпретированы только специалистом данной области знания, но при этом целевой аудиторией являются люди, для которых юридическая наука не является профессией. Подобные ситуации имеют место, например, в случае общения адвоката с клиентом: *adversary, to defend a case, leapfrog appeal, etc.*

А. Г. Решенкин и Н. В. Павлов приходят к целому ряду выводов, представляющих важность для нашего исследования [10. С. 116].

Во-первых, вывод об агональности юридического дискурса, нашедшего выражение в метафоре «court — is war». В данном случае основанием для метафорического переноса выступает сходство в противоборстве сторон, старающихся одержать верх в борьбе: на войне стороны стремятся победить друг друга, в суде сторона обвинения пытается выиграть у стороны защиты, следовательно, суд — это война.

Во-вторых, частое использование стертых метафор в законодательстве позволяет, с одной стороны, значительным образом формировать взгляды общества на то или иное явление, формировать общественное мнение и оправдывать комплекс мер, направленных на решение той или иной проблемы. Таким образом, реализуется прескриптивная

функция метафоры, когда формируемый ею образ воспринимается как стимул для действия.

В-третьих, наиболее часто используемые модели в юридической деятельности: «война» (killing arguments), «спорт» (competing process). В коммуникации метафора используется как форма, содержание, смысл которой может меняться в зависимости от целей и обстоятельств.

В-четвертых, эмоциональная функция метафоры не теряет актуальности и в научном юридическом тексте. Проявления этой функции метафоры имеют большое юридическое значение, так как отдельные эмоции, успешно вызываемые метафорой, ведут к правовой оценке ее применения [например: *joy riding* (угон автомобиля с целью покататься на нем) — указывает на несерьезность преступления; *deadline* (предельный срок) — демонстрирует невозможность нарушения сроков без последствий], а следовательно, могут повлиять на процесс принятия судебных решений.

Значительно больший интерес к юридической метафоре наблюдается со стороны зарубежных исследователей. Среди работ, посвященных метафоре в юридическом дискурсе, следует отметить исследование Джима Аккарди [13], проанализировавшего потенциал метафоры как средства повышения убедительности в прениях сторон, завершающих судебное заседание. На примере ряда метафорических моделей, функционирующих в обвинительных и оправдательных речах участников судебного процесса, автор демонстрирует механизм создания метафоры и ее метафорические следствия, прагматика которых состоит в побуждении к действию — признанию справедливого или несправедливого характера предъявляемых обвинений.

Профессор права из Университета штата Вайоминг, США, Майкл Р. Смит в дискурсивном аспекте рассмотрел функционирование метафоры в документах судебной системы США. В результате исследования были выделены четыре уровня метафор [16]:

- уровень 1 — Doctrinal metaphors (метафоры-доктрины);
- уровень 2 — Legal method metaphors (методические метафоры);
- уровень 3 — Stylistic metaphors (стилистические метафоры);
- уровень 4 — Inherent metaphors (укорененные в сознании метафоры).

Автор доказывает идею о том, что ряд словоупотреблений в юридической практике носит метафорический характер и служит действенным коммуникативным приемом убеждения и мотивации.

Таким образом, принимая во внимание все вышесказанное, мы делаем *вывод* о том, что узкоспециализированный институциональный дискурс может изучаться в рамках когнитивного подхода. Более того, когнитивный принцип описания, в частности, юридического дискурса, позволяет выйти на глубинное понимание речепорождения в данном виде дискурса, прагматики высказывания и возможности речевого воздействия на личность.

Юридический дискурс не просто может изучаться в рамках когнитивного подхода, а его изучение с этой точки зрения является наиболее перспективным, позволяющим глубже понять структуру юридической метафоры, ее сущность и систему. Выводы должны отражать решенные задачи и быть лаконичными.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. — М., 1990. — С. 5—32.
2. Буянова, Л. Ю. Термин как единица логоса / Л. Ю. Буянова. — Краснодар : КубГУ. — 2002. — 184 с.
3. Карасик, В. И. О типах дискурса [Электронный ресурс] / В. И. Карасик. — URL: <http://rus-lang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/material2/> (дата обращения 31.10.2019).
4. Кибрик, А. А. Когнитивные исследования по дискурсу / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. — 1994. — № 5. — С. 126—137.
5. Кубрякова, Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е. С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность. — М., 2000. — С. 7—25.
6. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Л. Г. Лузина, Ю. Г. Панкрац. — М. : Изд-во МГУ, 1996. — 245 с.
7. Методические правила по организации законопроектной работы федеральных органов исполнительной власти : утверждены Приказом Министерства юстиции Российской Федерации и Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации от 10 янв. 2001 г. № 3/51.

8. Москвитина, Т. Н. Ключевые слова и их функции в научном тексте / Т. Н. Москвитина // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2009. — № 11. — С. 270—283.
9. Паршин, П. Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции / П. Б. Паршин // Системные исследования: Методологические проблемы. Ежегодник 1986. — М., 1987. — С. 398—425.
10. Решенкин, А. Г. О языке судопроизводства и стиле судебного акта / А. Г. Решенкин, Н. В. Павлов // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2001. — № 7. — С.114—121.
11. Федотова, О. С. Когнитивное моделирование как метод познания и изучения объекта в научных исследованиях / О. С. Федотова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 4 (46). — С. 199—202.
12. Филиппов, А. В. Работа с кадрами. Психологический аспект / А. В. Филиппов. — М. : Экономика. — 1990. — 176 с.
13. Accardi, J. Winning closing arguments with narrative metaphor / J. Accardi // *The Prosecutor*. — 1999. — Nov. — Dec. — P. 12—34.
14. Childcare act 2016 Explanatory notes [Электронный ресурс]. — URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2016/5/pdfs/ukpgaen_20160005_en.pdf (дата обращения 31.10.2019).
15. Current Issues in the Interpretation of Federal Legislation. Justice Kenny 03 September 2013. Federal Court of Australia Digital law library [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.fedcourt.gov.au/digital-law-library/judges-speeches/justice-kenny/kenny-j-20130903> (дата обращения 02.11.2019).
16. Alpert, G. P. Investigating racial profiling by the Miami-Dade Police Department: A multimethod approach / G. P. Alpert, R. G. Dunham, M. R. Smith // *Criminology & Public Policy*. — 2007. — No. 6 (1). — P. 25—55.

Сведения об авторах

Баландина Ирина Давидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики преподавания факультета иностранных языков Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Россия. irfrish@mail.ru

Москвитина Татьяна Николаевна — старший преподаватель кафедры английской филологии факультета иностранных языков Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Россия. moskvitinatn@cspu.ru

Селютин Александр Анатольевич — кандидат филологических наук, заведующий лабораторией «Цифровые гуманитарные исследования», доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. alexsell@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 1 (435). *Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 21—28.*

COGNITIVE APPROACH IN THE DESCRIPTION OF JUDICIAL DISCOURSE (AS EXEMPLIFIED IN ENGLISH)

I.D. Balandina

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia. irfrish@mail.ru

T.N. Moskvitina

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia. moskvitinatn@cspu.ru

Al.A. Selyutin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. alexsell@mail.ru

The article discusses different aspects of cognitive linguistics, putting a special emphasis on such terms and notions as cognition, cognitive aspect, cognitive approach, and cognitive principle. The authors distinguish between these notions and use legal discourse to illustrate their point of view. The article proves that discourse can and should be analyzed within the scope of cognitive studies as the process of text developing falls under the general laws of cognitive linguistics when the cognitive process influences the language and the language

itself helps to form extralinguistic reality. While defining the term “discourse” the authors find it important to coin new terms for discourses that are formed in professional communication. The term is “institutional professional discourse”. The article gives evidence that cognitive approach to the above-mentioned discourse is the most appropriate and the most fruitful in discourse studies and discourse analysis.

Keywords: *cognitive principle, cognitive approach, strictly special institutional discourse, judicial discourse, judicial metaphor.*

References

1. Arutjunova N.D. Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. *Teorija metafory* [Metaphor theory]. Moscow, 1990. Pp. 5-32. (In Russ.).
2. Bujanova L.Ju. *Termin kak edinica logosa* [Term as the logos unit]. Krasnodar, 2002. 184 p. (In Russ.).
3. Karasik V.I. *O tipah diskursa* [On the discourse types]. Available at: <http://rus-ang.isu.ru/education/discipline/philology/diskurs/material/material2/>, accessed 31.10.2019. (In Russ.).
4. Kibrik A.A. Kognitivnye issledovanija po diskursu [Cognitive researches on discourse]. *Voprosy jazykoznanija* [Linguistic questions], 1994, no. 5, pp. 126-137. (In Russ.).
5. Kubrjakova E.S. O ponjatijah diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoj lingvistike [On the discourse notions and analyses in modern linguistics]. *Diskurs, rech', rechevaja dejatel'nost'* [Discourse, speech, speech activity]. Moscow, 2000. Pp. 7-25. (In Russ.).
6. Kubrjakova E.S., Dem'jankov V.Z., Luzina L.G., Pankrac Ju.G. *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov* [Brief dictionary of cognitive terms]. Moscow, 1996. 245 p. (In Russ.).
7. *Metodicheskie pravila po organizacii zakonoproektnoj raboty Federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti. Utverzhdeny Prikazom Ministerstva justicii Rossijskoj Federacii i Instituta zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii ot 10 janvarja 2001, № 3/51* [Methodological rules for the organization of legislative work of Federal Executive authorities: approved by the Order of the Ministry of justice of the Russian Federation and the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation on January 10. 2001, No. 3/51]. (In Russ.).
8. Москвитина Т.Н. Ključevye slova i ih funkcii v nauchnom tekste [Keywords and their function in scientific text]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University], 2009, no. 11, pp. 270-283. (In Russ.).
9. Parshin P.B. Lingvisticheskie metody v konceptual'noj rekonstrukcii [Linguistic methods in conceptual reconstruction]. *Sistemnye issledovanija: Metodologičeskie problemy. Ezhegodnik 1986* [System research: Methodological problems. Yearbook 1986]. Moscow, 1987. Pp. 398-425. (In Russ.).
10. Reshenkin A.G., Pavlov N.V. O jazyke sudoproizvodstva i stile sudebnogo akta [About the language of legal proceedings and the style of the judicial act]. *Vestnik Vysshego Arbitražnogo Suda Rossijskoj Federacii* [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation], 2001, no. 7, pp. 114-121. (In Russ.).
11. Fedotova O.S. Kognitivnoe modelirovanie kak metod poznanija i izuchenija ob'ekta v nauchnyh issledovanijah [Cognitive modeling as a method of cognition and object study in scientific research]. *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological science. Questions of theory and practice], 2015, no. 4 (46), pp. 199-202. (In Russ.).
12. Filippov A.V. *Rabota s kadrami. Psihologičeskij aspekt* [Work with personnel. Psychological aspect]. Moscow, 1990. 176 p. (In Russ.).
13. Accardi J. Winning Closing Arguments with Narrative Metaphor. *The Prosecutor*, 1999, Nov.-Dec., pp. 12-34.
14. *Childcare act 2016 Explanatory notes*. Available at: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2016/5/pdfs/ukpgaen_20160005_en.pdf, accessed on 31.10.2019.
15. Current Issues in the Interpretation of Federal Legislation. Justice Kenny 03 September 2013. *Federal Court of Australia Digital law library*. Available at: <https://www.fedcourt.gov.au/digital-law-library/judges-speeches/justice-kenny/kenny-j-20130903>, accessed on 02.11.2019.
16. Michael R. Smith. Investigating racial profiling by the Miami-Dade Police Department: A multimethod approach. GP Alpert, RG Dunham, MR Smith. *Criminology & Public Policy*, 2007, no. 6 (1), pp. 25-55.

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Э. В. Браташова

Белгородский государственный университет, Белгород, Россия

Рассматриваются лингвокультурологические особенности пословиц и поговорок английского и русского языков. Автор анализирует основные характеристики пословиц, выявляет факторы, влияющие на их смысл в связи с процессом их исторического становления, распространения. С учетом лингвокультурной обусловленности пословиц и поговорок проведен их сопоставительный анализ исходя из специфики национального характера англичан и русских.

Ключевые слова: *английский язык, русский язык, лингвокультурология, пословица, поговорка, национальный характер, компаративный анализ.*

Целью работы является проведение компаративного анализа пословиц русского и английского языков для выявления их лингвокультурных специфических черт и характеристик. Цель исследования определила круг его задач, а именно: систематизировать теоретический материал по данной тематике; составить картотеку пословиц и поговорок разных языков в зависимости от тематики; провести сравнительный анализ пословиц и поговорок, принадлежащих разным языкам; сделать выводы о том, как пословицы и поговорки влияют на отражение национального характера.

Практическим материалом исследования служат пословицы и поговорки, выявленные путем сплошной выборки в словарях отечественных и зарубежных исследователей: «Толковый словарь английских пословиц» (Р. Райдаут, К. Уиттинг); «Пословицы русского народа» (В. И. Даль); «Словарь современных английских и русских пословиц и поговорок»; «Словарь употребительных английских пословиц».

Фольклор представляет собой созданное народом культурное наследие, в котором он отражает многие сферы своей жизни: трудовую деятельность человека, его быт и общественные порядки, полученный жизненный опыт, приобретенные знания в области религиозных верований [1. С. 48]. В народном творчестве устной формы отражены особенности мировоззрения, репрезентируются идеалы, стремления народа, его поэтическая фантазия; фольклор изображает мир человеческих эмоций и чувств, переживаний, протестов против угнетений, мечты и желания о справедливой и честной жизни [3].

Изучение фольклора важно не только для народной психологии вообще, но и для понимания

менталитета, традиций, культуры каждой из национальностей мира.

Устное народное творчество устойчиво по своей сути, активность проявляется только в рамках одного из жанров. Например, во время войны в основном трансформируются загадки, частушки, песни, поговорки. Такая черта народного творчества, как изменчивость формы, свойственна отдельным компонентам пословиц и поговорок. Так, возможно появление новых произведений или трансформация старых, адаптированных под требования конкретного времени или места, существует вероятность изменения как общего характера народного творчества, так и жанрового состава фольклора, равно как и отдельных элементов поэтики и даже всей художественной системы [2; 11].

Пословицы и поговорки являются центральной частью языковой картины мира, в них собрано все культурное наследие народа. Однако на современном этапе развития лингвистики этот пласт еще недостаточно изучен, так как возникает ряд проблем в сфере этимологии при переводе или поиске аналогичной единицы интерпретации [5].

Известный отечественный исследователь С. Г. Тер-Минасова придает особое значение вопросу изучения национальной специфики языка, так как он отражает и формирует характер конкретного носителя. Этот характер в коллективном сознании отражается через менталитет, представляющий собой глубокий уровень культуры, внутри которого раскрывается система ценностей человека, укоренившаяся в сознании многих поколений [10].

Ментальность отражается в языке на уровне лексики и грамматики, она проявляется в повседневности,

полуавтоматическом поведении человека. Именно национальный язык из мысли преобразует в слово и действие национальную культурную картину мира, сохраняет, хранит и передает ее из поколения в поколение.

Таким образом, язык коммуникации способен отобразить не только реальный мир, но также и общественное сознание, типичное для нескольких поколений, менталитет народа, его моральные и этические нормы, систему ценностей и национальный характер. Такая взаимосвязь, как отмечает Тер-Минасова, обладает способностью передавать определенную картину видения мира, сложившуюся до нашего времени, будущему поколению и существует в реальности на фоне социокультурной картины мира.

Понять особенности пословиц и поговорок исследователи пытались довольно давно. В XIX в. в трудах Ф. И. Буслаева пословицы и поговорки характеризовались как единицы художественных произведений родного слова, которые отображают специфику быта народа, иллюстрируют его здравый смысл и нравственные характеристики.

В. И. Даль понимал пословицу как *суждение, приговор, поучение*. В «Толковом словаре» автор определил пословицу как «краткое изречение, поученье, в виде притчи, иносказания, или в виде житейского приговора». В работе автора пословица представляет собой «особь языка народной речи, она не сочиняется, а рождается сама» [4. С. 415].

Пословицы и поговорки не являются тождественными понятиями. Пословицы можно узнать по их форме, они, как правило, представляют собой длинное, оконченное, полное высказывание и состоят из двух частей. Например, пословица «*Яблоко от яблони недалеко падает*» — это законченное по смыслу предложение, значение которого понятно сразу: все дети похожи на своих родителей, они перенимают основные черты. Но сочетание «*яблоко от яблони*», употребляемое именно в такой форме, это уже поговорка, значение которой понятно лишь в контексте ситуации.

Таким образом, пословица представляет собой жанр устного народного творчества, который характеризуется смысловой законченностью, наличием ритма и рифмы, не требующей контекста и содержит в себе нравоучение или мораль. В свою очередь поговорка — это тоже жанр устного народного творчества, который характеризуется яркой, выразительной составляющей, за счет своей смысловой незаконченности и определенного подтекста, требующего пояснения в конкретной ситуации. Пословицы и поговорки в том или ином виде присущи каждому народу,

но за тематикой и конкретными деталями спрятаны культурные различия и воззрения [9].

Достоверно неизвестно, когда же появились первые пословицы и поговорки, так как они являются малыми жанрами устного народного творчества, которое на протяжении многих веков не фиксировалось в письменных источниках. Тем не менее любое высказывание, принятое обществом, с течением времени становится идиоматическим выражением, при этом авторство такого выражения не имеет большого значения, потому что фраза становится частью народного сознания. В таком случае вне зависимости от национальности первым источником происхождения пословиц и поговорок всех времен можно определить коллективное сознание народа. Кроме того, в распространении данного жанра помогают либо сказители, либо авторы литературных произведений, либо исследователи народной культуры. Так, например, в Англии во времена В. Шекспира употребление пословиц достигло своего расцвета. Большая часть английских пословиц была взята из Священного Писания. Учитывая, что Библия представляет собой переводной текст, народные пословицы и поговорки являются заимствованными и адаптированными под систему ценностей конкретной национальности.

В русскоязычном культурном поле пословицы и поговорки жили достаточно давно, но зафиксировать их получилось только в конце XVII в. Первые сборники, как правило, были рукописные, пословицы в них выстраивались по алфавиту. С появлением книгопечатания стали появляться и печатные сборники: «Собрание 4291 древних российских пословиц», «Пословицы, собранные Василием Никитичем Татищевым», «Русские пословицы, поговорки, приречья и присловья, собираемые Алексеем Васильевичем Кольцовым».

В XIX в. вышел также один из крупнейших сборников, включавший уже 30000 пословиц и поговорок, его собрал Даль. Практическим материалом послужили несколько печатных сборников прошлого века, а также рукописи И. Снегирева.

В современной литературе существует множество классификаций пословиц и поговорок в зависимости от признаков, положенных в их основу, например: по алфавиту, опорным словам, локации и времени собирания, происхождению, тематике, обобщающему смыслу и т. д.

Тематический перечень пословиц и поговорок представляет собой весьма широкий спектр вариативности, в котором отражены понимание жизненных устоев людей, репрезентируются исторические события, представлены ценности семейных отношений, любви

и дружбы, осуждаются пороки людей и восхваляются такие человеческие добродетели, как скромность, трудолюбие, порядочность.

В своих исследованиях Даль классифицировал пословицы и поговорки, основываясь на их тематическом принципе. Целью его работы было выявить характерные черты и свойства народного мнения о разнообразных явлениях природы и общества. Сборник дает представление о многих пословицах и поговорках, употребляемых в современности. В книге представлено 178 тем, охватывающих всю картину мира, также в ней есть загадки, скороговорки, прибаутки. Изучение трудов Даля дает историческое представление о жизни и поверьях людей, менталитете и общей культуре народа. Многие пословицы и поговорки Даль определил в разные группы, из-за этого им свойственна многозначность. Так как в сборнике достаточно много повторяющихся идиом, мы встречаем их в разных тематических группах.

В отечественной лингвистике предлагается классификация пословиц, построенная на смысловом принципе: 1) типология внутренних и внешних показателей и качеств человека; 2) иллюстрация человеческого состояния, а именно его физических, материальных, психологических характеристик и свойств; 3) присуждение оценки тому или иному действию; 4) выявление обстоятельств того или иного действия, например причины, места, времени действия; 5) определение специфики какого-либо явления, установление количественных и качественных характеристик [11. С. 62].

В нашем исследовании особое внимание уделяется вопросу изучения характерных национальных особенностей как английского, так и русского народов сквозь призму пословиц и поговорок.

Устное народное творчество в традициях любого народа отражает специфику мировосприятия. К. Юнг анализировал пословицы и поговорки и установил типологию, основываясь на принципе таких характерных психических функций, как ощущение, мышление, интуиция, эмоции. Эти функции легли в основу психологических типов, таких как эмоциональный, мыслительный, интуитивный и сенсорный. Важно отметить, что такая типология психических типов соотносится с определенными народностями, так как психология любого этноса базируется на психологии отдельных ее представителей. Юнг в работе «О национальном характере» замечает, что характер народа в определенном смысле способен изменяться в силу влияния системы государственного управления и в зависимости от влияния окружающих его на-

родностей. Таким образом, национальный характер образуется как собирательное понятие, основанное на соотношении личностных характеристик отдельного человека [5—7].

Национальный характер формируется из нескольких параметров, ключевыми из которых являются семья и любовь, территориально-климатические условия, отношение к обучению, дружба, отношение к деньгам, патриотизм (любовь к дому, к своей стране), образы мужчины и женщины, отношение к труду, личные качества.

В нашем исследовании были найдены пословицы и поговорки, отображающие эти параметры в английском и русском языках.

Особенности национального характера в пословицах и поговорках английского языка

Параметр «Семья и любовь»:

- Love me, love my dog. — Любишь тепло, терпи и дым.
- As the tree, so the fruit. — Яблоко от яблони недалеко падает.
- The black crow thinks her own birds white. — Всякой матери свое дитя мило [12].

Параметр «Климатические условия»:

- After a storm comes a calm. — Слезы что гроза: потекут, да и обсохнут.
- Sorrow and ill weather come unsent for. — Беду не ждут, она сама приходит.
- Hoist your sail when the wind is fair. — Надо везать, пока ветер веет [8; 12].

Параметр «Отношение к учебе»:

- Live and learn. — Век живи, век учись.
- A burden of one's own choice is not felt. — Своя ноша не тянет.
- A good example is the best sermon. — Ничто не убеждает людей лучше примера [8].

Параметр «Дружба»:

- A broken friendship may be soldered, but will never be sound. — Замирённый друг ненадежен.
- A cracked bell can never sound well. — Надсаженный конь, надломленный лук да замирённый друг равно ненадежны.
- Friends are all right when they don't interfere with your career. — Дружба дружбой, а служба службой [Там же].

Параметр «Отношение к деньгам»:

- Poverty is not a sin. — Бедность не порок.
- A penny saved is a penny gained. — Копейка рубль бережет.
- A light purse is a heavy curse. — Хуже всех бед, когда денег нет [6].

Параметр «Патриотизм»:

• Be it ever so humble / There's no place like home. — В гостях хорошо, а дома лучше / Нет ничего лучше дома.

• The wider we roam, the welcome home. — Всякому мила своя сторона.

• Far from home is near the harm. — Чем дальше от дома, тем ближе к беде [7; 12].

Параметр «Мужчины и женщины»:

• A man without a woman is like a ship without a sail. — Мужчина без женщины, как корабль без паруса.

• Woman is the key to life's mystery. — Женщина — ключ к тайнству жизни.

• Handle with care women and glass. — Осторожно обращайтесь с женщинами и стеклом [Там же].

Параметр «Отношение к труду»:

• The cobbler's wife is the worst shod. — Сапожник ходит без сапог.

• As is the workman, so is the work. — Дело мастера боится.

• The devil knows many things because he is old. — Старый конь борозды не испортит [8; 12].

Параметр «Личные качества»:

• Like a cat on hot bricks. — Сидеть как на иголках.

• The mountain has brought forth a mouse. — Много шуму из ничего.

• You cannot judge a tree by its bark. — Внешность обманчива [7; 8].

На основании приведенных примеров можно прийти к выводу, что национальный характер англичан складывается из множества факторов. Один из них — островное положение страны, что приводит к определенной изоляции, такая обособленность сказалась на восприятии англичан как народа. Национальный характер англичан можно охарактеризовать такими качествами, как стремление к стабильности, постоянству. Кроме того, несмотря на постоянство характера и консерватизм, у англичан есть черты, которые удивляют. Например, они очень любознательны, нередко расчетливо авантюры и ради любопытства или выгоды готовы делать «вылазки» со своего острова во все чистые свет.

Влияние исторических и политических событий сказалось и на проявлении эмоций. Так, когда-то Англия была страной веселья, вызывающего поведения, где самыми интересными зрелищами были порки и бои, а юмор был замешан на жестокости. Ср.: наименования грубых забав и развлечений, шуточные названия казней, орудий пыток, соответствующие поговорки, например: pig-sticking, fox-hunt-

ing, pitbull fighting, Aunt Sally, Devil wind, pilliwinks, hangdog, give a dog a bad /an ill/ name and hang him; многочисленные примеры черного юмора (gallows humour). С приходом к власти королевы Виктории принципы поведения стали меняться на внешне более «джентльменские», которые вытеснили крутые нравы «старой Англии». Однако англичанину теперь приходилось вести постоянную борьбу со своими страстями и желаниями, ограничивать свой буйный темперамент. Теперь англичане меньше рискуют и стараются не оказываться в толпе, привлекая внимание. Такой жесткий самоконтроль забирает слишком много душевных сил, и, вероятно, отчасти этим фактором можно объяснить то, что англичане стали более тяжелы на подъем. Они склонны обходить острые углы, им присуще желание быть вне посторонних взглядов, культ частной жизни, приватности (privacy), например:

• There is no place like home. — Свой дом — лучшее место.

• Put not your hand between the bark and the tree. — Не вмешивайся в чужие семейные дела (букв.: Не клади руку между корой и стволом).

• A hedge between keeps friendship green. — Когда между друзьями изгородь, то и дружба долгие.

• The best fish smell when they are three days old. — Не нужно злоупотреблять гостеприимством (букв.: Даже самая лучшая рыба через три дня начинает пахнуть) [Там же].

Несмотря на тот факт, что англичанин не прочь побыть один и считает правилом приличия не нарушать личное пространство других, он также нуждается в обществе и ценит друзей. Этот факт подтверждают такие пословицы, как:

• Old friends and old wine are best. — Старые друзья и старое вино — самые лучшие.

• A friend in need is a friend indeed. — Друг познается в беде [Там же].

Как внутренние убеждения и устойчивые черты менталитета следует отметить расчетливость, спокойное отношение к социальному неравенству, национальное превосходство, предприимчивость, зачастую — беспринципность ради достижения своих целей. Эти убеждения и черты, во многом, вероятно, отражающие протестантские идеи, встречаются и в англоязычных паремнологических или афористических высказываниях, например:

• Don't keep a dog and bark yourself. — Если держишь собаку, сам не лай.

• One must know how to behave to one's betters. — Нужно знать, как вести себя с теми, кто лучше тебя (выше тебя по рождению, положению).

• Gentlemen always play by the rules (If gentlemen cannot play by the rules, they change the rules). — Джентльмены всегда играют по правилам (Если джентльмены не могут играть по правилам, они меняют правила).

• Cheek brings success. — Самоуверенность приносит успех (Смелость города берет).

• Nothing venture, nothing win. — Без риска нет победы.

• Nothing stake, nothing draw. — Кто не делает ставки, тот не выигрывает.

Культивируется образ настоящего английского джентльмена, который воспитан, образован, независим, обладает чувством такта и изящными манерами, ему свойственно чувство юмора, и он готов пожертвовать своим временем и деньгами ради хорошего дела, что отражено в пословицах, например:

• Money spent on the brain is never spent in vain. — Деньги, истраченные на образование, никогда даром не пропадают.

• Better unborn than untaught. — Лучше не родиться, чем неучем жить.

• Politeness costs little (nothing), but yields much. — Вежливость обходится дешево, да много дает [8; 9].

В национальном характере англичан — почитать традиции, подчиняться общественной дисциплине. Хорошо воспитанный англичанин терпим к чужому мнению. Толерантность к мнению других можно наблюдать в следующих пословицах:

• So many countries, so many customs. — Сколько стран, столько обычаев.

• So many men, so many minds. — Всяк толкует по-своему.

• It takes all sorts to make a world. — Мир состоит из разных людей.

• Tastes differ. — О вкусах не спорят [Там же].

Важная черта характера англичан — самообладание. Такие черты английского характера, как скрытность и высокое самообладание, можно наблюдать в следующих пословицах:

• When angry, count a hundred. — Когда рассердишься, сосчитай до ста.

• He is not fit to command others that cannot command himself. — Не может управлять другими тот, кто не в состоянии справиться с самим собой.

• Anger and haste hinder good counsel. — Гнев и спешка затемняют рассудок [7; 8].

Англичане очень сильно ценят временной ресурс, эту особенность также отражают пословицы. Необходимо отметить, англичанам свойственна осторожность, так как долгая и уединенная

жизнь в течение многих лет на острове, в отдалении от других государств, сказалась на представителях этой народности.

Среди персонажей пословиц и поговорок встречаем таких животных, как овца, собака, ворон, пчела, мышь. В фольклоре каждой страны присутствуют те бытовые атрибуты, к которым привыкли их представители.

Есть такой стереотип, что Великобритания — страна дождей. Эти сведения отражены и в пословицах с поговорками, потому что в блоке про климатические условия преобладает информация о длительных дождях. Так как англичане большую часть своей национальной истории были напрямую связаны с морем, такая деталь, как корабль, встречается в пословицах, посвященных климату или образу мужчины/женщины.

В отношении к деньгам пропагандируется бережливость и внимательность. Через отношение к труду позиционируется такое качество, как терпеливость и самообладание.

Что касается образов мужчины и женщины в пословицах, деятельность мужчины связана в основном либо с фермерством, либо с морем, тогда как женские образы напрямую связаны с домашним очагом. Кроме того, образ женщины предстает таинственным, хрупким, но в то же время женщина у англичан имеет и отрицательную коннотацию: она менее умна, чем мужчина, хотя и более красива.

Дом в представлении англичан — это особое место, поэтому консервативные англичане в пословицах и поговорках указывают на ценность того, что есть, и, наоборот, унижают нечто, далекое от дома.

Одно из занятий, которому англичане могут посвятить достаточно много времени, — добывание денег. Пословицы и поговорки отражают предпринимательские способности англичан и даже советуют, как поступать в той или иной ситуации.

Таким образом, анализ английских пословиц и поговорок помогает понять не только образ мысли англичан, но и их быт, их детальное окружение.

Особенности национального характера в пословицах и поговорках русского языка

Русские пословицы и поговорки представляют собой богатство русского народа, в котором не только содержится вековая мудрость, но и в семантике накоплена культурная информация. Пословицы и поговорки русского языка проанализированы на основании тех же параметров, что и английские.

Параметр «Семья и любовь»:

- В дружной семье и в холод тепло.
- Где любовь и совет, там и горя нет.
- Отца с матерью почитать — горя не знать [4; 6].

Параметр «Климатические условия»:

- Умей охотиться, умей и о дичи заботиться.
- Ласточка весну начинает, соловей кончает.
- Май холодный — не будешь голодный [6].

Параметр «Отношение к учебе»:

- Ясный ум дороже золота.
- Хорошую книгу читать не в тягость, а в радость.

- Хлеб питает тело, книга питает разум [3; 6].

Параметр «Дружба»:

- Чем больше хвороста, тем выше пламя.
- Один в поле не воин.
- Друга на деньги не купишь [6].

Параметр «Отношение к деньгам»:

- В деньгах родства нет.
- Не с богатством жить, с человеком.
- Богатство ум рождает, а нужда щеки вяжет [4; 6].

Параметр «Патриотизм» («Любовь к дому, своей стране»):

- Рыбам — море, птицам — воздух, и человеку — отчизна.
- Где кто родился, там и пригодится.
- Глупа та птица, которой гнездо свое не мило [3; 5; 6].

Параметр «Мужчины и женщины»:

- Без мужа — что без головы; без жены — что без ума.
- Мужик берет силой да умом, баба — хитростью.
- Женский обычай — слезами беде помогать.
- Меж бабьим да и нет не проденешь иголки [4; 6].

Параметр «Отношение к труду»:

- Труд человека кормит, а лень портит.
- За труд не бьют, а награды дают.
- Кто первый в труде, тому слава везде.
- Пот на спине — так и хлеб на столе [5].

Параметр «Личные качества»:

- Смелого ищи в тюрьме, глупого в полах!
- Рубашка беленька, да душа серенька.
- Чистым бельем грязной души не прикроешь [5; 6].

Приведенные примеры русских пословиц и поговорок отражают особенности русского национального характера. Во-первых, примеры, которые относятся к параметру «Семья и любовь», иллюстрируют трепетное отношение русского

человека к своим близким; ему важно быть не одному, а в единении со своими родственниками. Русский человек уважает интересы своей семьи, старшее поколение.

Важно отметить, что исторически жизнь русских людей во многом зависела от урожая, который, в свою очередь, определялся климатическими условиями. Черты русского характера в большой степени определялись суровой природой России, для которой были типичны холодные зимы в течение пяти месяцев в году. Сложный для аграриев климат диктовал крайне ограниченный срок для ведения полевых работ и высокую напряженность труда. Беспашенный период на Руси равнялся семи месяцам за год. В течение короткого лета русский крестьянин должен был быстро работать. Эти условия способствовали появлению таких качеств, как выносливость, нетерпимость к долгой и размеренной работе, что отражено следующих пословицах:

- Без труда не вытащишь и рыбку из пруда.
- Кто рано встает, тому Бог подает.
- Глаза боятся, а руки делают.
- Кто не работает, тот не ест.
- Хочешь есть калачи — не сиди на печи.
- Русский медленно запрягает, но быстро едет [4; 6].

Оборотной стороной этого явления становятся периоды бездеятельности, пресловутая русская лень, например:

- Сидеть на печке, плевать в потолок.
- Летний день за зимнюю неделю.
- Летом день год кормит [Там же].

Важным свойством русского человека является «безмерность душевного порыва», поговорка «Все или ничего» часто характеризует специфику русского характера. Риск, оперативные действия, способность достигать целей вопреки обстоятельствам («авось» — «а — во — се», то есть «а вот так!»; «небось» — «не — бо — се», то есть «нет, не так!») или «как бы не так!») — черты русского характера.

Русский характер отличается двойственностью, к числу основных глубинных свойств русского человека относятся как свободолюбие (любовь к «воле»), так и терпение, смирение. История России тесно связана с борьбой русского народа за свою независимость. На протяжении многих лет русский народ находился в зависимости от монголо-татарского ига или крепостного права. Русский человек стремился к независимости, свободе в проявлении чувств и в совершении поступков, что отражено в таких пословицах, как:

- Хоть тяжела доля, да все своя воля.
- Своя воля дороже всего.
- Вольность всего дороже.
- Воля птичке дороже золотой клетки.
- Своя рука владыка.

Терпение, стойкость русского народа определяет его способность переносить жизненные трудности. Христианское смирение, а также безграничное терпение в тяжелых условиях жизни русских породили другую особенность русского характера — надежду на светлое будущее, например:

- Терпение — лучше спасенья.
- Терпение даст умение.
- На хотенье есть терпение.
- Век живи, век надейся.
- Смирение — девичье (или молодцу) ожерелье.
- Конь (вол) налогом берет, человек смирением.
- Терпенье исподволь свое возьмет [Там же].

Обладая свобододолюбивым характером, русский народ многократно одерживал победу над захватчиками и добивался больших успехов. В пословицах часто отражены такие черты русских воинов, как отвага и храбрость, стремление победить даже ценой собственной жизни, например:

- Лучше смерть в бою, чем позор в строю.
- Либо полковник, либо покойник.
- Русский не шутит ни с калачом, ни с мечом [Там же].

Характерной чертой русского народа, которая отражена в пословицах и поговорках русского языка, считается патриотизм. Русский человек отличается любовью к родине и отечеству, что прослеживается в следующих пословицах:

- Родина — мать, умей за нее постоять.
- Родная сторона — мать, чужая — мачеха.
- За морем теплее, а у нас светлее.
- Рыбам — море, птицам — воздух, и человеку — отчина.
- Человек без Родины, что соловей без песни.
- Глупа та птица, которой свое гнездо не мило.
- Своя земля и в горсти мила.
- Незачем далеко, и здесь хорошо.
- В гостях хорошо, а дома лучше [Там же].

На протяжении всей истории русский человек предпочитал духовное богатство материальному, моральные ценности в России были превыше материальных благ. Типичными чертами русского характера выступали гуманность, доброта, душевная мягкость и сердечность. Многие русские пословицы и поговорки отражают эти черты, например:

- Доброму Бог помогает.
- С добрым жить хорошо.

- Жизнь дана на добрые дела.
- Добро век не забудется.
- К доброму человеку справедливо относится судьба.
- Злому — смерть, а доброму — воскресение [Там же].

Религиозность русских людей представляет собой одну из наиболее глубинных черт характера, которая во многом определила историческую судьбу России. Религиозное мировоззрение во многом повлияло на специфику менталитета людей, населяющих необъятную территорию России. Вместе с тем есть немало пословиц, осуждающих фарисейство некоторых священнослужителей, например:

- Жить — Богу служить.
- Велико имя Господне на земле.
- Сильна Божья рука. Божья рука — владыка.
- Даст Бог день, даст Бог и пищу.
- Смелого ищи в тюрьме, глупого в полах.

Русские пословицы осуждают греховные поступки, например:

- Без греха веку не изживешь, без стыда рожи не износишь.
- Невольный грех живет на всех.
- В чем грех, в том и покаяние [4; 6].

Следует отметить, что русский человек верит в Бога, но при этом его вера не предполагает бездействия. Для достижения успеха человек должен трудиться, не считается правильным перекладывать свои обязанности на высшие силы, например:

- На Бога надейся, а сам не плошай.
- Богу молись, а в делах не плошись.
- Богу молись, а к берегу гребись [Там же].

Гостеприимство, щедрость и широта души являются типичными чертами русского национального характера. Как бы трудно ни жили русские люди, гостей они всегда встретят хорошо. Радушие русского характера отражено в следующих пословицах:

- Хоть не богат, а гостям рад.
- Коли есть что в печи, всё на стол мечи!
- Гостю шей не жалеи, а погуще налей [Там же].

В России принято встречать гостей на пороге своего дома хлебом-солью. Этот обычай пришел из глубины веков и сохраняется до сих пор, хлеб-соль представляет собой форму приветствия гостей, выражающую радушие, пожелание гостю добра и благополучия. Такое радушие к гостям отражено в пословице «Хлеб-соль кушай, а добрых людей слушай».

У русского народа особое отношение к хлебу, так как без хлеба буквально нет жизни. Все тяготы и лишения, которые произошли в России, доказывают это, например тяжелые годы блокады Ленинграда

во время Великой Отечественной войны, когда хлеба было мало, он выдавался по несколько десятков граммов в день. В тот тяжелый период ценилась каждая крошка хлеба. Ценность хлеба русский народ пронес через многие испытания, его почитают и сегодня, о чем свидетельствуют следующие русские пословицы:

- Хлеб всему голова.
- Хлеб на стол, так и стол — престол.
- Плох обед, коли хлеба нет.
- Хлеб — дар Божий, отец, кормилец.
- Хлеба ни куска, так и в тереме тоска, а хлеба край, так и под елью рай [4; 6].

Соль, как и хлеб, играет важную роль в жизни человека. В Древний Киев соль привозили из Прикарпатья, а недостаток соли приравнивался к настоящему бедствию и мог служить причиной народных волнений; известен, например, Соляной бунт 1648 г. Соль была очень дорогим продуктом и ценилась на вес золота. Хлеб был символом здоровья в Древней Руси, а соль — богатства, что можно увидеть на примере пословиц:

- Без соли, без хлеба худая беседа.
- Без хлеба — смерть, без соли смех [Там же].

Многонациональность России породила такие качества русского характера, как отзывчивость, умение понимать другого человека. Русские люди обладают способностью интегрироваться с культурой других народов, уважать ее. Удивительная этническая терпимость, а также способность к сопереживанию, умение понимать и принимать интересы других народов позволили русской нации создать невиданную в истории империю. Такая черта характера русских людей, как чуткое отношение к чужому душевному состоянию, отражается в народных пословицах и поговорках, например:

- Кто нас помнит, того и мы помянем.
- За добро добром платят.
- Худое дело обидеть соседа.
- Жить в соседях — быть в беседах.
- Близкий сосед лучше дальней родни.
- Межи да грани — ссоры да брани [Там же].

Образы мужчины и женщины обладают серией отличий. Мужчина в русском языке предстает добытчиком, кормильцем, а женщина — хозяйкой в доме. При этом в пословицах образ женщины выражен лексическим компонентом отрицательной окраски — «баба», но тем не менее в части материала народ сохранил мысль о том, что, несмотря на разные обстоятельства и внутреннюю организацию, нет мужчины без женщины, как и женщины без мужчины, — это две неразделимые категории.

Кроме того, на материале пословиц и поговорок прослеживаются типичные представители фауны России: ласточка, соловей, лошадь, а также детали быта: сани, телега, охотничья и промысловая деятельность.

В интерпретации русских пословиц и поговорок можно проследить отрицательное отношение к деньгам, в мировосприятии русского человека общечеловеческие ценности занимают более важную позицию, чем материальный достаток. Для русского человека духовное богатство всегда было выше, чем материальное, отсюда в пословицах мы видим частое разделение на богатых и бедных и поддержку именно бедной праведности.

Проанализировав личные качества русского человека, можно отметить, что он предстает смелым, радушным, гостеприимным, терпеливым, добрым, гуманным. Русскому человеку свойственна отзывчивость и чуткость, открытость и простота, юмор и великодушие, щедрость и толерантность.

Религиозность русского национального характера связана с тем, что православие на всем протяжении истории русского народа играло для него важнейшую роль в формировании русской личности. Отсылки к верованиям нашли отражение в пословицах, но среди пословиц и поговорок есть один интересный момент: фольклор указывает, что просто веры часто недостаточно для достижения цели. Важной особенностью выступают личная инициатива человека, его попытки трудиться и достичь результата.

Таким образом, пословицы и поговорки создают обобщенный образ русского человека со всеми его достоинствами и недостатками.

Исследование английских и русских пословиц и поговорок показало, что в параметры, по которым можно проанализировать национальный характер разных народов, универсальны.

Сопоставляя англичан и русских, мы выявили как сходные, так и различные черты. Оба национальных характера схожи в своих представлениях о семье и любви. Для двух народов уважение к своим близким, их поддержка играют особую роль в становлении этноса вообще. Кроме того, находим общее отношение к обучению: оба народа в разных формулировках транслируют важность обучения и, наоборот, порицают невежество. Из отношения к обучению вытекают сходные представления о труде, трудолюбии и результатах, которые можно получить, если не просто работать, а заниматься любимым делом. Кроме того, в русском национальном характере мы видим наложение мудрых мыслей на религиозность, что

не противоречит христианским принципам, просто здравый смысл берет верх над догмой. Таким образом, в мудрости веков мы видим, что религиозный человек не только надеется на Бога, но и прилагает все усилия, трудится из последних сил, чтобы добиться желаемого.

В остальных параметрах были выявлены различия. Насчет территориально-климатических и, как следствие, бытовых условий замечаем, что островное положение англичан отразилось на их закрытости и одновременно на чувстве превосходства по отношению к другим народам. В деталях быта отражаются мифологические представления народов. Отношение к деньгам также влияет на черты национального характера: англичане любят деньги, богатство, поэтому их основной чертой характера называют предпринимательство; русские же сравнивают богатых и бедных и приходят к выводу, что духовное богатство намного больше, чем материальное.

Таким образом, употребление пословиц и поговорок, несомненно, делает речь красивее и выразительнее. Лингвокультурное сознание, заключенное в этих образцах малой формы устного народного творчества, влияет и на характер народа, и на особенности отражения в языке.

В ходе исследования были проанализированы паремнологические труды, описывающие менталитет русских и англичан. Менталитет, как своеобразное отражение тех или иных жизненных обстоятельств, можно анализировать по разным параметрам. Самым значимым из таких изменений выступает отношение к семье, своему близкому человеку, деньгам, обучению и труду. Самая многочисленная группа пословиц и поговорок посвящена отражению личных качеств

людей, которые объединены в определенную группу — национальность. Ведь именно совокупность индивидуальных качеств, сформированных под воздействием внешних факторов, отражает национальный характер народа в целом.

Сравнительный анализ показал, что русские и английские пословицы имеют много общего в понимании семьи как отдельной ячейки общества. В пословицах и поговорках об обучении, труде, образе жизни находим сходные представления, которые транслируют мысль, о том, что важны образование, добросовестный труд, праведная и разумная жизнь. Но в деталях (быт, культура, восприятие) представления о мире разнятся. На сходство русских и английских пословиц указывает и то, что почти каждой из них можно дать эквивалентный перевод на другой язык. Но в дословном переводе разнятся детали: персонажи (корова или собака), климат (дождь или погода, описание которой зависит от сезона), образы мужчины и женщины.

Анализ национального характера англичан показал, что в сознании их народа заложена установка на успешную жизнь (отношение к деньгам), реализацию общечеловеческих ценностей (семья, любовь). Англичане уважают деньги, богатство, их важной чертой является предпринимательство. Замкнутые территориально-климатические условия англичан отразились на их закрытости и чувстве превосходства, надменности по отношению к другим народам. Русские, живущие на огромных просторах, как показывают пословицы, радушны и щедры, часто отдаются какому-то делу со страстью, стремятся к свободе (воле), но терпеливы и смиренны; сравнивая богатых и бедных, приходят к выводу, что духовное богатство намного ценнее, чем материальное.

Список литературы

1. Аникин, В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор / В. П. Аникин. — М., 1957. — 250 с.
2. Браташова, Э. В. Чэньюй — один из видов фразеологии / Э. В. Браташова // Филология. Международный научный журнал. — 2016. — № 2 (2). — С. 25—26.
3. Гуревич, П. С. Культурология / П. С. Гуревич. — М., 2003. — 253 с.
4. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. — М., 2003. — 616 с.
5. Колесов, В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. — СПб., 2004. — 240 с.
6. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. — М., 2000. — 856 с.
7. Райдаут, Р. Толковый словарь английских пословиц / Р. Райдаут, К. Уиттинг. — СПб., 1997. — 256 с.
8. Словарь английских пословиц и фразеологических выражений. — Смоленск : Русич, 2001. — 560 с.
9. Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление. Словообразование, этимология / И. М. Баш, А. В. Бобров. — М., 2003. — 960 с.
10. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. — М., 2000. — 264 с.
11. Хроленко, А. Т. Основы лингвокультурологии / А. Т. Хроленко. — М., 2004. — 184 с.
12. Гварджаладзе, И. С. 500 английских пословиц и поговорок / И. С. Гварджаладзе, А. Л. Гильбертона, Т. Г. Кочинашвили. — М., 1960. — 32 с.

13. Трофимов, В. К. Душа России: истоки, сущность и социокультурное значение русского менталитета / В. К. Трофимов. — 2-е изд. испр. и доп. — Ижевск : Ижевская ГСХА, 2010. — 408 с.

Сведения об авторе

Браташова Элеонора Викторовна — ассистент кафедры второго иностранного языка Белгородского государственного университета, Белгород, Россия. eleonora8991@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 1 (435). *Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 29—38.*

ENGLISH AND RUSSIAN PROVERBS AND SAYINGS AS REPRESENTATIONS OF NATIONAL CHARACTER

E.V. Bratashova

Belgorod State University, Belgorod, Russia. eleonora8991@mail.ru

The aim of the paper is to conduct a comparative analysis of Russian and English proverbs and sayings and to identify their specific national features and characteristics. The author identifies the factors affecting the meaning of proverbs and sayings in connection with the process of their historical formation. The research shows that Russian and English proverbs have much in common, they are such characteristics as love of one's country and family, readiness to overcome difficulties while learning and working. But Russian and English proverbs show a difference in attitudes to life events, culture, religion, feelings for people, systems of values. The isolated geographic conditions of the British affected their closedness and the attitude of superiority towards other peoples. The British as seen through their *paremiae* reveal a respect for success, money, wealth, their important feature seems to be entrepreneurship, while the Russians tend to compare and oppose the rich and the poor, favouring the latter rather than the former, and emphasise the primacy of spiritual over material wealth.

Keywords: *English, Russian, cultural linguistics, proverb, saying, national character, comparative analysis.*

References

1. Anikin V.P. *Russkie narodnye poslovice, pogovorki, zagadki i detskij fol'klor* [Russian folk proverbs, sayings, riddles and children's folklore]. Moscow, 1957. 250 p. (In Russ.).
2. Bratashova E.V. *Chen'yuj — odin iz vidov frazeologii* [Chenhui as one of the types of phraseology]. *Filologiya. Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal* [Philology International scientific journal], 2016, no. 2 (2), pp. 25-26. (In Russ.).
3. Gurevich P.S. *Kul'turologiya* [Cultural Studies]. Moscow, 2003. 253 p. (In Russ.).
4. Dal' V.I. *Poslovice russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. Moscow, 2003. 616 p. (In Russ.).
5. Kolesov V.V. *Yazyk i mental'nost'* [Language and mentality]. St. Petersburg, 2004. 240 p. (In Russ.).
6. Krysin L.P. *Tolkovyj slovar' inoyazychnyh slov* [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow, 2000. 856 p. (In Russ.).
7. Rideout R. *Tolkovyj slovar' anglijskih poslovic* [Dictionary of English Proverbs]. St. Petersburg, 1997. 256 p. (In Russ.).
8. *Dictionary of English Proverbs and phraseological expressions*. Smolensk, 2001. 560 p. (In Russ.).
9. *Sovremennyj slovar' inostrannyh slov: tolkovanie, slovopotreblenie. Slovoobrazovanie, etimologiya* [Modern dictionary of foreign words: interpretation, usage, word formation, etymology]. Moscow, 2003. 960 p. (In Russ.).
10. Ter-Minasova S.G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Language and intercultural communication]. Moscow, 2000. 264 p. (In Russ.).
11. Hrolenko A.T. *Osnovy lingvokul'turologii* [Foundations of cultural linguistics]. Moscow, 2004. 184 p. (In Russ.).
12. *500 anglijskih poslovic i pogovorok* [500 English Proverbs and sayings]. Moscow, 1960. 32 p. (In Russ.).
13. Trofimov V.K. *Dusha Rossii: istoki, sushchnost' i sotsiokul'turnoye znachenije russkogo mentaliteta* [Soul of Russia: the origins, essence and sociocultural significance of the Russian mentality], 2nd ed. Izhevsk, Izhevsk State Agricultural Academy, 2010. 408 p. (In Russ.).

ВОСПРИЯТИЕ ТЕКСТА И ЕГО СИНТАКСИЧЕСКОГО, ЛЕКСИЧЕСКОГО И СТИЛИСТИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТОВ

И. В. Вашунина¹, В. А. Ильина², Д. В. Маховиков³, А. А. Нистратов⁴

¹Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ, Москва, Россия

²Российский новый университет, Москва, Россия

³Военный университет Министерства обороны РФ, Москва, Россия

⁴Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 18-012-00652 «Креолизованный текст как средство управления языковым сознанием: теоретико-экспериментальное исследование») в Институте языкознания РАН.

Статья содержит описание восприятия вербальных текстов на основе анализа результатов эксперимента, проведенного с применением метода семантического дифференциала. Были выявлены факторные структуры «комфортность», «сила», «выразительность», «оценка», «естественность», «простота» и установлены корреляции оценок текстов по факторам с определенными параметрами: корреляция лексического состава текста со шкалами семантического дифференциала, содержание текста, синтаксис текста, лексическое наполнение текста, наличие тропов и перцептивных образов.

Ключевые слова: *текст, семантическое пространство, семантический дифференциал, психосемантический эксперимент, формальная и содержательная интерпретация.*

Введение

Общеизвестно, что различные тексты воспринимаются реципиентами по-разному: по-разному оцениваются, оставляют разные впечатления. Однако мы не сможем перечислить весь спектр характеристик, которые актуализируются при восприятии текста. Проблема изучения восприятия текстов в том, что реципиенты не могут самостоятельно подробно охарактеризовать текст. Используемый в исследовании метод семантического дифференциала помогает соотнести текст с характеристиками. В чем заключается разница в восприятии различных текстов и от чего она зависит — найти ответы на эти вопросы мы попытались в нашей статье.

Цель исследования, результаты которого изложены в данной статье, — попытаться выявить закономерности восприятия текста в зависимости от его характеристик. Обнаружение таких закономерностей может позволить прогнозировать восприятие имеющихся текстов и создавать новые тексты с заданными параметрами, ориентированными на определенный прагматический эффект.

Описание эксперимента и обсуждение результатов

Методика эксперимента

Для исследования использовались психосемантические методы исследования. Они дают материал для анализа обыденного сознания, то есть выявляют глубинные критерии оценки исследуемых объектов. Метод семантического дифферен-

циала (СД) представляет собой комбинацию процедур шкалирования и метода контролируемых ассоциаций [7—12].

Процедура психосемантического исследования заключается в следующем. Респондентам предлагается оценить определенный набор объектов по заданным качествам по градуированной шкале. Полученные таким образом протоколы собираются в общегрупповую матрицу данных, которая затем обрабатывается методом факторного анализа. Построение СД на базе оценок объектов из определенных областей — частные СД — продемонстрировало возможность трансформации классического семантического пространства (оценка, сила, активность) и появление новых факторов. Частные СД характеризуются различной размерностью (числом некоррелирующих факторов), разным содержанием выделенных факторов, которые в то же время сохраняют некоторую преемственность с универсальным СД. Так, многие факторы частных семантических пространств являются конкретизацией универсальных факторов, которые видоизменяются (объединяются, расщепляются и т. п.) и наполняются определенным денотативным содержанием [6].

В эксперименте приняли участие 26 респондентов, проживающих в Москве, в возрасте 18—24 лет. Полученные суммарные матрицы обрабатывались в статистическом пакете (SPSS) методом

факторного анализа с последующим вращением факторов до простой структуры. В результате обработки данных было выделено шесть факторов-категорий. Далее результаты были представлены в виде семантических пространств.

Материал исследования

Текст 1 (Т1)

В городе шли холодные дожди, похоже было на то, что лето уже прошло и не вернется.

Было грязно, сумрачно, улицы мокро и черно блестящими раскрытыми зонтами прохожих и поднятыми, дрожащими на бегу верхами извозничьих пролеток. И был темный, отвратительный вечер, когда я ехал на вокзал...

Текст 2 (Т2)

В один из тех зимних мокрых дней, ледяных и темных, когда кажется, что нет на свете города отвратительнее. И уже вечереет. Иду вверх по улице и вижу: впереди, возле старого двухэтажного дома, чернеет на мостовой и на тротуаре народ.

С изумлением осматриваю этот давно знакомый мне дом: эти линючие стены, эта ржавая вывеска над витриной, это мрачное и загадочное выражение черных окон наверху...

Сумерки, лужи, грязные сугробы, впереди, вдоль пустой улицы, могильно горят редкие фонари.

Текст 3 (Т3)

Солнечное зимнее утро.

Тесная длинная улица, в тени свежей сырости. Но вот улица круто поворачивает вправо, обрывается спуском на просторную площадь, на слепящее теплое солнце. Впереди, в этом блеске, еще зыбком, влажном, густо дымится водяной пылью, валит в разные стороны серыми клубами огромный фонтан. А слева, рядом с нами, идет какая-то древняя руина, тянется дикая, как крепость, радостно озаряемая солнцем стена, над обрезаем которой ярко и густо синее небо.

Текст 4 (Т4)

В сказочный морозный вечер с сиреневым инеем в садах...

Над Москвой было еще светло, зеленело к западу чистое и прозрачное небо, тонко сквозили пролетами верхи колоколен, но внизу, в сизой морозной дымке, уже темнело и неподвижно и нежно сияли огни только что зажженных фонарей. Подъезд вокзала светил в синей тьме морозной ночи.

Текст 5 (Т5)

В городах, как в лесах, есть трущобы, где прячется все самое коварное, все самое страшное.

Но то, что прячется в городах, свирепо, гнусно, и ничтожно — иначе говоря, безобразно.

Жилье, куда он попал, было отвратительно: смрадное, запачканное, загаженное, темное, гадкое. Стены были словно изъязвлены — все в струпьях и рубцах, как физиономия, обезображенная какой-нибудь ужасной болезнью. Сырость сочилась из них подобно гною.

Текст 6 (Т6)

Это одна из самых мрачных и печальных улиц нашего города. В темное ущелье этой улицы втекает поток людей, в котором видны только спины и затылки опущенных голов. Улица занята потоком автомобилей, оттеснивших людей на узкие тротуары, покрытые серой брусчаткой, которая цепляет за ноги медленно идущих прохожих.

Текст 7 (Т7)

Было солнечно, как часто бывает у нас в сентябре. Все было необыкновенно чисто, ясно, просторно — пролеты улиц, дали пустых окрестностей, точно совсем лишенных воздуха, яркое небо, кое-где сиявшее острой прозеленью между быстро плывущими дымчато-белыми облаками. Солнце, поднявшееся немного выше, то и дело выглядывало из-за облаков. Я проводил уезжающих до вокзала, от которого убежали холодные и нагие, сверкающие на солнце рельсы железной дороги.

Текст 8 (Т8)

Старая улица показалась мне только немного уже, чем казалась прежде. Все прочее было неизменно. Ухабистая мостовая, ни одного деревца, по обе стороны запыленные дома, тротуары тоже ухабистые, такие, что лучше идти серединой улицы. Вечерний закат, огромное панно неба в мутных мазках нежных разноцветных красок. Сказочно встают на алеющей мути заката силуэты дальних зданий.

Предполагая, что оценки текстов должны объясняться их характеристиками, мы попытались установить, какие параметры текстов влияют на оценку по конкретным факторам. Определялось это эмпирическим путем: рассматривалась разница в оценке текстов в связи с какими-либо характеристиками текстов. Если обнаруживалась систематическая корреляция оценки текста и определенной характеристики, то мы считали, что оценка текста по рассматриваемому фактору обусловлена данной характеристикой. Материалом нашего исследования были восемь текстов, обладающих различными характеристиками. Это небольшой по объему материал, и все представленные в статье выводы, по сути, являются гипотезами.

Какие же параметры вербального текста могут влиять на его оценку?

Обратимся к характеристике вербального текста. Он имеет определенное содержание (о чем говорится) и форму (как представлено содержание). Содержание текста включает объект и сюжет. Очевидно, что описание (как в нашем экспериментальном материале) зависит от объекта (солнечный майский день — хмурый ноябрьский дождь). Большую роль играет также авторская точка зрения, то, как он представляет информацию. Возможно выделить разные типы текстов по эмоционально-смысловой доминанте («светлые», «веселые», «красивые», «темные», «печальные») [1]. Все это мы также относим к содержанию текста.

Формальная сторона вербального текста может быть представлена компонентно: рассматриваются характеристики синтаксиса, лексики, стилистики. Синтаксический компонент текста включает в себя сложность и количественную характеристику предложений, наличие причастных, деепричастных оборотов, обособлений, однородных членов. Лексически текст может быть охарактеризован с учетом стратификации лексического состава языка. С точки зрения стилистики текст может включать тропы и перцептивные образы.

Нами были определены параметры, на которых базируется оценка текста.

Параметр 1. Корреляция со шкалами семантического дифференциала

Поскольку в нашем эксперименте происходит оценивание текста по шкалам семантического дифференциала, то в первую очередь важно соотношение содержания и формы вербального текста с семантикой прилагательных — имен шкал. Характеризуются отдельные слова и выражения (иногда части предложений), значение которых находится в каких-либо отношениях с значением шкальных прилагательных. За основу берется отношение понятий в логике «Случаи равнозначности — это синонимия». Часто встречается переkreщивание объемов содержания слов из текстов и названий шкал. В этом случае в обоих словах должен быть обнаружен одинаковый компонент (компоненты) значения. Например, слово «солнечный» включает в свое значение компоненты «яркий» и «светлый». Отношения соподчинения нас не интересуют, они не играют роли. Могут встречаться отношения противоположности.

В случае полной противоположности речь идет об антонимии, однако часто встречается противоположное значение отдельных компонентов. Например, слово «вечер» (который рассматривается как время с момента наступления сумерек) через слово сумерки (полутьма) связан со словом «темный». Следовательно, он содержит компонент значения, антонимичный прилагательному «светлый». Также учитывались ассоциативные связи слов из текста [3]. Некоторые слова имеют в качестве ассоциатов имена шкал.

Параметр 2. Содержание текста

Оценка текста может зависеть от его содержания. Все экспериментальные тексты — это описания. Половина содержит изображение красивых картин, к которым автор относится положительно. Обычно это день или утро, ясное, солнечное. Другая половина — описание мрачного, грязного, скучного города, в основном вечером, в сумерках. При этом некоторые тексты вызывают ощущение опасности, агрессии, возможной угрозы человеку. Кроме того, наши отрывки имеют разную степень законченности. Все они «вырваны» из художественных произведений. Некоторые, однако, воспринимаются как законченные зарисовки. Другие, напротив, как будто требуют продолжения, к чему-то ведут. Это сказывается и на простоте, и на однозначности интерпретации. Возможное домысливание усложняет восприятие.

Параметр 3. Синтаксис текста

К этому параметру мы относим соотношение числа простых и сложных предложений в тексте, количество сложноподчиненных предложений, причастных и деепричастных оборотов, сравнений, обособлений, однородных членов. Предполагается, что эти элементы усложняют прочтение и восприятие текста, что может сказаться на его оценке.

Параметр 4. Лексическое наполнение текста

Текст может содержать общеупотребительную, диалектную, жаргонную, профессиональную, устаревшую лексику, неологизмы. Возможно, на оценку текста влияет и степень употребительности отдельных слов и выражений. Очевидно, что употребительность слова *вокзал* отличается от употребительности слова *струнья*. Редко употребляемые слова, устаревшие, жаргонизмы, профессионализмы могут быть понятны не всем реципиентам. Употребительность слов мы определяли по частотному словарю [5].

Параметр 5. Наличие тропов и перцептивных образов

Экспериментальные тексты содержат разное количество тропов, перцептивных образов, перцептов [2]. Перцептивные образы, например: *слепящее солнце, смрадное жильё, дрожащие на бегу*, — апеллируют к разным модальностям восприятия (зрительной, обонятельной, тактильной), расширяя таким образом возможности представления информации. Этой же цели служат и тропы, применяющиеся «для усиления изобразительности и выразительности речи» [4]. Если обратиться к рассмотрению тропов и перцептивных образов с позиции улучшения представления и, следовательно, восприятия информации, то важно различие между часто употребляющимися, узуальными явлениями и окказиональными. Эффект воздействия узуальных часто ослаблен (например: *убегали рельсы железной дороги*), поэтому говорят, например, о стертых метафорах (можно говорить и о других стертых тропах и стертых перцептивных образах). Окказиональные же свежие, неожиданные, их прагматический потенциал должен быть выше, чем у узуальных (например: *могильно горят редкие фонари*).

Рассмотрим оценку по факторам.

Фактор 1. Комфортность

Шкалы: *яркий, светлый, приятный, гармоничный, холодный (холодный с отрицательным знаком), красочный*.

В результате анализа выявлена связь семантики прилагательных, относящихся к этому фактору, с семантикой отдельных слов и выражений оцениваемых текстов. В некоторых текстах встречаются имена шкал, например: *яркий, светлый, холодный*. Есть синонимы, например: *ясный* (к шкале *светлый*), *ледяной* (к шкале *холодный*); синонимическое перекрещивание содержания единиц текста и имени шкалы, например: *блеск* (к шкале *яркий*). В текстах присутствуют и антонимы: *темный* к шкале *светлый*); антонимическое перекрещивание: *вечер* к шкале *светлый*. Встречаются синонимические (*зимний* к шкале *холодный*) и антонимические (*ночь* к шкале *светлый*) ассоциации. Шкала *красочный* представлена гипонимами (*синеть, зеленеть, алеющий*).

Интерпретация текстов показывает следующие корреляции лексического наполнения текстов со шкалами СД. Мы обозначаем синонимические отношения знаком плюс, а антонимические — зна-

ком минус. То же самое и для ассоциаций: ассоциации с именем шкалы — знак плюс, ассоциации с противоположным полюсом (антонимом) — знаком минус. Число *итого* показывает разницу между положительной и отрицательной корреляцией.

1. –5. Ассоциации –4. Итого –9.
2. –7. Ассоциации –4. Итого –11.
3. +7/–1. Ассоциации +2/–1. Итого +7.
4. +2/–4. Ассоциации +7. Итого +5
5. –3 Ассоциации –1. Итого –4.
6. –2. Ассоциации –2. Итого –4.
7. +7. Ассоциации +3. Итого +10.
8. +2/–1. Ассоциации +1. Итого +2.

Наибольшая положительная корреляция выявлена у Т5, и этот текст получил самые высокие оценки. Число корреляций почти во всех случаях определяет оценку текста: чем больше положительное значение числа корреляций — тем выше оценка текста, чем меньше отрицательное значение — тем ниже оценивается текст. Незначительное отступление от такого порядка наблюдается при оценке Т1 и Т2. Т2 оценивается выше, чем Т1, хотя число отрицательных корреляций на его материале больше. Вероятно, это объясняется значительно большим объемом Т2 (он больше первого текста почти в два раза). Т5 и Т6 имеют одинаковые число корреляций. Однако оценка Т6 значительно ниже, чем оценка Т5. Возможно, повлияло то, что Т5 несколько больше по объему. Таким образом, оценка текстов по фактору 1 определяется параметром 1 — числом корреляций между семантикой вербальных единиц текстов и названиями шкал (это прямая зависимость), а также объемом текста (обратная зависимость).

Фактор 2. Сила

Шкалы: *жесткий, агрессивный, сильный, спокойный (спокойный с отрицательным знаком)*.

Наиболее высоко (с большим отрывом от других текстов) оценивается Т5. Дается описание жилья. Оценка негативная. Возможно, влияет первый глагол текста *прячется*. Далее описывается грязь, безобразие и ужас. Употребление глагола *прячется* создает ощущение опасности и возможной агрессии темного и плохого. Невысоко положительно оцениваются также тексты 1 и 2. Они содержат описание довольно неприглядных картин. В первом тексте есть еще ассоциации со словами «жесткий» (*холодный*) и «сильный» *дождь*. Остальные тексты оцениваются отрицательно. Самая низкая оценка у Т4. Текст содержит статичное спокойное описание, в нем есть синоним слова *спокойный*

(неподвижно). Незначительно выше оцениваются Т7 и Т3. В них представлены позитивные красивые описания города. Т8 получил оценку выше, в нем представлены как отрицательные, так и положительные фрагменты картины города (*ухабистые мостовые — алеющий закат*). Т6 оценивается почти нейтрально (в негативную сторону). Это описание невеселое. Однако в нем нет силы и агрессии: печаль, опущенные головы, медленно идущие люди — все это создает ощущения слабости и безнадежности.

Обобщая, можно предположить, что оценка по этому фактору зависит от параметра 2 — содержания текста. При этом важно, в каком ключе составлено описание — положительном или отрицательном. Есть тенденция восприятия негативно-оценочных описаний как «сильных». Однако эта тенденция ограничивается конкретным содержанием текста. В случае если оно вызывает ощущение слабости, это повлияет на оценку в сторону ее понижения.

Фактор 3. Выразительность

Шкалы: *образный, художественный, живописный, выразительный, обыкновенный (обыкновенный, с отрицательным знаком)*.

Шкалы этого фактора, как и предыдущего, сложно соотнести с составляющими текст вербальными единицами. Мы предположили, что на оценку по Ф3 влияет наличие в текстах тропов и перцептивных образов — параметр 5. Самую высокую оценку получил Т2. В нем использовано наибольшее (на нашем материале) количество образных средств и перцептов. При этом часть перцептов использована окказионально, что создает свежесть восприятия, например: *линочые стены, могильно горят фонари*. Далее следует Т4, где содержится такое же количество образных средств и перцептивных образов. Можно предположить, что его несколько более низкая оценка связана с некоторой тривиальностью встречающихся в тексте образов. Немного ниже оценивается Т1, содержащий несколько меньше образных средств и перцептивных образов. Невысокую положительную оценку имеет по этому фактору Т3. В нем использованы образные средства и перцептивные образы, однако образы тривиальные, что, возможно, влияет на невысокую оценку текста.

Остальные тексты оцениваются отрицательно. Минимальную оценку получил Т6, почти не содержащий средств создания образности. Низко оцени-

вается также Т8, в котором также мало образных средств. Далее следуют Т5 и Т7, который оценивается почти нейтрально: почти нет тропов, перцептивных образы есть, но они все тривиальные.

Полученные данные показывают, что образность текста влияет на оценку по этому фактору. Наличие тропов и перцептивных образов повышает оценку текста, отсутствие приводит к отрицательной оценке. При этом, как нам представляется, важны новизна, неожиданность, свежесть образов. Тривиальные образы на оценку текста практически не влияют. При интерпретации результатов пришлось столкнуться с проблемой сложности оценки степени оригинальности образов. Поэтому мы можем предполагать лишь наличие тенденции оценки тропов и перцептивных образов в зависимости от их новизны.

Фактор 4. Оценка

Шкалы: *интимный, изысканный, романтический, символический, возвышенный, искренний*.

Мы предполагаем, что оценка зависит от содержания текста — параметр 2. Выше остальных оценивается Т4. Это красивое описание зимнего вечера. Используются слова «сказочно», «морозная дымка», «нежно сиять». Описание возвышенно-романтическое. Высоко оценивается и Т8, часть которого также представляет собой красивое романтическое описание (встречается слово *сказочно*). Положительная оценка и у Т2. Описание бытовое. В нем есть слово «загадочно».

Остальные тексты получили отрицательные оценки. Самую низкую — Т5, содержащий крайне неприятное реалистическое описание. Т1, Т3 и Т7 оценены почти одинаково, они описывают привычные картины. Т6 оценивается почти нейтрально.

Возможно, оценка зависит от возможности домысливания текста в положительном ключе. Все три текста, где встречались слова *сказочно* и *загадочно* оценены довольно высоко положительно. Простое описание, особенно неприятное, оценивается всегда отрицательно.

Фактор 5. Естественность

Шкалы: *понятный, натуралистический, четкий, естественный, легкий*.

Проанализировав результаты, мы предположили, что оценка должна определяться легкостью для понимания. Сюда относятся степень сложности синтаксических конструкций (параметр 3) и употребительность лексики текстов (параметр 4). Сложность

синтаксиса текста (наличие сложноподчиненных предложений, большое количество однородных членов, обособления, причастные обороты) затрудняет его понимание при прочтении. Это же касается и наличия нечасто употребляемых слов и оригинальных образов.

Ниже всего оценивается Т5, где сложное синтаксическое оформление (три сложноподчиненных предложения, причастный оборот, три сравнения) сопровождается оригинальными образами и нечасто употребляемыми словами (*изъявлены, струнья, смрадный*). Отрицательно оцениваемый Т8 при наличии двух сложноподчиненных предложений содержит оригинальные образы (например: *алеющая муть заката, панно неба*) и редко употребляемое слово *ухабистый*. Т4 почти целиком состоит из сложного четырехкомпонентного предложения, в Т1 все три предложения сложноподчиненные, есть причастный оборот и словосочетание *извозчицых пролеток*.

Остальные тексты оцениваются положительно. Т2, Т3 имеют простую синтаксическую структуру. Структура Т7 немного сложнее, но синтаксически сложные конструкции составляют половину текста. Эти тексты не содержат редко употребляемых слов. Только в Т2 есть слово *линючие*, этот текст оценивается ниже остальных положительно.

Фактор 6. Простота

Шкалы: *примитивный, наивный, открытый*.

Максимальные оценки по фактору 6 имеет Т7: понятное содержание, слова (*как часто бывает, вокзал*), представлена простая законченная картина. Далее следует Т1, сходный с Т7 тем, что представляет законченный отрывок, описанное действие понятно читателю. Оба эти текста — зарисовки простой ситуации. Положительно оценивается и описательный Т4. Интересно отметить, что все эти три текста содержат упоминание вокзала, на котором заканчиваются отрывки. Возможно, происходит активация фрейма «вокзал» — несложного, известного практически каждому человеку. Т8 также оценивается невысоко положительно — это простая, понятная зарисовка.

Остальные тексты оценены отрицательно. Ниже всего — Т5. Вероятно, играет роль содержание текста: он не окончен, красочное описание понятно, но неясно, к чему оно ведет. Чуть выше оценен Т2. По содержанию он подобен Т3 — незаконченный отрывок. Отрицательно оценены также Т3 и Т6. По содержанию Т3 можно сравнить с Т8 (который оценен невысоко положительно). Не очень понятно, какие параметры вызывают разные по знаку оценки. Можно предположить, что содержание Т8 более простое и тривиальное, чем Т3 (в котором описана древняя руина, что нехарактерно для нашего окружения). Невысокая отрицательная оценка Т6 может объясняться тем, что не очень понятно, к чему ведет такое описание.

Можно в общих чертах сформулировать критерий оценки текстов по этому параметру как простота и однозначность интерпретации — параметр 2 (содержание текста). Однозначно интерпретируемые законченные отрывки оцениваются высоко — они *простые*. Как сложность воспринимается незаконченность отрывка и/или невозможность понять, к чему он ведет.

Выводы

Как показывают результаты эксперимента, все характеристики вербального текста являются значимыми для его оценки. Наиболее значимым на нашем материале оказался параметр 2 — содержание текста. Он определяет оценку по факторам «сила», «оценка», «простота». Оценка «комфортности» текста зависит от корреляции лексики текста с именами шкал (параметр 1). «Выразительность» оценивается по наличию в тексте тропов и перцептивных образов (параметр 5). Для оценки по фактору «естественность» важна степень сложности синтаксических конструкций (параметр 3) и употребительность лексики текстов (параметр 4). Как говорилось выше, эксперимент был проведен на ограниченном материале, поэтому полученные данные должны рассматриваться как гипотезы дальнейших исследований.

Список литературы

1. Белянин, В. П. Психологическое литературоведение / В. П. Белянин. — М. : Генезис, 2016. — 322 с.
2. Жантурина, Б. Н. Метафоры на основе перцептивного компонента. На материале русского и английского языков : монография / Б. Н. Жантурина. — М. : Флинта, 2018. — 164 с.
3. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т. I. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — М. : АСТ-Астрель, 2002. — 784 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — М. : Советская энциклопедия, 1990. — 682 с.

5. Ляшевская, О. Н. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. — М. : Азбуковник, 2009. — 1087 с.
6. Нистратов, А. А. Психосемантический эксперимент как инструмент анализа смысла и значения слова / А. А. Нистратов, Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 2. — С. 124—134.
7. Харман, Г. Современный факторный анализ / Г. Харман. — М. : Статистика, 1972. — 412 с.
8. Carroll, J. D. Review of *The measurement of meaning* / J. D. Carroll // *Language*. — 1959. — Vol. 35. — P. 38—77.
9. Osgood, Ch. *Psycholinguistics, Cross-Cultural Universals, and Prospects for Mankind* / Ch. Osgood. — Westport, CT : Praeger Publishers, 1988.
10. Osgood, Ch. E. Semantic space revisited / Ch. E. Osgood // *Word*. — 1959. — Vol. 15. — P. 195—200.
11. Osgood, Ch. Studies on the generality of affective meaning systems / Ch. Osgood // *American Psychologist*. — 1962. — Vol. 17. — P. 10—28.
12. Osgood, Ch. *The measurement of meaning* / Ch. Osgood, G. J. Suci, P. H. Tannenbaum. — Urbana : University of Illinois Press, 1957. — 342 p.

Сведения об авторах

Вашунина Ирина Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития РФ, Москва, Россия. vashunina@yandex.ru

Ильина Виолетта Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода Российского нового университета, Москва, Россия. violette-viola@inbox.ru

Маховиков Денис Викторович — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Военного университета Министерства обороны РФ, Москва, Россия. denisrich2708@yandex.ru

Нистратов Александр Алексеевич — научный сотрудник факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. a.nistratov@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 1 (435). *Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 39—46.*

PERCEPTION OF THE TEXT AND ITS SYNTACTIC, LEXICAL AND STYLISTIC COMPONENTS

I.V. Vashunin

All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia.
vashunina@yandex.ru

V.A. Ilyina

Russian New University, Moscow, Russia. violette-viola@inbox.ru

D.V. Makhovikov

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia. denisrich2708@yandex.ru

A.A. Nistratov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. a.nistratov@mail.ru

The paper describes the perception of verbal texts based on the analysis of the results of a psychosemantic experiment. The respondents evaluated the text according to the semantic differential scales. As a result of processing the data in SPSS by the method of factor analysis with subsequent rotation of the factors to a simple structure, six categories were identified: comfort, strength, expressiveness, evaluation, naturalness, simplicity. The aim of the study was to determine the dependence of text evaluations on the content of the text and its formal characteristics. The parameters that could affect the evaluation of the text were identified: the correlation between the lexical content of the text and the scales of the semantic differential, the content of the text, the syntax of the text, the lexical content of the text, tropes and perceptual images in the text. The “content”

parameter is the most effective. It determines the evaluation by the factors: strength, evaluation, simplicity. The “comfort” of the text depends on the correlation between the lexis of the text and the names of the scales. “Expressiveness” is evaluated through tropes and perceptual images. The degree of complexity of syntactic structures as well as lexical frequency turned out to be important for the factor “naturalness”.

Keywords: *text, semantic space, semantic differential, psychosemantic experiment, form-and-content interpretation.*

References

1. Belyanin V.P. *Psichologicheskoe literaturovedenie* [Psychological literary study]. Moscow, Genezis, 2016. 322 p. (In Russ.).
2. Zhanturina B.N. *Metafori na osnove perceptivnogo komponenta. Na materiale russkogo i anglijskogo jazykov* [Metaphors based on the perceptual component. On the material of Russian and English]. Moscow, Flinta, 2018. 164 p. (In Russ.).
3. Karaulov Ju.N., Cherkasova G.A., Ufimceva N.V., Sorokin Ju.A., Tarasov E.F. *Russkij asociativnyj slovar' v 2 t. T. I. Ot stimula k reakcii.* [The Russian associative dictionary in 2 vol. Vol. 1. From the stimulus to the response]. Moscow, 2002. 784 p. (In Russ.).
4. Jarceva V.N. (ed.). *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'* [The linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, 1990. 682 p. (In Russ.).
5. Ljashevskaja O.N., Sharov S.A. *Chastotnyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka (na materialah Nacional'nogo korpusa russkogo jazyka)* [The frequency dictionary of the modern Russian language (based on the National Corpus of the Russian Language)]. Moscow, 2009. 1087 p. (In Russ.).
6. Nistratov A.A., Tarasov E.F. Psihosemanticheskij ehksperiment kak instrument analiza smysla i znacheniya slova [The psychosemantic experiment as a tool for analyzing the meaning of the word]. *Voprosy psiholingvistiki* [The Issues of Psycholinguistics], 2017, no. 32, pp. 124-134. (In Russ.).
7. Harman G. *Sovremennyj faktornyj analiz* [Modern factor analysis]. Moscow, 1972. 412 p. (In Russ.).
8. Carroll J.D. Review of The measurement of meaning. *Language*, 1959, no. 35, pp. 38-77.
9. Osgood Ch. *Psycholinguistics, Cross-Cultural Universals, and Prospects for Mankind*. Westport, CT, Praeger Publishers, 1988.
10. Osgood Ch.E. Semantic space revisited. *Word*, 1959, no. 15, pp. 195-200.
11. Osgood Ch. Studies on the generality of affective meaning systems. *American Psychologist*, 1962, no. 17, pp. 10-28.
12. Osgood Ch., Suci G.J. Tannenbaum P.H. *The measurement of meaning*. Urbana, University of Illinois Press, 1957. 342 pp.

РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ УПРЕКА, ПОХВАЛЫ И ИРОНИИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Д. С. Гасанова

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия

Предметом исследования являются такие речевые жанры, как ирония, похвала и упрек. Основная цель статьи — прагматический анализ этих формул. Делаются выводы о том, что ирония, похвала и упрек — это сходные речевые жанры по составу семантических компонентов, но различающиеся формой и содержанием.

Ключевые слова: *этикет, речевые формулы, речевые акты, ирония, похвала, упрек, адресант, адресат, коммуникация.*

В современной лингвистике вопрос о речевом этикете рассматривается в тесной связи с вопросом о способах коммуникации и социального взаимодействия людей. Все больше растет интерес к речевым формулам этикета и способам их передачи с одного языка на другой. И, конечно, невозможно рассматривать эти формулы в отрыве от социокультурной, лингвокультурной и национально-специфической стороны человеческой жизни, в отрыве от человеческого мышления и практической деятельности человека.

Стремление человека к поддержанию разговора, коммуникации, желание сгладить или свести на нет конфликты между собеседниками, проявление хороших манер, выражение иронии, похвалы или, наоборот, упрека являются базой для изучения формул речевого этикета. Речевые формулы, как правило, рассматриваются с экстралингвистической и лингвистической стороны взаимодействия людей, что дает возможность говорить о вопросе речевых формул этикета как одной из центральных тем современной лингвистики.

Итак, речевой этикет — это общепринятое в определенной культуре единение правил к форме, содержанию и уместности высказываний в той или иной ситуации.

Сбор литературы по теме речевого этикета, а именно выражения формул упрека, похвалы и иронии, показал, насколько мало еще разработано подходов к изучению речевого этикета, что связано с обширностью данного явления и его многоаспектностью. Это также связано с развитием многих новых отраслей лингвистики, таких как теория речевых актов, теория дискурса, антропологическая лингвистика, лингвопрагматика, теория коммуникации, жанроведение и многие

другие. Благодаря этим направлениям был собран материал для построения теории о речевом этикете, а именно были найдены ответы на вопросы: когда, где, с какой целью и для чего используются те или иные формулы речевого этикета, какова их практическая реализация, социальная и культурная функция и, наконец, какие формулы вербального проявления речевого этикета используются в речи.

Необходим комплексный анализ всего имеющегося материала по теории этикета, анализ современных исследований и их перспектив для создания единой концепции речевого этикета, его функции, функции речевых формул и этикетных средств.

Для начала необходимо определить объект исследования. В русской и иностранной литературе термины разнятся, и в этом заключается главная трудность определения объекта исследования: речевой этикет и вербальная/лингвистическая вежливость (*verbal/linguistic politeness*). Под этикетом (*etiquette*) в зарубежной литературе обычно понимаются хорошие манеры [21]. Еще одной трудностью является разница в определении речевого этикета, иронии, похвалы и упрека, а также их соотношения.

Рассмотрев все стороны в теории речевого этикета, Н. И. Формановская утверждает, что этикет не только является выражением вежливости, но и имеет отношение к коммуникативной категории. Н. И. Формановская дает следующее определение функции речевого этикета: это установка контактов, завязка коммуникации и ее развязка, поддержание или разрыв коммуникации согласно социальному статусу коммуникантов и их ролей в иерархии общества (выше-/нижестоящий — равный и свой — чужой) [18. С. 53].

Говоря о речевом этикете, следует упомянуть и термин «коммуникация». Коммуникация — это процесс общения, взаимодействия двух и более сторон, которые называются адресатами и адресантами. «Их взаимодействие выступает как обобщающий внеязыковой фактор в языковой организации высказывания» [6]. Предметом нашего рассмотрения будут такие разноплановые формулы речевого этикета, как упрек, похвала и ирония. Выборка того или иного жанра высказывания определяется иллокутивной целью общения (то есть намерением высказывания) и человеческим фактором. В зависимости от своего намерения говорящий избирает тот или иной речевой жанр, то есть «определенный, относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказывания» [4. С. 241].

Упомянутые речевые жанры (упрек, похвала и ирония) относятся к жанрам фактическим, а именно оценочным. И, конечно же, они имеют собственные семантические и структурные функции. Данные речевые жанры рассматривались и в отечественных, и в иноязычных работах, посвященных теориям речевых актов [13; 15]. Работы таких авторов, как Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, А. Д. Шмелев, Н. А. Лукьянова, Ю. Д. Апресян, и других направлены не только на тематику речевых актов в целом, но и конкретно на похвалу, упрек и иронию [3; 5; 20].

Как указывалось выше, в центре нашего исследования — упрек, похвала и ирония как противоположные речевые жанры. Очевидно, что их необходимо рассматривать и с лингвистической, и с экстралингвистической стороны, то есть выявлять способы их проявлений вербальными и невербальными средствами.

Приведем примеры обозначенных речевых актов на материале произведений писателя, изображающего нравы, быт и речевой обиход британской аристократии и буржуазии, — Дж. Голсуорси.

Под упреком мы понимаем выражение недовольного отношения человека к определенному поступку или явлению:

You could do anything, Jo, if you weren't so d-damned careful of yourself! — Ты мог бы сделать что угодно, Джо, если бы ты не был так чертовски осторожен с собой!¹

Похвала — это выражение одобрения, даже восхищения по отношению к поступку человека или определенному явлению:

— *You're so clever with all those things, — said Aunt Ann. — Вы так умно об этом рассуждаете, — сказала тетя Анна*².

Ирония — это способ выражения своего насмешливого отношения к поступкам человека или определенным явлениям:

— *She complains she can't sleep; she sleeps a great deal better than I do. — Она жалуется, что не может спать; она спит гораздо лучше, чем я*².

Любую ситуацию в обществе можно отнести либо к объективно, либо к субъективно оцениваемой. Объективно оцениваемые ситуации — это поступки или явления, которые являются общепринятыми нормами в обществе или, наоборот, порицаются социумом. Субъективно оцениваемые — это личное отношение адресанта к тому или иному явлению, поступку, оно не всегда совпадает с общепринятыми нормами.

Первый тип — объективно оцениваемые ситуации — можно рассмотреть с точки зрения установленных норм поведения в определенном обществе: например, человек совершил добрый поступок, выполнил вовремя работу, сделал комплимент и т. д. (что можно выразить в речи похвалой):

— Как благородно с вашей стороны!

— Отличная работа, молодец!

— Вы такой джентльмен, спасибо.

— So kind of you!

— Great job, well done!

Или, наоборот, порицаемые обществом ситуации: человек обманул другого, поступил подло, нагрубил и т. д. (что выражается формулами упрека):

— Да как ты мог так поступить!

— Не могу поверить, что ты так сделал.

— Это было отвратительно с твоей стороны.

— How dare you!

— I can't believe you did that.

А также ситуации насмешки над человеком или поступком (что выражается иронией):

— Куда уж мне до вас!

— Ну уж спасибо, удружил.

— Только об этом и думаю!

— Всегда об этом мечтал.

— Just think about that!

— Always dreamed about it.

Что касается субъективно оцениваемых ситуаций, они могут отличаться от общепринятых норм поведения в обществе и отражают собственное отношение коммуниканта к ситуации, поступку, явлению. Понять упрек, похвалу или иронию

¹ Дж. Голсуорси. Сага о Форсайтах.

² Там же.

в данном случае поможет только контекст ситуации. Например, одну и ту же фразу можно интерпретировать по-разному:

- Я была поражена твоим выступлением!
- I was astonished by your presentation!

Как видим из данного примера, неясно, адресат выражает свое довольство или, наоборот, порицает человека, а может, вообще выражает иронию. Необходим контекст ситуации:

- Я была поражена твоим выступлением! Не ожидала, что ты так блестяще выступишь!
- I was astonished, you were great at your presentation!

Контекст показывает, что автор выразил похвалу.

- Я была поражена твоим выступлением! Не ожидала, что ты так плохо выступишь!
- I was astonished, how could you make such a bad presentation?! — выражение упрека.

- Я была поражена твоим выступлением! Ну прям Петросян!
- I was astonished, you were just like Stephen Fry! — выражение иронии.

Говоря о выражении похвалы, следует упомянуть, что почти невозможно упустить оценочный характер высказывания, иначе выражение будет звучать как констатация факта:

- Ты сделал проект правильно.
- Ты справился на отлично.
- You did the work right.
- You are getting a good mark.

Данные примеры показывают, что эти поступки соотнесены с нормами и никак их не превышают. Для выражения похвалы в этих случаях добавляются оценочные компоненты:

- Ты сделал проект правильно, ты молодец!
- Ты справился на отлично, ты просто умница!
- You did the work right, well done!
- You are getting a good mark, you're a great student!

Существуют также парадоксальные высказывания, в которых говорящий упрекает положительные поступки или явления и восхваляет отрицательные:

- Так прекрасно выступить — это просто возмутительно!
- Ну наконец-то ты ему грубо ответил!
- It's illegal to look so brilliant!
- Finally you made the worst choice!

Адресант, высказывающий похвалу или упрек, как правило является по статусу выше адресата или одного с ним уровня [1; 2]. Такие отношения придают официальную особенность общению:

- Хотелось бы отметить ваши заслуги.
- Вынужден сделать вам выговор.
- Вы поработали отлично!
- I would like to note your merits.
- I have to reprimand you.

В отношениях, например «родитель — ребенок», оценочные формулы будут только одного вида — предикат, то есть: правильно, неправильно, хорошо, плохо и пр. Для выражения упрека или похвалы ребенку имеет место пояснение тех или иных правил:

- Нельзя обижать других.
- Разве так нужно себя вести?
- Ты такой молодец, маме помогаешь!
- You cannot offend others.
- Is it necessary to behave this way?
- You're so good, helping mom!

Данные выражения уже нельзя характеризовать только как формулы упрека или похвалы, их можно рассматривать и как запрет или одобрение.

Не во всех ситуациях адресант может выразить прямо свое отношение к адресату, поступку или явлению. В таких случаях адресант прибегает к использованию ироничных высказываний, в которых скрыт смысл упрека:

- По-моему, Баха надо играть по-другому.
- Вот так ты меня ждешь, оказывается!
- In my opinion, Bach needs to be played differently.

- That's how you are waiting for me!

Упрек можно выразить также в виде вопроса:

- Разве так я тебя учила себя вести?
- Как ты мог так ответить ему?
- Is that how I taught you to behave?
- How could you answer him like that?

На выборку тех или иных формул высказывания в определенной ситуации коммуникации влияет этикет. Если же формулы высказывания выходят за рамки этикета, это уже перерастает в брань. Адресант похвалы и упрека представляется, соответственно, в положительном и отрицательном образе. Ученые выделяют несколько видов адресатов: единичный, коллективный, массовый и квазиадресат [8]. В формулах похвалы, упрека и иронии не все адресаты могут рассматриваться.

В ситуации похвалы адресат обычно является нижестоящим по статусу или одного уровня с адресантом, но не выше него. Для похвалы коллективного адресата необходимо тщательно выбирать форму и содержание речевых формул:

- Вы все сегодня отлично подготовились к уроку! Молодцы!

— You all have been perfectly prepared for the lesson today! Well done!

Высказывая эту же фразу в негативном контексте, получаем уже не выражение упрека, а скорее, просто констатацию факта:

— Вы все сегодня плохо подготовились к уроку.

— You all prepared for the lesson poorly today.

Как видим из данного примера, мы не можем в этой ситуации заменить похвальное слово «молодец» на любое антонимичное, так как это уже противоречило бы нормам этикета. Что же касается языкового выражения, то «по мере ухода от первичной формы диалога индивидуальная свобода отбора языковых средств становится все более ограниченной» [6].

Что касается массового адресата, то тут вряд ли можно говорить о способности выразить ему похвалу, упрек или иронию, так как такого адресата невозможно одобрить, обидеть, расстроить и т. д. Под массовым адресатом обычно понимаются средства массовой информации. Вот фраза, подтверждающая данное правило:

— Россия, ты сошла с ума! (Реплика депутата по телевидению по поводу успехов Жириновского на выборах, обращенная ко всем россиянам.)

Квазиадресатом называют обычно младенцев, питомцев или самого адресанта. В нашем исследовании наибольший интерес представляет последний вариант, так как именно он гораздо чаще встречается в жанре похвалы, иронии и упрека:

— Улетают утки в дальние края, а одна не может — жирная, как я.

— Моя работа глубоко оригинальна.

— Какая сволочь! Какой мерзавец! — Ты о ком? — О себе, конечно!

Моменты самовосхваления встречаются в речи реже остальных жанров, так как это противоречит нормам этикета (нарушает максимы скромности).

Помимо упомянутых видов адресата, существуют еще два: неопределенный и неизвестный:

— Как же можно было довести страну до такого состояния? (неопределенный адресат)

— Такой красавец, кто наконец-то тут установил скамейку! (неизвестный адресат)

Эти два примера схожи тем, что эти выражения относятся к условному адресату. В примере с не-

определенным адресатом он намерено не упоминается, так как для адресанта важен сам поступок, а не тот, кто его совершил. Хотя можно понять, кто адресант, — это, например, представитель власти (президент, парламент и т. д.). Во втором случае адресат вообще неизвестен, и его нельзя назвать по экстралингвистическим причинам.

В итоге можно сделать следующие выводы: этикет — это не только выражение вежливости, но и способ построения коммуникации. В зависимости от своего намерения говорящий избирает тот или иной речевой жанр, то есть «определенный, относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказывания». Выборка того или иного жанра высказывания определяется иллокутивной целью общения (то есть намерением высказывания) и человеческим фактором. А этикет, в свою очередь, влияет на выборку тех или иных формул высказывания в определенной ситуации коммуникации.

Упрек, похвала и ирония относятся к жанрам фактическим, а именно оценочным. И, конечно же, они имеют собственные семантические и структурные функции.

Обычно речевые жанры упрека, похвалы и иронии выбираются адресантом для выражения недовольства, восхищения и насмешки. Но, как мы видим из приведенных выше примеров, не в каждой ситуации порицания выражается упрек, не в каждой ситуации одобрения выражается похвала и т. д. Иногда эти речевые жанры выражают совершенно противоположные значения, что имеет своей целью донести до адресата ироничное отношение адресанта.

Также можно прийти к заключению, что упрек, похвала и ирония являются сходными речевыми жанрами по составу семантических компонентов, но отличаются их формой и содержанием. Это связано с противоположностью данных речевых жанров. В коммуникации семантическая структура упрека, похвалы и иронии не проявляются в полной мере. В основном проявляются их модификации. Эти модификации связаны с характерными особенностями адресанта и адресата и особенностью референтной ситуации.

Список литературы

1. Азнабаева, Л. А. Принципы речевого поведения адресата в конвенциональном общении / Л. А. Азнабаева. — Уфа, 2009.
2. Акишина, Н. Н. Диалогическое единство в разговорной речи : автореф. ... дис. канд. филол. наук / Н. Н. Акишина. — Саратов, 2004.
3. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. — М., 1988.

4. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М., 1979.
5. Булыгина, Т. В. Оценочные речевые акты извне и изнутри / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Язык речевых действий. — М., 1994.
6. Винокур, Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц / Т. Г. Винокур. — М., 1980.
7. Воробьев, А. Л. У истоков этикета / А. Л. Воробьев. — Липецк, 2011.
8. Гловинская, М. М. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов / М. М. Гловинская // Русский язык в его функционировании. — М., 1993.
9. Крейдлин, И. А. Энциклопедия этикета / И. А. Крейдлин. — М., 2003.
10. Ларина, Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах / Т. В. Ларина. — М., 2003.
11. Ларина, Т. В. Культура речи / Т. В. Ларина. — Ростов н/Д, 2009.
12. Леонтович, О. А. Методы коммуникативных исследований / О. А. Леонтович. — М., 2011.
13. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. — М., 1986.
14. Сепир, Э. Речевые акты / Э. Сепир // Новое в зарубежной лингвистике: теория речевых актов. Вып. XVII. — М., 2000. — С. 195—283.
15. Серль, Дж. П. Что такое речевой акт? / Дж. П. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. — М., 1986.
16. Федосюк, М. Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение», «уговоры» / М. Ю. Федосюк // Русская разговорная речь как явление городской культуры. — Екатеринбург, 1996.
17. Федосюк, М. Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи. Жанры речи / М. Ю. Федосюк. — Саратов, 1997.
18. Формановская, Н. И. Речевой этикет и культура общения / Н. И. Формановская. — М., 2007.
19. Формановская, Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н. И. Формановская. — М., 2000.
20. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. — Саратов, 1997.
21. Carter, R. Exploring Spoken English / R. Carter, M. McCarthy. — Cambridge, 1972.

Сведения об авторе

Гасанова Джамиля Сурхаевна — аспирантка кафедры английской филологии Дагестанского государственного университета, Махачкала, Россия. damilya40@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 1 (435). *Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 47—52.*

SPEECH GENRES OF REPROACH, PRAISE AND IRONY IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

D.S. Gasanova

Dagestan State University, Mahachkala, Russia. damilya40@yandex.ru

Modern linguistics is characterized by the study of language in conjunction with a person, their consciousness, thinking, spiritual and practical activity. In this regard, the scientific interest in the national-cultural aspect of the study of language, in the study of units of language and speech, reflecting phenomena typical of the linguistic and cultural community of native speakers, is growing. This topic is related to speech etiquette formulas. In this study the subject of consideration is such speech genres as irony, praise and reproach. Irony, praise and reproach are similar speech genres in the composition of semantic components, but differ in their form and content. This is due to the opposition of these speech genres. The article also reveals the features, characteristics and functions of these diverse speech genres. The main goal is a pragmatic analysis of these formulas.

Keywords: *etiquette, speech formulas, speech acts, irony, praise, reproach, addresser, addressee, communication.*

References

1. Aznabaeva L.A. *Principi rechevogo povedeniya adresata v convencionalnom obshenii* [The principles of speech behavior of the addressee in conventional communication]. Ufa, 2009. (In Russ.).
2. Akishina H.H. *Dialogicheskoe edinstvo v razgovornoj rechi* [Dialogical unity in colloquial speech. Abstract of thesis]. Saratov, 2004. (In Russ.).
3. Arutyunova N.D. *Tipy yazykovykh znachenij. Ocenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings. Rating. Event. Fact]. Moscow, 1988. (In Russ.).
4. Bahtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1979. P. 241. (In Russ.).
5. Bulygina T.V., Shmelev A.D. *Ocenochnye rechevye akty izвне i iznutri* [Estimated speech acts from the outside and from the inside]. *Logicheskij analiz yazyka. YAzyk rechevykh dejstvij* [Logical analysis of language. The language of speech action]. Moscow, 1994. (In Russ.).
6. Vinokur T.G. *Zakonomernosti stilisticheskogo ispol'zovaniya yazykovykh edinic* [Patterns of stylistic use of language units]. Moscow, 1980. (In Russ.).
7. Vorobyov A.L. *U istokov etiqeta* [At the origins of etiquette]. Lipetsk, 2011. (In Russ.).
8. Glovinskaya M.M. *Semantika glagolov rechi s tochki zreniya teorii rechevykh aktov* [Semantics of verbs of speech from the point of view of the theory of speech acts]. *Russkij yazyk v ego funkcionirovanii* [Russian language in its functioning]. Moscow, 1993. (In Russ.).
9. Kreidlin I.A. *Enciclopediya etiketa* [Encyclopedia of etiquette]. Moscow, 2003. (In Russ.).
10. Larina T.V. *Kategoriya vzhlivosti v anglijskoj i russkoj kommunikativnih kulturah* [The politeness category in the English and Russian communicative cultures]. Moscow, 2003. (In Russ.).
11. Larina T.V. *Kultura rechi* [A culture of speech]. Rostov-on-Don, 2009. (In Russ.).
12. Leontovich O.A. *Metodi kommunikativnih issledovani* [Methods of communicative research]. Moscow, 2011. (In Russ.).
13. Austin J.L. *Slovo kak dejstvie* [Word as an action]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics]. Iss. XVII. Moscow, 1986. (In Russ.).
14. Sepir E. *Rechevie acti* [Speech acts]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike: teoriya rechevix aktov* [New in foreign linguistics: theory of speech acts]. Iss. XVII. Moscow, 2000. Pp. 195-283. (In Russ.).
15. Searle J.P. *Chto takoe rechevoj akt?* [What is a speech act?]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics]. Iss. 17. Moscow, 1986. (In Russ.).
16. Fedosyuk M.Yu. *Kompleksnye zhanry razgovornoj rechi: "uteshenie", "ubezhdenie", "ugovory"* [Complex genres of colloquial speech: "consolation", "persuasion", "persuasion"]. *Russkaya razgovornaya rech' kak yavlenie gorodskoj kul'tury* [Russian colloquial speech as a phenomenon of urban culture]. Ekaterinburg, 1996. (In Russ.).
17. Fedosyuk M.Yu. *Issledovanie sredstv rechevogo vozdejstviya i teoriya zhanrov rechi. Zhanry rechi* [Research of means of speech influence and the theory of speech genres. Speech genres]. Saratov, 1997. (In Russ.).
18. Formanovskaya N.I. *Rechevoi etiket i kultura obsheniya* [Speech etiquette and communication culture]. Moscow, 2007. (In Russ.).
19. Formanovskaya N.I. *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekti edinic obsheniya* [Communicative-pragmatic aspects of communication]. Moscow, 2000. (In Russ.).
20. Shmeleva T.V. *Model' rechevogo zhanra* [Model of the speech genre]. *Zhanry rechi* [Speech genres]. Saratov, 1997. (In Russ.).
21. Carter R., McCarthy M. *Exploring Spoken English*. Cambridge, 1972.

НОМИНАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТОПОНИМА «СЕВАСТОПОЛЬ» И ЕГО ПРОИЗВОДНЫХ

Т. В. Калугина, С. Р. Сулейманова

Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь, Россия

Рассматривается использование лексемы «Севастополь» и ее производных в качестве единиц первичной и вторичной номинации. Выявлено, что на базе топонима «Севастополь» формируются вторичные онимы, включающие наименования судов, спортивного комплекса, футбольного клуба, гостиниц, санатория, марку вина.

Ключевые слова: ономастикон, номинативный потенциал, первичная номинация, вторичная номинация, топоним, Севастополь, номинатема.

По справедливому замечанию Е. А. Алексеевой, «имя собственное оказывает “магнетическое” воздействие на исследователей, давая им неиссякаемый импульс для его изучения как междисциплинарного явления, объединяющего в себе факты истории, географии, культурологии, социологии, лингвистики, психологии и т. д.» [1. С. 78].

Выдвинем гипотезу о том, что на восприятие онимных единиц реципиентом влияют два фактора. Первым фактором является степень распространенности онима — глобальная или региональная. Региональный уровень, в свою очередь, может быть как полирегиональным, включающим несколько соседних регионов, так и монорегиональным — внутри страны или административной единицы (республики, края, области, района). Вторым фактором, затрудняющим поиск и дешифровку реалий, обозначенных онимом, является создание на базе первичного онима вторичной номинатемы.

В современной лингвистике теория номинации исследуется довольно активно. Проблемам номинации посвящены работы В. Н. Телии [11; 12], Ж. А. Вардзелашвили [2], В. Г. Гака [3], Г. В. Колшанского [5], Б. А. Серебренникова [8] и других ученых.

В. Н. Телия рассматривает номинацию как процесс образования лексических единиц, которые служат для того, чтобы назвать и вычленить фрагменты действительности и сформировать соответствующие понятия о них в форме слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений [6. С. 336].

Б. А. Серебренников определяет задачи теории языковой номинации как исследование отражения действительности в категориях мышления, ее воплощение в значениях языковых форм и влияние мышления и практической деятельности челове-

ка на принятие обществом языковых знаков, их семантическую структуру и функционирование.

Как известно, цель теории номинации — изучить и описать общие закономерности образования языковых единиц, взаимодействие мышления, языка и действительности в этих процессах, роль прагматического фактора в выборе признаков, которые лежат в основе номинации, и т. д. [6].

По мнению К. А. Гейна, семантическая функция уходит на второй план при создании имени собственного по сравнению с номинативной. Таким образом, «ономастикон (топонимикон) может быть определен как сложившаяся на базе доминирующих в сознании пользователей системы имен собственных (топосистемы) представлений номинативная система» [4. С. 194].

Как отмечают исследователи, онимическое поле характеризуется ядром и периферией. Отнесение к ядру или периферии онимического поля определяется особенностями апеллятивно-онимического комплекса (АОК): онимы, не требующие апеллятивного сопровождения, относятся к ядру; онимы, для которых необходим апеллятивный компонент, относятся к периферии [7].

Изучение функционирования топонима с точки зрения его перекодирования в ономастиконе является актуальной научной проблемой. Ономастические исследования такого рода обеспечивают решение проблемы адекватного декодирования текста, в том числе машинного. В качестве материала были использованы контексты, отобранные из различных источников, представленные в «Национальном корпусе русского языка», в общероссийских и региональных СМИ. Это связано с тем, что в общероссийских СМИ представлены контексты с лексемой «Севастополь»,

позволяющие сравнить функционирование номинатемы в общероссийском и региональном дискурсе.

Цель статьи — рассмотреть номинативный потенциал топонима «Севастополь».

Номинативный потенциал — это способность номинативной единицы (номинатемы) к участию в процессе именовании объектов окружающей действительности. Можно выделить несколько видов номинативного потенциала. Функционально-номинативный потенциал — это способность одной номинатемы обозначать несколько реалий. Деривационно-номинативный потенциал — это способность номинатемы служить производящей основой для другой номинатемы.

Первичная и вторичная номинация в сфере апеллятивной и онимной лексики, как мы считаем, имеет определенную специфику. Для апеллятивов первичная номинация — это именование фрагментов действительности при помощи непроемных слов. Для топонимов первичной номинацией мы считаем акт первичного имянаречения, если они воспринимаются в качестве непроемных единиц.

При вторичной номинации апеллятивов фонетический облик первообразной единицы используется для нового обозначаемого. В результате вторичной номинации появляются производные по морфологическому составу или по смыслу слова. Применительно к онимам вторичная номинация — это номинация, основанная на переосмыслении соотношения «означающее — означаемое», на метонимическом или метафорическом переносе значения одного звукового комплекса на другую реалию.

Для анализа воспользуемся примерами использования топонима «Севастополь» и его производных в материалах СМИ, интернет-коммуникации и художественных произведениях. При лингвострановедческом описании необходимо отметить, что город-герой Севастополь расположен на юго-западном побережье Крымского полуострова, на берегу Черного моря. Он служит незамерзающим полифункциональным портом, а также является культурным, историческим, промышленным, научно-техническим, туристическим центром. Славу городу принесла героическая оборона Севастополя во время Крымской и Великой Отечественной войн. В настоящее время Севастополь гордится тем, что в нем располагается главная военно-морская база Черноморского флота Российской Федерации. Город имеет статус

исторических поселений федерального значения России.

Как топоним «Севастополь» представляет собой первичную номинацию: «Москва, Севастополь — города-герои» (Известия). В разговорной речи жители Севастополя используют слово *Севастик* в качестве ласкового названия города [9]. Кроме того, в разговорной речи нередко можно услышать использование формы *Севас*. Так же как в других случаях первичной номинации, для понимания происхождения необходимо обращение к этимологическому или историческому анализу. Топоним «Севастополь» — греческого происхождения и обозначает «город, достойный поклонения».

На базе простой первичной номинатемы образуются простые, сложные и составные вторичные номинатемы. К простым вторичным номинатемам относятся наименования судов, футбольного клуба, марки вина, гостиниц, санатория, кинотеатра.

Наибольшим номинативным потенциалом топоним «Севастополь» обладает по отношению к наименованиям судов, что объясняется военно-морским значением города.

1) «Севастополь» — деревянный парусно-винтовой батарейный броненосец Балтийского флота Российского императорского флота, первый в российском флоте броненосный линейный корабль. Введен в эксплуатацию в 1865 г., исключен из списков флота в октябре 1886 г. «Летом 1862 г. контр-адмирал С. С. Лесовский представил в Морское министерство проект переделки “Севастополя” и “Петропавловска” в безрангутные низкобортные броненосные батареи с тремя башнями» (<http://keu-ocr.narod.ru/Cruisers/chap03.html>).

2) «Севастополь» — линейный корабль русского и советского флота, назван в честь обороны Севастополя 1854—1855 гг., участник Первой и Второй мировых войн. Вместе с кораблями «Полтава», «Петропавловск», «Гангут», однотипных по компоновке, заложен в 1909 г. и образует тип линейных кораблей «Севастополь». В 1956 г. выведен из флота. «В день юбилея спуска на воду линейного корабля “Севастополь” Сергей Варшавчик напоминает судьбу всей серии линкоров этого типа» (РИА Новости).

3) «Севастополь» — противолодочный корабль, переквалифицированный в ракетный крейсер 1134 Тихоокеанского флота СССР. Исключен из состава ВМФ в 1989—1994 гг. «Так же как и в оригинале проекта корабля, “Владивосток” и “Севастополь” будут оснащены спортзалом с беговыми дорожка-

ми, штангами и гантелями, добавил представитель штаба ВМФ» (Известия).

4) «Севастополь» — последний корабль из серии эскадренных броненосцев типа «Полтава». Введен в эксплуатацию в 1900 г. Название получил в память о первой обороне Севастополя (1854—1855). Всю свою службу провел на Дальнем Востоке, стал одной из жертв Русско-японской войны 1904—1905 гг. Затоплен экипажем 20 декабря 1904 г. накануне капитуляции Порт-Артура. «До самого конца обороны Порт-Артура “Севастополь” продолжал оказывать огневую поддержку сухопутным войскам» (РИА Новости).

5) «Севастополь» — российская дизель-электрическая подводная лодка, заложена в 2006 г. в Санкт-Петербурге для ВМФ России, а в 2015 г. перезаложена под новым именем «Великие Луки». «Строятся серийные подводные лодки этого типа “Кронштадт” и “Севастополь”» (Родина).

В основе названия футбольного клуба «Севастополь» лежит метонимический перенос «место расположения клуба — клуб». Это крымский футбольный клуб из города Севастополя, основанный в 2014 г. Серебряный призер чемпионата премьер-лиги Крымского футбольного союза сезона-2017/18, третьего турнира среди профессиональных футбольных команд. «Изначально было 16 команд, но киевский “Арсенал” обанкротился, “Волынь” ждет аналогичная судьба, “Таврия” и “Севастополь” будут выступать в России» (Известия).

Бренд вина «Севастополь» образован метонимическим переносом «место производства — бренд». Это марочное белое крепкое вино длительной выдержки, единственный производитель — Инкерманский завод марочных вин в Крыму. На Международном дегустационном конкурсе вин и спиртных напитков Grand Collections-2009 в Москве получило золотую медаль. «Предварительно мы договорились, что через какое-то время они тоже войдут в проект выпуска вин из севастопольского винограда под брендом “Севастополь”, а остальное будет производиться под другими марками» (<https://expert.ru/south/2015/08/ochen-naglyadnyij-biznes>).

Наименование гостиницы «Севастополь» относится к двум объектам: в городах Севастополе и Москве. «Севастополь» — один из самых больших гостиничных комплексов Москвы, открыт в 1979 г. к Летним Олимпийским играм 1980 г. «Не прошло и получаса, как фанаты напали на выходцев с Кавказа возле станций метро “Каширская”

и “Каховская”, а еще одна группа погромщиков от Царицынского рынка направилась к гостинице “Севастополь”, по дороге избивая прохожих» (Известия). Если для носителей языка известно местоположение метро и его станций, то они легко определяют по контексту, что речь идет о гостинице в Москве. Для лиц, не владеющих лингвострановедческими знаниями, невозможно определить, о какой из гостиниц идет речь, что ведет к коммуникативной неудаче.

Название «Севастополь» носят санаторий в Ялте, построенный в 1957 г., и пансионат в самом Севастополе. «Пансионат “Севастополь” в Ялте — тезка главного города-героя Крыма» (<https://krymania.ru/pansionat-sevastopol-yalta/>).

Наименование кинотеатра относится к двум реалиям: 1) «Севастополь» — кинотеатр в Москве, построенный в 1964 г. На данный момент не эксплуатируется, закрыт в начале 1990-х гг. «Услышав однажды, как Москву называют портом пяти морей, я целый день бродил по соседним улицам, но отыскал лишь пруд за кинотеатром “Севастополь”» (Столица); 2) «Севастополь» — кинотеатр в Севастополе. «Кинотеатр “Севастополь” находится в собственности у общества с ограниченной ответственностью “Мир кино”» (<https://sevastopol.su/news/kinoteatr-sevastopol-vnov-zarabotal>).

Вторичная сложная номинация представлена наименованием футбольного стадиона «Севастополь-Арена» (спортивный комплекс). Футбольный стадион в Севастополе, открыт в 2011 г. после реконструкции. Является домашней ареной клуба «Севастополь». «Спортивный комплекс “Севастополь-Арена” (СКС-Арена) может принять 5644 тыс. любителей футбола» (Известия).

Вторичная составная номинация встречается в названиях подводной лодки и гостиниц. «Героический Севастополь» — советская подводная лодка, принимавшая участие в боевых действиях во время Великой Отечественной войны. Спущена на воду в 1939 г., выведена из состава флота в 1978 г. «18 июня 1943 года корабль приказом наркома ВМФ получил имя “Героический Севастополь”» (www.sovboat.ru/ship/sl4.php3).

«Севастополь Модерн» и «Севастополь Классик» — наименования гостиниц в Москве. Номинации связаны с расположением гостиниц рядом со станцией метро «Севастопольская». Второй компонент номинатемы указывает на разницу в классе гостиниц. «Севастополь Модерн» — более современный, трехзвездочный отель. «Севастополь Классик» — более ранний, двухзвездочный.

Деривационно-номинативный потенциал номинатемы «Севастополь» реализуется кругом отонимных дериватов. Топоним «Севастополь» служит производящей базой для наименования коренных жителей города. «Невооруженные *севастопольцы*, женщины и даже дети, бросились к месту приземления, чтобы схватить фашистов» (Комсомольская правда).

На базе апеллятива «севастополец» появляется оним — наименование плавучего крана. «В проливе же сели на мель две баржи — “Дика” и “Деметра”, а также плавкран “*Севастополец*”» (РИА Новости). Так как понятие «плавучий» и топоним «Севастополь» связаны с морем, эта опосредованная связь между ними легла в основу именования.

Кроме того, от лексемы «Севастополь» образуются относительные прилагательные со свободным значением «относящийся к Севастополю»: «Война была в самом разгаре, когда Никита попал в *севастопольский* госпиталь с распоротым наискось животом: полк Некитаева первым вошел в Царьград — там в отчаянных уличных боях османы вспомнили о своих чудаковато вогнутых ятаганах, которыми некогда покорили полмира впоследствии истребленные Махмудом Вторым янычары» (Октябрь).

В связанном значении прилагательное «севастопольский» входит в состав исторических терминов и становится онимом. Например, *Севастопольская оборона*: 1) 349-дневная оборона русскими войсками Севастополя (главной базы Черноморского флота) в Крымской войне в 1854—1855 гг. (в данном значении также используется термин *Севастопольская кампания*) («Для них что Отечественная война, что *севастопольская* кампания были одинаковой стариной, а для него в севастопольскую повар был уже пожилым человеком, служил казначеем в севастопольском ополчении, которое собирали по всей России...» — Д. Гранин. Зубр); 2) боевые действия советских и немецких войск в Крыму в ходе Великой Отечественной войны, происходившие с 30 октября 1941 по 4 июля 1942 г. («*Севастопольская оборона* вошла в историю как пример массового героизма и самопожертвования защитников города». — РИА Новости).

В языковом сознании крымчан к двум общеизвестным оборонам Севастополя добавляется еще одна, которая обозначается связанным сочетанием «*третья оборона Севастополя*». Необходимо отметить, что оно размыто в российском языковом сознании и соотносится с разными периодами.

Общим компонентом лексического значения является «защита Севастополя от украинских националистов». Поэтому именно под таким символическим названием вышла статья адмирала Черноморского флота Игоря Касатонова в газете «Известия» 6 мая 2016 г.: «Волею судьбы мне выпала честь организовать и возглавить третью оборону Севастополя». Можно предположить, что именно И. Касатонов ввел эту номинатему в лексикон. Как непосредственный участник, адмирал Касатонов подробно описал хронологию событий, в финале которых 4 января 1992 г. Черноморский флот не принял украинскую присягу. Однако эта лексема была переосмыслена еще дважды — в середине 2000-х и в 2014 г. Как отмечает издание «Кириллица», «словосочетание “*третья оборона Севастополя*” появилось в середине нулевых, когда украинские власти пытались выжить русский флот из города русской славы». Во время Крымской весны оно стало восприниматься как относящееся именно к этому периоду, так как была предпринята очередная попытка захвата базы Черноморского флота. Последние события вытеснили из языкового сознания предшествующие, так как оказались наиболее значимыми для крымчан в исторической перспективе.

Образованная на основе лексемы «Севастополь» при помощи суффикса *-ец* форма *севастополец* как первичная номинатема обозначает наименование людей, коренных жителей города Севастополя, и в качестве вторичной используется как наименование плавучего крана.

Отметим, что дериваты *Севастопольский*, *Севастопольская* в первичном значении активно используются в урбанонимиконе, входят в состав исторических и географических терминов. В качестве вторичных номинатем обладают богатым номинативным потенциалом, который требует отдельного изучения.

Таким образом, номинативный потенциал топонима «Севастополь» представлен как функционально-номинативным, так и деривационно-номинативным видами. Номинатема «Севастополь» используется как первичная номинатема в названии города и относится к ядру ономастикона. В составе апеллятивно-онимических комплексов, которые при употреблении без апеллятива приводят к множественности номинаций, оним «Севастополь» относится к периферии. Он встречается в названиях кораблей, подводных лодок, входит в состав названий футбольных команд, гостиниц, санаториев, именуется бренд вина. Как вторичная сложная номинатема оним «Севастополь» употребляется

в названии спортивного комплекса «Севастополь-Арена» и входит во вторичные составные номинамы «Героический Севастополь», «третья обора Севастополя».

Список литературы

1. Алексеева, Е. А. Имя собственное в аспекте перевода / Е. А. Алексеева // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. — 2014. — № 2. — С. 77—87.
2. Вардзелашвили, Ж. А. К вопросу о толковании термина «номинация» в лингвистических исследованиях / Ж. А. Вардзелашвили // Славистика в Грузии : сб. науч. ст. № 1. — Тбилиси, 2000. — С. 62—68.
3. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология / В. Г. Гак. — М. : Международные отношения, 1977. — 264 с.
4. Гейн, К. А. Ономастиология и идеография имени собственного: две комплементарные интерпретационные методики ономастического исследования / К. А. Гейн // Известия ВГПУ. Филологические науки. — 2015. — № 5 (100). — С. 194—198.
5. Колшанский, Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке : монография / Г. В. Колшанский. — М. : Наука, 1975. — 230 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Советская Энциклопедия, 1990. — 688 с.
7. Мадиева, Г. Б. Система современной русской урбанонимической терминологии / Г. Б. Мадиева, В. И. Супрун // Вопросы ономастики. — 2017. — Т. 14, № 2. — С. 115—125.
8. Серебренников, Б. А. Языковая номинация (виды наименований) / Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. — М. : Наука, 1977. — 356 с.
9. Сленговый словарь Севастополя [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.sevastopolis.com/sleng/16518/page3.html> (дата обращения 13.06. 2019).
10. Супрун, В. И. Семантика и ментальный образ топонима [Электронный ресурс] / В. И. Супрун. — URL: http://crosslingua.cfuv.ru/publications/2017_1_suprun.pdf (дата обращения 09.10.2019).
11. Телия, В. Н. Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия // Языковая номинация. Виды наименований. — М. : Наука, 1977. — С. 129—221.
12. Телия, В. Н. Номинация / В. Н. Телия // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2-е изд. — М. : Большая Российская энциклопедия, 1998.

Сведения об авторах

Калугина Татьяна Васильевна — кандидат филологических наук (PhD), доцент кафедры русской филологии Крымского инженерно-педагогического университета, Симферополь, Россия. tvkalug@mail.ru

Судейманова Севиль Рефатовна — студентка группы АР-16 Крымского инженерно-педагогического университета, Симферополь, Россия. sevika16@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 1 (435). *Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 53—58.*

NOMINATIVE POTENTIAL OF THE TOPONYM SEVASTOPOL AND ITS DERIVATIVES

T.V. Kalugina

Crimean Engineering-Pedagogical University, Simferopol, Russia. tvkalug@mail.ru

S.R. Suleymanova

Crimean Engineering-Pedagogical University, Simferopol, Russia. tvkalug@mail.ru

The article discusses the use of the lexeme “Sevastopol” and its derivatives as units of primary and secondary nomination. It is found that on the basis of the toponym “Sevastopol” secondary names are formed, including the names of ships, a sports complex, a football club, hotels, a sanatorium, a wine brand. The nominative potential of the toponym Sevastopol is represented by both functional-nominative and derivational-nominative

species. The nominateme Sevastopol is used as a primary nomination in the name of the city and belongs to the core of the onomasticon. As part of the appellative-onymic complexes, which when used without an appellative result in a plurality of nominations, the onym Sevastopol refers to the periphery. It is found in the names of ships, submarines, it is part of the names of football teams, hotels, resorts, it gives name to the brand of wine. As a secondary complex nominative onym, “Sevastopol” is used in the name of the sports complex “Sevastopol-arena” and is included in the secondary component of the nominatememes “Heroic Sevastopol”, “The third defense of Sevastopol”.

Keywords: *onomasticon, nominative potential, primary nomination, secondary nomination, toponym, Sevastopol, nominateme.*

References

1. Alekseeva E.A. Imya sobstvennoe v aspekte perevoda [Proper Name in the aspect of translation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teoriya perevoda* [Bulletin of Moscow University. Ser. 22. Translation theory], 2014, no. 2, pp. 77-87. (In Russ.).
2. Vardzelashvili Zh.A. K voprosu o tolkovanii termina “nominaciya” v lingvisticheskikh issledovaniyakh [On the question of interpretation of the term “nomination” in linguistic research]. *Slavistika v Gruzii* [Slavistics in Georgia], no. 1. Tbilisi, 2000. Pp. 62-68. (In Russ.).
3. Gak V.G. *Sopostavitel'naya leksikologiya* [Comparative lexicology]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1977. 264 p. (In Russ.).
4. Gejn K.A. Onomasiologiya i ideografiya imeni sobstvennogo: dve komplementarnye interpretacionnye metodiki onomasticheskogo issledovaniya [Onomasiology and ideography of the proper name: two complementary interpretive methods of onomastic research]. *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki* [Bulletin of VSPU. Philological science], 2015, no. 5 (100), pp. 194-198. (In Russ.).
5. Kolshanskij G.V. *Sootnoshenie sub'ektivnyh i ob'ektivnyh faktorov v yazyke* [Correlation of subjective and objective factors in language]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 230 p. (In Russ.).
6. Yarceva V.N. (ed.-in-chief). *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sov. Enciklopediya Publ., 1990. 688 p. (In Russ.).
7. Madieva G.B., Suprun V.I. Sistema sovremennoj russkoj urbanonimicheskoy terminologii [System of modern Russian urbanonymic terminology]. *Voprosy onomastiki* [Questions of onomastics]. 2017, vol. 14, no. 2, pp. 115-125. (In Russ.).
8. Serebrennikov B.A., Ufimceva A.A. *Yazykovaya nominaciya (vidy naimenovanij)* [Linguistic nomination (types of names)]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 356 p. (In Russ.).
9. *Slengovyy slovar' Sevastopolya* [Slang dictionary of Sevastopol]. Available at: <http://www.sevastopolis.com/sleng/16518/page3.html>, accessed 13.06. 2019. (In Russ.).
10. Suprun V.I. *Semantika i mental'nyj obraz toponima* [Semantics and mental image of a toponym]. Available at: http://crosslingua.cfuv.ru/publications/2017_1_suprun.pdf, accessed 09.10.2019. (In Russ.).
11. Teliya V.N. Vtorichnaya nominaciya i ee vidy [Secondary nomination and its types]. *Yazykovaya nominaciya. Vidy naimenovanij* [Language nomination. Types of names]. Moscow, Nauka Publ., 1977. Pp. 129-221. (In Russ.).
12. Teliya V.N. Nominaciya [Nomination]. *Yarceva V.N. (ed.-in-chief). Yazykoznanie. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'* [Linguistics. Large encyclopedic dictionary]. Iss. 2. Moscow, Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya Publ., 1998. (In Russ.).

ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ПАДЕЖЕЙ И ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М. А. Калюга

Университет Маккуори, Сидней, Австралия

Представлен обзор факторов, влияющих на изменение в употреблении беспредложных падежей и предложно-падежных конструкций в русском языке, таких как: тенденция русской грамматики к аналитизму, трансформации в семантике управляющих слов и воздействие синтаксической модели слов с близким значением. В исследовании также рассматривается роль концептуальных метафор в таких изменениях.

Ключевые слова: *изменения, падежи, предлоги, аналитизм, концептуальная метафора, русский язык.*

Введение

На протяжении развития русского языка произошли и происходят фундаментальные изменения в использовании падежей и предлогов. В данной статье рассматриваются такие ключевые факторы, повлиявшие на процесс изменений в использовании падежей и предлогов, как возрастающий уровень аналитизма, изменение в значении слов, управляющих падежами и предлогами, влияние синтаксических особенностей слов со схожими значениями, а также изменения в концептуальных метафорах, лежащих в основе семантических сдвигов.

Материалом для исследования послужили тексты, представленные в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), а также словари древнерусского и среднерусского языков.

1. Тенденции к аналитизму в русском языке

Тенденция к аналитизму в русском языке отмечалась многими исследователями. Например, на переход русского языка от синтетического строя к смешанному, аналитико-синтетическому, указывал еще Виноградов [6]. Данная точка зрения была подтверждена, в частности, такими исследователями, как Астен [2], Валгина [4], Дедковская [8], Непомнящих [14], Рябушкина [17], Чулкова [27]. Отмечается, что «аналитизм наращивает силу в определенных звеньях грамматической системы, а язык функционирует как гибкая динамичная система, двигаясь к аналитизму на одних участках и сохраняя синтетические свойства на других» [2. С. 256]. К проявлениям тенденции к аналитизму относят, в частности, сокращение общего числа падежей, а также вы-

теснение беспредложных падежей сочетаниями падежей с предлогами.

Много исследований посвящено процессу, связанному с сокращением числа падежей и характерному для русского языка второй половины XX в., такому как, например, экспансия именительного падежа [4; 7; 9; 16; 17]. Под экспансией именительного падежа понимается расширение сферы употребления именительного падежа и его функционирование на месте косвенных падежей (1 а—в):

1. а) *Ну уж я думаю / не больше пятьсот долларов* [Беседа с социологом на общественно-политические темы. Москва, 2003 (НКРЯ)];

б) *Дом нравится. Место красивое/удобное / центр. Опять-таки / магазины.* [Беседа в Новосибирске, 2003 (НКРЯ)];

в) *Автообъявления.* Продаю а/м ВАЗ-21099, декабрь 1998 года, двигатель 1500 л. с., июнь 1999 года... [Комсомольская правда, 2006.06.24 (НКРЯ)].

Исследователи отмечают, что экспансия именительного падежа характерна преимущественно для разговорной (устной) речи [17] или малоформатных текстов [14]. Причины процесса экспансии именительного падежа хорошо описаны в лингвистической литературе (см., напр.: [5]; [8]) и включают такие экстралингвистические факторы, как, например, неподготовленность разговорной речи [17] или маленький размер текста, в котором в упрощенной форме нужно передать необходимую информацию [14]. Например, в рекламных текстах «именительный падеж не только помогает значительно сократить размер текста, но и сократить финансовые затраты при оплате продолжительности рекламного объявления» [Там же].

Другим процессом в эволюции русского языка, который повлиял на употребление падежей и предлогов, было сокращение числа падежей, которые могут сочетаться с предлогом. Это явление также говорит об ослаблении роли падежей.

Например, согласно Словарю русского языка XI—XVII вв. (далее — СлРЯ XI—XVII), предлог *за* мог сочетаться с винительным (2а), творительным (2б) и родительным падежами (2в), а в современном русском языке — только с винительным (2г) и творительным (2д):

2. а) *Побѣгни за градъ* [19. С. 127];

б) *А дворъ ему данъ на принапрѣздъ въ слободъ же за прудомъ* [Там же. С. 128—129];

в) *За нашей памяти при нашемъ видѣнии выкинуло море чудо морское* [Там же. С. 130];

г) — *...То все там, — махнула она рукой куда-то на лес за озеро* [Воробьев К. Вот пришел великан. 1971 (НКРЯ)];

д) *Мы с Юшкой спрятались за шкафом у кабинета директора* [Сабитова Д. Где нет зимы. 2011 (НКРЯ)].

Одним из примеров тенденции к уменьшению роли падежей является и то, что в XIX в. предлоги *перед* и *над* стали редко сочетаться с винительным (3а, б), а в дальнейшем произошло полное исчезновение такого употребления этих предлогов:

3. а) *Он приказал вынести портрет перед палатку, с тем чтобы не лишить старую гвардию, стоявшую около его палатки, счастья видеть римского короля, сына и наследника их обожаемого государя* [Толстой Л. Н. Война и мир. 1867—1869 (НКРЯ)];

б) *И еще как надойдет над гору и станет на ней, а внизу река в половодье разлилась, шумит, и он стоит, матушка, и поет: расплескалась, разливалась, — просто, говорили люди, отца и мать бы забыл и всё слушал его!..* [Салтыков-Щедрин М. Е. Рецензии. 1863—1864 (НКРЯ)].

Более того, с XIX в. стало встречаться вариативное употребление творительного и винительного падежей с предлогами *за* и *под* — например, в случаях, когда они управляются глаголами со значением каузации положения в пространстве (4а—д):

4. а) *Во втором часу утра, когда я там был, употребляли последние средства: облепили его горчицей и шпанскими мухами, поставили за уши пиявки и обложили голову льдом* [Корф М. А. Из дневника. 1838—1839 (НКРЯ)];

б) *Мушку поставил за ухом* [Слепцов В. А. Трудное время. 1865 (НКРЯ)];

в) *Они обнялись и поцеловались, и Наталья Николаевна пошла досиживать ночь в свою спальню, а Ахилла, поставив под сарай своих коней, разостлал на крыльце войлок и лег на него навзничь и пролежал ночь, уставясь глазами в звездное небо* [Лесков Н. С. Божedomы. 1868 (НКРЯ)];

г) *Тройку рабочих пусть выведут пока из стойл и поставят под сараем, к решетке* [Лесков Н. С. Некуда. 1864 (НКРЯ)];

д) *Некомат с трудом поднял шкатулку со стола и поставил под лавку: «Извини, боярин, что прибраться не успел* [Полевой Н. А. Повесть о Симеоне суздальском князе. 1828 (НКРЯ)].

Глаголы стали играть более важную роль при разграничении статичных (5а, в) и динамичных ситуаций (5б, г), как в следующих примерах с *за* + творительный и *под* + творительный:

5. а) *Лизавета лежит за перегородкой, где повешена и зыбка с ребенком* [Писемский А. Ф. Горькая судьбина. 1859 (НКРЯ)];

б) *Третьяков лег за коньком крыши, потянул через голову автомат* [Бакланов Г. Я. Навеки девятнадцатилетние. 1979 (НКРЯ)];

в) *Спущенные шторы не пропускали яркого света, а вся терраса стояла под парусинным навесом* [Боборыкин П. Д. Василий Теркин. 1892 (НКРЯ)];

г) *Она встала под навесом остановки* [Садур Н. Девочка ночью. 1981 (НКРЯ)].

Кроме того, как писал Булаховский [3. С. 310], сочетание *сквозь* с родительным уступило место управлению только с винительным (6а, в), хотя управление с родительным еще встречалось в XIX в. (6б, г):

6. а) *Чуть солнце сквозь туман глядит, Не грея бледными лучами* [Никитин И. С. Кулак. 1854—1857 (НКРЯ)];

б) *Но не прозреть нам к солнцу сквозь тумана...* [Голенищев-Кутузов А. А. «Так жить нельзя! В разумности притворной...». 1884.12.07 (НКРЯ)];

в) *Бесспорно, она утратила чиновный мир, но сквозь страх слышалось недоумение в виде вопроса: неужели же нельзя будет больше красть?* [Мещерский В. П. Мои воспоминания. 1897 (НКРЯ)];

г) *...Тайная радость меж тем сквозь страха вкралась в душу...* [Катенин П. А. Идиллия. 1831 (НКРЯ)].

В качестве примера проявления тенденции к анализируемости в русском языке исследователи час-

то приводят процесс вытеснения беспредложных конструкций конструкциями с предлогом. Этот процесс объясняется общей тенденцией языка дифференцировать значения [29. С. 9]. Предлоги используются для преодоления многозначности падежей [2; 3; 10; 25; 28]. Например, в древнерусском языке произошло постепенное ослабление и утрата пространственных значений беспредложных конструкций (7 а—в):

7. а) *Прѣстависа мѣстиславъ кыѣвѣ* [Новгородская 1-я летопись. Синодальный список (НКРЯ)];

б) *Игорь же дошедь Дуная созва дружину и (на)ча думати* [Повесть временных лет (НКРЯ)];

в) *И боларе несоша [и] Киеву и положень бы(с) в стѣи Соовы оу вѣа своѣго* [Суздальская летопись (НКРЯ)].

Один из падежей, местный падеж, даже перестал употребляться без предлогов.

2. Влияние изменений в семантике управляющих слов

Другим распространенным фактором, который влияет на использование падежей и предложно-падежных конструкций, является изменение значений слов, управляющих этими падежами и предложно-падежными конструкциями. Например, Ферм отмечал сужение полисемии слова *веселиться*. Глагол *веселиться* утратил значение «радоваться», что повлияло на его способность управлять творительным падежом для обозначения стимула этого эмоционального состояния [26. С. 312—313]. В XVIII в. *веселиться* еще сочетался с творительным падежом (8 а, б):

8. а) *Однако, и они веселились ею не долго, налетѣла вдругъ страшная туча съ превеликою бурей и вихремъ, полился проливной дождь и разогналъ весь чорный народъ.* [Болотов А. Т. Съездъ дворянъ на ярмарку. 1789—1816 (НКРЯ)];

б) *Я радовался и веселился необозримостию пенистых волн, свистом бури и дерзостию человеческою* [Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. 1793 (НКРЯ)].

Также в XIX в. глагол *бежать* утратил значение «уклоняться, избегать» (9) и, следовательно, потерял способность сочетаться с родительным беспредложным.

9. *Я бежал толпы, презирал ее...* [Гончаров И. А. Обыкновенная история. 1847 (НКРЯ)].

3. Влияние синтаксической модели слов с близким значением

Другим распространенным фактором, влияющим на употребление предложно-падежных конструкций, является синтаксическая модель синонимов и слов с близким значением. Каждый нормативный язык пытается использовать свои синтаксические средства последовательно и единообразно [1. С. 545], и, следовательно, слова со сходным значением употребляются в сходных синтаксических конструкциях. Например, когда в XVIII—XIX вв. у глагола *докучать* появилось значение «настойчиво просить, приставать с просьбами, расспросами», он начал сочетаться с предлогом *о* и предложным падежом (10а) или, реже, с предлогом *про* и винительным (10б), так же как и другие глаголы со сходным значением, такие как *просить* или *спросить*:

10. а) *Атаманы и козаки беспрестанно нам бьют челом и докучают о денежном жалованье, о своих и конских кормах, а нам их пожаловать нечем и кормов давать нечего* [Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 1859 (НКРЯ)];

б) *Сталь ему докучать про невьѣсту, фаворить доложилъ государю...* [Мельников-Печерский П. И. Старые годы. 1857 (НКРЯ)].

4. Изменения в концептуальных метафорах

Многие исследователи (напр.: [7. С. 240—262; 12. С. 270]) отмечают ослабление или даже полное исчезновение отдельных значений падежей или предложно-падежных конструкций. Проблемам изменения значений падежей и предлогов большое внимание уделяется в когнитивной лингвистике. Широко распространенным положением когнитивной лингвистики является то, что изменения значений падежей и предложно-падежных конструкций не случайны и часто появляются в результате метафорических переносов. В представлении современной когнитивной лингвистики, метафора — это одна из основных ментальных операций. Концептуальная метафора включает в себя два домена, один из которых, более «абстрактный» (целевой домен), понимается и передается с помощью другого, более «конкретного» (исходного домена) [30]. Например, во многих индоевропейских языках встречается метафора «инструмент — спутник» [31. Р. 148; 32], объясняющая совмещение значений инструмента и комитатива. Как видно из примеров из СлРЯ XI—XVII, такая

полисемия была характерна для творительного падежа с предлогом *с* (11 а, б):

11. а) *Никътоже бо не может знамении сихъ творити... аще не будетъ Бъ с нимъ* [24. С. 8];

б) *Аще кто съ с трети первыми персты не воображаетъ крестнага знамениа... да будетъ проклять* [Там же. С. 9].

Некоторые концептуальные метафоры со временем исчезают или становятся непродуктивными. Например, метафора «инструмент — спутник» встречается только в очень немногих выражениях в современном русском языке. Примерами таких выражений являются *переводить со словарем* (12а), *прыгать с парашютом* (12б), *ходить с палкой* (12в):

12. а) *Согласно заполненной им анкете, немецким, английским и датским языками он владел свободно, а по-древнеегипетски читал и переводил со словарем* [Горелик Г. Андрей Сахаров. 2004 (НКРЯ)];

б) *А он в своей жизни не только не прыгал с парашютом, но и ни разу не летал на самолете* [Быков В. Болото. 2001 (НКРЯ)];

в) *Как же он поднимался по этой лестнице, вроде что-то было у него с ногой, во всяком случае ходил с палкой, а может, и не поднимался, потому как никогда не спускался, сидел себе...* [Светов Ф. Мое открытие музея. 2001 (НКРЯ)].

В современном русском языке гораздо более распространена модель семантического переноса, основанная на метафоре «инструмент» или «средство — путь». Например, предложно-падежные конструкции *по* + дательный и *через* + винительный, а также беспредложный творительный, обозначают «путь», то есть пространство между исходной и конечной точкой движения (13 а—в), а также инструмент или средство (13 г—е):

13. а) *Но вот из-за угла, где висит платье, вырастает длинная, тонкая фигура; она подымается по стене, ползет по потолку, спускается вниз, над подсудимым, и смотрит на него в упор* [Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве. 1925—1928 (НКРЯ)];

б) *Если напрямик через овраг, те же полчаса — и я выйду на зады нашей улицы* [Сабитова Д. Где нет зимы. 2011 (НКРЯ)];

в) *Обходили их стороной, шарахались от звуков гитары и огородами вышли к парикмахерской* [Башкуев Г. Маленькая война. 2013 (НКРЯ)];

г) *А мне оставалось составлять и передавать по телефону в район очередные сводки...* [Овчинников В. В. Калейдоскоп жизни. 2003 (НКРЯ)];

д) *Изучая знак через лупу, я обнаружил следы золочения на гербе; на выступающих частях знака это золочение было стерто* [Толмачёв Р. Золотые гербы врачей-отличников. 2008 (НКРЯ)];

е) *Потом несколько раз повторял своим голоском: «Бутылка, Тарелка, Фокус», — разбивал тарелку молотком, кланялся и уходил* [Кио И. Э. Иллюзии без иллюзий. 1995—1999 (НКРЯ)].

Процесс утраты значений, основанных на устаревшей концептуальной метафоре, можно также проиллюстрировать на примере предложно-падежной конструкции *над* с творительным падежом. На основе метафоры «больше — выше» [32] эта предложно-падежная конструкция развила значение «больше, более», как это видно из примера, приведенного в словаре русского языка XI—XVII вв. (14):

14. *Възлюби ж<е> Ровоамъ Мааху дщерь Абсолоню надъ всѣми женами своими и наложницами* [21. С. 60].

Метафору «больше — выше» можно обнаружить и в полисемии конструкции *сверх* + родительный, которая имела значение «выше» (15а) и «больше» (15б):

15. а) *А отводъ землю отъ Белоозера за Лымбуемъ за рѣчкою, по первой вражекѣ отъ слободы межа, да сверхъ врашка, через мохъ на Паломбой рѣчку* [24. С. 117];

б) *А будетъ Печенского монастыря строитель съ братьею... учнуть въ которые города привозить соль и торговать сверхъ тысячи рублей, и съ того... пошлину по нашему великого государя указу* [Там же].

Примерами конкурирующих концептуальных метафор, одна из которых вытеснила другую, являются и метафоры «причина — путь» и «причина — источник». Полисемия, основанная на метафоре «причина — путь», характерна для предложно-падежных конструкций *по* + дательный, *через* + винительный и беспредложный творительный, которые могут обозначать «путь» (13 а—в), а также имели причинное значение (16 а—в):

16. а) *Аще достоинъ чл(о)вку пустили жену свою по всякой винѣ* [21. С. 116];

б) *В некотором смысле это случилось через меня* [Набоков В. В. Камера обскура. 1933 (НКРЯ)];

в) *Медлительность моего отвѣта происходит отъ того, что послѣднее письмо,*

которое удостоился я получить от Вашего Превосходительства, ошибкою было адресовано во Псковъ [Пушкин А. С. Письмо А. Х. Бенкендорфу. 1827.03.22 (НКРЯ)].

В XVIII в. произошло постепенное ослабление, а потом полное исчезновение творительного падежа в причинном значении [12], а употребление *через* + винительный в этом значении существенно сократилось. В современном русском языке из этих трех языковых единиц, только по + дательный по-прежнему может быть маркером причины (17):

17. Портфель с конспектами и книгами будто по рассеянности забыт в шкафу, закуска — краюшка хлеба и огурец — в кармане [Азольский А. Облдрамтеатр. 1997 (НКРЯ)].

На метафоре «причина — источник» основана полисемия предложно-падежных конструкций *из* + родительный, *из-за* + родительный, *от* + родительный и *с* + родительный, которые обозначают «источник», то есть исходный пункт движения (18 а—г), и причину (18 д—з):

18. а) Он достал из шкафа бутылку кубинского рома. Финки с удовольствием выпили. Рымарь снова налил [Довлатов С. Чемодан. 1986 (НКРЯ)];

б) Элоиза вытащила раскладушку из-за шкафа [Ломов В. Музей «Октябрь». 2002 (НКРЯ)];

в) ...Она наконец-то отошла от шкафа и смело посмотрела на Андрея [Азольский А. Лопушок. 1998 (НКРЯ)];

г) Прыгали со шкафа, терлись об ноги, мяукали у плиты [Андропова А. А. Вариант нормы. 2008 (НКРЯ)];

д) Ты говоришь это только из ненависти к нему! [Романов С. Парламент. 2000 (НКРЯ)];

е) Может быть, из-за усталости так испортилось настроение? [Трифонов Ю. В. Конец сезона. 1960—1965 (НКРЯ)];

ж) Пыльные серо-зеленые листья, скрученные от жары полутрубочками, словно просили пить [Грекова И. На испытаниях. 1967 (НКРЯ)];

з) Какая-то старушка рядом шла, так она чуть не упала со страха [Голявкин В. В. Рисунки на асфальте. 1965 (НКРЯ)].

С начала XIX в. расширилось использование языковых единиц, причинное значение которых развилось на основании метафоры «причина — источник». Они вытеснили языковые единицы, причинное значение которых основано на метафоре «причина — путь», такие как *через* + винительный и беспредложный творительный.

Существуют также различные конкурирующие концептуальные метафоры уступительных отношений. Одним из предлогов уступки является *вопреки*, употребляющийся с дательным падежом, который «предполагает, что имеет место ситуация А, но она противоречит Б, совершается вопреки ей: *Смоленск оставляется (А) вопреки воле государя и всего народа (Б)* (Л. Н. Толстой)» [13].

Согласно СлРЯ XI—XVII, одним из значений *вопреки* + дательный было «поперек» (19):

19. Ять впрѣкы стегна ег<о> и утрати жилы ег<о> [23. С. 244].

Направление «поперек» может также выражаться предложно-падежными конструкциями *через* + винительный (20а) и *поперек* + родительный (20 б):

20. а) *Переезжал он через реку на сооружении, напоминающем деревянное корыто, покрытое тѣсом, посреди которого торчала тонкая палочка, и на ней горела тусклая лампочка* [В. Астафьев. Затеси. 1999 (НКРЯ)];

б) *Богоборцы же начышия стреляти изо многих пушек... поперек троицакого воинства и в тыл* [22. С. 81].

На основании метафоры «вопреки — поперек» эти конструкции развили значение уступки (21 а—в):

21. а) *И въ томъ, государь, слове крестный образъ исповѣдаетъ впреки христианскому закону* [18. С. 26];

б) *А кто черезъ сю нашу царскую жаловальную грамоту богомолца нашего Антонія архіепископа и его приказныхъ людей и дѣтей боярскихъ и всякихъ его домовыхъ людей или крестьянъ чѣмъ избидить, и тому отъ насъ великого государя царя и великого князя Михаила Фёдоровича всеа Руси быти въ опаль* [Тарханная грамота царя Михаила Фёдоровича и патриарха Филарета рязанскому и муромскому архиепископу Антонию. 1623 (НКРЯ)];

в) Да будет ему отпишутъ или поперекъ прямая вести учинятца, что воры изъ Костромскаго уѣзда пришли [22. С. 81].

Через + винительный и *поперек* + родительный постепенно перестали употребляться как уступительные предложно-падежные конструкции, а конструкция *вопреки* + дательный утратила значение «поперек».

Кроме «поперек» доменом-источником «вопреки» является другой пространственный домен —

«выше». Метафора «вопреки — выше» прослеживается в полисемии предложно-падежных конструкций *над* + винительный и *сверх* + родительный, которые имели значения «выше» (22а) и «вопреки» (22б):

22. а) *А ихъ милость нѣмцы... въ начале еще дня того [страстной пятницы] ужравшися и упившися, надъ надежду встѣх, изъ великихъ дѣлъ стреляти на мѣсто руское начали* [20. С. 59];

б) *Будетъ они [крестьяне] сверхъ сего нашего указу гзы строить и рыбу ловитьна тѣхъ гзехъ учнутъ, и имъ быть въ жестокомъ наказаньѣ* [24. С. 117].

Заключение

Изменения в употреблении падежей и предлогов — сложный процесс, в котором взаимодействуют различные факторы. При анализе факторов, которые влияют на изменения в использовании падежей и предлогов, помимо таких явлений, как возрастающий уровень аналитизма, изменение в значении слов, управляющих падежами и предлогами, и влияние синтаксических особенностей слов со схожими значениями, важно также учитывать изменения в концептуальных метафорах. Концептуальные метафоры могут стать непродуктивными или даже постепенно исчезнуть из языка, что приводит к изменению использования падежей и предлогов.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография, 2 / Ю. Д. Апресян. — М., 1995. — 767 с.
2. Астен, Т. Б. Аналитизм в системе морфологии имени: когнитивный и прагматический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук / Т. Б. Астен. — Ростов н/Д, 2003. — 301 с.
3. Булаховский, Л. Курс русского литературного языка, 2 / Л. Булаховский. — Киев, 1953. — 436 с.
4. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке [Электронный ресурс] : учеб. пособие / Н. С. Валгина. — М. : Логос, 2001. — 304 с. — URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/about.htm> (дата обращения 06.12.2019).
5. Валентинова, О. Типологическая динамика языка как результат изменения ментальности его носителей / О. Валентинова, М. Рыбаков // Русский язык конца XX столетия (1985—1995) : коллектив. моногр. ИРЯ РАН. — М., 1995. — С. 58—70.
6. Виноградов, В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. Виноградов ; под ред. Г. А. Золотовой. — М., 2001. — 719 с.
7. Гловинская, М. Я. Активные процессы в грамматике / М. Я. Гловинская // Русский язык конца XX столетия / под ред. Е. А. Земской. — М., 1996. — С. 237—304.
8. Дедковская, Д. М. К вопросу о проявлениях аналитизма в современном русском языке / Д. М. Дедковская // Вестник Иркутского государственного технического университета. — 2011. — № 7 (54). — С. 201—206.
9. Ильина, Н. Е. Рост аналитизма в морфологии / Н. Е. Ильина // Русский язык конца XX столетия. — М., 2000. — С. 326—344.
10. Ломтев, Т. П. Из истории синтаксиса русского языка / Т. П. Ломтев. — М., 1954. — 80 с.
11. Мельников, Г. П. Системная типология языков / Г. П. Мельников. — М., 2003. — 395 с.
12. Михайлов, Н. Творительный падеж в русском языке XVIII в. PhD dissertation Acta Universitatis Upsaliensis / Н. Михайлов. — Studia Slavica Upsaliensia 47, 2012. — 296 с.
13. Мусатова, Г. А. Семантика уступки : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. А. Мусатова. — М., 2008. — 21 с.
14. Непомнящих, Е. А. Синтаксические конструкции малоформатных текстов в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Непомнящих. — М., 2013. — 24 с.
15. НКРЯ = Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 06.12.2019).
16. Рощина, Ю. В. Проявления тенденции к аналитизму в современной русской морфологии (на материале предметных и признаковых слов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. В. Рощина. — М., 2005. — 333 с.
17. Рябушкина, С. В. Имя числительное и «экспансия номинатива» / С. В. Рябушкина // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». — 2011. — № 4. — С. 41—46.

18. Словарь русского языка XI—XVII вв. № 3 / гл. ред. С. Г. Бархударов. — М., 1976. — 291 с.
19. Словарь русского языка XI—XVII вв. № 5 / гл. ред. С. Г. Бархударов. — М., 1978. — 295 с.
20. Словарь русского языка XI—XVII вв. № 10 / гл. ред. С. Г. Бархударов. — М., 1983. — 331 с.
21. Словарь русского языка XI—XVII вв. № 15 / гл. ред. С. Г. Бархударов. — М., 1989. — 290 с.
22. Словарь русского языка XI—XVII вв. № 17 / гл. ред. С. Г. Бархударов. — М., 1991. — 298 с.
23. Словарь русского языка XI—XVII вв. № 18 / гл. ред. С. Г. Бархударов. — М., 1992. — 290 с.
24. Словарь русского языка XI—XVII вв. № 23 / гл. ред. С. Г. Бархударов. — М., 1996. — 258 с.
25. Стеценко, А. Н. Исторический синтаксис русского языка / А. Н. Стеценко. — М., 1977. — 352 с.
26. Ферм, Л. Вариативное беспредложное глагольное управление в русском языке XVIII в. / Л. Ферм. — Huddinge : Södertörn, 2005. — 371 с.
27. Чулкова, И. В. Сопоставительный анализ процессов анализации в современном русском и немецком языках (на материале смешения падежных форм) / И. В. Чулкова // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. — 2011. — № 3. — С. 176—185.
28. Шведова, И. В. Функционирование дательного падежа в немецком и русском языках) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. В. Шведова. — М., 2011. — 175 с.
29. Brandner, A. Исторические аспекты семантики дательного падежа [Электронный ресурс] / A. Brandner // Przegląd Ruscystyczny. — 2006. — № 115 — P. 9—18. — URL: <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=556874> (дата обращения 06.12.2019).
30. Lakoff, G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago, London : The University of Chicago Press, 1980.
31. Luraghi, S. On the Meaning of Prepositions and Cases / S. Luraghi. — Amsterdam & Philadelphia : J Benjamins, 2003.
32. MML = Master Metaphor List [Электронный ресурс]. — URL: <http://araw.mede.uic.edu/~alansz/metaphor/METAPHORLIST.pdf> (дата обращения 06.12.2019).

Сведения об авторе

Калюга Марика Ашотовна — кандидат филологических наук, заведующая кафедрой русского языка Университета Маккуори, Сидней, Австралия. marika.kalyuga@mq.edu.au

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 1 (435). Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 59—67.

TENDENCIES IN THE DEVELOPMENT OF CASES AND PREPOSITIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

M.A. Kalyuga

Macquarie University, Sydney, Australia. marika.kalyuga@mq.edu.au

The issue of changes in the use of cases and prepositional phrases in the Russian language has attracted considerable attention in recent years. In this article, the review of factors influencing such changes involved studying analytic tendencies in Russian, transformations in the semantics of words that govern cases and prepositions, as well as the impact of the syntactic patterns of synonyms and near synonyms. The article also examines the role of conceptual metaphors in semantic shifts and polysemy development of cases and prepositional phrases. According to the research in cognitive semantics, the formation of a new meaning of a case or a prepositional phrase is often based on a conceptual metaphor. The productivity or unproductivity of a conceptual metaphor in the language affects the development of new meanings, as well as the weakening or even disappearance of the existing meanings of cases and prepositional phrases.

Keywords: *changes, cases, prepositions, analyticism, conceptual metaphor, Russian.*

References

1. Apresjan Ju.D. *Izbrannye trudy. Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija* [Selected papers. Integral description of the language and systemic lexicography], 2. Moscow, 1995. 767 p. (In Russ.).
2. Asten T.B. *Analitizm v sisteme morfologii imeni: kognitivnyj i pragmatičeskij aspekty* [Analyticism in morphological system of words: cognitive and pragmatic aspects]. Rostov-on-Don, 2003. 301 p. (In Russ.).
3. Bulakhovskij L. *Kurs russkogo literaturnogo jazyka* [The course of the Russian literary language], 2. Kiev, 1953. 436 p. (In Russ.).
4. Valgina N.S. *Aktivnye processy v sovremennom russkom jazyke* [Active processes in modern Russian]. Moscow, Logos, 2001. 304 p. Available at: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/about.htm>, accessed 06.12.2019. (In Russ.).
5. Valentinova O., Rybakov M. Tipologičeskaja dinamika jazyka kak rezul'tat izmenenija mental'nosti ego nositelej [Typological dynamics of the language as a result of a change in the mentality of its speakers]. *Russkij jazyk konca XX stoletija (1985-1995)* [Russian language of the late twentieth century (1985-1995)]. Moscow, 1995. Pp. 58-70. (In Russ.).
6. Vinogradov V., Zolotova G.A. (ed.). *Russkij jazyk* [The Russian language]. Moscow, 2001. 719 p. (In Russ.).
7. Glovinskaja M.Ja., Zemskaja E.A. (ed.). *Aktivnye processy v grammatike* [Active processes in grammar]. *Russkij jazyk konca XX stoletija* [The Russian language of the end of the XX century]. Moscow, 1996. Pp. 237-304. (In Russ.).
8. Dedkovskaja D.M. K voprosu o projavlenijakh analitizma v sovremennom russkom jazyke [On the manifestations of analyticism in modern Russian]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Technical University], 2011, no. 7 (54), pp. 201-206. (In Russ.).
9. Il'ina N.E. Rost analitizma v morfologii [The growth of analyticism in morphology]. *Russkij jazyk konca XX stoletija* [The Russian language of the late twentieth century]. Moscow, 2000. Pp. 326-344. (In Russ.).
10. Lomtev T.P. *Iz istorii sintaksisa russkogo jazyka* [From the history of the syntax of the Russian language]. Moscow, 1954. 80 p. (In Russ.).
11. Melnikov G.P. *Sistemnaja tipologija jazykov* [System typology of languages]. Moscow, 2003. 395 p. (In Russ.).
12. Mikhailov N. *Tvoritel'nyj padezh v russkom jazyke XVIII v. PhD dissertation Acta Universitatis Upsaliensis* [The instrumental case in the Russian language of the XVIII century. PhD dissertation Acta Universitatis Upsaliensis]. *Studia Slavica Upsaliensia* 47, 2012. 296 p. (In Russ.).
13. Musatova G.A. *Semantika ustupki* [Semantics of concession. Abstract of thesis]. Moscow, 2008. 21 p. (In Russ.).
14. Nepomnyashchikh E.A. *Sintaksicheskie konstrukcii maloformatnyh tekstov v sovremennom russkom jazyke* [Syntactic constructions of small-format texts in modern Russian. Abstract of thesis]. Moscow, 2013. 24 p. (In Russ.).
15. NKRJa = *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* [National Corps of the Russian Language]. Available at: <http://ruscorpora.ru>, accessed 06.12.2019.
16. Roshchina Yu.V. *Projavlenija tendencii k analitizmu v sovremennoj russkoj morfologii* [Manifestations of the tendency to analyticism in modern Russian morphology. Thesis]. Moscow, 2005. 333 p. (In Russ.).
17. Rjabushkina S.V. Imja chislitel'noe i "jekspsansija nominativa" [Numerals and "expansion of the nominative"]. *Vestnik MGOU. Serija "Russkaja filologija"* [Bulletin of MGOU. Series "Russian Philology"], 2011, no. 4, pp. 41-46. (In Russ.).
18. Barkhudarov S.G. (chief ed.). *Slovar' russkogo jazyka XI-XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries]. No. 3. Moscow, 1976. 291 p. (In Russ.).
19. Barkhudarov S.G. (chief ed.). *Slovar' russkogo jazyka XI-XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries]. No. 5. Moscow, 1978. 295 p. (In Russ.).
20. Barkhudarov S.G. (chief ed.). *Slovar' russkogo jazyka XI-XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries]. No. 10. Moscow, 1983. 331 p. (In Russ.).
21. Barkhudarov S.G. (chief ed.). *Slovar' russkogo jazyka XI-XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries]. No. 15. Moscow, 1989. 290 p. (In Russ.).

22. Barkhudarov S.G. (chief ed.). *Slovar' russkogo jazyka XI-XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries]. No. 17. Moscow, 1991. 298 p. (In Russ.).
23. Barkhudarov S.G. (chief ed.). *Slovar' russkogo jazyka XI-XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries]. No. 18. Moscow, 1992. 290 p. (In Russ.).
24. Barkhudarov S.G. (chief ed.). *Slovar' russkogo jazyka XI-XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries]. No. 23. Moscow, 1996. 258 p. (In Russ.).
25. Stetsenko A.N. *Istoricheskij sintaksis russkogo jazyka* [The historical syntax of the Russian language]. Moscow, 1977. 352 p. (In Russ.).
26. Ferm L. *Variativnoe bespredložnoe glagol'noe upravlenie v russkom jazyke XVIII v.* [Variable verbal non-prepositional government in the Russian language of the XVIII century]. Huddinge, Södertörn, 2005. 371 p. (In Russ.).
27. Chulkova I.V. Sopostavitel'nyj analiz processov analitizacii v sovremennom russkom i nemeckom jazykakh [Comparative study of the processes of analysis in modern Russian and German]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologija* [Bulletin of Moscow University. Ser. 9. Philology], 2011, no. 3, pp. 176-185. (In Russ.).
28. Shvedova I.V. *Funkcionirovanie datel'nogo padezha v nemeckom i russkom jazykah* [The use of the dative case in German and Russian. Abstract of thesis]. Moscow, 2011. 175 p. (In Russ.).
29. Brandner A. Istoricheskie aspekty semantiki datel'nogo padezha [Historical aspects of the case semantics]. *Przeгляд Rusycystyczny* [Russian Review], 2006, no. 115, pp. 9-18. Available at: <https://www.cceol.com/search/article-detail?id=556874>, accessed 06.12.2019. (In Russ.).
30. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago, London, The University of Chicago Press, 1980.
31. Luraghi S. *On the Meaning of Prepositions and Cases*. Amsterdam & Philadelphia, J Benjamins, 2003.
32. MML = *Master Metaphor List*. Available at: <http://araw.mede.uic.edu/~alansz/metaphor/METAPHORLIST.pdf>, accessed 06.12.2019.

ИНТОНАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ЕДИНИЦЫ КОММУНИКАЦИИ

Е. М. Каргина

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия

Статья посвящена рассмотрению интонационной структуры текста как самостоятельной единицы коммуникации. Анализируются лингвистические и экстралингвистические критерии, обосновывающие факт существования текста как единственной самостоятельной единицы коммуникации. Дается обзор основных интонационных особенностей текста, позволяющих сделать вывод о его сложной структуре. Приводится вариант методики исследования текста и правил его порождения.

Ключевые слова: *единица коммуникации, предложение, абзац, текст, сложное синтаксическое целое, структура текста, интонационная структура.*

Анализ психолого-педагогической и лингвистической научной литературы свидетельствует о постоянно существующем интересе к таким объектам исследования, как «целый текст», «абзац», «сложное синтаксическое целое» (В. А. Бухбиндер [1], Г. А. Вейхман [2], И. Р. Гальперин [3], Е. С. Кубрякова [8], А. А. Леонтьев [9], Н. В. Малычева [10], И. С. Папуша [11], Е. Д. Розанов [1] и др.). Это обусловлено тем фактом, что текст, являясь единственной самостоятельной единицей коммуникации, значительно отличается от других лингвистических единиц относительной простотой определения его границ.

Подобный признак нехарактерен для других объектов языкознания. Даже такая автономная единица, как предложение, становится в потоке речи достаточно нестабильной и может увеличиваться до размеров периода, единого в ряде случаев лишь формально, или превращаться в эллипсис, который настолько тесно связан с соседними предложениями, что практически теряет свою самостоятельность.

Данный факт подтверждается исследованиями паралингвистов (И. Н. Горелов [4], Г. В. Колшанский [7], З. З. Чанышева [16] и др.), наглядно показывающими, что в спонтанном разговоре, еще не доведенном до уровня речевого произведения, даже авторы высказываний часто не в состоянии выделить отдельные предложения. Напротив, текст, понимаемый в самом широком смысле этого слова (Э. Г. Ризель [19. С. 84]), вычленяется значительно легче и чаще всего уже является ограниченным рамками книги, главы, параграфа и т. п.

Следует отметить, что в таком виде проблема текста непосредственным образом связана с проб-

лемой языкового существования, и выделение текста происходит не столько по лингвистическим, сколько по экстралингвистическим критериям.

Несомненным является тот факт, что оформление текста — это искусство, доступное не каждому человеку, владеющему диалогической речью на каком-либо языке. Оно приобретает, как правило, в процессе длительного обучения монологической речи. Это свидетельствует о том, что неоднократно выдвигавшееся положение о различии социальной функции монологической и диалогической речи отнюдь не означает какого-либо приоритета диалогической речи, поскольку две данные формы речи находятся в непрерывном взаимодействии, развивая и усовершенствуя друг друга.

Построение монолога как на родном, так и на иностранном языке оказывается задачей неизмеримо более сложной, чем ведение разговора, и подчиняется своим правилам, отличным от правил организации диалогической речи. Из этого следует необходимость дифференциации исследования двух данных форм речи с учетом специфики сферы их применения. При этом исследование монолога оказывается задачей более простой, чем исследование диалога, то есть в лингвистическом исследовании последовательность их изучения, видимо, будет отличаться от той, которая имеет место в процессе обучения речи. Однако выводы, получаемые в результате таких исследований, могут существенно облегчить обучение как родному языку, так и иностранным. В то же время изучение текстов в ходе обучения может многое пояснить для лингвистических исследований. Первая попытка исследования такого рода была предпринята И. А. Фигуровским [15. С. 172] и дала интересные результаты.

Существенным недостатком предыдущих исследований в области структуры текста являлось исследование объектов, лишенных их физической реальности, то есть текстов письменных. Исследования такого рода не учитывают двойственной природы письменного текста, ориентированного на двойное восприятие — слуховое и зрительное.

В психологических исследованиях неоднократно выдвигалось положение об участии некоторых элементов слухового восприятия в понимании письменного текста [5. С. 30], но весьма важным для понимания природы текста оказывается взаимодействие этого фактора со способностью человека к зрительному восприятию текста [6. С. 257]. Несомненно, например, что многие научные труды рассчитаны прежде всего на зрительное восприятие и не предназначены для чтения вслух. Об этом свидетельствуют, в частности, трудности, возникающие у дикторов, читающих научные тексты, а также сложность (подчас невозможность) понимания подобных текстов на слух. На зрительное восприятие рассчитаны также и многие произведения художественной литературы. С другой стороны, газетные статьи и многие произведения современных авторов явно рассчитаны на слуховое восприятие. Эта двойная направленность текста создает немало трудностей при его анализе. Она сказывается прежде всего на строении абзаца, которое может служить эффективным средством характеристики авторского стиля [14. С. 58]. Тем не менее влияние этих двух факторов (зрительного и слухового) на структуру абзаца еще не дает основания трактовать его как дикцию, подобно П. Робертсу, формулирующему из приведенных выше фактов вывод о произвольности структуры абзаца [20. Р. 211].

Напротив, взаимодействие данных факторов, скорее, наталкивает на мысль о невозможности решения поставленных проблем при помощи анализа текстов только в письменной форме. Задачу лингвиста значительно облегчило бы использование прочитанных текстов, но подобное исследование сопровождается целым рядом серьезных трудностей.

Во-первых, такое исследование доступно только фонетисту, так как специфика анализа звучащей речи не позволяет совместить его с подробным анализом других структурных особенностей материала. Фонетический анализ звучащей речи предполагает обработку осциллографических данных и требует, помимо кропотливого труда, еще и специальных знаний.

Во-вторых, даже при ограничении задач исследования лишь изучением фонетического аспекта структуры текста трудоемкость расшифровки интонаграмм в значительной мере ограничивает выборку материала.

В-третьих, весьма сложным оказывается подбор материала, так как классификация форм речи практически ограничена лишь двумя видами: монолог и диалог.

В лингвистической литературе уже высказывались предположения относительно фонетической организации текста и ее связи с лексико-синтаксическими средствами. Так, например, А. М. Пешковский различал разделительные и соединительные паузы [12. С. 304]: последние, по его мнению, связывают между собой предложения в сложное синтаксическое целое, в то время как первые маркируют границы.

В работах И. А. Фигуровского предполагалось, что особое фонетическое оформление получают начальное и конечное предложения, а предложения, стоящие в середине текста, характеризуются неполной завершенностью.

Интересную мысль высказал немецкий лингвист Карл Боост, предположивший, что текст охватывается единой дугой напряжения, перекрывающей дуги напряжения отдельных предложений [17. S. 39].

Однако обзор основных особенностей текста позволяет сделать вывод о его еще более сложной структуре. Рассмотрим некоторые из них.

Плодотворным для анализа текста является понятие актуального членения предложения. Начальное предложение (как предполагал еще В. Матезиус) оказывается в смысловом отношении нерасчлененным, то есть содержит только новое. Поэтому в нем не происходит четкого выделения смыслового центра, и ударение равномерно распределяется на всю фразу в целом. Необходимо отметить, что понятия начального предложения и первого предложения текста не совпадают, поскольку текст может начинаться как бы с середины, если повествование особенно динамично.

Начальные предложения встречаются и в середине текста, но не всегда начинают новый отрывок, а служат также и средством создания большего напряжения действия. Физически они характеризуются более высоким началом в сравнении с прочими предложениями текста и образуют как бы смысловые вершины. Высотный уровень последующих предложений падает по мере удаления от кульминационной смысловой вершины. Таким

образом, высотный уровень начала предложений служит своего рода сигналом о характере напряжения в тексте. Эти данные перекликаются с вышеупомянутой теорией Карла Бооста, согласно которой напряжение, создающееся в начале высказывания, постепенно разряжается к его концу. Однако в силу ограниченности диапазона человеческого голоса такая разрядка не может выражаться чисто фонетическими средствами. Поэтому в тексте, как правило, возникают группы по 4—5 предложений, соединяемых фонетической дугой напряжения в единое целое, а связь между этими группами передается другими средствами.

Вышесказанное свидетельствует о том, что предложения, способные начинать текст, могут иметь лишь такую синтаксическую структуру, которая выражает коммуникативную нерасчлененность. По этой причине в начале текста следует избегать эмфатического порядка слов, неизбежно влекущего за собой превращение любого текста в динамическое повествование. По данным И. П. Распопова, подвергнувшего анализу большое количество произведений русской художественной литературы, предложения подобного рода действительно редко встречаются в начале текста [13. С. 53].

Внутри текста картина резко меняется. Предложения содержат и данное и новое, что меняет синтаксическую и интонационную структуру фразы. Если начальное предложение в интонационном отношении представляет собой шкалу [18. S. 32], то в середине текста появляются структуры с предтактом и затактом. Предположения о неполной завершенности предложений в середине текста, то есть практически всех предложений, кроме первого и последнего, не подтверждаются.

Конечное предложение также характеризуется расчлененной структурой, но в нем каждая ритмическая группа стремится образовать синтагму. Такое предложение может встречаться после сравнительно длинных отрезков текста, которые оно завершает.

Для определения фонетического абзаца существенным является понятие ритмической структуры предложения. Под ритмической структурой предложения здесь понимается, во-первых, соотношение ударных и безударных слогов в словах, из которых складывается предложение, во-вторых, количество слов, выделенных фразовым ударением.

Особенно важным оказывается понятие ритма как средства организации и смыслового членения текста для перевода. Задачу переводчика часто затрудняет несовпадение ритма синтаксических кон-

струкций, употребленных в оригинале, с ритмом конструкций, соответствующих им в переводе.

Ритм служит средством связи предложений в тексте и как ритмическое оформление может влиять на выбор лексических и грамматических средств, но они же свидетельствуют и о том, что выбор того или иного грамматического или лексического средства, в свою очередь, влияет на структуру текста. Поэтому при анализе реального процесса речепроизводства, видимо, нецелесообразно ограничиваться лишь исследованием отношения языковых средств по отношению к денотату. Этому анализу неизбежно должно сопутствовать изучение возможных соотношений языковых элементов в речевой цепи.

Выше отмечалось, что понятие актуального членения оказывается полезным для лингвистического анализа текста. С другой стороны, лингвистический анализ текста много дает для дальнейшего развития самого понятия актуального членения. В текстовом материале состав данного оформляется разными тональными характеристиками при условии различных смысловых отношений с составом данного других предложений. Данное, выраженное небольшой группой слов или только одним словом, оформляется восходящим тоном в случае противопоставления его данному другому предложению.

В отдельно взятом предложении состав данного часто как бы противопоставляется нулю, то есть каким-либо элементам ситуации, что тем не менее не означает снятия противопоставления. Состав данного, противопоставленный другому составу данного или какому-либо элементу ситуации, логично называть ударным составом данного. При анализе конкретных текстов выясняется, что не все формально выраженные группы данного оказываются реально выраженными группами данного.

На основе всего сказанного можно сделать определенные обобщающие выводы о структуре текста:

- целый текст оформляется особой начальной и конечной интонацией;
- средством связи предложений внутри текста служат дуга фонетического напряжения и частично ритм;
- в смысловом отношении текст делится на фонетические абзацы, которые могут быть формально отграничены друг от друга при помощи анализа фонетической структуры предложений.

Эти положения позволяют создать вариант методики исследования текста, а также определенных правил его порождения.

Первым этапом анализа текста целесообразно считать выделение фонетических абзацев, которое позволяет выявить смысловые связи в его пределах. В противном случае количество смысловых связей станет бесконечно большим. Деление текста на фонетические абзацы выполняет почти ту же задачу, что и синтагматическое членение предложения: если потенциально как в тексте, так и в предложении количество смысловых связей очень велико, то в коммуникативно-разделенном тексте или предложении определенные связи будут усилены, в то время как другие ослабнут или исчезнут совсем.

При создании текста процесс обратен. Каждому тексту всегда предшествует план, который лишь постепенно разворачивается в текст. Это положение не следует понимать буквально, то есть так, что план, постепенно конкретизируясь, переходит в текст. Напротив, при создании текста очень часто отсутствует координирование того, что пишется (или произносится) в данный момент, со всем предыдущим текстом в целом. Но неизбежное редактирование приводит текст к такому виду, в котором он может быть коротко охарактеризован при помощи плана. В этом смысле представляется плодотворным прием разворачивания предложения в абзац, применяемый английскими и американскими стилистами. В рассматриваемом контексте целесообразно разворачивать предложения в фонетический абзац. Анализ текста идет по схеме: текст — фонетический абзац — предложение, а порождение: план — тема (предложение, коротко характеризующее абзац) — абзац.

Далее при синтаксическом анализе учитывается актуальное членение предложения, его ритмическое оформление, функционирование предложения

в качестве начального или конечного. При порождении текста эти элементы уточняются на стадии редактирования.

При переводе задача порождения текста осложняется необходимостью передать всю семантическую и стилистическую информацию, а также определенные ритмические характеристики и элементы коммуникативного членения.

Таким образом, анализируя интонационную структуру текста как самостоятельной единицы коммуникации, можно сделать следующие выводы:

1. Проблема текста непосредственным образом связана с проблемой языкового существования, поскольку выделение текста происходит не столько по лингвистическим, сколько по экстралингвистическим критериям.

2. Для интонационной структуры текста характерны следующие особенности: начальная и конечная интонация оформления текста; дуга фонетического напряжения и ритм как средства связи предложений внутри текста; фонетические абзацы и фонетическая структура предложений.

3. Представленные особенности интонационной структуры текста позволяют создать вариант методики исследования текста и определенные правила его порождения. Анализ текста осуществляется по схеме: текст — фонетический абзац — предложение, а порождение: план — тема (предложение, коротко характеризующее абзац) — абзац.

4. Введение понятия целого текста и фонетического абзаца в теорию перевода позволяет осмыслить многие явления, интерпретация которых представляет определенные трудности: например, несовпадение границ предложения в оригинале и в переводе, переоформление предложений под влиянием ритма и т. п.

Список литературы

1. Бухбиндер, В. А. О целостности и структуре текста / В. А. Бухбиндер, Е. Д. Розанов // Вопросы языкознания. — 1975. — № 6. — С. 73—86.
2. Вейхман, Г. А. К вопросу о синтаксических единствах / Г. А. Вейхман // Вопросы языкознания. — 1961. — № 2. — С. 105—108.
3. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — Изд. 5-е, стер. — М. : КомКнига, 2007. — 144 с.
4. Горелов, И. Н. Невербальные компоненты коммуникации / И. Н. Горелов. — М. : Изд-во ЛКИ, 2007. — 140 с.
5. Жинкин, Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н. И. Жинкин // Вопросы языкознания. — 1965. — № 6. — С. 26—30.
6. Каргина, Е. М. Анализ методических подходов в развитии фонетического навыка студентов технических вузов на начальном этапе обучения / Е. М. Каргина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12, № 2. — С. 255—258.

7. Колшанский, Г. В. Паралингвистика / Г. В. Колшанский. — М. : Наука, 1974. — 81 с.
8. Кубрякова, Е. С. О тексте и критериях его определения / Е. С. Кубрякова // Текст. Структура и семантика. Т. 1. — М., 2001. — С. 72—81.
9. Леонтьев, А. А. Понятие текста в современной лингвистике и психолингвистике / А. А. Леонтьев // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. — Киев : Изд-во при Киев. гос. ун-те, 1979. — С. 7—18.
10. Малычева, Н. В. Текст и сложное синтаксическое целое: системно-функциональный анализ : дис. ... д-ра филол. наук / Н. В. Малычева. — Ростов н/Д, 2003. — 272 с.
11. Папуша, И. С. Сложное синтаксическое целое: структура, семантика, функционирование : дис. ... д-ра филол. наук / И. С. Папуша. — М., 2011. — 401 с.
12. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. — 7-е изд. — М. : Учпедгиз, 1956. — 511 с.
13. Распопов, И. П. Актуальное членение предложения / И. П. Распопов. — Уфа : Изд-во Башкир. ун-та, 1961. — 163 с.
14. Сильман, Т. И. Проблемы синтаксической стилистики (на материале немецкой прозы) / Т. И. Сильман. — Л. : Просвещение, 1967. — 152 с.
15. Фигуровский, И. А. Избранные труды / И. А. Фигуровский. — Елец : Елец. гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2004. — 483 с.
16. Чанышева, З. З. Взаимодействие языковых и неязыковых факторов в процессе речевого общения / З. З. Чанышева. — Уфа : БГУ, 1984. — 158 с.
17. Boost, K. Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes / K. Boost. — Berlin : Akademie-Verlag, 1955. — 88 S.
18. Essen, O. V. Grundzüge der hochdeutschen Satzintonation / O. V. Essen. — Düsseldorf : Ratingen, 1956. — 112 S.
19. Riesel, E. G. Stilistik der deutschen Sprache / E. G. Riesel. — М. : Hochschule, 1963. — 483 S.
20. Roberts, P. Understanding Grammar / P. Roberts. — N. Y. : Harper and Brollars Publ., 1958. — 550 p.

Сведения об авторе

Каргина Елена Михайловна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки» Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, Пенза, Россия. kargina-elena@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 1 (435). *Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 68—73.*

INTONATIONAL STRUCTURE OF THE TEXT AS AN INDEPENDENT UNIT OF COMMUNICATION

E.M. Kargina

Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia. kargina-elena@mail.ru

The article is devoted to intonation structure of the text as an independent unit of communication. Linguistic and extralinguistic criteria substantiating the fact of the text being the only independent unit of communication are analyzed. The review of the main intonation features of the text allowing to draw a conclusion about its complex structure is given. Conclusions about the special initial and final intonation of the text design; about the arc of phonetic tension and rhythm as means of communication of sentences within the text; about phonetic paragraphs and phonetic structure of sentences are presented. A variant of the method of text research is given implemented by the scheme: text – phonetic paragraph – sentence. A reverse scheme is offered as an algorithm of text generation: plan – topic (sentence briefly describing a paragraph) – paragraph. The prospects of introducing the concept of a whole text and a phonetic paragraph into the theory of translation/interpretation are outlined, which are viewed as important as intonation and prosody in a translated text modify the initial form and message, presenting certain difficulties.

Keywords: *communication unit, sentence, paragraph, text, a complex syntactic whole, text structure, intonation structure.*

References

1. Buchbinder V.A., Rozanov E.D. O celostnosti i strukture teksta [About integrity and structure of the text]. *Voprosy yazykoznavaniya* [The Issues of Linguistics], 1975, no. 6, pp. 73-86. (In Russ.).
2. Vejzman G.A. K voprosu o sintaksicheskikh edinstvakh [On the question of syntactic units]. *Voprosy yazykoznavaniya* [The Issues of Linguistics], 1961, no. 2, pp. 105-108. (In Russ.).
3. Gal'perin I.R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 144 p. (In Russ.).
4. Gorelov I.N. *Neverbal'nye komponenty kommunikatsii* [Non-verbal components of communication]. Moscow, LKI Publ., 2007. 140 p. (In Russ.).
5. Zhinkin N.I. O kodovykh perekhodakh vo vnutrennej rechi [On code transitions in internal speech]. *Voprosy yazykoznavaniya* [The Issues of Linguistics], 1965, no. 6, pp. 26-30. (In Russ.).
6. Kargina E.M. Analiz metodicheskikh podkhodov v razvitiy foneticheskogo navyka studentov tekhnicheskikh vuzov na nachal'nom etape obucheniya [Analysis of methodological approaches in the development of phonetic skills of technical university students at the initial stage of training]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Theory and practice issues], 2019, vol. 12, no. 2, pp. 255-258. (In Russ.).
7. Kolshanskij G.V. *Paralingvistika* [Paralinguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 81 p. (In Russ.).
8. Kubryakova E.S. O tekste i kriteriyakh ego opredeleniya [About the text and criteria of its definition]. *Tekst. Struktura i semantika. T. 1* [Text. Structure and semantics. Vol. 1]. Moscow, 2001. Pp. 72-81. (In Russ.).
9. Leont'ev A.A. Ponyatie teksta v sovremennoy lingvistike i psiholingvistike [The concept of text in modern linguistics and psycholinguistics]. *Psiholingvisticheskaya i lingvisticheskaya priroda teksta i osobennosti ego vospriyatiya* [Psycholinguistic and linguistic nature of the text and peculiarities of its perception]. Kiev, Kiev St. Univ. Publ., 1979. Pp. 7-18. (In Russ.).
10. Malycheva N.V. *Tekst i slozhnoe sintaksicheskoe celoe: sistemno-funktsional'nyy analiz* [Text and complex syntactic whole: system-functional analysis. Thesis]. Rostov-on-Don, 2003. (In Russ.).
11. Papusha I.S. *Slozhnoe sintaksicheskoe celoe: struktura, semantika, funkcionirovanie* [Complex syntactic whole: structure, semantics, functioning. Thesis]. Moscow, 2011. (In Russ.).
12. Peshkovskij A.M. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in a scientific coverage]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956. 511 p. (In Russ.).
13. Raspopov I.P. *Aktual'noe chlenenie predlozheniya* [The actual partitioning of the sentence]. Ufa, Bashkir. St. Univ. Publ., 1961. 163 p. (In Russ.).
14. Sil'man T.I. *Problemy sintaksicheskoy stilistiki (na materiale nemeckoy prozy)* [Problems of syntactic stylistics (on material of the German prose)]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1967. 152 p. (In Russ.).
15. Figurovskij I.A. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Yelets, Yelets St. Univ. named after I.A. Bunin Publ., 2004. 483 p. (In Russ.).
16. Chanysheva Z.Z. *Vzaimodejstvie yazykovykh i neyazykovykh faktorov v processe rechevogo obshcheniya* [Interaction of linguistic and non-linguistic factors in the process of speech communication]. Ufa, Bashkir. St. Univ. Publ., 1984. 158 p. (In Russ.).
17. Boost K. *Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes*. Berlin, Academy Publ., 1955. 88 p. (In Germ.).
18. Essen O.V. *Grundzüge der hochdeutschen Satzintonation*. Düsseldorf, Ratingen Publ., 1956. 112 p. (In Germ.).
19. Riesel E.G. *Stilistik der deutschen Sprache*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1963. 483 p. (In Germ.).
20. Roberts P. *Understanding Grammar*. New York, Harper and Brollars Publishers, 1950. 550 p.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «ПИСАТЕЛЬ» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ)

Е. С. Криницына

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматриваются словарные статьи *Writer* и *Писатель* в английских и русских лексикографических источниках. Систематизируются и распределяются по группам наименования писателя. Проводится анализ и сравнение фразеологических единиц в русской и английской лингвокультурах. Определяются ключевые понятийные характеристики лингвокультурного типажа «писатель», присущие англо- и русскоязычным культурам.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, лингвокультура, писатель, фразеологическая единица.

Введение

Исследование лингвокультурных типажей является одним из ведущих направлений современной лингвистики. В целом современная наука о языке носит антропоцентрический характер, и приоритетной задачей языкознания является решение вопросов о соотношении языка и личности, языка и культуры, их взаимодействии и влиянии друг на друга. Лингвокультурный типаж изучается в рамках лингвокультурологического подхода, который определяется «выделением типов языковой личности как носителя той или иной культуры [5. С. 225].

Актуальность исследования лингвокультурного типажа «писатель» обусловлена значимостью профессии писателя для становления культуры той или иной страны. «Язык писателя является индивидуальной разновидностью национального языка» [3]. Языковые средства, используемые писателем, могут быть неоднородны по своему составу. Данный факт объясняется тем, что писатель изображает разные типы обществ, сферы жизни, каждая из которых обладает специфическими языковыми характеристиками. Писатель изображает в своих произведениях впечатления об окружающих его реалиях, сохраняет дух эпохи, в которой он проживает.

Полагаем, что лингвокультурный типаж является своеобразным лингвокультурным концептом. Концепт представляет собой образные, эмоциональные и оценочные знания, а лингвокультурный типаж представляет собой ментальное образование, отражающее типичные, узнаваемые черты определенной группы.

Согласно В. И. Карасику, лингвокультурный типаж включает в себя три компонента [4]:

- 1) понятийный;
- 2) образный;
- 3) ценностный.

В данной статье рассматривается понятийная составляющая лингвокультурного типажа «писатель» в английской и русской лингвокультурах.

1. Лингвокультурный типаж «писатель» в английской лингвокультуре

В английском языке существует более 150 синонимов существительного *писатель*. Среди этих синонимов можно выделить несколько групп: слова, относящиеся к общеупотребительной лексике, среди которых существует группа наименований писателей, относящихся к различным жанрам писательского искусства, а также сленговые и разговорные выражения.

В синонимическом ряду обозначений слова *писатель* доминантным является существительное *writer*. Данное слово произошло от древнеанглийского глагола *writan* (сильный глагол первого класса) — «делать пометки, сделать набросок для дальнейшего фиксирования в письменной форме» (URL: <https://www.etymonline.com/word/author>). В английском языке слово *writer* (древнеанглийский и среднеанглийский варианты *writere*) вошло в обиход приблизительно в X в. Словари дают практически одинаковое определение слову *writer* — «человек, который пишет статьи, книги и т. п. в качестве профессии»:

- 1) a person who writes books or articles to be published (человек, который пишет книги или статьи

для публикации) (<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/learner-english/writer>);

2) a person who writes books, stories or articles as a job (человек, который занимается написанием книг, рассказов или статей в качестве профессии) [10. P. 1694];

3) a person engaged in writing books, articles, stories, etc, especially as an occupation or profession (человек, занимающийся написанием книг, статей, рассказов и т. д., главным образом, в качестве профессии) [Ibid.].

Кроме приведенных выше определений существительного *writer* имеются уточняющие определения данного понятия:

1) a clerk, scribe (клерк, писарь);

2) a person who commits his or her thoughts, ideas, etc to writing (человек, который передает свои мысли, идеи и т. д. в письменной форме);

3) (in a piece of writing) the author (used as a circumlocution for “I”, “me”, “my”, etc.) (в произведении — автор в качестве парафразы личных местоимений «я», «меня», «мой» и т. д.) [Ibid.];

4) Someone who sells options (тот, кто продает опцион)» (<https://universalium.academic.ru/234148>).

В шотландском диалекте английского языка у лексемы *writer* появляется значение, относящееся к сфере юриспруденции *a lawyer, a solicitor* (адвокат) [Ibid.].

Таким образом, писатель — это человек, который пишет художественные произведения, и эта деятельность носит профессиональный характер. Кроме того, в англоязычных лексикографических источниках также распространено понимание писателя как человека, который умеет писать, понимает и практикует искусство письма. Еще одним значением данной лексемы в английском языке является *писарь* или *канцелярист*, то есть человек ответственный за составление документации компании или предприятия [Ibid.].

Наряду со словом *writer* для наименования писателя в английском языке часто используется стилистически нейтральное существительное *author*. Данное наименование появилось в английском языке в середине XIV в. Оно имело следующие варианты написания: *auctor, autour, autor*, которые, в свою очередь означали: отец; создатель; человек, который осуществляет; человек, который делает и создает. Эта лексема является заимствованием из древнефранцузского языка: *auctor, auctor* в значении «автор, создатель, зачинщик», позднее — *auteur*. Представленная единица заимствована во французском языке из латинского языка:

auctor со значением «инициатор, производитель, отец, источник, строитель, основатель, достоверный писатель, авторитетный источник, историк, исполнитель, ответственный человек, учитель». Дословный перевод латинского существительного *auctor* — «тот, кто является причиной роста» (<https://www.etymonline.com/word/author>).

В конце XIV в. существительное *author* приобретает значение «писатель, тот, кто излагает письменные утверждения, оригинальный сочинитель письма». Также в конце XIV в. понимается как «источник достоверной информации или мнения» [Ibid.].

Большую группу слов, обозначающих *писателя* в английском языке, составляют лексемы, отражающие различные жанры литературы: *novelist* (романист), *essayist* (эссеист), *biographer* (биограф), *dramatist* (драматург), *poet* (поэт), *librettist* (либреттист), *tragedian* (трагик), *lyricist* (лирик), *comedian* (комик) и др. Данные наименования показывают принадлежность *писателя* к сфере литературного творчества.

Следующая группа стилистически нейтральных значений рассмотренного концепта представлена группой синонимов, в которых основное значение — *clerk: stenographer* (стенограф), *copyist* (переписчик), *calligrapher* (каллиграф), *secretary* (секретарь), *copier* (копиист), *profiler* (переписчик), *registrar* (регистратор), *notary* (нотариус), *record keeper* (делопроизводитель). Приведенные примеры отражают основную функцию людей: осуществление определенного вида деятельности — умение писать. Творческие задачи и способности генерировать идеи теряют свою значимость.

В отдельную группу следует отнести синонимы слова *writer*, связанные с журналистской деятельностью, так как они объединяют в себе функции создателя текстов наряду с функцией непосредственной работы с текстом (написание, редактирование и т. п.). Среди данных лексем выделяют: *columnist* (обозреватель), *correspondent* (корреспондент), *journalist* (журналист), *reporter* (репортер), *scripter* (сценарист), *editor* (редактор) и т. д.

Кроме того, существует ряд наименований *писателя* в английском языке, отражающие различные направления писательской деятельности: *creative writer* (искусствовед), *scriptwriter* (сценарист), *prose writer* (прозаик), *feature writer* (очеркист), *narrative writer* (искусствовед), *story writer* (автор рассказов) и пр.

Следующая группа наименований в английском языке включает стилистически окрашенные

лексические единицы, которые относятся к неофициальному стилю и употребляются в разговорной речи:

Penpusher — человек, который занимается рутинной работой, связанной с письмом. В английском языке особую популярность данное наименование приобретает в середине XX в. (<https://www.collinsdictionary.com/>).

Penny-a-liner означает «наемный писатель». Данная идиома вошла в обиход английского языка в 1825—1835 гг. и происходит от выражения *penny-a-line*, то есть оплата номиналом один пенни за строчку [Ibid.].

Наименование *hack* относится к писателям, которые пишут литературные произведения низкого качества с целью получения прибыли. Это существительное впервые было использовано в XVIII в., когда издательство утвердилось как бизнес, в котором нанимают авторов, пишущих на заказ [10]. Лексема *hack* является сокращением слова *hackney*, то есть лошадь, которой легко управлять и которую всегда можно взять напрокат.

Еще одним идиоматическим наименованием *писателя* в английском языке является *ghost writer* — это человек, который пишет различные произведения (речь, статьи, книги) вместо другого человека, которому приписывают авторство. Данное выражение датируется 1895—1900 гг. (<https://www.dictionary.com/browse/ghost-writer?s=t>). Изначально использовалось в американском английском, далее получило распространение во всех вариантах английского языка.

Таким образом, лингвокультурный типаж *писатель* широко представлен лексическими единицами в английском языке. Основное значение *писателя* — это человек, для которого написание текстов является профессиональной деятельностью. При этом в английской лингвокультуре *писателем* называется любой человек, связанный с созданием текстов (необязательно произведений художественной литературы).

2. Лингвокультурный типаж «писатель» в русской лингвокультуре

В русском языке существует около 150 синонимов к слову *писатель*, среди которых: *автор, литератор, сочинитель, поэт, публицист* и мн. др. Так же как и в английском языке, можно выделить группу слов общеупотребительной лексики, которая включает наименования писателей различных литературных жанров, а также выражения неофициального стиля русского языка.

Доминантным обозначением лингвокультурного типажа *писатель* является существительное *писатель*. Слово *писатель* произошло от слова «писать». Данный глагол происходит от древнерусского слова *писати*, которое, в свою очередь, восходит к праиндоевропейскому глаголу **peik* — *писать, пестрить* [8. С. 226]. Изначально слово значило *изображать что-либо путем вырезания или нанесения красок, раскрашивать*. В состав русского языка *писать* входит с момента появления письменности, но в широкое употребление это слово входит в XI в. (<http://www.slovorod.ru/etym-semenov/sem-p.htm#pi>).

В словарях дают следующие определения *писателя*:

- 1) человек, который занимается литературным трудом, пишет художественные литературные произведения [6. С. 518];
- 2) человек, пишущий литературные произведения [7. С. 455].

Таким образом, согласно словарям русского языка, *писатель* — это человек, который создает произведения, предназначенные для общественного потребления. Также в русской лингвокультуре закрепилось понимание писательского дела как основного рода его занятий, за которое получает денежное вознаграждение. Еще одним критерием принадлежности пишущего человека к разряду писателей является его признание писательским объединением (союзом) или литературными критиками. Объем понятия «писатель» до сих пор остается неоднозначным, так как некоторые источники включают в него только литературную составляющую; другие называют авторов научных, публицистических и других словесных произведений писателями.

Еще одной общей чертой с английской лингвокультурой является стилистически нейтральное наименование *писателя* — *автор*. Данное слово вошло в лексикон русского языка в конце XVII в. Оно означало сочинителя, творца, создателя художественного произведения. Лексема *автор* представляет собой заимствование из немецкого через польский язык, которое восходит своими корнями к латинскому языку [8. С. 35].

Самую большую группу синонимов составляют наименования писателей согласно литературным жанрам: *драматург, поэт, фантаст, новеллист, прозаик, романист, сатирик, фельетонист* и пр. Кроме того, в русском языке также распространены словосочетания, включающие компонент *писатель*: *писатель-декадент, писатель-гуманист,*

писатель-гражданин, писатель-восьмидесятник, писатель-ренегат, писатель-революционер и т. п.

В отличие от английской лингвокультуры группа синонимов, обозначающих *писателя* как человека, который непосредственно пишет, не очень обширна. Сюда можно отнести, например, *компьютера*. Данный факт отражает отношение к писательскому делу в русской лингвокультуре в первую очередь как к литературному творчеству, где преобладает художественная составляющая.

Среди разговорных выражений, синонимичных слову «писатель», существует ряд лексем, образованных при помощи суффикса *-(ш)ка*, который придает данным словам пренебрежительное значение: *писака, писателишка, поэтишка, бумаго-марака*. Представленные слова означают авторов бездарных произведений [7. С. 455].

Одним из архаичных наименований писателя является слово *щелкопер*, которое изначально обозначало работника канцелярии. Согласно словарю В. И. Даля: «Щелкопер — писец, писарь в суде, приказный чиновник по письмоводству, пустой похвальбишко и обирала» [2. С. 674]. Значение данной лексической единицы обусловлено его внутренней формой, оно возникло от словосочетания *щелкать пером*. Позже у этого слова появляется значение *плохой писатель*. В. В. Виноградов пишет: «Есть все основания считать, что слово “щелкопер” возникло не раньше XVIII века, а широкое распространение получило в XIX веке, благодаря Н. В. Гоголю. В его “Ревизоре” Городничий жалуется: ...найдется щелкопер, бумагомарака, в комедию тебя вставит. Вот что обидно! Чина, звания не пощадит... У, щелкоперы, либералы проклятые! Чертово семя!» [1. С. 77].

Таким образом, для русской лингвокультуры писательская работа — это профессиональная деятельность. Кроме того, под *писателем* понимается создатель литературных произведений.

3. Реализация лингвокультурного типажа «писатель» во фразеологических единицах и разговорной лексике в английской и русской лингвокультурах

Фразеологическая единица (ФЕ) — это идиоматическое устойчивое выражение, свойственное определенному языку. Таким образом, ФЕ имеют особую ценность при изучении репрезентации образа писателя в различных лингвокультурах.

В русском языке образ писателя представлен в ФЕ широким спектром значений — от положительной до отрицательной коннотации.

Словосочетания *мастер пера* и *мастер слова* означают писателя, который пишет работы высокого качества. Данные выражения применимы к писателям различных жанров.

В английском языке эквивалентом данных словосочетаний выражения является идиома *a knight of the pen* (*рыцарь ручки*). Представленные фразеологизмы иллюстрируют отличия в реалиях двух культур. «Рыцарь» является средневековым почетным дворянским титулом в Европе. В Великобритании ритуал посвящения в рыцари существует по настоящий момент. Рыцарем становится любой человек благодаря своим достижениям в любых сферах жизни не только в военных в отличие от средневековых лет.

Таким образом, в русской лингвокультуре *писатель* предстает в образе мастера (от греч. *mastoras* — «ремесленник, мастерской»), то есть представителя ремесленного труда. Инструментом создания в данном случае является перо, которое придает образу *писателя* архаичность.

В английской лингвокультуре писатель изображен в виде «рыцаря», репрезентирующего дворянское сословие. При этом орудием труда является ручка (иногда карандаш), что снижает возвышенность образа рыцаря.

Пишущая братия — фамильярное обозначение писателей. Основным компонентом данного фразеологизма является лексема *братия*. *Братия* имеет два значения:

- 1) монахи одной общины или монастыря;
- 2) люди, объединенные общим делом, общими интересами, люди одного круга (<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/750458>).

В английском языке существует слово *scribes*, которое также имеет религиозную составляющую. В общем понимании *scribes* — это специально нанятые люди, которые переписывали рукописи до создания печатного станка. Изначально так называли людей, которые транскрибировали, редактировали и переводили Библию (<https://www.dictionary.com/browse/scribe?s=t>).

Литературный негр — автор, который создает словесные произведения (статьи, тексты выступлений, художественные тексты и пр.) вместо другого человека, которому в дальнейшем приписывается авторство. В данном случае использование слова «негр» в значении писателя, работающего вместо другого человека, обусловлено этапом в истории, когда чернокожих людей эксплуатировали в качестве рабов, выполняющих тяжелую работу. Наряду с понятием «литературный негр» существуют

синонимические понятия: *литературный раб, литературный батрак, литературный поденщик*.

Кроме того, в английской и русской лингвокультурах зафиксированы ФЕ, образованные от имен собственных известных писателей. В русском языке «писательские» антропонимы включены в состав следующих ФЕ: *эзопов язык, гомерический хохот, раблезианский смех, шекспировские страсти, бальзаковский возраст*. Например, *пушкиниана* означает «произведения литературы и искусства, посвященные А. С. Пушкину» [6. С. 635]. Данная лексема демонстрирует значимость творчества поэта в русской культуре.

Отрицательные коннотации прослеживаются в русских примерах: *литраб, достоевщина* и *книггер*. Последняя лексема-блендинг образована путем сложения двух слов «книжный» и «ниггер» и относится к классу табуированной лексики. В англоязычной культуре идиома со значением *литературный негр* представлена политкорректным устойчивым словосочетанием *ghost writer*. Существительное *достоевщина* имеет два значения:

- 1) психологический анализ в манере Достоевского (с оттенком осуждения);
- 2) душевная неуравновешенность, острые и противоречивые душевные переживания, собственные героям романов Достоевского (<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/750458>).

В английской лингвокультуре также представлены «писательские» антропонимы, образованные при помощи имени собственного писателя и добавления суффикса *-ism*. Так, например, крылатые выражения, придуманные Уильямом Шекспиром, получили название *shakespeareisms*. Еще один термин, образованный подобным образом, — это *orwellism*. Впервые слово *orwellism* было использовано в газете *The Guardian* в 1970-х гг. Данное выражение означает «манипулирование фактами или их переименование, искажение правды, представление ее в ложном свете для целей пропаган-

ды» (https://universal_en_ru.academic.ru/236927/Orwellism).

Итак, репрезентанты лингвокультурного типажа *писатель* в равной мере представлены в двух лингвокультурах. В наименованиях *писателя* в английском языке используется сравнение с рыцарем, в русском языке — с мастером.

Заключение

Лингвокультурный типаж *писатель* является значимым концептом для английской и русской лингвокультур. Данный факт подтверждается наличием ряда синонимических наименований в обоих языках, насчитывающим более 150 лексем. Кроме того, фиксирование настоящего понятия во фразеологизмах демонстрирует ценность рассматриваемого типажа для обеих лингвокультур. Общей чертой репрезентации типажа *писателя* является наличие синонима *автор* в русском и английском языках.

Несмотря на большое количество схожих характеристик, существуют несколько отличий, обусловленных существованием национально-культурных особенностей определенной лингвокультуры. Основное отличие заключается в критерии «художественности» содержания результатов трудов писателя. Англоязычной культуре присуще понимание *писателя* как человека пишущего. Это может быть клерк, офисный работник, который работает с текстами. Для русской лингвокультуры *писатель* — в основном автор произведений, как правило, художественной литературы. В обеих лингвокультурах работа *писателя* понимается как вид профессиональной деятельности.

Отличие заключается и в гендерной принадлежности *писателя*. В английском языке прослеживается тенденция к использованию нейтральных наименований, то есть *писатель* не определен гендерными характеристиками. В русском языке писатель определен как лицо мужского рода, что отражает маскулинность русской лингвокультуры.

Список литературы

1. Виноградов, В. В. История слов / В. В. Виноградов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. — М. : Толк, 1994. — 1138 с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4 Р-В / В. И. Даль. — СПб. ; М., 1882. — 712 с.
3. Индивидуальное в языке. 6. Язык писателя [Электронный ресурс]. — URL: <https://moodle.herzen.spb.ru/mod/book/view.php?id=70672&chapterid=1191> (дата обращения 15.12.2019).
4. Карасик, В. И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В. И. Карасик // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — Волгоград : Парадигма, 2005. — С. 13—15.

5. Лутовинова, О. В. «Лингвокультурный типаж» в ряду смежных понятий, используемых для исследования языковой личности / О. В. Лутовинова // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. — 2009. — № 3. — С. 225—228.

6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — М. : А ТЕМП, 2006.

7. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180 000 слов и словосочетаний / Д. Н. Ушаков. — М. : Альта-Принт [и др.], 2008.

8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : пер. с нем. : в 4 т. Т. 3 / М. Фасмер. — 2-е изд., стер. — М. : Прогресс, 1987.

9. Шанский, Н. М. Этимологический словарь русского языка. Т. I, вып. V / Н. М. Шанский. — Collins Cobuild English Language Dictionary, 1973.

10. Fulford, R. When hacks attract: Serious artists are drawn to tales of mercenary scribes [Электронный ресурс] / R. Fulford // The National Post. — 2003. — 19 August. — URL: <http://www.robertfulford.com/2003-08-19-hacks.html> (дата обращения 18.12.2019).

Сведения об авторе

Креницына Екатерина Сергеевна — преподаватель кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. katerina-krin@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 1 (435). *Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 74—80.*

PECULIARITIES OF THE LINGUISTIC AND CULTURAL TYPE OF THE WRITER AS REALIZED IN ENGLISH AND RUSSIAN (ON THE MATERIAL OF LEXICOGRAPHIC SOURCES)

E.S. Krinitsyna

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. katerina-krin@yandex.ru

The article considers dictionary entries of the language and cultural type *writer* in English and Russian lexicographic sources. It demonstrates the amount of synonyms of the notion *writer* in both languages and researches the ways of their perception and its influence on English and Russian linguistic cultures. The main purpose of the study is systematizing and classifying different representations of the viewed language and the cultural type *writer*. There is an analysis and comparison of similar and specific characteristics of the language and the cultural type *writer*. It reveals gender difference of this linguistic cultural type and distinguishes English and Russian linguistic cultures. Idioms and colloquial examples are compared in both languages to reveal general and special features of the concept realization.

Keywords: *language and cultural type, linguistic culture, writer, phraseological units.*

References

1. Vinogradov V.V., Shvedova N.Yu. (ed.). *Istoriya slov* [History of words]. Moscow, Tolk Publ., 1994. 1138 p. (In Russ.).

2. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 4: R-V. SPb., Moscow, 1882. 712 p. (In Russ.).

3. *Individual'noe v yazyke. 6. Yazyk pisatelya* [Individual features in writer's language. 6. Writer's language]. Available at: <https://moodle.herzen.spb.ru/mod/book/view.php?id=70672&chapterid=1191/>, accessed 15.12.2019. (In Russ.).

4. Karasik V.I. Bazovye harakteristiki lingvokul'turnyh konceptov [Basic characteristics of linguocultural concepts]. *V.I. Karasik, I.A. Sternin (eds.). Antologiya konceptov* [Anthology of Concepts]. Volgograd, Paradigma Publ., 2005. Pp. 13-15. (In Russ.).

5. Lutovinova O.V. "Lingvokul'turnyy tipazh" v ryadu smezhny'x ponyatij, ispol'zuemy'x dlya issledovaniya yazy'kovej lichnosti ["Linguocultural type" among synonymic notions used in research of linguistic personality]. *Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Filologiya, istoriya, vostokovedenie* [Scientists' notes of Transbaikal State University. Philology, History, Orientalism], 2009, no. 3, pp. 225-228. (In Russ.).

6. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogoyazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij* [Explanatory Dictionary of the Russian language: 80 000 words and phrases], 4th ed. Moscow, A TEMP Publ., 2006. (In Russ.).

7. Ushakov D.N. *Bol'shoj tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka: 180 000 slov i slovosochetaniy* [Great Explanatory Dictionary of the modern Russian language: 180 000 words and phrases]. Moscow, Al'ta-Print Publ., 2008. (In Russ.).

8. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language in 4 vol., translated from German. Vol. 3.], 2nd ed., stereotype. Moscow, Progress Publ., 1987. (In Russ.).

9. Shanskij N.M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. T. I, iss. V. Collins Cobuild English Language Dictionary, 1973. (In Russ.).

10. Fulford R. When hacks attract: Serious artists are drawn to tales of mercenary scribes. *The National Post*, 2003, 19 August. Available at: <http://www.robertfulford.com/2003-08-19-hacks.html>, accessed 18.12.2019.

ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

О. А. Кукатова

Национальный университет Узбекистана и.м. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан

Статья посвящена обсуждению основных вопросов, связанных с изучением эмотивных глаголов русского языка. Рассматривается формальное и семантическое соотношение в парах типа *сердиться* — *сердиться*, природа их соотношения с категорией залога, грамматические свойства, сочетаемость, словообразовательная активность, способность входить в синонимические ряды, в том числе в семантической классификации предикатов, а также грамматические свойства одиночных глаголов типа *бояться*, *труситься*.

Ключевые слова: эмотивный глагол, конверсивная пара, переходный (возвратный) эмотивный глагол, глагол эмоционального состояния (переживания, отношения).

Как известно, эмоциональная сфера человека в русском языке представлена богатой и разнообразной лексикой и с точки зрения ее частеречной принадлежности, и с точки зрения лексико-семантической. Наименования эмоций представлены почти всеми самостоятельными частями речи русского языка: существительными (*гнев, страх, ужас, радость, грусть, тоска, печаль, веселье, восторг, восхищение*); прилагательными (*гневный, радостный, грустный, восхищенный, восторженный, веселый*); наречиями (*гневно, весело, восторженно, страшно, грустно*); глаголами (*бояться, раздражаться, тревожиться, гневаться, беспокоиться, беситься, огорчаться, волноваться, поражаться, изумляться, страшиться, ужасаться, удивляться, пугаться, стыдиться, смущаться* и др.). Основную часть данной лексики составляют глаголы, так как эмоциональное состояние интерпретируется русским языком как динамический (активный) процесс [28]. Важнейшей особенностью большинства исследуемых глаголов является способность формировать конверсивные пары, в которых переходный глагол выражает значение каузации «причинять кому-либо» («вызывать в ком-либо») эмоцию под влиянием определенных причин [22. С. 10; 23. С. 11], например: *волновать* — «вызывать волнение», *страшить* — «вызывать страх». Второй глагол, возвратный, имеет значение эмоционального состояния (*беспокоиться, волноваться, сердиться, пугаться, страшиться* и др.) [9. С. 75—121]. Такой глагол принято называть эмотивным декаузативом, то есть таким, который не имеет семы «каузация» [17; 24; 25]. Эмотивными мы будем называть и глагол эмоци-

ональной каузации (типа *волновать*), и эмотивный декаузатив (типа *волноваться*).

Эмотивные глаголы русского языка неоднократно становились предметом изучения. В частности, рассматривались природа их соотношения с категорией залога, грамматические свойства, сочетаемость, словообразовательная активность, способность входить в синонимические ряды, место в лексико-семантической системе языка, в том числе в семантической классификации предикатов.

По мнению большинства исследователей, возвратные эмотивные глаголы образуются от соответствующих невозвратных (переходных) глаголов, которым присущ семантический признак «каузативность». Присоединение постфикса *-ся* лишает глагол данного семантического признака [2. С. 50; 13. С. 83; 34. С. 36—37; 35; 37. С. 154]. В грамматическом плане постфикс *-ся* является носителем значения непереходности. В. В. Виноградов отмечает, что постфикс *-ся* в морфологической структуре возвратного эмотивного глагола имеет общевозвратное значение, то есть «закрывает действие в сфере субъекта» [12. С. 513].

Однако семантическое соотношение глаголов в парах типа *сердиться* — *сердиться*, *страшиться* — *страшить* и подобных не представляется столь однозначным. Так, по мнению И. С. Улуканова, отсутствие семантического признака «каузативность» в возвратном эмотивном глаголе и его наличие в переходном говорит о большей семантической сложности переходного глагола [29. С. 80; см. также: 13. С. 83]. Если же говорить о семантическом соотношении высказываний с переходным и возвратным глаголами, то в высказывании

с переходным глаголом имеет место «выдвижение в позицию грамматического субъекта имен неодушевленных предметов и явлений, не способных быть реальным субъектом действия и состояния... каузативная функция этих имен свидетельствует о вторичности, усложненности состава данных предложений» [16. С. 295].

Наряду с этим исследователи отмечают, что в паре переходный — возвратный эмотивный глагол последний обозначает ненамеренное действие, а его каузативные корреляты способны обозначать как намеренное, так и ненамеренное действие¹ [15. С. 81; 33; 37. С. 154]. Отношения в паре переходный — возвратный эмотивный глагол являются конверсивными, то есть объект в высказывании с переходным глаголом соответствует субъекту в высказывании с возвратным глаголом, а объект в высказывании с возвратным глаголом соответствует субъекту в высказывании с переходным глаголом [21. С. 178; 37. С. 157].

По мнению Н. А. Янко-Триницкой, состояние, описываемое возвратным эмотивным глаголом, представляется в русском языке как локализованное во времени действие, так как оно может начаться и закончиться, но не может достичь своего предела (*начал волноваться*) [37. С. 68]. Вместе с тем возвратные эмотивные глаголы русского языка «обладают характеризующей функцией по отношению к субъекту как носителю предикативного признака», так как «действие, выражаемое этими глаголами, превращается в постоянный статичный признак, свойство», поэтому одной из их отличительных особенностей является невозможность разложить действие типа *волноваться*, *сердиться*, *страшиться* и подобные на составляющие части² [Там же. С. 69].

Н. А. Янко-Триницкая отмечает, что характерная особенность страдательных глаголов — преобразование объекта производящего невозвратного глагола в субъект производного возвратного — сближает их с возвратными эмотивными глаголами и отграничивает от глаголов физического воздействия типа *бросать* — *бросаться*, *кидать* — *кидаться*, *бить* — *биться*. Это подтверждается

¹ Под намеренным действием понимается наличие в глаголе семы «воздействовать на кого-либо, каузируя в нем эмоцию». При этом переходный глагол присоединяет постфикс *-ся* только в значении ненамеренного действия [37. С. 154, 163].

² Например, такие действия, как *строить*, *возводить*, *исследовать*, можно представить как череду операций, связанных между собой.

невозможностью следующего преобразования: *Я кидаю камень* — **Камень кидается*, но возможно *Его слова волнуют меня* — *Я волнуюсь из-за его слов* [Там же. С. 157]. Преобразования же в парах типа *волноваться* — *волновать* и *строить* — *строиться* не являются идентичными, так как глагол типа *волновать* обозначает воздействие, а глагол типа *строить* этим значением не обладает [Там же. С. 163]. Возвратный глагол в такой паре обозначает реакцию субъекта состояния на причину, обозначенную в объекте. В противоположность им глаголы типа *строиться* «характеризуются предельной пассивностью обозначаемого ими действия» [Там же]. Кроме того, в парах типа *сердиться* — *сердить*, *волноваться* — *волновать* наблюдаются каузативные отношения, которые отсутствуют в паре типа *строить* — *строиться* [Там же. С. 165]. Н. А. Янко-Триницкая замечает, что к возвратному эмотивному глаголу можно подобрать невозвратный синоним (*пугаться* — *трусить*), что совершенно невозможно в отношении страдательных возвратных глаголов (*строиться* — ?) [Там же. С. 166].

Дискуссионным в лингвистической науке представляется вопрос о том, является ли действие, описываемое возвратными глаголами типа *волноваться*, *злиться*, *сердиться*, активным или пассивным. По мнению ряда исследователей, в высказываниях с данными глаголами отражен активный процесс [8; 14; 18. С. 116; 26. С. 77; 27; 31. С. 177; 36]. Это подтверждается контекстом употребления. Например: *Крымов забеспокоился, начал оглядываться* (Д. Гранин). Однако, на наш взгляд, возможность нахождения эмотивных глаголов в однородном ряду с глаголами активной деятельности объясняется не наличием в их семантической структуре признака «активность», а локализованностью этих действий на оси времени. Например, еще: *Мужчина раздражается, брюзжит, пьет водку, надоедает окружающим* (Шестов Л. И. Творчество из ничего). Н. А. Янко-Триницкая справедливо характеризует действие, описываемое возвратными эмотивными глаголами русского языка, как неактивное [37. С. 69], так как семантика высказываний с данными предикатами содержит семантическую роль эксперимента — участника ситуации, который характеризуется признаком «активность».

В грамматическом плане эмотивные глаголы русского языка классифицируются как а) направленные на объект (типа *страшиться*, *пугать*) и б) замкнутые в себе (типа *страшиться*, *пугаться*). Первые являются переходными, име-

ющими при себе прямой объект (*пугать ребенка*). Н. А. Янко-Триницкая обращает внимание на особенности категории переходности таких глаголов: «Объект при таких глаголах не подвергается изменению, а как бы включается в действие» [37. С. 71]. Присоединение приставки не приводит к формированию видовой пары. Ср.: 1а. *Пугаться — испугаться, пугать — напугать*. 1б. *Читать — прочитать*. При перфективации лишь наблюдаем образование нового способа глагольного действия [Там же]. Соединяясь с приставками, эмотивные глаголы зачастую получают количественно-временное значение (*потревожиться, заволноваться*) и количественно-интенсивное (*разволноваться*) [Там же. С. 71—72].

В поле зрения исследователей оказывались также императивные формы эмотивных глаголов русского языка. По мнению В. С. Храковского и А. П. Володина, в отличие от императивных форм контролируемых глаголов типа *читать*, обозначающих побуждение (*читай!*), императивные формы возвратных эмотивных глаголов, являющихся неконтролируемыми, обозначают «пожелание, осуществление которого зависит не столько от воли слушающего, сколько от целого ряда внешних и не зависящих от воли обстоятельств» [30. С. 149]. В этой связи отмечены и отрицательные императивные конструкции, особенностью которых является обозначение «запрета действия, которое уже осуществляется в момент речи» (*не злись!*) [Там же. С. 148].

Эмотивные глаголы русского языка исследовались с точки зрения их парадигматического устройства. Отмечается, что для лексико-семантических групп эмотивных глаголов характерны градуальные структуры, организуемые в целое «градуальными межсловными оппозициями» (*испугаться, ужаснуться*) [11]. В поле зрения исследователей был состав [19] и количественные изменения в группе эмотивных глаголов, происходившие в течение XI—XX вв. [20].

В работах, посвященных исследованию синонимических рядов эмотивных глаголов, ставится вопрос о том, вбирает ли в себя опорное слово лексические значения слов синонимического ряда [35. С. 113], а также о наличии так называемых типизирующих компонентов. Так, для синонимических рядов возвратных эмотивных глаголов русского языка типизирующим является компонент «испытывать чувство», а соотносительные с ними каузативные корреляты включают компонент «заставлять, побуждать» [32].

Достаточно подробно рассмотрен и словообразовательный потенциал производных/непроизводных глаголов, описывающих эмоциональную сферу человека. В частности, С. В. Артюховой исследовались словообразовательные парадигмы с глаголами, номинирующими эмоции человека, принципы формальной организации производных в словообразовательных гнездах с исходным глаголом, номинирующим эмоцию человека, а также семантические отношения между непроизводным эмотивным глаголом и его производными [6].

Значительная часть исследований эмотивных глаголов русского языка посвящена их классификации по характеру сочетаемости. Так, Ю. Д. Апресян, М. Л. Крючкова, Н. А. Прокуденко и некоторые другие классифицируют данные глаголы на основе двух взаимообусловленных признаков: семантического и синтаксического. В частности, Ю. Д. Апресян выявил девять дистрибутивных классов глаголов: 1) «испытывать чувство, направленное на объект, который является содержанием данного психического состояния» (*беспокоиться, тревожиться, волноваться* о + предложный падеж); 2) «испытывать чувство, направленное на сильно желаемый объект» (*томиться, тосковать, вздыхать по* + дательный падеж); 3) «испытывать чувство, вызываемое положением, состоянием, качеством, поведением объекта» (*беспокоиться, тревожиться за* + винительный падеж); 4) «испытывать оценочное (положительное/отрицательное) чувство, вызванное объектом, на который оно направлено» (*восторгаться, любоваться, восхищаться* + творительный падеж); 5) «испытывать чувство, направленное на такой объект, у которого устанавливается взаимная связь с субъектом» (*сострадать, сочувствовать* + дательный падеж); 6) «испытывать чувство недовольства в отношении кого-либо» (*сердиться, злиться, злиться на* + винительный падеж); 7) «испытывать постоянную боязнь или неловкость в отношении кого-/чего-либо» (*бояться, страшиться, стесняться* + родительный падеж); 8) «испытывать чувство боязни перед кем-либо» (*трястись, трепетать, робеть перед* + творительный падеж); 9) «испытывать чувство неуверенности» (*сомневаться в* + предложный падеж) [1].

Природа сочетаемости возвратных эмотивных глаголов была рассмотрена и в связи с определением их места в семантической классификации предикатов [37]. Многие из данных предикатов сочетаются с наречиями неопределенной длительности типа *долго-долго, подолгу*; отрезка

времени — *теперь, зимой, вчера, завтра, сейчас*; повторяемости действия — *ежесекундно, вечерами*; прерывистости действия — *иногда, порой, временами*; начала действия — *с давних пор, сначала, сперва*; образа действия — *едва, чуть-чуть, немного, капельку* [37. С. 72—73].

Предпринятая Л. М. Васильевым и другими исследователями¹ семантическая классификация эмотивных глаголов русского языка построена на трех принципах: денотативном, учитывающем «естественное, онтологическое расчленение реальной действительности» [10. С. 11]; парадигматическом, учитывающем вычленение общих и дифференциальных сем слова; синтагматическом, основанном на количестве и содержательном характере глагольных валентностей.

Одним из основных критериев в классификации Л. М. Васильева является характер сочетаемости слов данного класса. На этой основе он выделил глаголы эмоционального состояния (настроения), эмоционального переживания и эмоционального отношения.

По мнению исследователя, глаголы первой группы указывают на самые разные эмоциональные состояния, «оставляя как бы в тени переживаемые при этом состоянии чувства» [9. С. 75]. К ним относятся *волноваться, сердиться, радоваться, печалиться, восторгаться, раздражаться, пугаться, ужасаться, тосковать* и др. Данная группа характеризуется такими оппозициями сем, как «бытийность/становление» (*печалиться* и *опечаливаться*), «каузативность/некаузативность» (*волновать* и *волноваться*) [Там же. С. 96].

Глаголы второй группы обозначают «процесс эмоционального переживания» [Там же]. Соответственно, они не являются членами оппозиции «бытийность/становление» [Там же. С. 108]. В данную группу исследователь включает такие лексемы, как *терпеть, претерпевать, мучиться, страдать, томиться, убиваться, страшиться, наслаждаться* и др.

Глаголы эмоционального отношения преимущественно обозначают переживание определенного чувства, вызванное отношением к кому-/чему-либо и оценкой кого-/чего-либо. В эту группу включены такие лексемы, как *любить, уважать, презирать* и др. Для этой группы характерен следующий набор сем: «каузативность/некаузативность» (*влюбить* и *полюбить*), «бытийность/ста-

¹ См. работы Р. М. Гайсиной, Н. И. Шапиловой [36], Е. Е. Жуковской [13].

новление» (*любить* — *влюбляться*), «активность/пассивность» (*любить* и *нравиться*), «положительная/отрицательная модальность» (*влюбиться* и *разлюбить*) [Там же. С. 108—121].

Классификация Н. Д. Арутюновой основана на содержательном аспекте глагольных валентностей. По характеру актанта, выражающего причину, исследуемые предикаты ученый делит на две группы: 1) ориентированные на событие (*раздражать, смущать, удивлять, изумлять, поражать, огорчать, волновать, тревожить*), 2) ориентированные на объект (*сердить, злить, обижать*). К объектно-ориентированным также относятся *беспокоить, тревожить*², которые допускают предметные имена типа *отец, ребенок, сын, сестра*, являющиеся объектом беспокойства или тревоги. Об объектно-ориентированных предикатах замечено, что «личная направленность обозначаемых этими глаголами чувств отражает ситуацию желания выместить на ком-либо свое неудовольствие» [7. С. 161]. Например: *сердить*³ (*злить, обижать*) *друга, отца, товарища, коллегу*. В данном ряду «существенно для *сердить* то, что виновник эмоции обычно занимает более низкое место в возрастной или социальной иерархии» [5. С. 1014].

Комплексный анализ эмотивных глаголов русского языка, образующих как конверсивные пары типа *сердиться* — *сердить*, так и одиночные глаголы типа *бояться, грустить*, осуществлен С. С. Полежаевой. Пары глаголов типа *сердиться* — *сердить* исследователь рассматривает как семантическую, грамматическую и словообразовательную оппозиции, в которых реализуются конверсивные отношения. С. С. Полежаева сосредоточивает свое внимание на способах выражения эмоционального состояния как динамического процесса, взаимосвязи «эмоциональной и ментальной деятельности субъекта эмоции», а также рассматривает указанные оппозиции с точки зрения видовых характеристик [27].

² Ср. толкование семантики данных глаголов, предложенное В. Ю. Апресян: «Вызывать неприятное чувство, какое обычно бывает, когда человеку неизвестно что-то важное о ситуации, которая его касается, когда он опасается, что эта ситуация может измениться к худшему» [4. С. 22, 24].

³ Ср. толкование семантики данных глаголов, предложенное В. Ю. Апресян: «Вызывать неприятное чувство, какое обычно бывает, когда субъект чувства недоволен чьими-либо действиями или свойствами и готов сделать что-то для того, чтобы воздействие источника неприятного чувства на субъект прекратилось» [5. С. 1013].

Таким образом, эмотивные глаголы русского языка подверглись комплексному анализу в грамматическом, лексико-семантическом и сочетаемостном планах. Однако вне поля зрения исследователей остался вопрос об их месте в семантической классификации предикатов и функци-

онировании в семантике высказывания, то есть не раскрыта природа взаимосвязи семантических признаков предикатов, выраженных конверсивными парами эмотивных глаголов, и семантических признаков их актантов.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля / Ю. Д. Апресян // Лексикографический сборник : сб. науч. тр. Вып. 5. — М., 1962. — С. 52—72.
2. Апресян, Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола / Ю. Д. Апресян. — М. : Наука, 1967. — 249 с.
3. Апресян, В. Ю. Бояться, пугаться, страшиться, опасаться, трусить, дрейфить, робеть, трепетать 2, дрожать 2, трястись 2 / В. Ю. Апресян // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. — М. : Школа «Языки славянской культуры», 2003. — С. 60—66.
4. Апресян, В. Ю. Беспokoить 1, тревожить 1 / В. Ю. Апресян // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. — М. : Школа «Языки славянской культуры», 2003. — С. 22—25.
5. Апресян, В. Ю. Сердить, возмущать, взорвать 2, бесить, злить, разозлить, разъярить / В. Ю. Апресян // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. — М. : Школа «Языки славянской культуры», 2003. — С. 1013—1018.
6. Артюхова, С. В. Словообразовательный потенциал глаголов с семей «эмоция» в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук / С. В. Артюхова. — Махачкала, 2005. — 233 с.
7. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. — М. : Эдиториал УРСС, 2000. — 352 с.
8. Бабенко, Л. Г. Эмотивная лексика в структуре предложения // Классы слов в синтагматическом аспекте / Л. Г. Бабенко // Сборник научных трудов. — Свердловск : Изд-во Уральского государственного университета, 1988. — С. 145—156.
9. Васильев, Л. М. Семантика русского глагола / Л. М. Васильев. — М. : Высшая школа, 1981. — 183 с.
10. Васильев, Л. М. Принципы семантической идентификации глагольной лексики / Л. М. Васильев // Семантические классы русских глаголов : межвуз. сб. науч. тр. — Свердловск : УрГУ, 1982. — С. 11—14.
11. Вепрева, И. Т. Парадигматическая структура глагола / И. Т. Вепрева, М. Л. Кусова, Т. В. Матвеева // Лексико-семантические группы русских глаголов // Сборник научных трудов. — Иркутск : Изд-во Иркутского университета, 1989. — С. 57—58.
12. Виноградов, В. В. Русский язык / В. В. Виноградов. — М. : Высшая школа, 1986. — 632 с.
13. Жуковская, Е. Е. К проблеме семантической соотносительности элементов словообразовательного гнезда с глаголом эмоционального состояния в качестве исходного элемента / Е. Е. Жуковская // Классы слов и их взаимодействие : сб. науч. тр. — Свердловск : Уральский государственный университет, 1979. — С. 81—91.
14. Замараева, Е. В. Проблемы лингвистических исследований глаголов эмоционального состояния [Электронный ресурс] / Е. В. Замараева. — URL: <http://econfn.kras.ru/konferencii/2010/Zamaraeva.pdf> (дата обращения 25.02.2018).
15. Зарецкий, Н. С. Формы и функции возвратных глаголов (на материале древнерусского языка) / Н. С. Зарецкий. — Киев : Изд-во Киевского университета, 1961. — 130 с.
16. Золотова, Г. А. Очерки функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. — М. : Наука, 1973. — 350 с.
17. Калашникова, К. В. Системные отношения между классами русских рефлексивных глаголов в связи с их частотными характеристиками (по данным корпусного исследования) / К. В. Калашникова, С. С. Сай // Проблемы типологии и общей лингвистики. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения проф. А. А. Холодовича : материалы, Санкт-Петербург, 4—6 сент. 2006 г. : сб. науч. тр. — СПб., 2006. — С. 56—64.
18. Кендюшенко, А. Г. Предложения с семантикой эмоционального состояния субъекта в художественной речи / А. Г. Кендюшенко // Типология текста в функционально-стилистическом аспекте : сб. науч. тр. — Пермь : Пермский государственный университет. — С. 113—119.

19. Ковалева, М. С. Глаголы смеха в русском и в английском языках / М. С. Ковалева // Семантические категории сопоставительного изучения русского языка. — Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1981. — С. 115—119.
20. Королькова, О. О. История формирования группы глаголов психического воздействия в русском языке : дис. ... канд. филол. наук / О. О. Королькова. — Новосибирск, 2004. — 160 с.
21. Ломтев, Т. П. Структура предложений с глаголами эмоционального содержания / Т. П. Ломтев // Славянская филология : сб. науч. тр. — М. : Изд-во Московского университета, 1973. — С. 176—178.
22. Михеева, Н. А. Каузация эмоционального состояния и эмоционального отношения в испанском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Михеева. — М. : МГИМО, 2007. — 22 с.
23. Недеялков, В. П. Типология каузативных конструкций / В. П. Недеялков, Г. Г. Сильницкий // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. — М. : Наука, 1969. — С. 5—19.
24. Падучева, Е. В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке [Электронный ресурс] / Е. В. Падучева // Русский язык в научном освещении. — М. : Языки русской культуры, 2000. — С. 52—79. — URL: <http://www.vpn.int.ru/index.php?name=Files&op=view&id=7051>.
25. Падучева, Е. В. Структура события: семантические роли, аспектуальность, каузация / Е. В. Падучева // Научно-техническая информация, серия 2. — 2009. — № 6. — С. 38—45.
26. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. — М. : Учпедгиз, 1956. — 511 с.
27. Полежаева, С. С. Оппозиции эмотивных глаголов: конверсивные и каузативные отношения / С. С. Полежаева // II Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» : тез. докл. — М., 2004.
28. Селиверстова, О. И. Второй вариант классификационной сетки и описание предикативных типов русского языка / О. И. Селиверстова // Семантические типы предикатов. — М. : Наука, 1982. — С. 87—157.
29. Улуханов, И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И. С. Улуханов. — М. : Наука, 1977. — 255 с.
30. Храковский, В. С. Семантика и типология императива. Русский императив / В. С. Храковский, А. П. Володин. — Л. : Наука, 1986. — 270 с.
31. Цейтлин, Н. С. Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика / Н. С. Цейтлин // Синтаксис и стилистика : сб. науч. тр. — М. : Наука, 1976. — С. 161—181.
32. Черняк, В. Д. Общее значение ряда в типологической характеристике глагольных синонимических рядов / В. Д. Черняк // Глагол в лексической системе современного русского языка : сб. науч. тр. — Л., 1981. — С. 74—80.
33. Чудинов, А. П. Семантическое варьирование русского глагола / А. П. Чудинов. — Свердловск : Свердловский государственный педагогический институт, 1984. — 72 с.
34. Чудинов, А. П. О регулярном характере контекстуального варьирования значений каузативных глаголов / А. П. Чудинов // Проблемы глагольной семантики : сб. науч. тр. — Свердловск : Свердловский государственный педагогический институт, 1984. — С. 95—102.
35. Шапилова, Н. И. Отражение синонимических рядов глаголов внутреннего психического чувства в словарях / Н. И. Шапилова // Русское слово в языке и речи : сб. науч. тр. — Кемерово : Кемеровский государственный университет, 1976. — С. 106—114.
36. Яковлева, И. Н. Семантическая категория состояния и средства ее реализации (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Н. Яковлева. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2004. — 22 с.
37. Янко-Триницкая, Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке / Н. А. Янко-Триницкая. — М. : Изд-во АН СССР, 1962. — 247 с.

Сведения об авторе

Кукатова Ольга Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан. kukatova.olga@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 1 (435). Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 81—89.

FORMAL AND SEMANTIC FEATURES OF EMOTIVE VERBS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

O.A. Kukatova

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan, kukatova.olga@mail.ru

The article is devoted to the discussion of the main issues related to the study of emotive verbs of the Russian language. We consider the formal and semantic relationship in *сердиться — сердить* (to be angry — to angry), the nature of their relationship with the category of voice, grammatical properties, compatibility, word-formation productivity, the ability to enter synonymous series, place in the lexical-semantic system of the language, including in the semantic classification of predicates, and also the grammatical properties of single verbs such as *бояться, труситься* (fear, be a coward). Outside the researchers' field of view, however, remains the question of the place of emotive verbs in the semantic classification of predicates and their functioning in utterances. Also, the nature of the relationship between the semantic features of predicates expressed by the emotive verbs of the Russian language and the semantic features of their actants is yet to be disclosed.

Keywords: *emotive verb, conversive couple, transitional (reflexive) emotive verb, verb of emotional state (experiences, relationships).*

References

1. Apresyan Yu.D. Distributivnyj analiz znachenij i strukturnye semanticheskie polya [Distributional analysis of values and structural semantic field]. *Leksikograficheskij sbornik* [Lexicographic collection]. Moscow, 1962. (5). Pp. 52-72. (In Russ.).
2. Apresyan Yu.D. *Eksperimental'noe issledovanie semantiki russkogo glagola* [Experimental study of Russian verb semantics]. Moscow, Nauka, 1967. 249 p. (In Russ.).
3. Apresyan, V.A. Boyat'sya, pugat'sya, strashit'sya, opasat'sya, trusit', drejfit', robet', trepetat' 2, drozhat' 2, tryastis' 2 [Fear, be frightened, fear, fear, coward, drift, shy, tremble 2, tremble 2, shake 2]. *Novyj ob'yasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow, Shkola "Yazyki slavyanskoj kul'tury", 2003. Pp. 60-66. (In Russ.).
4. Apresyan V.A. Bespokoit' 1, trevozhit' 1 [Disturb 1, disturb 1]. *Novyj ob'yasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow, Shkola "Yazyki slavyanskoj kul'tury", 2003. Pp. 22-25. (In Russ.).
5. Apresyan V.A. Serdit', vozmushchat', vzorvat' 2, besit', zlit', razozlit', raz'yarit' [To anger, to resent, to blow up 2, to enrage, to anger, to enrage]. *Novyj ob'yasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow, Shkola "Yazyki slavyanskoj kul'tury", 2003. Pp. 1013-1018. (In Russ.).
6. Artyuhova P.V. *Slovoobrazovatel'nyj potencial glagolov s semoj "emociya" v sovremennom russkom yazyke* [Word-formation potential of verbs with seme "emotion" in modern Russian. Thesis]. Mahachkala, 2005. 233 p. (In Russ.).
7. Arutyunova N.D. *Predlozhenie i ego smysl* [Sentence and its meaning]. Moscow, Nauka, 1976. 382 p.
8. Babenko L.G. Emotivnaya leksika v strukture predlozheniya [Emotive vocabulary in sentence structure. word Classes in syntagmatic aspect]. *Klassy slov v sintagmaticheskom aspekte* [Syntagmatic word classes]. Sverdlovsk, 1988. Pp. 145-156. (In Russ.).
9. Vasil'ev L.M. *Semantika russkogo glagola* [Semantics of the Russian verb]. Moscow, Vysshaya shkola, 1981. 183 p. (In Russ.).
10. Vasil'ev L.M. Principy semanticheskoy identifikacii glagol'noj leksiki [Principles of semantic identification of verbal vocabulary]. *Semanticheskie klassy russkih glagolov* [Semantic classes of Russian verbs]. Sverdlovsk, UrGU, 1982. Pp. 11-14. (In Russ.).

11. Vepreva I.T., Kusova M.L., Matveeva T.V. Paradigmaticheskaya struktura glagola [Paradigmatic structure of the verb]. *Leksiko-semanticheskie gruppy russkih glagolov* [Lexical-semantic groups of Russian verbs]. Irkutsk, 1989. Pp. 57-58. (In Russ.).
12. Vinogradov V.V. *Russkij yazyk* [Russian]. Moscow, Vysshaya shkola, 1986. 632 p. (In Russ.).
13. Zhukovskaya E.E. K probleme semanticheskoy sootnositel'nosti elementov slovoobrazovatel'nogo gnezda s glagolom emocional'nogo sostoyaniya v kachestve iskhodnogo elementa [To the problem of semantic correlation of the elements of the word-formation nest with the verb of emotional state in the quality of the initial element]. *Klassy slov i ih vzaimodejstvie* [Classes of words and their interaction]. Sverdlovsk, 1979. Pp. 81-91. (In Russ.).
14. Zamaraeva E.V. *Problemy lingvisticheskikh issledovaniy glagolov emocional'nogo sostoyaniya* [Problems of linguistic research of verbs of emotional state]. Available at: <http://econf.nkras.ru/konferencii/2010/Zamaraeva.pdf>, accessed 25.02.2018. (In Russ.).
15. Zareckij N.S. *Formy i funkcii vozvratnyh glagolov (na materiale drevnerusskogo yazyka)* [Forms and functions of reflexive verbs (by the material of the old Russian language)]. Kiev, 1961. 130 p. (In Russ.).
16. Zolotova G.A. *Ocherki funkcional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essays on functional syntax of the Russian language]. Moscow, Nauka, 1973. 350 p. (In Russ.).
17. Kalashnikova K.V., Saj S.S. Sistemnye otnosheniya mezhdru klassami russkih reflektivnyh glagolov v svyazi s ih chastotnymi harakteristikami (po dannym korpusnogo issledovaniya) [System relations between classes of Russian reflexive verbs in connection with their frequency characteristics (according to corpus research)]. *Problemy tipologii i obshchej lingvistiki. Mezhdunarodnaya konferenciya, posvyashchennaya 100-letiyu so dnya rozhdeniya prof. A.A. Holodovicha* [Problems of typology and general linguistics. International conference dedicated to the centenary of the birth of prof. A.A. Kholodovich]. St. Petersburg, 4-6 Sept. 2006. St. Petersburg, 2006. Pp.56-64. (In Russ.).
18. Kendyushenko A.G. Predlozheniya s semantikoj emocional'nogo sostoyaniya sub'ekta v hudozhestvennoj rechi [Sentences with the semantics of the emotional state of the subject in artistic speech]. *Tipologiya teksta v funkcional'no-stilisticheskom aspekte* [Typology of the text in the functional-stylistic aspect]. Perm. Pp. 113-119. (In Russ.).
19. Kovaleva M.S. Glagoly smekha v russkom i v anglijskom yazykah [Verbs of laughter in Russian and in English]. *Semanticheskie kategorii sopostavitel'nogo izucheniya russkogo yazyka* [Semantic categories of comparative study of the Russian language]. Voronezh, 1981. Pp. 115-119. (In Russ.).
20. Korol'kova O.O. *Istoriya formirovaniya gruppy glagolov psicheskogo vozdejstviya v russkom yazyke* [History of formation of group of verbs of mental influence in Russian. Thesis]. Novosibirsk, 2004. 160 p. (In Russ.).
21. Lomtev T.P. Struktura predlozhenij s glagolami emocional'nogo sodержaniya [The structure of sentences with verbs emotional content]. *Slavyanskaya filologiya* [Slavic philology]. Moscow, 1973. Pp. 176-178. (In Russ.).
22. Miheeva N.A. *Kauzaciya emocional'nogo sostoyaniya i emocional'nogo otnosheniya v ispanskom yazyke* [Causation of emotional state and emotional attitude in Spanish. Abstract of thesis]. Moscow, MGIMO, 2007. 22 p. (In Russ.).
23. Nedyalkov V.P., Sil'nickij G.G. Tipologiya kauzativnyh konstrukcij [Typology of causative constructions]. *Tipologiya kauzativnyh konstrukcij. Morfologicheskij kauzativ* [Typology of causative constructions. The morphological causative]. Moscow, Nauka, 1969. Pp. 5-19. (In Russ.).
24. Paducheva E.V. Kauzativnyj glagol i dekauzativ v russkom yazyke [The causative verb and decausative in the Russian language. Russian language in a scientific light]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language in scientific coverage]. Moscow, 2000. Pp. 52-79. Available at: <http://www.vpn.int.ru/index.php?name=Files&op=view&id=7051> (In Russ.).
25. Paducheva E.V. Struktura sobytiya: semanticheskie roli, aspektual'nost', kauzaciya [Event structure: semantic roles, aspects, causality]. *Nauchno-tekhnicheskaya informaciya, seriya 2.* [Scientific and technical information. Series 2], 2009, no. 6, pp. 38-45. (In Russ.).
26. Peshkovskij A.M. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage]. Moscow, Uchpedgiz, 1956. 511 p. (In Russ.).

27. Polezhaeva S.S. Oppozicii emotivnyh glagolov: konversivnye i kausativnye otnosheniya [The opposition of emotive verbs: conversione and causative relationships]. *II Mezhdunarodnyj kongress issledovatelej russkogo yazyka 'Russkij yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [II International Congress of Russian Language Researchers 'Russian Language: Historical Fates and the Present']. Moscow, 2004. Available at: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/files/sec/10.doc>. (In Russ.).

28. Seliverstova O.I. Vtoroj variant klassifikacionnoj setki i opisanie predikativnyh tipov russkogo yazyka [The second variant of the classification grid and the description of predicative types of the Russian language]. *Semanticheskie tipy predikatov* [Semantic predicate types]. Moscow, Nauka, 1982. Pp. 87-157. (In Russ.).

29. Uluhanov I.S. *Slovoobrazovatel'naya semantika v russkom yazyke i principy ee opisaniya* [Word-formation semantics in the Russian language and principles of its description]. Moscow, Nauka, 1977. 255 p. (In Russ.).

30. Hrakovskij V.S., Volodin A.P. *Semantika i tipologiya imperativa. Russkij imperativ* [Semantics and typology of the imperative. Russian imperative]. Leningrad, Nauka, 1986. 270 p. (In Russ.).

31. Cejtin N.S. Sintaksicheskie modeli so znacheniem psihicheskogo sostoyaniya i ih sinonimika [Syntactic models with the meaning of mental state and their synonymy]. *Sintaksis i stilistika* [Syntax and style]. Moscow, Nauka, 1976. Pp. 161-181. (In Russ.).

32. Chernyak V.D. Obshchee znachenie ryada v tipologicheskoy karakteristike glagol'nyh sinonimicheskikh ryadov [The General meaning of a series in the typological characteristic of verbal synonymic series]. *Glagol v leksicheskoy sisteme sovremennogo russkogo yazyka* [A verb in the lexical system of the modern Russian language]. Leningrad, 1981. Pp. 74-80. (In Russ.).

33. Chudinov A.P. *Semanticheskoe var'irovanie russkogo glagola* [Semantic variation of the Russian verb]. Sverdlovsk, 1984. 72 p. (In Russ.).

34. Chudinov A.P. O reguljarnom karaktere kontekstual'nogo var'irovaniya znachenij kausativnyh glagolov [On the regular character of contextual variation of causative verbs meanings]. *Problemy glagol'noj semantiki* [Problems of verb semantics]. Sverdlovsk, 1984. Pp. 95-102. (In Russ.).

35. Shapilova N.I. Otrazhenie sinonimicheskikh ryadov glagolov vnutrennego psihicheskogo chuvstva v slovaryah [The reflection of the synonymic series of verbs of inner mental feelings in dictionaries]. *Russkoe slovo v yazyke i rechi* [Russian word in language and speech]. Kemerovo, 1976. Pp. 106-114. (In Russ.).

36. Yakovleva I.N. *Semanticheskaya kategoriya sostoyaniya i sredstva ee realizacii (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov)* [Semantic category of state and means of its realization (by the material of Russian and English languages)]. Voronezh, 2004. 22 p. (In Russ.).

37. Yanko-Trinickaya N.A. *Vozvratnye glagoly v sovremennom russkom yazyke* [Reflexive verbs in modern Russian]. Moscow, 1962. 247 p. (In Russ.).

ЛОЗУНГ КАК «ДИСКУРСИВНАЯ ФОРМУЛА»: УСТОЙЧИВОСТЬ И ВАРЬИРОВАНИЕ

Ю. Р. Лемешко

Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, Иркутск, Россия

На объемном фактическом материале осуществляется сопоставление российских лозунгов разных исторических периодов XX—XXI вв. Выделяются следующие хронологические периоды: 1917—1941, 1941—1945, 1945—1985, 1985—1991, 1991—2010, 2010—2019 гг. Выявляются тенденции использования лозунгов, их универсальные модели и конструктивные вариации.

Ключевые слова: лозунг, коммуникация, модель высказывания, конструкция, лозунговый универсум.

Введение

Попытка рассмотреть лозунг с точки зрения его структурной организации была предпринята в работе Ю. И. Левина «Семиотика советских лозунгов». Автор характеризует лозунг как *клише*, представляющее собой стандартную форму — «высказывательную рамку» — с незаполненными позициями (переменными) [8. С. 546]. Под *рамкой* понимается «постоянная часть, определяющая, в частности, синтаксическую структуру лозунга; в составе переменной части выделяется «обязательное ядро и факультативная периферия». Например, в лозунге «*Да здравствует коммунизм — светлое будущее человечества*»: «*да здравствует X*» — рамка, X = «*коммунизм*» — ядро, прочее — периферия» [Там же].

Воспроизводимость лозунгов, стабильность их лексического состава и грамматической организации позволила ряду исследователей трактовать эти высказывания как *устойчивые словесные комплексы* и рассматривать их в одном ряду с фразеологическими единицами в их широком понимании (см., напр.: [4]).

Авторы словаря, как и Ю. И. Левин, демонстрируют, что многие лозунги сохраняются от эпохи к эпохе в неизменном виде либо могут претерпевать незначительные трансформации. Эти трансформации реализуются «в виде инверсивных конструкций (ср.: *Дорогу — молодым!* и *Молодым — дорогу!*), усечений (ср.: *Мы едины!* и *Пока мы едины, мы непобедимы*), в виде лексико-синтаксических преобразований (ср.: *КПРФ — курс на народовластие!* и *Наш курс — труд, народовластие, социализм!*).

Таким образом, с одной стороны, «политические лозунги (УСК) [устойчивые словесные комплексы. — Ю. Л.] допускают трансформации (иногда

значительные), что позволяет им функционировать как прецедентные феномены, но, с другой стороны, они сохраняют узнаваемость, вероятно, за счет относительной устойчивости морфологического и синтаксического строения, воспроизводимости в определенном лексико-грамматическом составе, за счет комплекса таких свойств, как синтаксическая членимость и смысловая цельность» [5. С. 149].

Как представляется, устойчивость, клишированность лозунговых высказываний обуславливается их интенциональной природой, которая состоит в том, чтобы оказывать влияние на массовое сознание, формулировать определенные мнения, установки, стереотипы, вырабатывать линию поведения и т. п. Именно в силу своих иллокутивных свойств лозунг как жанр сохраняет актуальность в разные исторические периоды существования государства.

Существуют ли какие-либо значимые корреляции между типами лозунгов и социально-историческим фоном эпохи? Какие структурно-семантические разновидности лозунгов являются универсальными, какие используются избирательно? От чего это зависит?

В данной статье предложена попытка найти ответы на эти и подобные вопросы. Лозунговый корпус XX—XXI вв. рассматривается здесь с учетом времени функционирования отдельных выражений — в сопоставительном аспекте.

1. Лозунги

в свете хронологического описания

Предварительный анализ показал, что некоторые модели лозунгов стабильно реализуются во все исторические периоды развития государства, другие модели закреплены за определенными хронологическими рамками.

Чтобы осмыслить такую избирательность, следовало выделить те хронологические отрезки, которые подлежат сопоставлению. Эта задача осуществляется с учетом классификации А. А. Ворожбитовой, которая вычленяет, во-первых, этапные языковые периоды в функционировании советского дискурса: *период Октябрьского переворота и Гражданской войны и период Великой Отечественной войны*.

Мы считаем возможным рассматривать языковую ситуацию 1917—1941 гг. как единый период, поскольку в эти годы в истории России происходит острая политическая борьба, в ходе которой решается вопрос об альтернативах развития страны, что естественным образом находит свое отражение в лозунговой коммуникации. Так, в период Октябрьского переворота и Гражданской войны «происходит раскол национального русского макродискурса на советский, исподволь вызревший в его лоне, и альтернативный антисоветский, аккумулировавший нигилистически отвергнутые духовные ценности» [3. С. 22]. В предвоенные и военные годы наблюдается что-то вроде поляризации в политическом дискурсе: советский и нацистский.

Далее выделяется период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., в котором доминируют языковые структуры, способные активизировать массы на беспощадную борьбу с врагом, «когда советский дискурс, мобилизовав все резервы, выстоял в смертельной схватке и широко распространился в мире» [Там же].

Следующий период охватывает достаточно большой промежуток времени (1945—1985) — от окончания войны и до перестройки. Языковая ситуация этого времени отражает политическую установку на восстановление страны во всех сферах жизнедеятельности, интеграцию со всем миром и процветание.

Далее следует выделить периоды перестройки (1985—1991) и постперестройки (1991—2010).

Перестройка, по мнению Н. А. Купиной, «маркирует начало конца тоталитарного языка советской эпохи» [6]. Разрушаются тоталитарный режим и командная экономика, происходят изменения в политической системе, и на практике начинают реализовываться демократические принципы.

С распадом Советского Союза в 1991 г. завершается не только перестройка, но и коренным образом меняется ситуация в мире. «В России, правопреемнице СССР, новые отношения тесно переплелись со старым укладом жизни, наложив отпечаток своеобразия на характер ее социаль-

но-экономического и политического развития. Современный этап модернизации может быть назван переходным... Исконно почитаемый российскими политиками слепой метод “проб и ошибок” в деле определения оптимального экономического направления развития государства, примененный в начале 90-х годов, прошелся своей тяжелой поступью по стране и поставил ее перед вызовом, похожим на вызов большой войны, только растянутым во времени на 20 лет» [9. С. 49].

В лингвистическом отношении данные периоды характеризуются все большей частотностью номинализованных конструкций, генитивных цепей, исчезновением агенса, что еще ранее отмечалось Патриком Серию в книге «Анализ советского политического дискурса» (см. [1]).

Выделенные хронологические этапы рассматриваются в сопоставлении с современным периодом 2010—2019 гг. Основные результаты исследования обобщены в таблице (см. с. 92—93).

2. Структурно-семантические особенности моделей лозунга: устойчивость и варьирование

Прокомментируем далее некоторые выразительные позиции.

Лозунги, использующие императив адресата, характеризуются стабильной частотностью во все выделенные периоды, ср.:

1917—1941: *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*

1941—1945: *Вступайте в ряды народного ополчения!*

1945—1985: *Молодежь! Настойчиво овладевай знаниями!*

1985—1991: *Коммунисты, отдайте власть народу!*

1991—2009: *Посмотри правде в глаза!*

2010—2019: *Дайте народу честные выборы.*

Иначе обстоит дело с высказываниями, в которых императив адресата осложнен частицей *НЕ*, употребление таких высказываний в период Великой Отечественной войны практически равно нулю:

1917—1941: *Матери, не подкидывайте детей! Не бей ребенка!*

1941—1945: отсутствует.

1945—1985: *Не теряй рабочих минут; Не засоряйте лес! Не балуй!*

1985—1991: *Не отделяйте нас границей от родных!*

1991—2009: *Не допусти красной смуты!*

Сравнительная таблица высказываний, %

Модель высказывания	1917—1941	1941—1945	1945—1985	1985—1991	1991—2010	2010—2018
Императив 2-го лица	12,50	23,9	23,9	6,10	7,40	16,00
В том числе: <i>ne</i> + императив 2-го лица	1,02	—*	1,02	3,80	2,20	2,05
с формами глагола <i>быть</i> 2 л. ед. ч. и мн. ч.	1,70	3,20	0,86	0,86	1,14	0,72
с формами глагола <i>давать</i> 2 л. ед. ч.	—	—	—	0,50	1,14	0,38
В том числе с формой <i>даешь</i>	0,50	—	1,70	1,60	0,74	1,80
Императив совместного действия	13,80	12,06	3,40	3,80	5,90	4,50
В том числе: <i>ne</i> + императив совместного действия	0,25	0,50	—	1,10	—	0,60
В том числе: с формами глагола <i>быть</i> 1 л. мн. ч	—	—	—	—	—	0,50
В том числе с формой <i>требуем</i>	—	—	—	2,70	2,20	1,90
Императив 3-го лица	0,12	1,02	1,29	0,50	—	0,38
В том числе с формой <i>хватит</i>	0,25	—	—	2,20	0,74	2,70
<i>Специальные синтаксические конструкции</i>						
Inf	1,27	4,20	3,46	4,39	2,96	2,38
Инфинитивные конструкции	0,25	0,46	—	—	0,69	0,27
<i>Nl – Vf</i> (настоящее время 1 л. ед. и мн. ч.)	0,25	2,34	1,29	2,19	4,80	2,80
В том числе:	4,60	2,34	2,15	0,54	2,79	2,05
<i>N_I – Vf</i> (настоящее время 3 л. ед. ч.)	2,30	3,70	1,70	1,64	2,09	4,27
В том числе:	2,57	4,69	1,29	2,19	3,49	1,16
<i>N_I – Vf</i> (будущее время)	—	2,81	—	—	0,69	0,16
<i>N_I – Vf</i> (<i>ne</i> + будущее время)	1,02	5,63	1,29	0,54	0,69	0,22
В том числе с формой перформатива	1,54	1,87	—	3,84	2,79	1,27
В том числе в форме вопросительного предложения	<i>Подлежащие-сказуемые схемы с координируемыми компонентами</i>					
<i>N_I – N_I</i>	5,60	3,28	11,2	10,9	6,29	8,20
<i>N_I – Adj I кратк</i>	0,77	4,20	2,70	1,09	—	—
<i>Подлежащие-сказуемые схемы с неkoordinируемыми компонентами</i>						
<i>N3 – N4</i>	2,30	0,90	14,20	3,29	1,39	2,20
<i>N4 – N3</i>	1,79	—	1,29	1,64	1,39	0,94
<i>NI</i>	1,02	—	1,72	2,70	3,49	0,38
<i>Hu N2</i>	1,02	0,93	1,72	—	—	0,22

Продолжение таблицы

Модель высказывания	1917—1941	1941—1945	1945—1985	1985—1991	1991—2010	2010—2018
<i>Специальные лексико-синтаксические конструкции</i>						
В том числе с формами:						
<i>Смерть</i> + N3	2,30	5,16	—	—	0,69	0,44
<i>Свободу</i> + N3	1,02	—	0,86	0,54	0,69	1,38
<i>Долой</i> + N4	3,59	0,46	0,43	6,59	6,29	3,60
<i>Вон</i> + N4	—	—	0,43	1,09	—	1,00
<i>Прочь</i> + N4	0,51	—	0,43	2,74	1,39	0,83
<i>Да</i> + N3	—	—	—	0,54	2,79	0,33
<i>Нет</i> + N3	—	—	0,36	0,72	1,29	4,16
<i>Нет</i> – N3. <i>Да</i> – N3	—	—	—	0,54	0,69	0,83
В том числе <i>Adv</i> + N4	2,57	2,34	1,29	0,69	—	—
<i>Конструкции-здравитцы</i>						
<i>Да здравствует</i>	9,76	1,87	3,40	3,29	0,69	0,66
<i>Слава</i>	1,28	5,16	3,40	—	—	0,61
<i>Конструкции с предложениями</i>						
<i>N4</i> + <i>B</i> + <i>N4</i>	2,57	1,4	3,00	2,19	4,19	2,10
<i>N4</i> + <i>Ha</i> + <i>N4</i>	5,14	5,63	4,30	1,64	4,89	1,50
<i>K</i> + N3	2,05	2,34	1,70	2,19	1,39	1,16
<i>N4</i> + <i>под</i> + <i>N4</i>	1,28	—	—	1,64	2,09	1,44
<i>За</i> + <i>N4</i>	3,80	1,87	4,30	1,09	1,39	4,30
В том числе:	—	—	0,43	1,09	1,39	1,05
<i>Мы за</i> + <i>N4</i>	—	—	—	—	—	—
В том числе:	—	—	—	2,74	0,69	1,44
<i>N13</i> <i>лицо</i> + <i>За</i> + <i>N4</i>	—	—	—	—	—	—
<i>N1</i> + <i>для</i> + <i>N2</i>	—	0,93	—	0,54	0,69	1,16
<i>От ... к</i>	0,25	—	1,72	—	—	0,38
<i>C</i> + <i>N5</i>	—	0,46	0,43	0,12	2,09	1,27
<i>N1</i> + <i>без</i> + <i>N2</i>	—	—	—	0,54	0,69	1,66
<i>Против</i> + <i>N2</i>	0,25	—	—	—	—	1,33
<i>Мы против</i> + <i>N2</i>	—	—	—	—	—	—
<i>N13</i> <i>лицо</i> + <i>против</i> + <i>N2</i>	—	—	—	—	—	0,72

* Примечание: прочерком обозначены позиции, которые отсутствуют в корпусе языкового материала рассматриваемого периода.

2010—2019: *Не дай украсть свой голос! Не жди перемен!*

Как видно, для периода Великой Отечественной войны такая конструкция оказалась неактуальной. Думается, это обусловлено идеологическим содержанием эпохи, единственная цель которой состояла в необходимости выжить и победить врага. Именно поэтому побуждения к *неосуществлению* действия являются не востребуемыми; напротив, «позитивные побуждения» с явно выраженной адресацией являются широко распространенными: *Бейтесь до смерти! Изучайте боевые действия на лыжах! Крепите боевую мощь СССР! Соревнуйтесь на лучшую помощь фронту! Ребята, защищайте Родину! Помогай Красной Армии вылавливать шпионов и диверсантов! Красноармейцы! Будь достоин богатырской славы твоего народа! Балтиец! Будь беспощаден в бою, уничтожай немецко-финских злодеев! Коммунисты и комсомольцы! Будьте в первых рядах борцов против немецко-фашистских кровавых собак!*

Интересная тенденция обнаруживается в функционировании модели N_4 — N_3 (*Мир — народам; Вся власть Советам!*). В целом она характеризуется устойчивой частотностью, однако для двух хронологических периодов тенденции ее использования различаются полярно. Наиболее употребительна эта конструкция в период революции, наименее — в период Великой Отечественной войны. Как кажется, это связано со структурно-семантической природой конструкции.

Семантические роли распределяются здесь следующим образом: имя в винительном падеже называет желаемый или требуемый объект, имя в дательном падеже — бенефицианта, то есть субъекта пользы (реже — вреда). Термином *бенефициант* обозначает актанта, одушевленное существо, выступающее в функции получателя, в том числе выгодополучателя, или вообще того, в пользу или в ущерб кому совершается действие [2. С. 52].

Иными словами, семантическая роль бенефицианта — это роль участника ситуации, которого она «затрагивает, на котором она так или иначе отражается. Это может быть «получатель» пользы, блага, содействия (Бенефактив) или вреда, помех, противодействия (Малефактив)» [7].

Соответственно, модель N_4 — N_3 является идеальной грамматической упаковкой для выражения идеи обещания кому-либо чего-либо. Именно поэтому данная модель оказывается востребованной в период революции, когда некоторый Агенса (в данной ситуации — вожди революции, которые

пришли к власти) начинает что-то обещать тем слоям населения, которые ничего не имели. Это перекликается с ситуацией перестройки и с современной ситуацией, когда те, кто находится у власти или только хочет прийти к власти, что-то обещают электорату.

В период 1941—1945 гг. ситуация мыслится исключительно в категориях долженствования: долга перед Родиной, народом, семьей, а потому модальность обещания оказывается неуместной.

В советском дискурсе продуктивными в качестве лозунга являлись высказывания, построенные по схеме *Adv + N₄*, ср.:

1917—1941: *Выше знамя пролетарского интернационализма!*

1941—1945: *Больше помощи фронту! Сильнее удар по врагу!*

1945—1985: *Больше демократии, больше социализма!*

1985—1991: *отсутствует.*

1991—2009: *отсутствует.*

2010—2019: *отсутствует.*

В периоды 1985—1991, 1991—2009 и 2010—2019 гг. употребление данного типа высказывания практически равно нулю. В составе данной модели употребляется форма компаратива, обозначающая выражение значения проявления признака в большей степени. Можно предположить, что исчезновение столь продуктивной модели высказывания связано с рядом экстралингвистических обстоятельств. В годы становления и существования советской власти проходили в постоянной упорной борьбе: в 1917—1941 гг. с врагами революции; в 1941—1945 гг. с фашистскими захватчиками; в 1945—1985 гг. — восстановление народного хозяйства, а также возобновление прерванных войной пятилеток. Данные экстралингвистические ситуации находят свое отражение и в языке. Чтобы победить врага, необходимо быть на порядок сильнее, выше, крепче и т. д.

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что существуют определенные тенденции в использовании тех или иных структурно-семантических моделей лозунгов в отдельные исторические периоды, причем избирательность этих моделей определяется в первую очередь их конструктивными и семантическими особенностями.

Другие факторы, обуславливающие специфику отбора лозунгов, связаны с экстралингвистическими обстоятельствами.

Первое — это характер информационных ресурсов, которыми располагает общество в ту или иную эпоху.

В настоящее время благодаря интенсивному развитию информационно-коммуникационных технологий и глобального информационного пространства, распространению сети Интернет существует широкий спектр средств управления массовым сознанием. В годы советской власти информационно-просветительские возможности были ограничены, и лозунг являлся первейшим действенным инструментом политической пропаганды и агитации. Многократно повторенные, лозунги становятся в некотором роде идеологическими клише: «Чем чаще по-

вторяются, тем больше оседают в подсознании масс» [10. С. 6].

Второе значимое обстоятельство — это изменение отношений, предполагаемых рамками «граждане — политические институты». Долгое время эти отношения были однонаправленными: в самом широком смысле содержание лозунга направлялось от государства гражданам. В последние десятилетия эта ситуация изменилась (многочисленные протестные акции, марши и т. п.), что не могло не повлечь за собой изменений в характере избираемых лозунговых структур. Анализ влияния названных факторов на использование определенных моделей лозунговых высказываний является задачей дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Seriot, P. *Analyse du discours politique soviétique* / P. Seriot // *Cultures et Societes de l'Est*. 2. — Paris : Institut d'etudes slaves, 1985.
2. Богданов, В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. — 204 с.
3. Ворожбитова, А. А. «Официальный советский язык» периода Великой Отечественной войны: лингвориторическая интерпретация / А. А. Ворожбитова // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. Вып. 2: Язык и социальная среда. — Воронеж, 2000. — С. 21—42.
4. Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии / рус. часть: С. Г. Шулежкова, А. А. Осипова [и др.] ; нем. часть: Х. Вальтер, О. В. Михина ; под ред. С. Г. Шулежковой, А. А. Осиповой. — Магнитогорск : Магнитогорский Дом печати ; Greifswald : Ernst-Moritz Univ., 2016. — 300 с.
5. Дзюба, Е. В. Российские и немецкие политические лозунги как объект семантического, лексикографического и лингвопрагматического описания (рецензия на публикацию «Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии») / Е. В. Дзюба, З. М. Дударева, И. М. Никулина // *Политическая лингвистика*. — 2017. — № 3. — С. 146—151.
6. Купина, Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. — Екатеринбург ; Пермь, 1995. — 143 с.
7. Кустова, Г. И. Дательный падеж [Электронный ресурс] / Г. И. Кустова // *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. — М., 2012. — URL: <http://rusgram.ru>.
8. Левин, Ю. И. Семиотика советских лозунгов / Ю. И. Левин // *Избранные труды. Поэтика. Семиотика*. — М., 1998. — С. 542—558.
9. Скворцова, Е. М. Проблемы модернизации России: опыт историко-экономического анализа / Е. М. Скворцова // *Гуманитарные науки. Вестник финансового университета*. — 2014. — № 4 (16). — С. 42—51.
10. Хевеши, М. А. Толковый словарь идеологических и политических терминов советского периода / М. А. Хевеши. — 2-е изд., доп. — М., 2004.

Сведения об авторе

Лемешко Юлия Римовна — старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия. Иркутск, Россия. lelia-2004@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 1 (435). Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 90—96.

SLOGANS AS DISCOURSE FORMULAE: STABILITY AND VARIATION

Yu.R. Lemeshko

East-Siberian Branch of Russian State University of Justice, Irkutsk, Russia. lelia-2004@rambler.ru

The given article is a continuation of a series of publications, devoted to the research of slogan. We search into the Russian slogans matching different historical periods of the 20th-21st centuries on the basis of large material accumulated and analyzed. We have picked out the chronological periods of 1917-1941, 1941-1945, 1945-1985, 1985-1991, 1991-2010, 2010-2019 for our analysis, spanning through significant and integral in kind episodes in the life of the country. Some explanatory comments on the reasons for picking out the given chronological periods are adduced. Models of the slogan are specified and examined according to their structure. Comments are given on the use models of slogans referring to definite periods. Quantitative and qualitative characteristics of the slogan models are adduced. It is shown that there are some tendencies in using certain structural and semantic models of the slogan in different historical periods.

Keywords: *slogan, communication, discourse formula, utterance model, construction, slogan universum.*

References

1. Seriot P. Analyse du discours politique soviétique [Analysis of Soviet political discourse]. *Cultures et Sociétés de l'Est*. 2 [Eastern Cultures and societies. 2]. Paris, Institut d'études slaves, 1985. (In French).
2. Bogdanov V.V. *Semantiko-sintaksicheskaya organizatsiya predlozheniya* [Sentence semantic and syntactic organization]. Leningrad, Leningrad University, 1977. 204 p. (In Russ.).
3. Vorozhitova A.A. Ofitsial'ny sovetskiy yazyk perioda Velikoy Otechestvennoy Voyny: lingvoretoricheskaya interpretatsiya [The official Soviet language of the Great Patriotic War period: linguistic-rhetoric interpretation]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. Vyp. 2: Iazyk i sotsial'naya sreda* [Theoretical and Applied linguistics. Iss. 2: Language and social environment]. Voronezh, 2000. Pp. 21-42. (In Russ.).
4. *Daite miru shans! Slovar' sovremennykh politicheskikh losungov Rossii i Germanii* [Give the world a chance! Dictionary of modern political slogans of Russia and Germany]. Russian part: S.G. Shulezhkova, A.A. Osipova et al.; German part: Ch. Valter, O.V. Mikhina; Shulezhkova S.G., Osipova A.A. (eds.). Magnitogorsk, Magnitogorsk House press; Greifswald, Ernst-Moritz Univ., 2016. 300 p. (In Russ.).
5. Dzyuba E.V., Dudareva Z.M., Nikulina I.M. Rossiyskiye i nemetskiye politicheskiye losungi kak object semanticheskogo, leksikograficheskogo i lingvopragmaticheskogo opisaniya (retsensiya na rabotu Daite miru shans) [Russian and German slogans as the object of semantic, lexicographical and linguistic-pragmatic description (review on the work "Give peace a chance! Dictionary of modern political slogans of Russia and Germany")]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2017, no. 3, pp. 146-151. (In Russ.).
6. Kupina N.A. *Totalitarniy yazyk: slovar' i recheviye reaktsii* [Totalitarian language: Dictionary and speech reaction]. Ekaterinburg; Perm, 1995. 143 p. (In Russ.).
7. Kustova G.I. Datel'niy padezh [Dative case]. *Materialy dlia proekta korpusnogo opisaniia russkoy grammatiki* [Materials for corpus description project of Russian grammar]. Moscow, 2012. Available at: <http://rusgram.ru> (In Russ.).
8. Levin Yu.I. Semiotika sovetskikh losungov [The Soviet slogans' semiotics]. *Izbrannyye trudy. Poetika. Semiotika* [Selected works. Poetics. Semiotics]. Moscow, 1998. Pp. 542-558. (In Russ.).
9. Skvortsova Ye.M. Problem modernizatsii Rossii: opyt istoriko-economicheskogo analiza [The problems of modernization of Russia: the experience of history and economy analysis]. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik finansovogo universiteta* [Humanities. Bulletin of Financial University], 2014, no. 4 (16), pp. 42-51. (In Russ.).
10. Kheveshi M.A. *Tolkoviy slovar' ideologicheskikh i politicheskikh terminov sovetskogo perioda* [Monolingual dictionary of ideological and political terminology of the Soviet period]. 2nd edition, updated. Moscow, 2004. (In Russ.).

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УСТАРЕВШИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕДАЧИ НА ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК

М. Моради

Университет им. Алламе Табатаба'и, Тегеран, Иран

Автор представляет анализ лексико-семантических значений устаревших слов, в частности в архаичных сочетаниях из русских литературных произведений. Проанализирована также их передача на персидский язык. В исследовании использованы компонентный анализ, сопоставительный и переводческий методы для анализа русских сочетаний и их коррелятов в персидском языке.

Ключевые слова: устаревшие слова, архаизмы, историзмы, разговорный стиль, явление, русский.

Активные и пассивные слова русского языка исследовали П. А. Лекант, Д. Э. Розенталь, В. Г. Костомаров, В. А. Максимов и др. Они классифицируют слова русского языка на группы общеупотребительной лексики и ограниченного употребления и, соответственно, устаревшую лексику относят ко второй, пассивной группе. В группе пассивной лексики также выделяют историзмы и архаизмы [6. С. 47]. По мнению Д. Э. Розенталя, «большинство слов, употребляющихся в современных текстах, появились в русском языке в разные эпохи — от древнейшей до новой». Поэтому слова можно разделить на устаревшие слова, в свою очередь классифицирующиеся на историзмы (приказчик; *modir-e amlāk-e mallāk*), архаизмы (златой; *talāji*) и слова, сохраняющие оттенок новизны (космовидение; *raḫš-e barnāme-jetelvizjon-i azfazā*) [10. С. 61]. В. Г. Костомаров и В. М. Максимов подразделяют лексику с точки зрения ее устарелости на три группы: 1) слова, остающиеся понятными большинству носителей языка: ведать (знать; *dānestan, edārehkardan, ehsāskardan*); 2) слова, знакомые по звучанию, но мало кому понятные по смыслу: барщина (при крепостном праве даровой принудительный труд на помещика, барина; *bigāri*); 3) слова, неизвестные большинству населения: авантаж (выгода; *maḫfa'at*) [5. С. 245]. Иногда в качестве историзма выступает одно из значений лексической единицы, получившее название «семантический историзм». Значение слова «дворник» — «работник при доме, в обязанности которого входит охрана дома, поддержание чистоты и порядка во дворе и на улице возле дома», лишь трансформировалось, так как изменилась функция работника, а значение «хозяин постоялого, заез-

жего двора» уже не употребляется в современном русском языке [Там же. С. 249].

В данной статье автор рассматривает общетеоретические проблемы, касающиеся перевода устаревших фразеологизмов вообще и на персидский язык в частности. Новизна научной проблемы заключается в том, что, с нашей точки зрения, проблема устаревших *фразеологических сочетаний* все еще недостаточно изучена. Наш анализ групп русских фразеологизмов в существующих русско-персидских толковых и фразеологических словарях русского языка показал, что переведены данные сочетания на персидский язык и семантически, и буквально. В большинстве случаев прямые значения слов, составляющих фразеологизмы, не могут передать точный и верный смысл сочетания ввиду их метафорического значения, понимание которого требует хорошего знания языка оригинала и языка перевода.

Стараемся проанализировать лексико-семантические особенности фразеологических сочетаний, подавляющее большинство которых являются архаизмами или историзмами в русском языке.

1. Азбучным порядком

Татьяна в оглавлении кратком / Находит *азбучным порядком* / Слова: бор, буря, ведьма, ель, / Ёж, мрак, мосток, медведь, метель... (Пушкин А. С. Евгений Онегин).

(*Tātijānā dar fehrest-i kutāh/ mijābad betartib-e alef bā/ vāžehā-je* «*jangal-e kāj, tufān, jādugar, kāj, jujeh-tiqi/ zolomāt, pol-e kučak, xers, burān rā.*)

Сочетание «азбучный порядок» состоит из слов: «азбука» (*alef bā*) и «порядок» (*tartib, nazm*) — и считается архаичным сочетанием со значением

«по алфавиту, в алфавитном порядке» (betartib-e alefbā), которое сегодня больше не употребляется. В архаичном варианте вместо сочетания с творительным падежом без предлога, использовано сочетание предлога «по» и адъективное словосочетание в дательном падеже. Студенты, изучающие русский язык как иностранный, пользуются русско-персидским словарем Г. А. Восканяна, недавно отредактированным М. Шоджаи, а также русско-персидским словарем И. К. Овчиниковой. Ни в одном из вышеуказанных словарей мы не находим точного объяснения слова, которое могло бы быть полезным при переводе фразеологизма «азбучным порядком», поскольку данный фразеологизм является устаревшим в современном русском языке. В словаре И. К. Овчиниковой прилагательного «азбучный» нет. А в словаре Г. А. Восканяна слово «азбучный» переведено как āškār, badihi (рус. *ясный, очевидный*). Учитывая данный перевод, персоговорящие студенты, изучающие русский язык, могут допускать ошибку при переводе фразеологизма «азбучным порядком» как bā pazm va tartib-e aškar (досл. «в порядке очевидном»). Правильный перевод — betartib-e alefbā (досл. «в порядке алфавита»). Отмечаем, что в персидском языке не существуют падежи, системы флексий и особые склонения, характерные для русского языка.

2. Андроны едут

Какая же причина в мертвых душах? Даже и причины нет. Это выходит просто: *андроны едут*, чепуха, сапоги всмятку. Это просто черт побери (Гоголь Н. В. Мертвые души).

(Dalil-e nofus-e mordeh čist? Hattā dalil-i ham baraje vojudešān nist. Tozihaš ham sadeh ast: Hame-aš mozaxraf-e mahz va čarand ast. Aslan morde-šuj-aš rā bebarad.)

«Андроны едут» — это фразеологическое архаичное сочетание разговорного стиля с дословным переводом «телеги идут» и смысловым переводом «использование бессмысленных и вздорных слов» или «чепуха и пустяки». В сочетании два слова из двух частей речи: глагол движения «ехать» в форме третьего лица множественного числа настоящего времени: «едут» и существительное «андрон» или «андрец» в форме множественного числа со значением «телега для перевозки сена с жердями, которые волочатся сзади по земле». «Андроны едут» употребляется по отношению к человеку, хвастающему, паникующему, болтуну. Слова «андрец»/«андрон» не представлены

и не переведены ни в словаре И. К. Овчиниковой, ни в словаре Г. А. Восканяна и не включены в толковые словари Н. Ю. Шведовой и С. И. Ожегова, а также в толковый словарь в четырех томах под редакцией А. П. Евгеньевой. Студенты не смогут понять значения таких сочетаний, используя эти словари. В качестве альтернативы можно пользоваться словарями устаревшей лексики в бумажном варианте, если они есть в библиотеках университетов, а также онлайн-словарями.

3. Без чувств

Он [князь Андрей] обнял ее [жену]. Она вскрикнула и *без чувств* упала на его плечо (Толстой Л. Н. Война и мир).

(Šāhzādeh Āndrej u [hamsaraš] rā dar āquš gereft. U farjād-i kešidvabi-huš bar ru-je šāne-hā-je Āndrej oftād.)

Архаичный фразеологизм «без чувств» состоит из предлога «без» и формы множественного числа существительного «чувства» в родительном падеже со значением «без сознания, в обмороке». Данное значение в современном русском языке выражается с помощью другой части речи и слова с корнем «чувство» — то есть «бесчувствие» (bi-huši), означающего также «бессердечность, жестокость» и имеющего формы прилагательных «бесчувственный», «бессердечный, жестокий». Данное значение в архаичном сочетании «без чувств» также сохраняется в глагольных выражениях «прийти в чувство» (be-huš āmadan) с антонимным значением и с предлогом «в» (be, dar) вместо предлога «без» и формы множественного числа родительного падежа «чувств» (bi, bedun-e) в «лишиться чувств» (bi-huš šodan). Сочетание «упасть без чувств» с дословным переводом «упасть жестоко и бессердечно» (oftādanbi-ehsāsāt) бессмысленно. В русско-персидских словарях Г. А. Восканяна, И. К. Овчиниковой и других, толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой и словаре русского языка в четырех томах 1981—1984 гг. не дается архаичная помета выражения «без чувств». Об этом упоминается в «Словаре устаревшей лексики к произведениям русской классики». Лексема bi-huš в персидском языке в словаре А. Деххода имеет два значения: 1) без понимания и сообразительности; 2) находящийся в обморочном состоянии. В русском выражении «без чувств» передано второе значение, например, в стихотворении Фирдоуси: Ze zin andar āmad beruje zamin/ Vijoftād bi-huš mard-e gozin, досл. пер.: «Из седла наземь / Упал в обморок избранный мужчина» [13. С. 5310].

4. Брить лбы

Она езжала по работам, / Солила на зиму грибы, / Вела расходы, брила лбы, / Ходила в баню по субботам, / Служанок била осердясь — / Все это мужа не спросясь (Пушкин А. С. Евгений Онегин).

(U pej-e kār-hā miraft, / qārč-hā rā barāj-e zemestān dar āb-e namak mixābānd, / hazineh-hā rā bar-āvord mikard, kešāvarzān rā be sarbāzi miferestād, / yekšanbeh-hā be hammām miraft, / mostaxdemeh-hā rā bā asabānijāt mizad — va bar sar-e hič-kodām az in-hā bā šohar-aš bahs nemikard.)

Глагольное словосочетание «брить лбы» является историческим фразеологическим сочетанием, образованным из глагола «брить» (tarāšidan) и существительного «лоб» в форме множественного числа. Данное выражение употребляется со времен царской Руси и крепостного права. Подтверждением наших слов может служить утверждение Р. А. Аюповой: «Употребление одних фразеологических единиц ограничено во временном и культурном пространстве, поэтому они могут выйти из употребления» [1. С. 36]. Интересно, что до утверждения нового устава о службе в 1874 г. брили переднюю лобную часть головы людей, особенно крестьянства, которое соответствовало условиям военной службы, и отсюда происходило сочетание «брить лбы», значение которого также может передать глагол «забрить» без каких-либо дополнительных слов. Данное сочетание еще имеет варианты «забрить/забривать» лоб в значении «забирать кого-либо в солдаты». Сам фразеологизм сочетается с управлением дательного падежа. Не зная о происхождении данного фразеологизма, переводчик или носитель персидского языка может считать, что мать сестер Лариных зачем-то брила лбы у своих крепостных, не понимая при этом, что в те времена это было общепринятым поступком при отправке молодых людей на службу!

5. Войти в года

Дрон был один из тех крепких физически и нравственно мужиков, которые, как только *войдут в года*, обрастут бородой, так, не изменяясь, живут до шестидесяти — семидесяти лет... (Толстой Л. Н. Война и мир).

(Deron jeki az dehqānān-e qavi-hejkal va bāaxlāq-i bud ke be mahz-e pā be sen gozāštan, tanhā bā riš bozorg mišavand, va hamin-towr, bedun-e hič ta'qir-e digar-i, tā šast-haftād sālegi omr mikonand.)

«Войти в года» состоит из глагола движения «войти», предлога «в», формы множественного числа винительного падежа неодушевленного су-

ществительного «год» и синонимично сочетаниям: «войти в лета» и «войти в возраст». Сочетания подобного типа неоднократно встречаются в произведениях Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова и др. На персидский язык эту фразу можно передать словосочетанием *rābesengozāštan* (досл. пер.: «ногу в возраст положить»), которое в персидском словаре просторечных слов Абуль-Хасана Наджафи объясняется как *vāred-e dowrān-e piri šodan* (досл. «войти в период старости») и *pā be sen gozāštan*. К тому же производное прилагательное *pā be sen gozāšteh* употребляется носителями персидского языка при обращении к человеку средних лет или находящемуся в начале старости [14. С. 210]. Другими вариантами сочетания бывают: «вступить в года», «вступить в лета», «вступить в возраст». Данное сочетание не включено в изученные нами русско-персидские словари.

6. Задать перцу

[Городничий:] ...Постой же, теперь я *задам перцу* всем этим охотникам подавать просьбы и доносы (Гоголь Н. В. Ревизор).

([Šahrđār] sabrkon, alān *pedar-e in šekārčijān rā dar miāvaram ke digar dar xāst va gozāreš nadahand!*)

Фразеологическое архаичное сочетание разговорного стиля «задать перцу» образовано из глагола «задать» (*dādan*) и существительного «перец» (*felfel*) в дательном падеже. Это выражение означает «наказать» и передано с пометой «малоупотр.», показывающей малоупотребительность данного сочетания в русском языке. Оно также используется в кратком варианте «задать кому-либо». Архаичное сочетание «задать перцу» в Стилистическом словаре публицистики Г. Я. Солганика толкуется как «сильно выбранить, наказать кого-либо» (*be šeddat nāsezā goftan, kasi rā mojāzāt kardan*) с глагольным управлением дательного падежа [11. С. 395]. В словаре И. К. Овчинниковой вышеуказанное сочетание вводится рядом с равнозначным *gušmāli dādan* (досл.: головомойку давать; задавать головомойку, давать нагоняй) [8. С. 238], а в новом издании словаря Г. А. Восканяна с переводом *hesāb-e kasi rā residan* (досл. «счет кому-либо предъявить»), которое в персидско-русском словаре Ю. А. Рубинчика переведено с прямым (1-е и 2-е значения) и переносным значением: 1) проверять, ревизовать кого/что-л.; 2) свести счеты с кем-л.; расквитаться с кем-л.; 3) отомстить кому-л. Поэтому эквивалентом данного выражения в персидском языке можно считать разговорное словосочетание *pedar-e kasi rā dar-āvordan*, которое в Большом

Словаре Сохан объясняется как *pedar* (-o *mādar-e*) *kasi rā dar āvordan* (досл. «вытащить отца кого-либо»), синонимичное выражению *pedar-e kasi rā suzāndan* (досл. «отца кого-л. сжигать»; показать кому-л., где раки зимуют). Выражение считается метафоричным и носит оскорбительный и разговорный характер [12. С. 1282—1283].

7. Несть конца

И начнется у них, сударь, суд да дело, и *несть конца* мучениям (Островский А. Н. Гроза).

(*Āqā, dādghāh va kārešān šoru' mišavad, azāb-e farāvan-i dar entezār-ešā nast.*)

В сочетании «несть конца» употреблено слово «несть», которое в русском языке является устаревшим, управляющим следующим за ним словом в родительном падеже, предложение с ним употребляется в безличной структуре. Лексема «несть» — эквивалент лексемы «нет» встречается в таких выражениях, как «несть числа *кому-либо*» (*bi-šomār budan-e čizi*) и «несть конца *кому-либо*» (*bi-rājān budan-e čizi*). Насмешливый характер носят последние выражения, использующиеся в дательном падеже без предлога и вместе с количественным обстоятельством; например: «Нет горше греха, как предание, предателю несть покаяния» (Мамин-Сибиряк Д. Н. Ночь) (*Hičgonāh-i talx-tar az xijānat nist, va xā'en rā towbe-i darkār nist.*)

8. Пойти в ход

Коли будешь угождать начальнику, то хоть и в науке не успеешь и таланту бог не дал, всё *пойдешь в ход* и всех опередишь (Гоголь Н. В. Мертвые души).

(*Agar ra'is-at rā rāzi koni, hattā agar dar elm ham pišraft nakoni, va xodā ham be to este'dād-i nadādeh bāšad, be sor'at dar kār-at pišraft xāhi kard va az hame piši xāhi gereft.*)

Сочетание «пойти в ход» принадлежит группе семантико-архаичных сочетаний, так как одно из значений его больше не употребляется. В него можно вводить и глагол «идти» и существительное «ход» вместо «дело» в качестве лексических вариантов. На самом деле смысл «быстро развиваться в профессии и должности» (*be sor'at dar kār va šoql pišraft kardan*) — архаично-фразеологизованное значение, ранее употреблявшееся в разговорной речи. Сочетание «пойти в ход» (повторение) объясняется как «находить себе применение, использоваться, оказываться в употреблении» (*este'māl šodan, be kār raftan, be kār āmadan*) [2. С. 118], — именно оно и используется как перевод сочетания в словаре И. К. Овчиниковой, а в 4-томном

словаре русского языка — как «найти широкое употребление, применение, спрос» (*kārbord va este'māl-e gostar-deh jāftan, mored-e taqāzā budan*) [4. Т. III. С. 611]. Также сочетание «пойти (идти) в ход» используется как «найти широкое употребление, применение, спрос» (*kārbord pejdā kardan, mored-e este'māl va taqāzā qarār gereftan*) [11. С. 608].

9. С измалетства

Детей же маленьких у нас трое, и Катерина Ивановна в работе с утра до ночи. Скребет и моет и детей обмывает, ибо к чистоте *с измалетства* привыкла (Достоевский Ф. М. Преступление и наказание).

(*Mā se kudak-e xord-sāl dārim, va Kātrinā Ivānovnā ham az sobh tā šab sar-e kār ast. Mišābad-o mirubad va baččeh-hā rā be hammām mibarad, āxar az kudaki be pākizegi ādat karde hast.*)

«Измалетство» (досл. *azxord-sālegi*) сочетается только с предлогами «с» и «от»; его сочетание с предлогом «от» считается малоупотребительным. Будучи синонимом «детство», слово «измалетство» использовано как обстоятельство времени «с измалетства» (*az sāl-ha-je kudaki va xordsāli*), и в нем сохраняется архаичное существительное «малетство» (совр. «малолетство») со значением «детский возраст, малолетство», изначально сочетается с приставкой «из», а потом с предлогом «с», означает временной отрезок, начинающийся с детства, и склоняется в форме родительного падежа. Данное сочетание в персидском языке выражается посредством дополнительных конструкций *azkudaki* (с детства) и *az sāl-ha-je kudaki* (с детских лет).

10. Сапоги всмятку

Какая причина в мертвых душах? Даже и причины нет. Это выходит просто: андроны едут, чепуха, *сапоги всмятку*. Это просто черт побери (Гоголь Н. В. Мертвые души).

(*Dalil-e nofus-e mordeh čist? Hattā dalil-i ham barāje vojud-ešān nist. Towzih-aš ham sādeh ast: «Name-aš mozaxraf-e mahz va čarand ast. Aslan mordešuraš rā bebarad.*)

Сочетание «сапоги всмятку» (*čakme-hā-je nimbānd/āb-paz*) также встречается в сочетаниях со словами «ерунда» (*čarand*) и «вздор» (*mozaxraf*) [2. С. 408], которые совпадают с первым значением фразеологизма «андроны едут». Сочетание образуется компонентами «сапоги» (*čakme*) в форме именительного падежа множественного числа и обстоятельства «вмятку» (*nim-band*); его смысловой эквивалент выражается словами разговорной речи

как: part-o-pala (вздор), ĵafang (бессмыслица, нелепица), ŝer-over (чепуха, суесловие, пустословие). Сочетание «сапоги всмятку» несет негативную оценку [11. С. 101], с ним находятся в одном ряду по значению слова «чепуха» и «ерунда», и оно используется русскоговорящими по отношению к двум людям, вполне похожим друг на друга своими недостатками.

11. Со всеми онёрами

1). Не хочется уезжать в такую хорошую погоду. Вечер настоящий романтический, с луной, с тишиной и со всеми онёрами (Чехов А. П. В сумерках).

(Delam nemixāhad dar in havā-je xub be ĵā-ĵi beravam. Asr-I vāqe'I va romāntik ast bā māh va sokut va har-čizi ke lāzem ast.)

2). — Я очаровал эту даму... на заведение пожертвовал еще денег; наконец, рассказал ей историю Софьи Семеновны, даже со всеми онёрами, ничего не скрывая (Достоевский Ф. М. Преступление и наказание).

(In bānu rā ŝifteh-je xod kardam... dar mo'assesāt ham [kollī] pul xarĵ kardam; Bel'axareh, dāstān-e Sufijā Simijonovā rā, hattā bedun-e inkeh čizi rā maxfi konam, bā tamām-e ĵoz'ijāt barāĵ-aš ta'rif kardam.)

В Толковом словаре русского языка данное архаичное, с ироническим оттенком значения сочетание, трактуется как «со всем, что полагается, со всеми полагающимися принадлежностями» (bā har čizi ke ĵājez ast, bā tamām-e malzumāt-e mohtamal), а в словаре устаревшей лексики для произведений русской классики с немногим отличием по отношению к нему толкуется с добавлением «необходимо» в конце объяснения; второе же значение в указанном словаре — «со всеми подробностями» [9. С. 453; 2. С. 297]. Иноязычное слово «онёр» произошло от французского honneur со значениями «честь, почет, гордость, слава» (eftexār) и «фигура в карточной игре» [4. Т. II. С. 618]. В русском языке оно адаптировалось в форме «онёр» и стало переда-

вать дополнительное значение названия козырной старшей карты, от десятки до туза, в некоторых карточных играх [2. С. 297; 7. С. 297].

Заключение

Итак, с помощью метода компонентного анализа нами выявлены значения всех компонентов анализируемых устаревших фразеологических сочетаний. Выводы исследования приведены в таблице на с. 102.

Отметим, что исследуемые нами устаревшие фразеологизмы с помощью метода компонентного анализа содержания слова могут быть классифицированы с точки зрения эквивалентности на три разряда: 1) группа сочетаний с полными в русском языке эквивалентами; 2) группа сочетаний с частичными русскими эквивалентами; 3) безэквивалентные сочетания. В первую группу входят сочетания: *азбучным порядком, андроны едут, войти в года, задать перцу, несть конца, с измалетства, сапоги всмятку, со всеми онёрами*; вторая группа включает сочетание *без чувств*; в третью группу включены сочетания: *брить лбы, быть на посылках, пойти в ход*.

Постепенное и постоянное движение лексического строя языка — неизбежный результат общественных изменений. Чем глубже и влиятельнее ход общественных процессов, тем быстрее пополнение языка новыми словами: те лексемы и фразы, которые устаревают и не отвечают современным требованиям, переходят в пассивный словарь. Шедевры русской литературы читаются и переиздаются во всем мире. Поэтому существует объективная необходимость создания условий для лучшего понимания устаревших сочетаний. На наш взгляд, первым шагом на этом пути может стать их ввод в двуязычные русско-персидские словари для студентов, изучающих русский язык как иностранный.

Список литературы

1. Аюпова, Р. А. Роль парадоксов в формировании фразеологической единицы как лингвистического знака / Р. А. Аюпова // Филология и культура. — 2015. — № 4 (42). — С. 35—39.
2. Баско, Н. В. Словарь устаревшей лексики к произведениям русской классики. Более 2300 устаревших единиц, историзмы и архаизмы, примеры из классической литературы / Н. В. Баско, И. В. Андреева. — М. : АСТ-Пресс книга, 2013.
3. Восканян, Г. А. Русско-персидский словарь / Г. А. Восканян. — Новое изд., испр. и доп. / ред. и ассистент М. Шоджаи. — Тегеран : Фарханг-е Моасер, 2011.
4. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — М. : Русский язык, 1981—1984.
5. Костомаров, В. М. Современный литературный русский язык / В. Г. Костомаров, В. М. Максимов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2010.

**Классификация устаревших фразеологических сочетаний
по эмоциональной окраске и стилю речи**

Фразеологизованные устарелые сочетания					
Архаичное фразеологическое сочетание нейтрального стиля	Архаичное фразеологизованное сочетание разговорного стиля			Историческое фразеологическое архаичное сочетание	Архаичное малоупотребительное и просторечное фразеологическое сочетание
	Сочетание семантико-нейтрального стиля	Сочетание семантико-разговорного нейтрального стиля	Сочетание разговорного стиля с насмешливой и шутливой окраской		
1. Азбучным порядком (be tartib-e alefbā)	1. Андроны едут (mozaxraf-e mahz)	1. Пойти в ход (be sor'at dar kār be movafaqijāt dast jāftan)	1. Несть конца (fārāvān, besjār zijāc)	1. Брить лбы (be sarbāzi ferestādan)	1. Задать перцу (pedar-e kasi rā dar-āvardan, pedar-e kasi rā suzāndan)
2. Без чувств (bi-huš)	2. Сапоги вмятку (part-o-palā, jafāng, šer-o-ver)		2. Со всеми онёрами (1 — bā har čiz ke šājesteh va bājesteh ast; 2 — bā tamāme / hamejeh joz'ijāt)		
3. Войти в года (pā be sen gozāştan)					
4. С измалетства (az kudak-I, az sāl-ha-je xordsal-i)					

6. Лекант, П. А. Современный русский язык : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Филология» / П. А. Лекант. — М. : Дрофа, 2001.
7. Молотков, А. И. Фразеологический словарь русского языка / А. И. Молотков. — М. : Советская Энциклопедия, 1968.
8. Овчиникова, И. К. Русско-персидский словарь: 36 тысяч слов / И. К. Овчиникова, Г. А. Форугян, Ш. М. Бади. — Тегеран : Джавдан Херад, 2011.
9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М. : Азбуковник, 1999.
10. Розенталь, Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь. — М. : Высшая школа, 1984.
11. Солганик, Г. Я. Стилистический словарь публицистики / Г. Я. Солганик. — М. : Русские словари, 1999.
12. Анвари, Х. Большой Словарь Сохан : в 8 т. Т. II / Х. Анвари. — Тегеран : Сохан, 2001.
13. Деххода, А. Словарь. Т. IV / А. Деххода. — 2-е изд. — Тегеран : Изд-во Тегеранского университета, 1997.
14. Наджафи, А. Персидский словарь просторечных слов / А. Наджафи. — 2-е изд. — Тегеран : Ни-луфар, 2007.

Сведения об авторе

Моради Марьям — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Университета им. Алламе Табатаба'и, Тегеран, Иран. m.moradi@atu.ac.ir

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 1 (435). *Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 97–104.*

LEXICO-SEMANTIC ANALYSIS OF OBSOLETE IDIOMATIC COMBINATIONS OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND THEIR RENDERING INTO THE PERSIAN LANGUAGE

M. Moradi

Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran. m.moradi@atu.ac.ir

The research of inactive words in a language is important due to their occurrence in seasoned literary, epic and historical lucubrations. We consider a group of words of the Russian language belonging to the group of outdated lexis and occurring in such texts, and necessary to be learnt, even despite their being obsolete. A poet or writer tries to reproduce social, political, economic and cultural background of a literary work by employing picturesque details and idiomatic usages which over time become obsolete («archaisms») or historic («historisms»). In this regard, familiarizing oneself with the lexical system of a foreign language helps better understand the classic and even ancient works of respective writers. In this article we try to evaluate the semantic and morphologic characteristics of obsolete words, used in Russian literature, and obsolete idioms made out of them, and their rendering in the Persian language. The methods used in this study are text research and comparative analysis of original phrases and their translations, as well as the analysis of the formation of these idioms in Russian and Persian.

Keywords: *outdated words, obsolete words, historical words, colloquial style, the Russian language, the Persian language.*

References

1. Ayupova R.A. Rol' paradoksov v formirovani i frazeologicheskoy edinicy kak lingvisticheskogo znaka [The Role of Paradoxes in the Process of Phraseological Unit Formation]. *Filologija i kul'tura* [Philology and Culture], 2015, no. 4 (42), pp. 35-39. (In Russ.).
2. Basko N.V. *Slovar' ustarevshej leksiki k proizvedenijam russkoj klassiki. Bolee 2300 ustarevshih edinic, istorizmy i arhaizmy, primery iz klassicheskoj literatury* [Dictionary of obsolete vocabulary to the works

of Russian classics. Over 2,300 obsolete units, historicisms and archaisms, examples from classical literature]. Moscow, AST-Press kniga Publ., 2013. (In Russ.).

3. Voskanjan G.A., Shojai M. (ed. and assistant). *Russko-persidskij slovar'* [Russian-Persian Dictionary]. Tehran, Farhang-e Moaser Publ., 2011. (In Russ.).

4. Evgen'eva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo jazyka v 4 t.* [Dictionary of the Russian language in 4 vol.]. Moscow, Russkij Jazyk Publ., 1981-1984. (In Russ.).

5. Kostomarov V.M. *Sovremennyy literaturnyy russkij jazyk* [Modern Literary Russian Language]. Moscow, Urajt Publ., 2010. (In Russ.).

6. Lekant P.A. *Sovremennyy russkij jazyk* [Modern Russian Language]. Moscow, Drofa Publ., 2001. (In Russ.).

7. Molotkov A.I. *Frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Sovetskaja Jenciklopedija Publ., 1968. (In Russ.).

8. Ovchinnikova I.K., Forugjan G.A. Badi Sh.M. *Russko-persidskij slovar' 36 tysjach slov* [Russian-Persian Dictionary of 36 thousand words]. Tehran, Javdan Kherad Publ., 2011. (In Russ.).

9. Ozhegov S.I. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. (In Russ.).

10. Rozental' D.E. *Sovremennyy russkij jazyk* [Modern Russian Language]. Moscow, Vysshaja Shkola Publ., 1984. (In Russ.).

11. Solganik G.E. *Stilisticheskij slovar' publicistiki* [Stylistic Dictionary of Journalism]. Moscow, Russian Dictionaries Publ., 1999. (In Russ.).

12. Anvari H. *Bol'shoj Slovar' Sohan in 8 t. T. II* [Big Dictionary of Sokhan in 8 vol. Vol. II]. Tehran, Sokhan Publ., 2001. (In Pers.).

13. Dekhoda A. *Slovar'* [Dictionary]. Tehran, Tehran University Publ., 1997. (In Pers.).

14. Nadzhafi A. *Persidskij slovar' prorechnyh slov* [Persian Dictionary of Pre-Proverbial Words]. Tehran, Nilufar Publ., 2007. (In Pers.).

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ МЕТОДЫ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ПРИ ИХ СОЗДАНИИ

К. Ш. Омонов, Х. Б. Зикруллаева

Ташкентский государственный институт востоковедения, Ташкент, Узбекистан

Статья посвящается вопросам перевода научно-технических простых и составных терминов. Особое внимание уделяется переводу терминов с английского языка на узбекский и турецкий языки. В статье применяются переводческие методы Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне: заимствование, калька, дословный перевод, транспозиция, модуляция, эквивалентность и адаптация. Кроме этого, приводятся примеры с использованием переводческого метода экспликация.

Ключевые слова: термины, значение, перевод, заимствование, калькирование.

По сравнению с лексикой литературного языка лексика науки и техники имеет более четкие тематические поля, и каждое слово располагает своим определенным понятием. В научно-технических текстах встречаются такие слова, которые не могут применяться в общепринятом значении, так как семантика их специально направлена на определенную область. Но, несмотря на это, в части перевода к научно-техническим терминам применяются трансформационные методы перевода. В соответствии с концепциями Вине и Дарбельне определены семь переводческих методов, то есть заимствование, калька, дословный перевод, транспозиция, модуляция, эквивалентность и адаптация [23. Р. 30—42]. Эти же методы, согласно авторам, применяются по отдельности в трех аспектах: на уровне лексической единицы, синтаксической структуры и сообщения (абзац, текст). Все вышеперечисленные методы будут рассматриваться по отношению к научно-техническим терминам для достижения полноценного перевода терминов.

1. Заимствование

В научно-технических текстах самым распространенным методом перевода является заимствование. Всем известно, что в процессе глобализации происходит интеграция многих научных областей, которые в основном отражаются в терминологии. Языки не могут освоить термин мгновенно и определить для терминов эквиваленты. При этом заимствованное слово характеризуется самым простым методом перевода, который позволяет создать стилистический эффект [Ibid. Р. 32]. По мнению некоторых ученых, заимствование также считается прямым переводом на базе транс-

крипции и транслитерации [5. С. 378]. По мнению М. Я. Цвиллинга, заимствованное слово при таких трансформационных методах, как транслитерация и транскрипция, нацелено на отражение результата переводящего языка, который впоследствии представляется в качестве эквивалента и становится идентичным в двух или более изучаемых языках [17. С. 236]. Такие трансформационные методы, как транслитерация и транскрипция, в современной науке стали называться квазибеспереvodными методами передачи терминов, где передаются именно звуковые и графические стороны терминов.

В процессе изучения терминов в соответствии с транскрипцией и транслитерацией выявилось то, что эти методы дают также предпосылку к развитию интернациональной лексики, которая идентична полностью или частично в нескольких языках и выражает понятия на международном уровне [1. С. 14]. Таким образом, заимствование на основе транскрипции и транслитерации является самым эффективным вариантом перевода, так как при помощи заимствования в языки трансформируются слова в соответствии с внутренними понятиями.

Научно-техническая терминология относится к самой подвижной отрасли языкознания. На начальных этапах формирования научно-технические термины были приняты в узбекский язык в соответствии со звуковой системой языка. Научно-технические термины того времени заимствовались через русский язык с учетом слогов узбекского языка. В тот период редко встречались подряд идущие согласные буквы в словах, и в случае такого расположения согласных букв в узбекском языке термины произносились и отражались вместе с гласными буквами. Данное явление четко наблюдалось в научно-технических терминах:

барометр (барометр), иликтир (электричество), метир (метр), термометир (термометр).

Займствования в узбекский и турецкий языки также поступали из арабского и персидского языков. При рассмотрении терминов узбекского языка обнаружилось, что из арабско-персидского языка был заимствован термин «рутубат», который выражается значением «влажный», но на сегодняшний день он потерял свою актуальность в области науки и техники. Кроме этого, в научно-техническом тексте были задействованы слова чисто персидского происхождения, такие как қибланама (компас), саддирах (плотина), хатти устава (экватор). В свою очередь арабский язык лег в основу некоторой научно-технической терминологии: хикматхона (лаборатория), мухриб (истребитель). Однако количество слов арабо-персидского происхождения из года в год уменьшалось [4. С. 22], и в язык начали проникать слова из других языков. Исследования показали, что турецкий язык Турции также оказал влияние на узбекский язык путем заимствований таких слов, как вапур (пароход), таййара (самолет) и т. д.

В турецком языке также встречалось много научно-технических заимствований арабо-персидского происхождения. Здесь необходимо отметить практическое влияние Ататюрка относительно национализации терминов. Ататюрк внес личный вклад в перевод арабских и персидских терминов на турецкий язык. Перед своей смертью он лично посетил школу и заменил следующие арабские термины на термины турецкого языка, над которыми он работал в течение длительного времени: *müselles* — *üçgen* (треугольник), *murabba* — *kare*, (четырёхугольник, квадрат), *zaviye* — *açı* (угол), *müsavi* — *eşit* (равный) и другие [19], которые легко адаптировались в языке благодаря первоначальному внедрению их в образовательную систему страны. Также при переводе арабских и персидских терминов на турецкий язык большое внимание уделялось словообразовательному процессу, где применялись в основном суффиксы и окончания: *yat-au* (горизонтальный), *uz-au* (пространство, космос).

Необходимо отметить тот факт, что арабский язык господствовал в языке науки не только на территории Средней Азии и Турции, но также во всех западноевропейских странах, поскольку в истории науки и техники большую роль сыграли ученые Средневековья. Ученые и мыслители Востока внесли большой вклад в развитие науки и техники, поэтому иногда их называют арабскими или мусульманскими учеными. Влияние арабского

Востока на Западную часть христианского мира не ограничивалось «передачей новых для него знаний и затрагивало развитие культурных процессов, способствуя формированию европейского самосознания» [16. С. 48]. В этой связи некоторые научно-технические термины вошли в обиход англоязычных стран и до сих пор актуальны. К таким заимствованиям относятся: *alkalization*, *safrole*, *talc*, *elixir*, *antimony*.

Однако на сегодняшний день арабский и персидский языки потеряли свою актуальность и, как во всех странах мира, в Узбекистане и Турции большое значение уделяется изучению английского языка. Английский язык стал укореняться и распространяться в странах широко. Относительно влияния этого языка Y. Kırkgöz отметил, что стратегический и геополитический статус Турции нацелен на изучение английского языка, который является основным языком международного общения, а также языком науки, технологий и бизнеса [21. С. 174]. По этой же причине английский язык в настоящее время влияет на словообразовательный процесс узбекского и турецкого языков, где можно встретить немалое количество научно-технических терминов английского языка, так как язык предоставляет национальным языкам краткость, что в основном отражается на языковой экономике [13].

Как отмечено выше, на нынешнем этапе наблюдается тенденция к заимствованию научно-технических терминов через английский язык. Латинские и греческие элементы английского языка, используемые в качестве приставок, передаются в языки иногда почти без изменений, поскольку, с одной стороны, латинские и греческие заимствования способствовали усилению слов, а с другой — предоставляли возможность к избыточности лексических средств. Узбекский и турецкий языки иногда принимают полностью греческие и латинские элементы.

В советское время в Узбекистане активным образом разрабатывались языки науки и терминосистемы. Влияние русского языка на процесс формирования терминов узбекского языка увеличилось. Однако необходимо отметить, что до независимости республики на национализацию узбекских научно-технических терминов, а также терминов других отраслей не обращалось внимания. В результате многие термины приняты в форме, существующей на сегодняшний день в русском языке [2. С. 81]. Правила в отношении заимствованных из русского языка терминов в ос-

новном были правомерны. Не только в их написании, но и в произношении сохранялись правила фонетики русского языка. Доказательством могут послужить следующие интернациональные термины, где сохранилась орфография русского языка: абсорбция, аккумуляция, конденсатор, электрохимия, газометр, идентификация.

Перейдем к анализу англоязычных терминов и их передачи на узбекском языке. Как известно, в научно-технических текстах часто встречаются научно-технические термины, заканчивающиеся на *-um* и в то же время указывающие на средний род в латинском языке. Выяснилось, что во многих случаях такие термины имеют одинаковый перевод во всех трех языках: в английском — *quantum* и *spectrum*; в узбекском — квант и спектр; в турецком — *kuantum* и *spektrum*.

Материал исследования *eyepiece* является оптическим прибором микроскопа, который направляется к глазу исследователя и состоит из линзы для ведения наблюдений. В области техники термин имеет несколько дефиниций: окулярная трубка, очко и линза. В этой связи на турецком языке это слово интерпретируется как *göz merceği*, что означает «глазные линзы или хрусталик глаза». На узбекский язык слово можно перевести экспликацией *кўз линзаси*. Но для того, чтобы установить точное значение данного научно-технического слова, мы прибегаем к заимствованному слову. Во многих странах данный научно-технический термин интерпретируется как окуляр на основе латинского слова *ocularis*. Следует отметить, что «терминология одного языка находится в сложных многообразных и постоянно развивающихся отношениях с терминологией другого языка» [7. С. 135] и передача терминов иностранного происхождения неизбежна в научно-технических текстах. При переводе терминов и передаче понятия, как утверждает А. Д. Кашгари, некоторые языки не могут обеспечить понятийные эквиваленты и приходится иметь дело с неэквивалентностью. В таком случае для полной и конкретной передачи соответствующего значения термина следует использовать заимствованное слово или заимствованное слово с коротким разъяснением [20]. В этой связи для передачи полного понятия предлагается использовать заимствованный термин в узбекском и турецком языках.

Как сказано выше, заимствование в языках вызывает синонимию, то есть дублетность в терминах. Так как научно-технические тексты располагают своим индивидуальным строением терминов, оно

проявляется в использовании сокращенных слов. Многословный термин *alloy of nickel and chromium* был сокращен до термина *nichrome*, являющегося сплавом, состоящим из никеля и хрома. Во избежание повторения и конкретизации термина вместо термина, состоящего из нескольких терминов в узбекском языке, можно применить термин *нихром*, а в турецком языке — *nikrom*. Такой постулат наблюдается и в термине *alloy of copper and manganese*. Данный научный термин принял сокращенную форму *manganin*, состоящий из сплавов меди и марганца. Вместе с тем данный термин переводится на другие два языка без изменений путем транслитерации, поскольку этот термин взят из всемирно признанных химических элементов. Здесь необходимо отметить исследования С. Меирамовой и К. Муссагожиной, которые изучали термины в области компьютерных технологий, и также пришли к выводу, что заимствование является самым распространенным типом перевода научных терминов [22].

Одним из наиболее часто встречаемых элементов в научно-технических текстах является элемент *thermo* греческого происхождения, который несет в себе значения «жар, горячий». Этот греческий элемент благополучно нашел свое место в научно-технических текстах, и на его основе созданы многие термины. Слово, обозначающее материал, который при нагревании хорошо плавится, а при охлаждении приобретает прозрачную и ломкую форму, образовано на основе этого элемента и приняло графическую форму *thermoplastic*. Согласно Оксфордскому этимологическому словарю, второй элемент научно-технического термина относится сразу к двум языкам — греческому и латинскому. Впервые данный термин был использован в области пластической хирургии, а не химии или физики. С учетом того, что первый элемент является интернационализмом, а второй располагает своим переводом в узбекском языке, он был переведен как *термопласт*. А турецкий язык, в свою очередь, принял его в исконной форме *termoplastik*.

2. Калькирование

В переводе научно-технических терминов наиболее широко распространенным методом является калькирование, которое направлено на перевод лексической единицы исходного языка с помощью соответствий в языке перевода, то есть таковыми могут быть морфемы, слова и т. п. [11. С. 173]. Кроме того, калькирование может стать неотъемлемой частью языка и подвергаться семантическим

изменениям, которые впоследствии могут стать ложными друзьями переводчика [23. Р. 33].

Многие лингвисты отмечают, что существование эквивалентов упрощает перевод терминов. Однако в случае отсутствия эквивалента переводчики применяют другие способы перевода. А другие способы, такие как калькирование, принимаются за безэквивалентную лексику, поскольку в процессе перевода меняются падежи, число слов или словосочетаний, а также морфологический и синтаксический состав слов. «Калькирование в чистом виде встречается далеко не во всех случаях, и зачастую оно сочетается с разнообразными добавочными трансформациями, причем к этим трансформациям могут относиться как различные грамматические, так и лексические и лексико-семантические приемы перевода» [14. С. 335].

Исследования показывают, что все авторы разделяют свою точку зрения относительно калькирования. Автор нескольких работ по терминологии В. Н. Головин называет морфематическое заимствование калькированием, в котором заимствуется значение, а не звучание морфем (корни, приставки, суффиксы), то есть «морфемы лишь переводятся при помощи соответствующих морфем заимствующего языка» [6. С. 105]. Наряду с вышесказанным также выделяются лексемные и фразеологические кальки. Если в лексемных кальках появляются новые семантические значения под влиянием иностранного языка, то во фразеологических кальках один фрагмент переводится, а другой заимствуется из какого-то другого языка, поэтому иногда им приписывают такие названия, как полукальки или гибридные кальки [15. С. 215].

Самым продуктивным аффиксом в узбекском языке при калькировании научно-технических терминов является *-гич*. Наряду с ним в научно-технической терминологии применялись такие аффиксы, как *-ма*, *-вчи*, *-а(р)*, *-лик*, *-и(ш)*, *-чи* и другие, а также аффиксы таджикско-персидского происхождения *-соз*, *-шунос*, *-параст*, *-и(стон)* и др. [9. С. 76].

Так, например, латинские преобразования широко вошли в английский язык для ведения счета годов. Латинские слова *annus*, *biennis*, *triennis*, *quadriennis* и подобные трансформировались в английском языке как *annual*, *biennial*, *triennial*, *quadrennial*, а в узбекском и турецком нашли свое отражение путем конверсии с добавлением числительных на слова «йиллик» в узбекском, и *yıllık* в турецком языках.

Как отмечено выше, латинские слова с окончаниями *-ит* в основном заимствуются. Однако, как

и во всех сферах, в языках также бывают исключения; например, *stratum* переводится исконно узбекским словом «қатлам», а в турецком — *katman*. Таким образом, вышеприведенные научно-технические термины воссозданы с помощью лексических единиц национальных языков с применением метода калькирования.

Продолжая сравнение словообразования из греческого элемента *thermo*, рассмотрим научно-технический термин *thermocouple* на предмет семантического и структурного изучения. Этот термин является гибридным термином английского языка, объединяющим в себе греческий элемент с общеупотребительным словом из старофранцузского языка. При слиянии первого компонента со вторым большую роль сыграл семантический способ образования терминов. Г. И. Литвиненко и А. Н. Дядечко отмечают, что при семантическом способе образования термины являются наиболее активными, подвергаются более простому морфологическому строению, имеют нулевую словообразующую морфему, а также склонны к образованию словосочетаний и сложных терминов [12. С. 145]. Данный термин полностью отразил свое значение в турецком языке в виде *ısılcift*, то есть «горячая пара», и был полностью переведен способом кальки. Исходя из назначения и структуры данного термина, который используется в сфере измерения температуры и сделан из двух проводников с различными материалами, целесообразно интерпретировать этот термин в узбекском языке как *терможуфтлик*. Исходя из вышесказанного целесообразно отметить, что для выявления и определения конкретного перевода нам необходимо вернуться к понятию термина, что обусловлено в основном характеристикой термина, поскольку характеристика является основным средством, формирующим значение.

Вышеприведенный термин подтверждает, что элемент латинского или греческого языков является продуктивным источником образования терминов путем добавления к ним слов в основном из общенародного языка. Следующий научно-технический термин может послужить ярким примером к вышесказанному. Термин *semi-molten* как основной элемент слова *melt* берет истоки из староанглийского языка. Затем данное слово трансформировалось также в греческий и латинский языки. В греческом оно интерпретировалось как «таять или приводить в жидкое состояние». Однако в латинском языке данное слово обладало значением «мягкий». Этимология показывает, что сфера его

употребления была широкой, но с течением времени значение слова сузилось, и с добавлением слова *semi* произошла терминологизация.

Итак, данный термин был переведен на турецкий язык калькой *yarı erimiş*, а на узбекский язык этот термин предлагается перевести калькой — *ярим эриган*. Переводы данного термина в турецком и узбекском языках указывают на то, что они применяются не только в научно-техническом контексте, но также являются общеупотребительными словами, известными во всех литературных и научных областях.

3. Смещение методов

В данном разделе будет рассматриваться косвенный перевод научно-технических терминов с применением нескольких трансформационных методов одновременно. Источником изучения послужит термин *thermostat*, второй компонент которого несет основной смысл. Итак, этот компонент является греческим словом, имеющим значение «стойкий, крепкий», а посредством объединения слов в одно целое приобрел значение как «устройство, автоматически регулирующееся для поддержания постоянной температуры». Данный научно-технический термин в узбекском языке остался в интернациональной форме, а в турецком отразился в двух вариантах: чисто способом кальки и модуляцией как *sıcaklık şalteri* и заимствованием *termostat*. Он был переведен способом кальки, поскольку данный термин имеет свои соответствия в турецком языке, а также методом модуляции, поскольку форма второго слова изменена без изменения значения слова, и значение логически выводится из значения исходной единицы.

Следующим объектом исследования станет термин *semi-soft*, который образован из латинского и прагерманского языков. Второй компонент термина очень хорошо сохранил свое первоначальное понятие «мягкий», но наряду с этим он не потерял точность, не сузился и не расширил свое значение в процессе детерминологизации. Учитывая вышесказанное, термин можно перевести на узбекский язык как *ўртача юмшоқ*. При этом наблюдается несоответствие эквивалентности первых элементов термина в двух языках. Этот термин интерпретируется в турецком языке как *ılımlı olarak yumuşak*, то есть «умеренно мягкий». Следует отметить, что в процессе перевода терминов были применены такие методы, как транспозиция, адаптация, модуляция и эквивалентность. При переводе терминов применялся метод транспозиции, поскольку мо-

дифицированы не только семантические, а также грамматические стороны. С помощью адаптации, с учетом значения термина, воссоздался новый термин для выражения новой ситуации, где семы были изменены значительно. Следовательно, при переводе термина осуществляется эквивалентность, поскольку адаптация открыла возможности для описания намеченной ситуации. Вине и Дарбельне отмечают, что при эквиваленции предметная ситуация передается с помощью иных структурных, стилистических средств, а также семантических компонентов [23. С. 38]. В подтверждение этому при косвенном переводе Н. К. Гарбовский отмечает, что «в общей системе смыслов переводимой единицы исходного текста при сохранении денотативного значения в переводе происходит изменение сигнификативного значения» [5. С. 253]. А в части модуляции необходимо отметить, что для выражения значения, намеченного данным научно-техническим термином, используются иные лексические средства.

Взаимодействия всех вышеприведенных методов наглядно представлены на рисунке (с. 110), который демонстрирует взаимосвязанность методов. Вине и Дарбельне объединяют при переводе понятие и смысл, которые считаются неотъемлемым фактором для создания информации. Авторы рассматривают одну и ту же действительность многогранно, то есть в рамках четырех категорий. Кроме этого, ученые полагают, что переводимыми единицами являются не знаки, а смысл лексической единицы. Например, транспозиция выше описывалась как грамматическое изменение слова, где морфемы, состав слова, части речи модифицировались полностью, и за собой она повлекла адаптацию, модуляцию и эквивалентность, для того чтобы выразить точное понятие и адекватный смысл лексической единицы.

Далее рассмотрим научно-технический термин *anti-shock*, который несет значение «противоударный» и выражает стойкость химического или технического материала. На турецкий язык термин интерпретирован способом транслитерации как *anti-şok*, а на узбекском языке его можно передать в виде *zarbaga chidamli*. С целью преодоления возникших проблем в переводоведении Т. Волкова разработала стратегию перевода, и, согласно ее изысканиям, стратегия перевода является «не жесткой, а гибкой программой», строящейся на индивидуальном плане действий [24. Р. 303]. В этой связи вышеприведенный научно-технический термин переведен с учетом свойств

Взаимодействие методов при косвенном переводе

и назначений термина. Также при переводе научно-технического составного термина с иноязычными элементами на всех трех языках учитывались рамки национального языка и, естественно, грамматика языков. Исходя из этого мы уверенно можем сказать, что для перевода данного научно-технического термина использованы также транспозиция, модуляция, эквиваленция и адаптация.

4. Несоответствие методов в двух языках

Как известно, у всех языков мира есть отличительные черты. Поэтому встречаются термины, при переводе которых были применены разные методы. Например, термин *heterogeneous* образован из греческих слов *heter* + *genos* и означает «разный + род, происхождение», то есть неоднородный, состоящий из различных по своему составу частей. Узбекский язык принял его в виде интернационального слова, и данный термин трансформировался в «гетероген». А в турецком языке наблюдается иная ситуация. Вышеприведенный научно-технический термин полностью тюркизирован и интерпретируются как *çoktürel* в соответствии с переводческими методами, такими как модуляция, эквиваленция и адаптация.

В английском языке термин-словосочетание *heating process* имеет дефиницию «нагревание, обычно от пара, которое используется для повышения температуры в технологическом сосуде», но с течением времени произошел отбор самого подходящего варианта *sintering*. В узбекский язык оба дублета трансформировались как *иситиш*, а турецкий язык принял эти термины почти в исконной форме — *sinterleme*. В подтверждение

анализируемому переводу термина Д. В. Качурин отметил, что уследить за термином, появившимся в другом языке практически невозможно из-за отсутствия информации энциклопедического характера, а просто существующее обыденное значение можно реконструировать, то есть воссоздать смысл [10. С. 47]. Итак, в процессе воссоздания термина в узбекском языке использовалась калька, а в турецкий язык термин был заимствован.

Экзоцентрический состав в виде смыслового явления проявляется в следующем научно-техническом термине: *dockyard*, являясь составным термином, в настоящее время употребляется в контексте заводов, предназначенных для судоремонтных работ. Однако этимология показывает, что *dockyard* служил для хранения военно-морского имущества, лесоматериалов и прочего и располагался вблизи гавани. Если рассмотреть каждый состав отдельно, то видно, что он сформирован из слов «пристань» + «двор». Данный научно-технический термин наделен экзоцентрическим составом, поскольку оба компонента не несут семантическую связь. Что касается интерпретации на изучаемые языки, то на узбекский язык данный термин предлагается передать экспликацией *кемаларни таъмирловчи завод*. Одной из причин отсутствия данного термина в узбекском языке является то, что Узбекистан никогда не служил портовой страной, в связи с чем в языке не было необходимости в интерпретации данного термина. В турецком языке данный термин отразился как *tersane*. Следует отметить, что многие слова, связанные с мореплаванием, были заимствованы в турецкий язык из итальянского. Так, *tersane* тюркизирован с одного из диалектов итальянского языка.

5. Применение дословного перевода и экспликации

Проанализировав приведенные термины в узбекском и турецком языках можно сделать вывод, что они в большинстве случаев имеют описательный характер, который основан на семантическом способе, а не на синтаксической конструкции. В подтверждение вышесказанному можно отметить, что семантический способ был одним из первых словообразовательных приемов создания терминологических наименований [8. С. 98].

Итак, при экспликации, или описательном переводе, лексическая единица исходного языка модифицируется словосочетанием языка перевода, несущим в себе полное разъяснение значения лексической единицы.

Кроме того, на начальных этапах формирования научно-технических терминов допускался дословный перевод, когда осуществлялся прямой перевод текста, который грамматически и идиоматически соответствовал тексту языка перевода [23. С. 33]. Такой вид перевода формируется на основе синтаксического уподобления и приводит к полному соответствию количества языковых единиц и порядка их расположения в оригинале и переводе [11. С. 178].

Впервые при переводе научно-технических терминов узбекского языка экспликация была обнаружена в таких терминах, как *йер ўлчагучи* (землемер), *милтиқдару* (порох), *ўт очирадурган машина* (пожарная машина), *учатурган машина*, *ҳава кемаси*, *ҳава машинаси* (самолет), *ҳайванат табиби* (ветеринар), *хат йазадурган машина* (печатная машина).

В текущем состоянии терминологии также выявлены термины в соответствии с вышеприведенными способами перевода. Проанализируем научно-технический термин *black plastics material*, который раньше использовался для производства авторучек. Однако ранее этот вид материала был известен под названием *vulcanite*, и с течением времени он приобрел популярность, получив свою торговую марку как *ebonite*. Термин, имеющий описательный перевод как *black plastics material*, не наделен своим переводом в двух изучаемых языках, но исходя из значения этих слов мы можем передать его как *қора қайишқоқ ашё* на узбекский язык и *si-*

yah plastik malzeme — на турецкий, так как этот материал получают из натурального каучука путем добавления льняного масла и серы. Он обладает характерным свойством эластичности и гибкости и имеет черную окраску. Исходя из вышеприведенных свойств и значений слова *plastics* как «тягучесть» и «гибкость» в узбекском языке допустимо применение слова «қайишқоқ». Остальные варианты терминов из синонимического ряда отражаются в виде интернационализма. Проанализировав данный синонимический ряд, следует подчеркнуть, что в случае многообразия терминов, выполняющих одинаковые функции, необходимо применять один и тот же термин на протяжении всего текста, «иначе может создаваться впечатление, что речь идет о разных деталях» [3. С. 12]. Также необходимо отметить тот факт, что при переводе данного сложного термина эквивалентность не учитывалась, поскольку лексические единицы термина не подвергались взаимозаменяемости. Следовательно, из-за применения в этом сложном виде термина семантического и синтаксического уподобления здесь отсутствуют адаптация и модуляция.

Заключение

Подводя итог обсуждаемой темы о переводе научно-технических терминов, можно отметить следующее. Во-первых, процесс синонимии неизбежен при стремительном развитии научно-технических терминов, которая отражается в основном при заимствовании терминов и экспликации. Следует отметить, что оба метода ярко проявляются на начальных этапах формирования терминов, а затем посредством широкого применения им присваивается специальное слово, означающее конкретный и детальный смысл. Во-вторых, самым актуальным методом перевода является заимствование, поскольку наука и техника в настоящее время находятся в непрерывном развитии, и язык не в силах освоить новоиспеченный термин за короткое время. В-третьих, при косвенном переводе установлено, что один и тот же термин может подпадать под несколько методов, таких как адаптация, эквиваленция, модуляция, транспозиция, поскольку они определяются на семантическом уровне, и между этими методами имеется взаимосвязь.

Список литературы

1. Акуленко, В. В. Вопросы интернационализации словарного состава языка / В. В. Акуленко. — Харьков : Изд-во Харьковского университета, 1972. — 215 с.
2. Анорбекова, А. Хозирги узбек адабий тили / А. Анорбекова, Ш. Мирзаев. — Ташкент : Баёз наشريёти, 2016. — 400 с.
3. Бархударов, Л. С. Пособие по переводу технической литературы / Л. С. Бархударов, Ю. И. Жукова, И. В. Квасюк, А. Д. Швейцер. — М. : Высшая школа, 1967. — 284 с.
4. Боровков, А. К. Изменения в области узбекской лексики и новый алфавит / А. К. Боровков. — Ташкент : Фан, 1940. — 40 с.
5. Гарбовский, Н. К. Теория перевода / Н. К. Гарбовский. — М. : Юрайт, 2017. — 413 с.
6. Головин, Б. Н. Введение в языкознание / Б. Н. Головин. — М. : Высшая школа, 1977. — 303 с.
7. Гореликова, С. Н. Природа термина и некоторые особенности терминообразования в английском языке / С. Н. Гореликова // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2002. — № 6. — С. 129—135.
8. Даниленко, В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. — М. : Наука, 1977. — 245 с.
9. Дониёров, Р. Ўзбек тили илмий-техникавий терминологиясини тартибга солиш принциплари / Р. Дониёров. — Ташкент : Фан, 1991. — 140 с.
10. Качурин, Д. В. Проблема разграничения омонимии и полисемии применительно к практике составления толковых словарей / Д. В. Качурин // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2014. — Т. 73, № 2. — С. 44—53.
11. Комиссаров, В. Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров. — М. : Высшая школа, 1990. — 253 с.
12. Литвиненко, Г. И. Способы словообразования как фактор системности в терминологии (на материале терминов химического машиностроения) / Г. И. Литвиненко, А. Н. Дядечко // Вестник СумДУ. Серия «Филология». — 2007. — № 1, т. 1. — С. 145—146.
13. Ньюбина, Л. М. О взаимодействии наук при создании медицинской терминологии в немецком языке / Л. М. Ньюбина, И. С. Пахомова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2018. — № 10 (420). Филологические науки. Вып. 114. — С. 168—175.
14. Сагитова, М. В. Калькирование терминов (на материале книги «Cloud Computing») / М. В. Сагитова // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сб. ст. по материалам III Всерос. науч. конф. молодых ученых с междунар. участием (8 февр. 2013 г.). Ч. 1. — Екатеринбург : УрФУ, 2013. — С. 329—336.
15. Суперанская, А. В. Общая терминология / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. — М. : Наука, 1989. — 246 с.
16. История науки и техники : учеб.-метод. пособие / отв. ред. А. В. Ткачева. — СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет информационных технологий, механики и оптики, 2006. — 143 с.
17. Цвиллинг, М. Я. Переводные эквиваленты неологизмов в словаре и текст / М. Я. Цвиллинг // Обучение научных работников иностранным языкам. — М. : Наука, 1984. — С. 233—246.
18. Швейцер, А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. — М. : Наука, 1988. — 215 с.
19. Atatürk ve Bilim Dili [Электронный ресурс]. — URL: <http://tubaterim.gov.tr/>.
20. Kashgary, A. D. The paradox of translating the untranslatable: Equivalence vs. non-equivalence in translating from Arabic into English [Электронный ресурс] / A. D. Kashgary // Journal of King Said University — 2011. — Vol. 23, iss. 1. — P. 47—57. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.jksult.2010.03.001>. doi:10.1016/j.jksult.2010.03.001.
21. Kırkgöz, Y. English language teaching in Turkey: Challenges for the 21st century / Y. Kırkgöz // Teaching English to the world: History, curriculum, and practice / G. Braine (ed.). — London : Lawrence Erlbaum Associates, 2005. — P. 159—175.
22. Meiramova, S. The investigation of English, Russian and Kazakh computer terms borrowings to be acquired at English class / S. Meiramova, K. Mussagozhina // Procedia — Social and Behavioral Sciences 199. — 2015. — P. 94—102.
23. Vinay, J. P. Comparative Stylistics of French and English: A Methodology for Translation / J. Vinay, J. Darbelnet. — Amsterdam and Philadelphia, PA : John Benjamins, 1995. — 348 p.

24. Volkova, T. Translation Model, Translation Analysis, Translation Strategy: an Integrated Methodology / T. Volkova // *Procedia — Social and Behavioral Sciences* 154. — 2014. — P. 301—304.

Сведения об авторах

Омонов Кудратулла Шарипович — доктор филологических наук, Ташкентский государственный институт востоковедения, Ташкент, Узбекистан. tomaris01@yahoo.com

Зикруллаева Хусния Бахтиеровна — базовый докторант кафедры переводоведения, Ташкентский государственный институт востоковедения, Ташкент, Узбекистан. zkhusniya@yahoo.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 1 (435). *Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 105—114.*

TRANSLATION TECHNIQUES REFLECTED IN BORROWED SCIENTIFIC AND TECHNICAL TERMS

Q.Sh. Omonov, Kh.B. Zikrullaeva

Tashkent State Institute of Oriental Studies, Tashkent, Uzbekistan. zkhusniya@yahoo.com

This article is devoted to the translation of scientific, technical simple and compound terms. We particularly focus on the translation of English terms into Uzbek and Turkish. The composition of many composite terms of the English language is mainly based on the most widely used English words and elements of Latin and Greek. The article uses translation methods by J.-P. Vinay and J. Darbelnet: borrowing, calque, literal translation, transposition, modulation, equivalence and adaptation. It should be noted that Vinay and Darbelnet combine these translation methods into two categories: direct translation and indirect translation. In this regard, in the article, scientific and technical terms are analyzed at the level of these categories. However, in the process of analyzing the translation of terms from English into the Uzbek and Turkish languages, explication also plays a special role, since many terms were translated using this method. The article demonstrates the similarities, differences in the translation of terms, reveals changes in their structure and meaning. All terms were selected from the scientific and technical book “Materials for Engineers and Technicians”.

Keywords: *terms, meaning, translation, borrowing, calque.*

References

1. Akulenko V.V. *Voprosi internatsionalizatsii slovarnogo sostava yazika* [Issues on Internationalization of the Vocabulary of the Language]. Kharkov, Kharkov University Publ., 1972. 215 p. (In Russ.).
2. Anorbekova A., Mirzaeva Sh. *Khozirgi uzbek adabiy tili* [Modern Uzbek Literal Language]. Tashkent, Bayoz Publ., 2016. 400 p. (In Uzbek).
3. Barkhudarov L.S., Jukova Yu.I., Kvasyuk I.V., Shveytser A.D. *Posobiye po perevodu tekhnicheskoy literature* [Guide on Technical Literature Translation]. Moscow, Visshaya shkola Publ., 1967. 284 p. (In Russ.).
4. Borovkov A.K. *Izmeneiya v oblasti uzbekskoy leksiki i noviy alfavit* [Changes in Uzbek Vocabulary and the New Alphabet]. Tashkent, Fan Publ., 1940. 40 p. (In Russ.).
5. Garbovskiy N. *Teoriya perevoda* [Translation Theory]. Moscow, Yurayt Publ., 2017. 413 p. (In Russ.).
6. Golovin B.N. *Vvedeniye v yazikoznaniye* [Introduction to Linguistics]. Moscow, Visshaya shkola Publ., 1977. 303 p. (In Russ.).
7. Gorelikova S.N. *Prirodateterminainekotoriyeosobennostiterminoobrazovaniyavangliyskomyazike* [The Nature of the Term and Some Features of Terminology in English]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University], 2002, no. 6, pp. 129-135. (In Russ.).
8. Danilenko V.P. *Russkaya terminologiya. Opit lingvisticheskogo opisaniya* [Russian terminology. Linguistic Description Experience]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 245 p. (In Russ.).
9. Doniyorov R. *Uzbek tili ilmiy-tekhnikaviy terminologiyasini tartibga solish printsiplari* [Principles of Ordering the Scientific and Technical Terminology of the Uzbek Language]. Tashkent, Fan Publ., 1991. 140 p. (In Uzbek).

10. Kachurin D.B. Problema razgranicheniya omonimii i polisemii primenitelno k praktike sostavleniya tolkovikh slovarey [Problem of Distinguishing Homonymy and Polysemy in Relation to the Practice of Compiling Explanatory Dictionaries]. *Izvestiya RAN. Seriya literaturi i yazika* [Bulletin of RAS. The Issue of Literature and Language], 2014, vol. 73, no. 2, pp. 44-53. (In Russ.).
11. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda* [Translation Theory]. Moscow, Visshaya shkola Publ., 1990. 253 p. (In Russ.).
12. Litvinenko G.I., Dyadechko A.N. Sposobi slovoobrazovaniya kak factor sistemnosti v terminologii (na materiale terminov khimicheskogo mashinostroyeniya) [Word-formation Methods as a Systematic Factor in Terminology (on the material of chemical engineering terms)]. *Vestnik SumDu. Seriya filologiya* [Bulletin of Sumsk State University. The Issue of Philology], 2007, no. 1, vol. 1, pp. 145-146. (In Russ.).
13. Nyubina L.M., Pakhomova I.S. O vzaimodeystvii nauk pri sozdanii meditsinskoj terminologii v nemetskom yazike [On the Interaction of Sciences in Creating Medical Terminology in German]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2018, no. 10 (420). The Issue of Philology, iss. 114, pp. 168-175. (In Russ.).
14. Sagitova M.V. Kalkirovaniye terminov (na materiale knigi "Cloud Computing"). [Calque of Terms (on the material of book "Cloud Computing")]. *Aktualniye voprosi filologicheskoy nauki XXI veka: sbornik statey po materialam III Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii molodikh uchenikh s mejdunarobnim uchastiyem* [Actual Issues of Philology of the XXI century: proceedings of the III Russian Scientific Conference of Young Scientists with International Participation], pt. 1. Yekaterinburg, 2013. Pp. 329-336. (In Russ.).
15. Superanskaya A.V., Podolskaya N.V., Vasileva N.V. *Obshaya terminologiya* [General terminology]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 246 p. (In Russ.).
16. Tkacheva A.V. (ed.). *Istoriya nauki i tekhniki* [History of Science and Technology]. St. Petersburg, Saint-Petersburg State University of Information Technologies, Mechanics and Optics Publ. 143 p. (In Russ.).
17. Zwilling M.Ya. Perevodniye ekvivalenti neologizmov v slovare i tekste [Translation Equivalents of Neologisms in a Dictionary and Text]. *Obucheniye nauchnikov rabotnikov inostrannim yazikam* [Teaching Scientists Foreign Languages]. Moscow, Nauka Publ., 1984. Pp. 233-246. (In Russ.).
18. Schweitzer A.D. *Teoriya perevoda: status, problemi, aspekti* [Translation Theory: Status, Problems, Aspects]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 215 p. (In Russ.).
19. *Atatürk ve Bilim Dili*. Available at: <http://tubaterim.gov.tr/> (In Turkish).
20. Kashgary A.D. The paradox of translating the untranslatable: Equivalence vs. non-equivalence in translating from Arabic into English. *Journal of King Said University*, 2011, vol. 23, iss. 1, pp. 47-57. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jksult.2010.03.001>.
21. Kırkgöz Y. English language teaching in Turkey: Challenges for the 21st century. *Braine G. (ed.). Teaching English to the world: History, curriculum, and practice*. London, Lawrence Erlbaum Associates, 2005. Pp. 159-175.
22. Meiramova S., Mussagozhina K. The investigation of English, Russian and Kazakh computer terms borrowings to be acquired at English class. *Procedia — Social and Behavioral Sciences* 199, 2015, pp. 94-102.
23. Vinay J.P., Darbelnet J. *Comparative Stylistics of French and English: A Methodology for Translation*. Amsterdam and Philadelphia, PA, John Benjamins, 1995. 348 p.
24. Volkova T. Translation Model, Translation Analysis, Translation Strategy: an Integrated Methodology. *Procedia — Social and Behavioral Sciences* 154, 2014, pp. 301-304.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ И ЭМОТИВНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ, РУССКОМ И УДМУРТСКОМ ЯЗЫКАХ

Е. С. Ошанова

Ижевский государственный технический университет им. М. Т. Калашикова, Ижевск, Россия

Статья посвящена научному анализу лексических средств выражения модальности в публичной речи политиков. Необходимо отметить актуальность данной работы, которая определяется необходимостью более развернутого изучения средств эмоционального воздействия в английском, немецком, русском и удмуртском языках во взаимосвязи с культурой его носителей с целью увеличения межнациональных контактов.

Ключевые слова: *средства выражения модальности, политическая коммуникация, модальные глаголы, модальные слова, модальные частицы.*

Рассматривая категорию модальности в разных языках, необходимо знать, что она передается системой средств, свойственных тому или иному языку, его строю и внутренним законам его развития. Следовательно, характерные особенности культуры находят свое отражение и в языке. Политическая тематика является весьма актуальной и вызывает большой интерес.

Основную значимость и важность представляет детальное и всестороннее рассмотрение средств выражения модальности, которые выступают в роли организующей и актуализирующей основы в процессе речевого взаимодействия. Ученые отмечают разнообразие взглядов, мнений, идей и аргументов в отношении этого понятия. В настоящее время модальность является весьма широким и многогранным явлением и имеет множество трактовок. Необходимо отметить, что данная категория обнаруживается во всех уровнях языковой системы и, таким образом, является универсальной категорией. Поэтому значимость этого понятия велика и важна как для восприятия, так и для понимания устройства и сущности самого языка. Категорию модальности исследуют многие ученые, и их вклад, несомненно, является бесценным и несравненным.

На сегодняшний день невозможно представить современную реальность без мира политика. Следовательно, ввиду своего широкого применения, она вызывает массовый научный интерес. Одним из результатов такого рода заинтересованности становится появление понятия «политическая лингвистика», которое возникло путем объединения таких наук, как лингвистика и поли-

тология. Ученые выделяют в политической лингвистике термин «политическая коммуникация» или «речь», которая является одной из важных форм представления актуальной информации и основным механизмом в борьбе за власть.

Любая политическая коммуникация несет в себе определенный смысл, который политические деятели хотят донести до широкой аудитории. Для того чтобы передать публике свои мысли и переживания и суметь воздействовать на ее сознание, психику и эмоциональную составляющую, оратору необходимо вооружиться определенными ключевыми словами и умело ими пользоваться. Кроме того, политический деятель должен искусно владеть речью и заражать слушателей своими эмоциями, передать ей свое отношение к тому, о чем он сообщает, используя различные средства ее выражения.

Бесспорен тот факт, что такого рода речь ориентирована на широкую аудиторию и предполагает высокую степень общественного воздействия, а выступление перед большой группой людей характеризуется своими системными особенностями, а также индивидуальными особенностями речи каждого политического деятеля. Поэтому для описания личностных эмоций оратора и эмоционального воздействия на аудиторию могут быть использованы различные языковые средства и речевые механизмы, которые находят целесообразное применение.

Чтобы воздействовать на широкую аудиторию, необходимо принимать во внимание не только экстралингвистические факторы, которые передают динамику общественного развития, но и прагматические

характеристики языковых средств и их наиболее результативное сочетание в рамках отдельного выступления. Учитывая также ситуацию общения, ее общие и частные характеристики, правильное использование средств выражения модальности и их яркие возможности, все во взаимодействии может привести к эффективному общению между оратором и аудиторией. В связи с этим исследование языка политической коммуникации представляет большой лингвистический интерес. Прежде всего интерес представляют различные точки зрения на лингвистический статус языка политики [14].

Целью настоящей работы является выявление способов выражения модальности в публичной речи политиков на примере выступлений бывшего премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона, федерального канцлера Германии Ангелы Меркель, премьер-министра Российской Федерации Дмитрия Анатольевича Медведева и бывшего президента Удмуртской Республики Александра Васильевича Соловьева.

В данной статье анализу подлежат общеупотребительные лексические средства выражения модальности, такие как модальные глаголы, модальные слова и модальные частицы, на примере четырех языков.

Английский язык — это язык международного общения, который популярен в современном обществе ввиду определенных обстоятельств. На данном языке ведутся различные деловые переговоры, строятся политические выступления и речи. Язык политической коммуникации в английском языке краток и лаконичен. Его основная цель — донести до слушателей четко изложенное и упорядоченно выстроенное сообщение.

В качестве лексических средств в английском языке широкое распространение получают *модальные глаголы*:

1) *must* — в утвердительной или отрицательной форме, выражающий отношение говорящего к тому или иному действию;

2) *can* — используется для выражения физической или умственной способности, а также умения что-то делать;

3) *should* — служит для выражения рекомендации, совета или наставления;

4) *need* — выражает потребность и требование;

5) *may* — употребляется для выражения возможности или разрешения;

6) *ought to* — указывает на моральный долг или совет, также может выражать вероятность или предположение;

7) *have to* — служит для выражения необходимости что-то сделать в силу тех или иных обстоятельств. Кроме того, данный глагол позволяет заменять модальный глагол *must* в прошедшем или будущем времени, а также в отрицательных формах.

В современном английском языке к *модальным словам* относятся три группы слов, которые подразделены в зависимости от выражаемого ими субъективного отношения к фактам реальной действительности:

1) модальные слова, выражающие сомнение и предположение, неуверенность в достоверности сообщаемого: *may be* (наверное, пожалуй), *perhaps* (возможно), *probably* (вероятно, как видно);

2) одобрение или неодобрение: *fortunately* (к счастью), *unfortunately* (к сожалению), *luckily* (к счастью), *unluckily* (к сожалению);

3) усиление: *no doubt* (несомненно), *really* (поистине, вправду), *indeed* (в самом деле, несомненно);

4) уверенность, достоверность сообщаемого: *certainly* (конечно), *in other words* (другими словами), *finally* (в конце концов), *of course* (разумеется, конечно), *sure* (безусловно), *no doubt* (несомненно).

Также они выполняют функцию вводного члена предложения и на письме иногда выделяются запятыми [2].

Рассмотрим следующие примеры:

Certainly, complex rules restricting our labour markets are not some naturally occurring phenomenon.

No doubt, our allies have a very clear view.

It is true, *of course*, that it is to NATO and to the Transatlantic Alliance that we look to for our defence.

In other words, the problem would still be getting worse.

Evidently, the biggest danger to the European Union comes not from those who advocate change, but from those who denounce new thinking as heresy.

They will decide the destiny of our country, not for 5 years or for 10, but in all probability for decades, *perhaps*, a lifetime.

Now, *finally*, as the Deputy Prime Minister set out on Friday, we're going to radically toughen up the way we deal with illegal migrants working in this country.

Хотелось бы отметить, что модальные слова близки между собой по характеристике внутри каждой группы, но одновременно каждое из них проявляет свои оттенки или отличается по своему использованию в речи от других модальных слов одинаковой семантической группы.

В ходе анализа политической коммуникации на английском языке были выявлены модальные глаголы и модальные слова. Необходимо также подчеркнуть, что в процессе исследования не обнаружены модальные частицы. Вероятно, это связано с тем, что политическая коммуникация на английском языке считается более сдержанной, краткой, но при этом четко структурированной.

Что касается *немецкого языка*, к лексическим средствам выражения модальности также относятся: модальные глаголы, модальные слова и модальные частицы.

Основная функция *модальных глаголов* заключается в выражении отношения говорящего к тому или иному действию. Ключевым фактом в изучении модальных глаголов является то, что они употребляются в предложении с инфинитивом другого глагола, выражающего действие. Кроме того, отличительная особенность немецких предложений состоит в том, что неопределенная форма глагола, то есть инфинитив, занимает последнюю позицию в предложении и употребляется без частицы *zu*.

Рассмотрим примеры.

1) *können* — имеет значение предположения:

Wörtlich heißt es: «Leider *können* wir Ihnen in der Angelegenheit inhaltlich keine weitergehenden Auskünfte erteilen».

2) *dürfen* — служит для выражения возможности, однако данная возможность подразумевает «чужую волю, чужое волеизъявление»:

Deutlich wurde dabei aber auch, dass bei aller wünschenswerten Entwicklung der Naturschutz nicht aus den Augen verloren werden *darf*.

3) *sollen* — выражает долженствование, приказ, поручение, распоряжение:

Strukturen, die bislang noch doppelt bestünden, *sollen* entschlackt werden.

4) *müssen* — несет в себе значение предположения, но с большей степенью уверенности:

Das bedeutet für mich, dass wir uns an den Werten orientieren *müssen*, die wir in den europäischen Verträgen festgeschrieben haben: Menschenwürde, Rechtsstaatlichkeit, Toleranz, die Achtung von Minderheiten, Solidarität.

5) *wollen* — позволяет выразить яростное желание сделать или показать что-либо, четкое намерение, основанное на собственном желании:

Im Rahmen einer außerordentlichen Mitgliederversammlung, die Ende März stattfinden soll, *will* die Führungsriege des Vereins ihre Ämter demnach zur Verfügung stellen.

6) *mögen* — служит для выражения того, что нравится. На русский язык данный глагол переводится «любить»:

Da *mag* dieses System zwar noch funktionieren, solange nicht auch das letzte unbedeutende Signallämpchen von preußischer Pünktlichkeit ist, habe ich keine Ruhe.

7) *möchten* — является уникальным глаголом, поскольку выражает некатегорическое желание, вежливую просьбу о чем-либо и зачастую употребляется в условном наклонении:

Das eine *möchte* ich von vornherein klarstellen, weil diese Situation behandelt werden muss.

Ich *möchte* nur ein Beispiel herausgreifen.

Как видно, семантика модальных глаголов немецкого языка чрезвычайно широка, а значения, проявляющиеся в разных контекстах, многообразны.

Модальные слова в немецком языке позволяют подчеркнуть в высказывании самое главное и сделать на нем особый акцент. Также они являются коммуникативно-грамматической категорией и подразделяются на следующие группы:

1) суммирующие или обобщающие: *überhaupt* (вообще), *in einem Wort* (одним словом), *eigentlich* (на самом деле). Они обобщают высказывание в единое целое. Например:

Eigentlich sie braucht aber verstärkt unsere Unterstützung — bei der Versorgung und Unterbringung von Flüchtlingen, bei der Grenzsicherung, beim Kampf gegen Schlepper.

2) усилительные: *tatsächlich* (фактически), *unbedingt* (безусловно). Данные модальные слова служат для выделения основной мысли. Например:

Aber denen müssen wir auch sagen, dass sie nicht bleiben können, damit wir denen wirklich helfen können, die *tatsächlich* unseren Schutz vor Krieg und Verfolgung brauchen.

3) оценочные: *hoffentlich* (надо надеяться), *glücklicherweise* (к счастью). Они дают субъективную экспресс-оценку предложению. Например:

Hoffentlich, werden wir ehrlich: Das Dublin-Verfahren in seiner jetzigen Form ist in der Praxis obsolet.

4) предположительные: *wahrscheinlich* (вероятно), *vielleicht* (может быть). Данным модальным словам свойственно выражать как достоверность, так и сомнение. Например:

Wahrscheinlich wir müssen auch die wirtschaftspolitische Koordinierung in der Eurozone verbessern und auf dieser Grundlage die Gründungsfehler der europäischen Wirtschafts- und Währungsunion beheben.

Inzwischen sind insgesamt schon zwei Millionen im Gespräch, am Ende könnten es *vielleicht* drei oder vier Millionen sein.

5) Утвердительные: *natürlich* (конечно), *sicher* (непрерменно), *vermutlich* (по всей вероятности), *sicherlich* (определенно, наверняка). Основная функция данных модальных слов заключается в подтверждении высказанной мысли. Например:

Und *natürlich* hoffen die neuen Pächter, dass auch wieder Großveranstaltungen dort stattfinden werden.

Vermutlich, das Pariser Klimaschutzabkommen war und ist in dieser Hinsicht ein historischer Meilenstein.

Auch diese Situation hat *sicherlich* mit ihrer Religion zu tun.

Что касается модальных слов в немецком языке, они выполняют множество функций и считаются прагматически нагруженными.

Особую роль в предложении также выполняют *модальные частицы*. Они вносят в предложение определенную эмоционально-экспрессивную окраску. Важно понимать, что отдельно модальные частицы не несут эмоционального значения, они лишь конкретизируют и акцентируют эмотивный фон всего высказывания [10. С. 173].

Ученые-языковеды также различают несколько видов модальных частиц в немецком языке [9]:

1) Усилительно-восклицательные: *doch, aber, auch*:

Doch die Ratsmehrheit folgte der Verwaltung, wenn auch «mit der Faust in der Hosentasche».

Fakt sei: Die Ausschreibung gebe eine «Wunschvorstellung» wider, sei *aber* nicht bindend — und damit «weder rechtlich noch faktisch ein Problem».

Dass die Einrichtung dringend notwendig und unterstützenswert sei, betonen *auch* die scheidenden Vorstandsmitglieder des Fördervereins.

2) Ограничительные: *nur, noch, etwa*:

Nur gemeinsam wird es uns gelingen, EU-weite Rückführungsabkommen zu vereinbaren, um diejenigen, die keine Bleibeperspektive haben, tatsächlich wieder in ihre Heimatländer zu bringen.

Aus diesem Grund kann auch *noch* keine Aussage getroffen werden, wann die Angelegenheit im Petitionsausschuss beraten wird.

Sie ist ein Ansporn, uns weiter zu verbessern — *etwa* durch unsere jährliche Mitarbeiterbefragung.

3) Выражающие предположение: *bloss*.

Europäische Fördermittel mussten *bloss* zugunsten der neuen Mitgliedstaaten umverteilt werden.

Как видно, модальные частицы реализуют национальную составляющую языковой личности,

а именно стремление говорящего к самоанализу и созданию в ходе коммуникации общего эмоционального фона.

Необходимо отметить, что политическая коммуникация на немецком языке отличается от английской политической речи и считается более эмоциональной и яркой. В немецком языке представлен весь спектр лексических средств выражения модальности, данный язык представляется живым, богатым и насыщенным.

Русский язык также необычайно богат, красив и гибок в передаче смыслов и эмоций, является хранителем многовековой истории, традиций и обычаев, отражает культуру и менталитет нашей полиэтничной нации. Всестороннее познание и глубокое изучение данного языка формирует в человеке национальный характер и развивает в нем культурные и духовные ценности.

Рассмотрим в русском языке средства выражения модальности: модальные глаголы, модальные слова и модальные частицы.

Модальные глаголы активно используются не только в повседневной жизни, но и в деловой коммуникации, политических выступлениях, статьях и экономических отчетах. Рассмотрим следующие примеры:

Мы осуществляем поддержку гражданской авиационной промышленности, то есть отрасли, в которой страна *может* и *должна* сначала восстановить позиции на внутреннем рынке, а затем продвигаться на внешние.

Нужно улыбаться, вы министры самого лучшего в мире правительства и самой сильной в мире страны.

Стоит отметить, что диапазон употребления модальных глаголов необычайно широк. Они показывают определенное действие, наделенное значениями модальности.

Модальные слова являются лексико-грамматическим разрядом слов, которые характеризуются отсутствием номинативной функции в предложении. Они несут в себе значения уверенности, неуверенности, сомнения, предположения, подтверждения сказанных мыслей и достоверности.

Ученый В. В. Виноградов выделил в своих трудах по русскому языку модальные слова в особую лексико-грамматическую группу, которая находится между знаменательными и служебными частями речи [См.: 8. С. 60].

По мнению ученого-языковеда А. Т. Блериной, в современном русском языке разделяют две группы модальных слов [2]:

1) Модальные слова, выполняющие функцию логической оценки в высказывании, а также уверенность говорящего в реальности сообщения. В данной группе следует отметить: *безусловно, верно, действительно, конечно, несомненно, разумеется*. Например:

Мы, конечно, ничего не забываем, мы понимали, что пожилым людям придется непросто, но не обещали того, что не могли выполнить в тот период.

Несомненно, при формировании бюджета нужно исходить из трех принципиальных установок: деньги, реализация инфраструктурных проектов и обеспечение национальной безопасности в стране.

2) Модальные слова, выражающие значение возможности, предположения, вероятности сообщаемого: *вероятно, возможно, видимо, наверно, кажется*. Например:

Вероятно, я не смогу не согласиться с лидером ЛДПР.

Возможно, ключевым событием прошлого года стало полное включение Крымской энергосистемы в единую энергетическую сеть страны.

В свою очередь *модальным частицам* также принадлежит неотъемлемая роль в предложении. Они насыщают высказывание, делая его более эмоциональным и чувственным для восприятия.

Ученые разграничивают такие модальные частицы, как: *именно* (уточняющая), *вряд ли* (выражение сомнения), *ведь* (усилительная), *лишь* (выделительно-ограничительная), *все-таки* (усилительная), *даже* (усилительная), *действительно* (указание на действительное положение дел).

Рассмотрим следующие примеры:

Ведь наша экономика развивается, несмотря на то что нам всем предсказывали катастрофу из разных мест, в том числе из-за океана.

Лишь здесь существенные изменения — за последние пять лет мы поднялись на 80 позиций.

А это значит, что это не просто отдельные успехи, это *все-таки* системные улучшения.

Отмечается, что в русском языке частицы рассматриваются как служебные слова, которые подчеркивают или уточняют определенные моменты в высказывании [10. С. 47].

Политическое выступление на русском языке охватывает весь спектр лексических и грамматических средств выражения модальности, подтверждая тот факт, что современный русский язык является очень богатым, красивым и прагматически гибким, живым и эмоциональным, кроме того, он отражает культуру и самобытность народа.

Рассматривая средства выражения модальности в *удмуртском языке*, следует сказать, что данный язык является также весьма интересным, необычным и богатым. Он распространен на территории Удмуртской Республики, и число людей, говорящих на данном языке, составляет 324 тыс. В удмуртских глубинках родной язык используется в бытовом общении, на работе и дома. Стоит также отметить, что удмуртский язык богат как своей грамматической структурой, так и лексической. На данном языке написано множество талантливых произведений, в настоящее время на нем пишут молодые писатели и поэты.

Проблема модальности встречается в работе известного удмуртского ученого И. В. Тараканова. Он структурировал, систематизировал данную тему и изложил ее в своем труде «Грамматика современного удмуртского языка» [15].

В удмуртском языке средствами выражения модальности являются глаголы с модальным значением, модальные слова и модальные частицы. Как показывают исследования, глаголов с модальным значением в удмуртском языке насчитывается не так много, и по причине своей количественной ограниченности они в зависимости от ситуации речи проявляют в высказываниях целую парадигму значений.

К глаголам с модальными значениями «возможности, долженствования, намерения, желания, умения» относят: *потыны* (хотеть, желать), *турттыны* (намереваться, стараться), *быгатыны* (уметь), *кулэ* (надо), *яра* (можно), *уг яра* (нельзя), *медыны* (намереваться), *малпаны* (думать, задумать), *яратыны* (любить), *кельшыны* (нравится). Однако данные модальные глаголы ни в удмуртском, ни в русском языке не выделяются в отдельную группу. Вероятно, это связано с тем, что данная отрасль является до сих пор полностью неизученной [8].

Рассмотрим следующие примеры.

1) Модальный глагол *потыны* служит для выражения явного желания сделать то или иное действие, поступок:

Тужгес но соослэн *потэ* таёе вакыте умоезлы но зечезлы оскемзы, малы ке шуоно аьме кунмы азе выль луонлыкъёс усътӥсько.

Милям *потэ* оскеммы, Россия вамыштэ шонер сюрес кузя шуыса.

2) *Быгатыны* помогает говорящему показать физическую возможность определенных действий:

Люкам шыкысмес утыыса но со вие ик туалы луонысь усътонъёсты кутыса, асьмеос кунмес кыдӥке азьлань валтыны *быгатӥськомы*.

Таҕе уждадьёс ортчыны *быгато* пöртэм Ижкар ульчаосын.

3) *Кулэ* — выполняет функцию необходимости, а также обязательства и долга:

Вақыт воштүськиз, со *кулэ* кариз вакчи дыр куспын лэчыт юаньёсты сэрттонэз-пөртчонэз, кулэ дыръяз чурыт кыл веранэз но.

Экономикаын кылдэм шуг-сеқытёс, мукет улосьёсын җошатыса, Удмурт шаермес сокем зол öз шукке: та понна тау шуыны *кулэ* оборона предприятиясылы.

4) Модальные глаголы: *малпаны, медыны* — обладают особой уникальностью, поскольку имеют схожие значения намерения и стремления:

Ми *малпаськом* со понна кредит басьтоно луоз асьме шаермылы.

Мон *малпасько*, уждадын чузьяськем җектоньёс, кичёлтоньёс пыртэмын луозы Кун Кенешлэн туалала чаклам ужьёсаз.

Ми *малпаськом*, Кун Думаын но Федерация Кенешын милесьтым дэмланьёсмес кылйзы, ваньзэ сямен ик кутйзы.

Та удысын ужасьёс *медо* гурт хозяйствоаз азинтонья федерал законэ воштоньёс пыртыны но нечернозёмной зонааз азинтонья программа кылдытыны.

5) *Уг яра* — позволяет выразить запрет на что-либо. Данному модальному глаголу свойствен категорический отказ, запрет или недовольство:

Сыҕе специалистьёсты *уг яра* асьме шаерамы возыны, малы ке шуоно соос уз быгатэ инвесторьёсын огинэ ужьёс нуыны но выль проектьёс кылдытыны.

Ноку *уг яра* керзегьяськыны, шуг-сеқытёсмы трос ке но, элькунмы вордйськем нуналзэ пумита зеч мылдыдын.

6) *Кельшыны, яратыны* — являются эмоциональными глаголами, имеющими значение предрасположенности и предпочтения:

Милемлы *кельше* Ижкарлэн сяськаяськемез, чеберскемез, арысь аре йёногес луэмез.

Та нуналэ калык *яратэ* ушьяськыны асьме шаермылэн узыр историеныз, культураеныз но азинлыкьёсыныз.

Соослы *кельше* экономикаысь шуг-сеқытёсын нюрьяськыны, выль проектьёс кылдытыны но пöртэм уждадьёс ортчытыны.

Экспертёс *ярато* пöртэм темаослы сйзем уждадьёсты но семинарьёсты, малы ке шуоно татын саклык висьяське экономикалы но праволы.

Рассмотренные выше глаголы с модальным значением также являются средством субъективной квалификации высказывания.

Согласно исследованиям, можно отметить, что *модальные слова* — это застывшие, неизменяемые формы знаменательных слов, служащие для выражения отношения говорящего к высказываемой мысли [8. С. 58]. Следует указать, что впервые термин «модальные слова» в удмуртском языке был рассмотрен в «Грамматике современного удмуртского языка», где даны описание и краткая характеристика некоторых модальных слов.

Модальные слова характеризуются отсутствием номинативного значения предметности, признака или действия.

Необходимо указать, что в удмуртском языке критериями выделения частей речи и основанием для оценки выступают научные положения *русской традиционной грамматики* [Там же. С. 62].

В современном удмуртском языке выделяют *модальные слова* со значением уверенности: *зэм* (действительно, правда), *шонер* (правда), *шуо* (говорят), *зэмик* (правда же), *шуом* (скажем), *зэмзэ вераса* (честно говоря), *озьыен* (итак); и неуверенности: *луоз* (наверное, скорее всего), *дыр* (вероятно, наверно). Такая формулировка категориального значения модальных слов позволяет отнести их в особую группу в ряду *неполнознаменательных слов*.

Рассмотрим более наглядно на следующих примерах:

Зэм, нырысь-валысь удмурт шöмыз öй вал: тросгес чузьяськызы зуч кырзанысь.

Зэм, уллань васькыны капчи, шурлэсь öрзэ берыктыны сеқыт.

Соин ик выль законопроектлы дур басьтйсь тырмыт уз люкаськы, *дыр*.

Та ужзэ валтыны оскомы, *дыр*, пичи гуртысь кивалтйсьёслы.

Зэмзэ ик, выль но яркыт удмурт учебникьёсмы вань шуыса, шумпотыны кулэ но соосты кутон законэз тйяны кулэ.

Зэмзэ ик, кулэ вылэм 2—3 сыҕе гимназиос, куспазы вожвыльясськыны мед быгатозы шуыса.

Озьыен, кылем даурысь 90-тй арьёсы властьлэн но наукалэн кусыптьёсы льязйзы, туннэ нуналэ соос нимазгес вамышто.

Озьыен, туннэ нуналлы вань ини ёросьёсын конференциос орчтонья сметаос.

Зэмзэ вераса, кылем арлэн та вакытэныз җошатыса, вуз поттон будйз 19 но жыны процентлы, 17 процентлы йылз калыклэн доходэз.

Зэмзэ вераса, азыланяз калыклы тужгес но кулэ луись объектёсты пуктыны музьем висьяськоз.

Шонер, чӓпак со юбилеез ортчтыку, ми чакласком куноосты заводлэн валтӓсь корпусаз но нуллыны.

Шонер, таиз чектон закон мед луоз шуыса, Административной йыртэмьяньёсыя кодексэ но Уголовной кодексэ воштонъёс пыртоно луоз.

Шуо, выль законопроектлы дурбасӓтӓсь тырмыт уз люкасыкы, тупалозгес ватсаса юрттэт сӓтон.

Шуо, туэ арын Россилэн бюджетаз воштонъёс пыртӓзы ке, Удмуртия сярсы одно ик тодазы ваёзы.

Шуо, сӓчӓ ужрадъёсын асьмелы но юрттэт сӓтозы, малы ке шуоно ми тыршиськом шаермес азинтыны но выль проектъёс кылдытыны.

Шуом, та дырысен кутскиз Удмуртилэн тугала вакытӓз.

Шуом, нырысетӓзӓ ӓтчам Кун Кенеш 4 ар кустып ужатозь, вылез но вуужез кустып вожвыльясӓкон ӓз буйга, пуромылӓзы ченгешонъёс, валамтӓос.

Как отмечено выше, модальные слова имеют общекатегориальное значение уверенности или неуверенности говорящего относительно действительности. Что касается синтаксических признаков модальных слов, они грамматически не связаны с другими членами предложения в структуре предложения и выступают в функции вводных слов. К морфологическим признакам модальных слов причисляют их неизменяемость и отсутствие морфологических категорий, то есть их сопоставимость со знаменательными словами.

Что касается *модальных частиц*, они являются неотъемлемой частью предложения, относятся к группе служебных частей речи и выполняют определенную роль. Основанием для выделения этих слов в отдельную лексико-грамматическую группу послужили их специфические синтаксические свойства, а также их особые семантические и коммуникативно-прагматические характеристики [10. С. 48].

В современном удмуртском языке выделяют следующие модальные частицы:

1) выделительно-ограничительные: *гинэ* (только):

Дыр ортчемъя *гинэ* вераны луэ: Президентлэн кивалтӓмез улсын шаермес азинтон пайдаӓ луиз.

Жутӓм спиртэн суретӓёсты (эмъюмӓёсты) рецептъя *гинэ*, нуназе яке стационаръёсын вузан сярсы.

2) усилительные: *ик* (же, ведь), *ук* (ведь, же), *уго* (ведь, же):

Со сӓчӓ *ик* кудӓйтӓсь сурет ук, нош кунмысое вузанӓз ноказыы уг чакла.

Кылем арен чӓшатыса, со одӓг нбыльмос люкетлы уногес луоз ук.

Уго арлы быдӓ отын тужгес быгатӓсь, визьмо, таланто удмурт егитӓёс шутӓтско, ог-огенызы кусып тупато, вордӓсько выль малпанъёс, проектӓёс.

3) Вводная: *пе* (дескать):

Со сӓӓры султуса, аслӓсьтыд гурдӓ кылдытыны луэ вал, *пе*.

Кун кылӓёс сярсы законӓ пыртӓм воштонъёс юрттысалзы, *пе*, та юс дурсысь потыны.

4) Модально-волевые: *вае* (давай, давайте):

Вае оглюкетсӓ книгаосты кельтомы библиотекаосы, малы ке шуоно асьмеос быгатом фондмес узыргес карыны.

Вае уставе выль воштонъёс дасян бордын гинӓ ужаломы.

Подчеркнем тот факт, что удмуртские частицы добавляют смысловой оттенок к значениям отдельных слов, словосочетаний и предложений.

Необходимо еще раз отметить, что удмуртский язык является языком местного колорита, он по своему уникален и удивителен. В данном языке имеются как модальные глаголы, модальные слова, так и модальные частицы. Таким образом, удмуртский язык необычайно богат лексическими средствами выражения модальности.

На сегодняшний день политическая коммуникация представляет самую необходимую, важную и актуальную информацию, целью которой является просвещение всех слоев общества в отношении политической жизни. К тому же она характеризуется высокой степенью речевого воздействия и грамотным его построением. Следовательно, выявление механизмов политической коммуникации представляется значимым в современном обществе.

Приведенные примеры показали, что публичные политические выступления выявляют способность донести до слушателей определенные идеи, взгляды и предпочтения. Также среди широких масс населения формируется восприятие происходящих событий на территории Великобритании, Германии и Российской Федерации.

Было отмечено, что успешное воздействие на сознание людей оказывает красноречивая риторика политических деятелей, высокая степень компетентности, информированность в данной сфере и умение использовать в своих выступлениях средства выражения модальности. Политические

деятели подтверждают свои мысли, политические идеи и взгляды через внедрение средств выражения модальности в своих выступлениях, они обогащают структуру речевого акта, тем самым придавая речи более яркую окраску и делая ее более запоминающейся.

По рассмотренным примерам можно утверждать, что каждый язык по-своему уникален, удивителен и необычен. Язык является источником определенной информации, которая вызывает в человеке те или иные чувства.

Подводя итог, необходимо выделить, что именно немецкие, русские и удмуртские политические выступления содержат весь перечень средств выражения модальности на лексическом уровне.

Вероятно, эта ситуация связана с тем, что данные языки — наиболее живые, яркие и богатые. Они являются зеркалом отражения самобытности и культуры народов. Что касается английского языка, здесь широко представлены модальные глаголы и модальные слова, однако модальных частиц в данном языке не наблюдалось. Дело в том, что по своей структуре английский язык достаточно четкий и простой. Действительно, в нем имеются лексические средства выражения модальности, которые насыщают высказывание, делая его в том числе более эмоциональным для восприятия широкой аудиторией, но в политическом дискурсе они присутствуют не так часто, как в трех других языках.

Список литературы

1. Бейн, Е. И. Модальные слова в системно-функциональном аспекте / Е. И. Бейн // Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова. — 2012. — № 2. — С. 75—77.
2. Блерица, А. Т. Лексические средства выражения модальности возможности в английском, русском и албанском языках / А. Т. Блерица // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2011. — № 4. — С. 63—71.
3. Блох, М. Я. Средства эмоционального воздействия политических выступлений / М. Я. Блох, Н. А. Резникова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2006. — № 9. — С. 14—19.
4. Бородавкина, Е. А. Объективная модальность как инструмент манипулятивного воздействия в политическом дискурсе / Е. А. Бородавкина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2012. — № 1 (7). — С. 137—149.
5. Брутчикова, Е. И. Функционально-семантические особенности средств выражения модальности в современном немецком языке / Е. И. Брутчикова // MagisterDixit. — 2014. — № 3 (15).
6. Выступление премьер-министра Российской Федерации Дмитрия Анатольевича Медведева перед депутатами Госдумы [Электронный ресурс]. — URL: <http://goo.gl/BE71Pu> (дата обращения 21.08.2019).
7. Зененко, Н. В. Понятие категории модальности в структуре языка / Н. В. Зененко // Армия и общество. — 2009. — № 1. — С. 106—112.
8. Кибардина, Т. М. Средства выражения модальности в удмуртском языке : монография / Т. М. Кибардина. — Ижевск : Изд-во Удмуртского университета, 2012. — 194 с.
9. Нагорный, И. А. Информативно-знаковая функция модальных частиц / И. А. Нагорный // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. — 2013. — № 13 (156), вып. 18. — С. 66—71.
10. Ошанова, Е. С. Роль модальных частиц в формировании когнитивной базы и коммуникативно-прагматической перспективы высказывания : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. С. Ошанова. — М., 2017. — 222 с.
11. Речь бывшего премьер-министра Великобритании Дэвида Кемерона на референдуме ЕС [Электронный ресурс]. — URL: <http://goo.gl/pOiHU6> (дата обращения 19.08.2019).
12. Речь бывшего президента Удмуртской Республики Александра Васильевича Соловьева, посвященная модернизации экономики в республике [Электронный ресурс]. — URL: <http://goo.gl/fJsbLP> (дата обращения 22.08.2019).
13. Речь федерального канцлера Германии Ангелы Меркель на Европейском Парламенте [Электронный ресурс]. — URL: <http://goo.gl/hFYt88> (дата обращения 20.08.2019).
14. Русецкая, О. Н. Функционально-стилистические особенности публичной речи / О. Н. Русецкая, Н. В. Ямов // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2010. — № 48. — С. 144—147.

15. Тараканов, И. В. Грамматика современного удмуртского языка / И. В. Тараканов. — Ижевск : Удмуртия, 1962. — С. 365—370.

16. Хомутова, Т. Н. Модальность и наклонение в современном английском языке / Т. Н. Хомутова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. — 2008. — № 1 (101). — С. 19—23.

Сведения об авторе

Ошанова Екатерина Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики Ижевского государственного технического университета им. М. Т. Калашникова, Ижевск, Россия. oshanova_katja@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 1 (435). *Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 115—124.*

MEANS OF MODAL AND EMOTIVE EXPRESSION IN POLITICAL COMMUNICATION OF ENGLISH, GERMAN, RUSSIAN AND UDMURT

E.S. Oshanova

Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russia. oshanova_katja@mail.ru

The article is devoted to the scientific analysis of lexical means of modality expression in public speech of politicians. It is necessary to point out the relevance of this work which is determined by the necessity for a deeper and comprehensive study of emotional impact in the English, German, Russian and Udmurt languages in close connection with the culture of its native speakers to expand international contacts. In different languages, modality is expressed by a system of means characteristic of a language, its structure and internal features of its development. Consequently, the characteristics of culture are reflected in the language also. Political topics are basically very relevant and of great interest. Politicians confirm their thoughts, political ideas and views through the introduction of means of expressing modality in their speeches, they enrich the structure of the speech act, thereby giving a brighter and more memorable color to it.

Keywords: *modality means of expression, political communication, modal verbs, modal words, modal particles.*

References

1. Bein E.I. Modal'nyeslova v sistemno-funktsional'nom aspekte [Modal words in the system-functional aspect]. *Vestnik Taganrogskego instituta imeni A.P. Chekhova* [Bulletin of the Taganrog Institute named after A.P. Chekhov], 2012, no. 2, pp. 75-77. (In Russ.).

2. Blerina A.T. Leksicheskie sredstva vyrazheniya modal'nosti vozmozhnosti v angliiskom, russkom i albanskom yazykakh [Lexical means of expressing the modality of possibility in English, Russian and Albanian]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [Bulletin of the peoples' friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics], 2011, no. 4, pp. 63-71. (In Russ.).

3. Blokh M.Ya., Reznikova N.A. Sredstva ehmtsional'nogo vozdeistviya politicheskikh vystuplenii [Means of emotional impact of political speeches]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk state pedagogical University], 2006, no. 9, pp. 14-19. (In Russ.).

4. Borodavkina E.A. Ob'ektivnaya modal'nost' kak instrument manipulyativnogo vozdeistviya v politicheskoy diskurse [Objective modality as a tool of manipulative influence in political discourse]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad state University named after A.S. Pushkin], 2012, no. 1 (7), pp. 137-149. (In Russ.).

5. Brutchikova E.I. Funktsional'no-semanticheskie osobennosti sredstv vyrazheniya modal'nosti v sovremennom nemetskom yazyke [Functional and semantic features of modality means of expression in modern German]. *Magister Dixit*, 2014, no. 3 (15). (In Russ.).

6. *Vystuplenie prem'er-ministra Rossijskoj Federacii Dmitriya Anatol'evicha Medvedeva pered deputatami Gosdumy* [Speech by Prime Minister of the Russian Federation Dmitry Anatolyevich Medvedev in front of State Duma deputies]. Available at: <http://goo.gl/BE71Iy>, accessed 21.08.2019. (In Russ.).
7. Zenenko N.V. Ponyatie kategorii modal'nosti v structure yazyka [The concept of the category of modality in the structure of language]. *Armiya i obshchestvo* [Army and Society], 2009, no. 1, pp. 106-112. (In Russ.).
8. Kibardina T.M. *Sredstva vyrazheniya modal'nosti v udmurtskom yazyke* [Means of modality expression in Udmurt language]. Izhevsk, Izd-vo Udmurtskogo universiteta, 2012. 194 p. (In Russ.).
9. Nagornyl I.A. Informativno-znakovaya funktsiya modal'nykh chastits [Informative and symbolic function of modal particles]. *Nauchnye vedomosti BeLGu. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific sheets of Belgorod state University. Series: Humanities], 2013, no. 13 (156), vyp. 18, pp. 66-71. (In Russ.).
10. Oshanova E.S. *Rol' modal'nykh chastic v formirovanii kognitivnoj bazy i kommunikativno-pragmaticheskoy perspektivy vyskazyvaniya* [The role of modal particles in the formation of cognitive base and communicative-pragmatic perspective of the statement]. Moscow, 2017. 222 p. (In Russ.).
11. *Rech' byvshego prem'er-ministra Velikobritanii Dehvida Kemerona na referendume ES* [Speech by former British Prime Minister David Cameron in the EU referendum]. Available at: <http://goo.gl/pOiHU6>, accessed 19.08.2019. (In Russ.).
12. *Rech' byvshego prezidenta Udmurtskoj Respubliki Aleksandra Vasil'evicha Solov'eva, posvyashchennaya modernizatsii ehkonomiki v respublike* [Speech by former President of the Udmurt Republic Alexander Solovyov, devoted to the modernization of the economy in the Republic]. Available at: <http://goo.gl/fJsbLP>, accessed 22.08.2019. (In Russ.).
13. *Rech' federal'nogo kantslera Germanii Angely Merkel' na Evropeiskom Parlamente* [Speech by German Federal Chancellor Angela Merkel at the European Parliament]. Available at: <http://goo.gl/hFYt88>, accessed 20.08.2019. (In Russ.).
14. Rusetskaya O.N., Yamov N.V. Funktsional'no-stilisticheskie osobennosti publichnoi rechi [Functional and stylistic features of public speech]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Amur state University. Series: Humanities], 2010, no. 48, pp. 144-147. (In Russ.).
15. Tarakanov I.V. *Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka* [Grammar of modern Udmurt language]. Izhevsk, Udmurtiya, 1962. Pp. 365-370. (In Russ.).
16. Khomutova T.N. Modal'nost' inaklonenie v sovremennom angliiskom yazyke [Modality and mood in modern English]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of South Ural State University. Series: Linguistics], 2008, no. 1 (101), pp. 19-23. (In Russ.).

СВОЕОБРАЗИЕ ПОНИМАНИЯ КАТЕГОРИИ ТЕКСТА КАК ФЕНОМЕНА КУЛЬТУРЫ В ФИЛОСОФСКИХ УЧЕНИЯХ XX В.

Т. А. Полякова, Е. А. Довгань

Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России, Волгодонск, Россия

Работа посвящена исследованию одной из ключевых для современной философии проблем — проблеме анализа текста в различных культурфилософских системах. Раскрыта специфика методологического подхода к социогуманитарному знанию, отличающегося от естественнонаучной и математической методологии. Исследование может представлять интерес для специалистов в области философии и филологии.

Ключевые слова: *текст, культура, философская мысль, язык, диалектика, трансформация, языковая игра, теория культуры.*

Проблемы смысла текста, его понимания в интеллектуальном мире, а также интерпретации его роли в социокультурном пространстве в концептуальных рамках культурфилософии в XX в. и в условиях современности, безусловно, следует отнести к числу наиболее актуальных. Это усиливается еще и тем, что экспликации проблемы текста, предпринимаемые сегодня наиболее авторитетными философами и учеными, принадлежащими к разным дискурсивным группам, часто являются достаточно неоднозначными и концептуально трудно соотносящимися друг с другом. Более того, трактовка языка как воплощения смысложизненной интенциональности человеческой экзистенции приводит к инспирации современной парадигмы философии языка в контексте культуры постмодерна, задающей предельно широкое видение текстовой реальности [12. С. 55]. Данная работа посвящена исследованию одной из ключевых для современной истории философии проблем — анализу текста в различных культурфилософских системах. Актуальность избранной темы не вызывает сомнений, поскольку в середине XX в. произошел «лингвистический поворот», ознаменовавший переход от традиционных проблем классической философии к неклассическим, среди которых центральное место было отведено языковым структурам сознания. Исследуются особенности понимания текста в контексте диалогического подхода к культуре М. М. Бахтина, «несистемное в философских текстах» Ж. Деррида [1. С. 9], рассматриваются «текстовые эпохи» И. Т. Касавиным.

Поэтому в качестве предмета исследования выбраны современные «текстоцентричные» концепции осмысления культуры, в частности постмо-

дернистской исследовательской направленности, так как именно в этой парадигме любая реальность осмысливается как «текстуализированная» [3. С. 463].

Ключевым вопросом становится анализ и описание тех когнитивных и когнитивно-лингвистических форм культуры, в которых воплощаются мировоззренческие смыслы, и в этом контексте особое значение приобретает культурфилософское осмысление понятия «текст», которое давно вышло за пределы чисто лингвистического понятия, с одной стороны, а с другой — стало настолько размытым, что требует специального анализа различных подходов к его определению.

Изучение проблемы текста в культурфилософии XX в. предполагает новые методы и техники исследования, интегративных и межуровневых когнитивных конструктов. Специфика исследования определила необходимость широкого междисциплинарного подхода. На всех этапах применяются компаративистский, аналитический подходы, системный метод, используется концептуальный и структурно-семиотический анализ.

В этой связи интерес представляет работа И. Т. Касавина [5], в которой автор анализирует последствия «лингвистического поворота» для философии языка и эпистемологии, исследует формы представления знания в языке в текстовом виде, рассматривает различные типы текстов в контексте идеи «языковой игры» Л. Витгенштейна, подчеркивая, что «языковые игры» предков человека позволили им обрести человеческий образ. К таким текстам И. Т. Касавин относит, например, особый «скотоводческий язык» африканского племени нуэров, который является продуктом их

хозяйственной деятельности, причем язык нуэров представляет собой «не просто языковые средства», они порождают ритуалы и наполняют язык «поэтическим началом» [6. С. 45]. «Предельная форма» образования языковых структур в первобытном обществе встречается в таком специфическом магическом акте, как наложение табу, которое одновременно сакрализирует языковые элементы и десакрализирует в целом язык, побуждая творчество лексики и иносказание, то есть становясь важнейшим источником языкового развития. Таким образом, в языковых играх вырабатывается своеобразная онтология, которая накладывается на социальную, психологическую и природную реальность, данную человеку, то есть явления, функционирующие определенным образом в мире человека, превращаются в языковые денотаты. И все же язык не столько копирует реальность, сколько дополняет ее, оплетая мир «паутиной интерпретации», создавая «систему символов». При этом важнейшей предпосылкой чтения является создание достаточно длинных текстов, требующих сложной грамматической и стилистической организации, которая начинает складываться еще в эпоху первобытного человека с его магическими заклинаниями, а миф как средство воспроизводства реальности и человека в ней и магия в качестве способа их созидания становятся «первоначальными источниками письменности, литературы и любой знаковой деятельности человека» [5. С. 128—132].

И. Т. Касавин вводит понятие «текстовой эпохи», которое определяет «исторически-специфический тип языковой культуры», то есть исторический тип письма и чтения. К основным текстовым эпохам автор [Там же. С. 135] относит:

1. Античность

Греки обнаруживают новое, практически неизвестное Востоку, отношение к тексту и знаанию — диалог, особый характер которого отличается от современного понимания диалога тем, что при формальном равенстве собеседников один из них значительно умнее (образ Сократа типичен). Несмотря на характерную для греков доклассического периода ориентацию на приоритет обучения и авторитет учителя, греческий диалог представляет собой обмен мнениями — происходит не только обмен готовыми вопросами и ответами между собеседниками, но они пытаются сформулировать различную постановку вопросов и найти верные ответы. Таким образом, формируется диалогичность познания, которая выражается

в непосредственном живом общении, что определяет приоритетность устной речи, причем диалог становится способом перенесения деятельности в область языка «из внеязыковой сферы практического обряда», когда ответ на вопросы находится не у природы, наполненной богами, а обнаруживается «в глубине души» собеседника [Там же. С. 139]. Следовательно, в эпоху античности, когда, с одной стороны, отсутствовала возможность массового обучения и книгопечатания, а с другой — были широко распространены коллективные мероприятия в форме «мифологически-праздничных мистерий либо политически-судебных дискуссий», доминировали устные тексты. Философские произведения в форме диалога становились образцами интеллектуального общения, а неофициальное повседневное общение структурировалось посредством «светских лирических» повествований, «научно-познавательных или приключенческих историй (по образцу Овидия или Апулея)». Причем некоторые тексты представляли в виде рассказа в рассказе, когда в качестве вступления к тексту выступали указания на то, каким образом, где и когда они рассказываются. Поэтому рассказы, пересказы, чтение вслух записанного пересказа — это, по сути, мало отличающиеся друг от друга ступени и формы «одной и той же языковой эпохи» [Там же. С. 138—140]. По замечанию Х.-Г. Гадамера, в диалоге «Федр» Платон, излагая направленную против письменности египетскую легенду, фактически стремится избежать выхолащивания подлинной сущности языка, так как в платоновской позиции прослеживается процесс обращения «поэтического и философского предания в литературу», происходивший в Афинах. Софистическая трактовка текстов, особенно поэтических в целях обучения, у Платона «вызывает отклоняюще-негативную реакцию», он пытается своей диалогической формой поэзии «преодолеть слабость “логосов”, особенно письменных». Форма литературного диалога «вновь погружает понятие и язык в изначальное движение живой беседы», тем самым слово ограждается от любых «догматических злоупотреблений» [3. С. 33]. При этом непригодность письменного языка, с точки зрения античных философов, для выражения сокровенного знания оставалась аксиомой еще долго, поэтому работы софистов были во многом посвящены неизреченности тайны.

Классическая античность рассматривает диалог как форму уже диалектического или вероятностного познания, в структуре философско-научных

текстов все отчетливее проявляется переход к монологу. Так, тексты Аристотеля имеют уже форму трактатов, которые не рассматриваются еще как текст, содержащий систему авторских взглядов, а имеют форму записанных лекций, то есть являются все еще устным дискурсом, направленным к слушателям и состоящим во многом в анализе различных мнений. Одновременно с этим появились нормативные тексты письменного права, ставшего формой внешнего регулирования социальной жизни «и в Египте (законодательство Бокхориса), и в Греции (законы Солона)». И эти нормативные тексты упорядочивали принятие судебных решений, что потребовало специального изучения источников права и постоянного обращения к ним в судопроизводственном процессе. Знание этих текстов, а также текстов Цезаря, Лукреция Кара или Плутарха, позволяло отличить «от раба или ребенка социально зрелого гражданина», но в то же время вплоть до эпохи Возрождения тексты были рукописными, а следовательно, ограниченными в возможности их чтения [5. С. 140—141].

Новый Завет принес в эпоху поздней римской античности новый способ взаимодействия с текстом — «письменный пересказ». Достаточно большое количество информации, появившейся в эту эпоху, а также широкое использование рабского труда в переписывании текстов позволили создать компендиумы объемные энциклопедические труды, в которых собиралось предшествующее знание. Греческие и римские, китайские и индийские авторы создавали такого рода работы, которые представляли собой дополняемые и видоизменяемые вариации некоторых канонических устных и письменных текстов. Таким образом, уже в эту эпоху рождается система ссылок на предшественников.

Социальный пессимизм, сопутствовавший разрушению Римской империи, породил «представления о круговороте истории и бессмысленности новаций», что привело к созданию «паранаучных пересказов-плагиатов», обесмысливших авторство и «поэтическую лирику», которая была поглощена «субъективно-рефлексивным анализом, мифологически нагруженных повествований», то есть привело к «зацикливанию текста на самом себе». При этом пресыщенность римлян литературой усилила «формальную изысканность текста», разрушая одновременно зарождавшееся отношение к нему как к особой и самостоятельной реальности. В дальнейшем, уже в церковной традиции, колебания между отказом от письменного текста и рассмотрением письма как зашифрован-

ной тайны привели к библейской и юридической герменевтике, которая обязана своим появлением римскому судопроизводству с его традицией «устной интерпретации текста закона» [Там же. С. 142].

2. Средневековье

Разгром эллинской культуры, запрет заниматься наукой (в частности, математикой), которая воспринималась как часть языческой культуры, перенос в арабский мир образованности привели к тому, что вплоть до IX в. в Европе господствовала неграмотность и «подозрительное отношение к книге», которая считалась тайным и даже колдовским знанием, а остатки культуры сосредоточились в монастырях. Единственным текстом, благонадежность которого не вызывала сомнений, была Библия. При этом образцом методологического отношения к тексту в раннем Средневековье служили работы Северина Боэция, который сделал перевод классиков (в первую очередь Аристотеля), снабдив его комментариями и предложив свою интерпретацию текстов. Это было так называемое «чтение про себя», которое, согласно Райлу, появилось лишь в Средние века — тогда, когда самооценочность текста переплелась с его эзотеричностью (например, «Исповедь» Августина) [14. Р. 27]. Причем идея «священной книги», пришедшая с Востока, повысила ценность чтения, парадоксально сочетая ее «с малой ценностью письма» [5. С. 142].

Средневековое сознание, ориентируясь на традицию, поскольку «Святым Духом (древними авторитетами) уже все написано», даже записанные правовые тексты рассматривало лишь как формальную фиксацию обычая, ничего не привносящую по существу. Поэтому интерпретация текста не могла создавать самостоятельных текстов, а служила только для понимания «исходного текста», который сохранял «единство слова и смысла, речи и действия, знания и бытия, буквы и духа» [Там же. С. 13]. Задачей схоластического диспута было создание такого дискурса, в котором знания превосходят предвзятость мнений, однако абсолютность знания постулировалась как Божественная, и поэтому человек может только двигаться по пути к знанию: средневековая диалектика приводила не только аргументы *pro* и *contra* и предлагала свое решение, но она «разбирала все аргументы вообще», находя им «надлежащее место» [3. С. 429]. При этом грань между риторикой и диалектикой, главными предметами обучения в средневековом университете, была настолько зыбка, что риторика как бы компенсировала недостаток содержательной новизны

«роскошью декоративного стиля», «великолепное одеяние» которого, казалось, может придать «новизну старым идеям» [11. С. 507].

По сути, средневековый текст прежде всего является строжайшим предписанием к действию от всезнающего учителя, а оборотной стороной подобного отношения к тексту выступает средневековая магия — сила, источником которой является все тот же текст. И библейский, и магический тексты квазисимволичны, в них знаки (слова и буквы) равносильны действиям и предметам: «Слово стало плотью, в нее не обратившись», а чтец предстает и ремесленным мастером, и Творцом мира одновременно. «Мир как школа», а текст как урок, подлежащий усвоению, в такой системе координат рассматривается как «творчество Бога», а текст как «способ деятельности личности», способ постижения истины: «Обнаружение смысла текста и есть раскрытие тайны бытия, а стало быть, и Божественной воли» [7. С. 26]. Противопоставление схоластики и магии выражает два различных отношения к тексту в эпоху Средневековья: в первом случае это «ортодоксальная ученость», которая в благоговении перед текстом «растворила творчество», и во втором случае — «ересь, возвысившая чтение до творчества», причем и в одном, и в другом случае границы текста очерчивают границы мира, поэтому самоценность чтения отсутствует — оно подчинено или «схеме откровения», или «схеме творения»; и то и другое в итоге приходит к своему завершению в «схеме спасения» [5. С. 145].

Идея книги и самоценности чтения, которое перестает быть средством достижения некоторой посторонней цели, родилась в эпоху позднего Средневековья и наиболее ярко выразилась у каббалистов, полагавших, что из букв Священного Писания исходит Божественная сила, а Сотворение мира произошло с помощью основных элементов еврейского алфавита [Там же. С. 146], поэтому комментирование и изучение Торы является самодостаточной и всеобъемлющей деятельностью. Каббала, в которой утверждался «приоритет истолкования перед авторитетом церкви», стала предреформаторским феноменом для европейцев, продемонстрировавшим право на свое собственное мнение. Потребовался еще достаточно длительный промежуток времени для того, чтобы европейцы попытались отважиться на «открытое индивидуальное авторство и национальный язык», изменившие отношение к письменному тексту, перед которым стала задача доставлять удовольствие,

дать возможность самовыражения и созидания нового содержания [Там же. С. 147].

3. Возрождение

В эпоху Средневековья схоластика сформировала образ читателя и толкователя текста, Ренессанс, как предшествовавшее научной революции литературное явление, сформировал образы исследователей и ученых, то есть независимых создателей оригинальных текстов. Новые ученые подобно деятелям Реформации, которые в своем стремлении возвратиться к Библии «самой по себе» отступили от канонов церковного ее толкования, отказались от карьеры в университете, связанной с переложением устаревших догм. Именно в эпоху Ренессанса появилось метафорическое отношение к природе как ко «второй книге», созданной Творцом, то есть природа пришла на замену церкви. При этом проявилась двойственность образа ученого эпохи Возрождения: с одной стороны, это человек, получающий знания эмпирически в ходе своей практической деятельности (например, врач, кузнец, часовщик, моряк), который сам почти ничего не записывает, передавая свои опыт и знания «из рук в руки», — он создает новые лекарства и механизмы, открывает новые страны, далек от схоластики, но некритически воспринимает любую, даже самую ортодоксальную (например, Колумб); с другой стороны, это филолог-классик, теолог, юрист, создающий и распространяющий тексты, воспитанный схоластической традицией и весьма критически относящийся к университетскому образованию, стремящийся систематизировать, уточнить, переосмыслить существующие тексты, найти новые, истолковывая их в контексте всех доступных, известных ему современных знаний (например, Галилей).

Возрождение, повторив в урезанном виде текстовую античную эпоху, приобрело умеренность в обращении к идеям античности как к ценным ресурсам культуры: из Аристотеля и Платона эмпиризм и рационализм черпали свои идеи, на основе развития и уточнения терминологии античности формировался современный философский язык, возможность чего прослеживается в самой природе классической мысли древности: например, аристотелевская теория знания и его типология (эпистеме, техне, докса, эмпирейя, пистис) включает в себя широкую проблематику — от проблем разума и веры, знания и мнения до разграничения метафизики и науки, проблемы взаимодействия деятельности, знания и коммуникации [Там же.

С. 148—149]. Эти возможности появились благодаря тому, что тексты Стагирита читались и интерпретировались в течение достаточно длительного времени, переводились на латынь, арабский, современные языки, а также благодаря присутствию в изобилии псевдо-Аристотелевских текстов и текстов его учеников. Таким образом, Возрождение продолжило и развило традицию углубленного прочтения текста с помощью интерпретации и комментария, при этом текст постепенно становился способом понимания другого, исходного текста, переставая быть символом другой, внетекстовой реальности. Смысл произошедшей трансформации в том, что самоценность письма и чтения превратилась в критику текста: «комментарий — путь от внутреннего Текста-истины к внешнему тексту-воспоминанию (в платоновском смысле)» [Там же. С. 149]. Слова перестали отождествляться с вещами, обозначая представления, комментарии постепенно превратились в дискурс, а почитание текста — в «критическое чтение».

Переход от текстовой культуры Средневековья к эпохе «нового духа» [11. С. 73] ознаменовался «разрифмованным пересказом», переработкой рыцарских поэтических романов в прозу: произошел «отказ от стихотворной формы как главного стилизованного выражения средневекового духа» [Там же. С. 506]. В связи с тем что обыденная речь и национальный язык стали использоваться в борьбе против «книжной схоластической традиции», произошел частичный возврат к «чтению вслух» — способу передачи сообщения, характеризующему стихотворную форму: это была не «выразительная, эмоциональная декламация», индивидуальная по своему характеру, а «равномерное чтение нараспев», характерное для более примитивных эпох развития литературы, когда «стихи почти поются в неизменной, традиционной манере» [Там же]. Изобретение в XVI в. книгопечатания остановило процесс «обмирщения» литературного языка, вызвав небывалый рост образованности и стимулировав развитие языка: «Отныне первоприрода языка — письменность» [10. С. 86], поскольку зарождающаяся литература могла больше не ориентироваться ни на устные тексты, ни на зрительное представление и не подчиняться им. Письменность стала играть основополагающую роль и в переводах Библии на различные национальные языки, и в ее книжном печатном издании, ставшем массовым. Одновременно началось вытеснение рыцарских романов классицизмом, который сосуществовал «со своеобразным модернизмом в стиле Рабле,

сатирически объединяющем фольклор, утопию, интеллектуальную прозу» [5. С. 150].

4. Новое время

С появлением науки соответствующая текстовая эпоха формируется не сразу, поскольку научный язык вначале повторяет язык аристотелизма, так же как это было осуществлено схоластикой, которая заложила каноны последовательности и строгости различных документов (теологических, правовых, финансовых, медицинских и т. п.). В то же время научный язык копирует подход к книге как к некоторому священному объекту, что позволяет наделять науку «божественным смыслом», а индивидуалистические рассуждения ученого от собственного лица рассматривать в качестве копии праисторической персонификации творца. Специфика нововременной эпохи проявляется прежде всего в переоценке значения текста в целом: слово перестает быть актом подлинного творения, а текст — самодовлеющим и самодостаточным, как сама исходная реальность, другими словами, они становятся «отражением реальности и действий», связанных с этой реальностью, то есть становятся «вспомогательными орудиями» [Там же. С. 151].

В области науки происходит процесс «обмирщения» языка, аналогично процессу «обмирщения» языка литературы эпохи Возрождения. Нововременная наука постепенно избавляется от эпистолярного жанра и метафизических рассуждений (спутников ренессансной образованности), в силу чего для данной эпохи идеалом текста становится «естественная история», представляющая собой перечень некоторых эмпирических фактов, классификация которых достаточно произвольна и отличается от средневековых компендиумов четким указанием на время и место наблюдения за явлениями, то есть тексты обретают пространственно-временную определенность. Параллельно с этими процессами идет «обмирщение» слова и числа, избавляющегося от «пифагорейских и каббалистических коннотаций», но сохраняющего сакральный способ обращения с ним, что усиливает пристрастие к «квазиматематическому стилю рассуждения». По замечанию А. Уайтхеда, «математика, удалившись на высочайшие вершины умозрительных абстракций, в то же время возвращается на землю с возросшими возможностями анализа конкретных фактов. История науки XVII в. читается как ожившая мечта Платона или Пифагора» [8. С. 89]. Тексты создаются по принципу «Начал» Евклида аксиоматически: терминам

даются определения, теоремы выводятся из постулатов, однако и от работы Евклида, и от аристотелевских и схоластических выводов научный текст отличается многочисленными ссылками на проводимые эксперименты. Таким образом формируются основания разных научных типов текстов — «описательно-натуралистических и дедуктивно-аксиоматических» [5. С. 151—152].

5. Новейшая эпоха

М. Фуко данную эпоху охарактеризовал как «возврат языка», что и стало основой «лингвистического поворота», когда утративший связь с представлением и тождественность вещи язык начинает осмысливаться в качестве независимой реальности, а не средства или знака чего-то внеположенного ему, что последовательно воплотилось в философии М. Хайдеггера и Л. Витгенштейна. Язык становится средством научного познания, требующего от него точности, нейтральности и прозрачности, однако язык в качестве самостоятельной реальности сам становится объектом изучения, обнаруживая в себе разнообразное историко-культурное знание — нравы, традиции, мировоззрение и т. д. Именно тогда, когда язык замыкается на себе самом, возникает Литература в качестве особой сферы деятельности, одновременно появляется новая наука, изучающая язык, — филологическая герменевтика, а затем и философская. Если в эпохи Средневековья и Возрождения в тексте «вычитывали» тайну слова Божьего, то текст современной эпохи «приписывает» весь культурный контекст, сферу бессознательного и сознания языку как «априорному условию мышления, восприятия, переживания». В этом случае язык осмысливается как онтологическая характеристика культуры, а текст рассказывает об этой онтологии, «снимая» как бы случайные наслоения с нее — историко-культурные и индивидуально психологические [Там же. С. 154].

Таким образом, первая эпоха — это период образования языковых систем в рамках «мифо-магической культуры раннеродового строя» [Там же. С. 155], в котором знаковая коммуникация выступает в качестве «нерасторжимого единства» естественного вербального языка, поведения и космологических представлений. В эту эпоху слово и знак из-за недостаточной развитости абстрактного мышления являются еще частью предмета, который сам рассматривается как часть знаковой системы, потому что зависит от общих космологических представлений, поэтому чтение и письмо

сводятся к «квазионтологическим» процедурам «вычитывания» смыслов из предметов или «приписывания» им знаковой формы [Там же. С. 155]. Текстом, типичным для этой эпохи, является рассказ о подвигах богов и героев или магическая формула.

Выделение «текстовых эпох» соответствует взглядам Р. Барта, отмечавшего, что в течение многих веков, вплоть до эпохи Возрождения, литературные тексты в западной культуре осмысливались с помощью фундаментальной теории языка, которая называлась риторикой, но начиная с XVI в., с зарождения новоевропейского рационализма, а затем позитивизма, она стала исчезать. Как пишет Р. Барт, «между литературой и языком не осталось никакой общей зоны: литература перестала ощущать себя языковой деятельностью... а лингвистика признавала за собой по отношению к литературе лишь очень узкие права, ограниченные рамками второстепенной... дисциплины — стилистики» [2. С. 463]. «Лингвистический поворот» в философии начала XX в. привел к изменению этой ситуации и необходимости переосмысления взаимодействия языка и текста (литературы в терминологии Р. Барта), которые, по замечанию Р. Барта, «переживают воссоединение». Современная текстовая эпоха характеризуется всеобъемлющей системой образования и небывалым распространением текстовой знаково-символической культуры, пронизывающей и наполняющей жизнь человека, при этом одновременно происходит кризис, означенный Ж. Деррида как «конец книги и начало письма» [4. С. 32]. Все это требует переосмысления отношения к тексту, который приобретает, с одной стороны, черты универсальной категории культуры (М. М. Бахтин), а с другой — легко может быть заменен «видеорядом, жестом, а то и просто молчанием, порой прерываемым бессмысленным смехом» [5. С. 158]. Еще одной важнейшей характеристикой современной текстовой эпохи является формирование норм литературных национальных языков, вбирающих в себя исторически сформировавшиеся способы взаимодействия с текстом, а также тексты предшествующих эпох, ставшие культурными ресурсами литературы. По сути, «движение классических текстов сквозь текстовые эпохи является... культурной миграцией», в ходе которой формируются не только национальные языки, но и национальные текстовые культуры [Там же. С. 165].

В рамках культурфилософской традиции XX в. в российском интеллектуальном поле особый ин-

интерес представляет то направление философской мысли, которое стремится обосновать специфику методологического подхода к социогуманитарному знанию, отличающегося от естественнонаучной и математической методологии. К представителям этого направления следует отнести в первую очередь М. М. Бахтина и Ю. М. Лотмана. Проблема применения идеалов математической объективности и научности к гуманитарному знанию была сформулирована еще в середине XIX в., когда «возникли самостоятельные науки о языке, искусстве, религии» [6. С. 22]. В осмыслении этой проблемы российская гуманитарная мысль оказалась наиболее восприимчивой к той ветви философии, которая идет «от Ф. Шлейермахера через В. Дильтея и Ф. Ницше к неокантианцам Баденской школы, О. Шпенглеру, позднему Э. Кассиреру, Э. Гуссерлю, Л. Витгенштейну» и в которой обосновывалась

«особая эпистемологическая позиция гуманитарных наук» [5. С. 78]. Центральными для данного направления исследований стали не только категории культуры, истории, языка, сознания, но и понятия символа, функции, коммуникации, игры, а также текста, в разработку которых российская гуманитарная мысль внесла немалый вклад [13. С. 165].

Таким образом, на современном уровне развития культуры философских исследований особого внимания заслуживают онтологические изменения в понимании диалогической природы текста, приводящего к переосмыслению основных свойств текста в культуре постмодерна. Поэтому понятие «текст» приобретает в современной культуре черты универсальной категории, а также весьма основательно аргументирует интерпретацию проблемы текста в рамках структурно-семиотического подхода.

Список литературы

1. Автономова, Н. С. Деррида и грамматология / Н. С. Автономова // Жак Деррида. О грамматологии. — М. : Ad Marginem, 2000. — С. 7—110.
2. Барт, Р. Писать — непереходный глагол? / Р. Барт // Система моды. Статьи по семиотике культуры. — М., 2003. — С. 463—473.
3. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. — М. : Прогресс, 1988. — 704 с.
4. Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида. — М. : Ad Marginem, 2000. — 511 с.
5. Касавин, И. Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка / И. Т. Касавин. — М. : Канон, 2008. — 437 с.
6. Кассирер, Э. Избранное. Опыт о человеке / Э. Кассирер. — М. : Гардарики, 1998. — 784 с.
7. Рабинович, В. Л. Исповедь книгочея, который учил букве, а укреплял дух / В. Л. Рабинович. — М. : Книга, 1991. — С. 496.
8. Уайтхед, А. Н. Избранные работы по философии / А. Н. Уайтхед. — М. : Прогресс, 1990. — 720 с.
9. Уваров, А. В. Образ, символ, знак: Анализ современного гносеологического символизма / А. В. Уваров. — Минск : Наука и техника, 1967. — 120 с.
10. Фуко, М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / М. Фуко. — М., 1977. — 488 с.
11. Хейзинга, Й. Осень Средневековья / Й. Хейзинга. — СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. — 786 с.
12. Эванс-Причард, Э. Э. Нуэры / Э. Э. Эванс-Причард. — М. : Наука, 1985. — 237 с.
13. Полякова, Т. А. Проблема текста в философии культуры XX века : дис. ... канд. филос. наук / Т. А. Полякова. — Ростов н/Д, 2014. — 179 с.
14. Textual strategies: Perspectives in post-structuralist criticism / ed. with an introd. by J. V. Harari. — London : Methuen, 1980. — 46 p.

Сведения об авторах

Полякова Татьяна Александровна — кандидат философских наук, преподаватель кафедры специальных дисциплин Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России, Волгодонск, Россия. polykovatat@yandex.ru

Довгань Евгений Александрович — заместитель начальника кафедры специальных дисциплин, полковник полиции Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России, Волгодонск, Россия. polykovatat@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 1 (435). Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 125—132.

UNDERSTANDING TEXT AS THE CULTURE PHENOMENON IN THE PHILOSOPHICAL TEACHINGS OF THE TWENTIETH CENTURY

T.A. Polyakova

Volgodonsk branch, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgodonsk, Russia. polykovatat@yandex.ru

E.A. Dovgan

Volgodonsk branch, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgodonsk, Russia. polykovatat@yandex.ru

The article analyzes the historical features of the text in the philosophy of the XX century as an element of the structure of society. The peculiarity of this approach is the elucidation of the essence of dialogic thinking in culture through the study of the text as the “primary reality” of any humanitarian science. The purpose of the article is to develop a paradigm and its philosophical interpretation in the context of changing modern culture. The leading method underlying our solution of the problem is the method of the analysis of interdisciplinary, activity-based and axiological approaches. The problems of the text are considered in the following aspects: the text as a tool of self-identification and as a source of accumulative insights of society. The results of the study can be used in theoretical studies devoted to the analysis of the content and essence of the text and are also used in the formation of training courses in the relevant disciplines: cultural studies, linguoculturology, semiotics of culture, as well as in the creation of textbooks.

Keywords: *text, culture, philosophical thought, language, dialectics, transformation, language game, theory of culture.*

References

1. Avtonomova N. Derrida i grammatologiya [Derrida and grammatology]. *J. Derrida. O grammatologii* [On grammatology]. Moscow, Ad Marginem, 2000. Pp. 7-110. (In Russ.).
2. Barthes R. *Pisat' — neperehodnyy glagol?* [Writing is an intransitive verb?]. Moscow, 2003. Pp. 463-473. (In Russ.).
3. Gadamer H.-G. *Istina i metod: osnovy filosofskoy germeneytiki* [Truth and method: Fundamentals of philosophical hermeneutic]. Moscow, Progress, 1988. 704 p. (In Russ.).
4. Derrida J. *O grammatologii* [On grammatology]. Moscow, Ad Marginem, 2000. 511 p. (In Russ.).
5. Kasavin I.T. *Tekst. Diskurs. Vvedeniye v sotsialnyy epistemologiyu yazyka* [Text. Discourse. Context. Introduction to the social epistemology of language]. Moscow, Kanon, 2008. 437 p. (In Russ.).
6. Cassirer E. *Izbrannoe. Opyt o cheloveke* [Selected works. The experience of the person]. Moscow, Gardarika, 1998. 784 p. (In Russ.).
7. Rabinovich V.L. *Ispoved' knigocheia, kotoryy uchil bukve, a ukreplial dukh* [Confession of the bookseller, who taught the letter, and strengthened the spirit]. Moscow, Kniga, 1991. 496 p. (In Russ.).
8. Whitehead A.N. *Izbrannye raboty po filosofii* [Selected works on philosophy]. Moscow, Progress, 1990. 720 p. (In Russ.).
9. Uvarov A.V. *Obraz, simbol, znak: Analiz sovremennogo gnoseologicheskogo simbolizma* [Image, symbol, sign: Analysis of modern epistemological symbolism]. Minsk, Science and technology, 1967. 120 p. (In Russ.).
10. Foucault M. *Slova i veshchi: Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and things: Archaeology of the Humanities]. Moscow, 1977. 488 p. (In Russ.).
11. Huizinga Th. *Osen' Srednevekov'ia* [Autumn Middle Ages]. St. Petersburg, Ivan Limbach publ. house, 2011. 786 p. (In Russ.).
12. Evans-Pritchard E.E. *Naira* [The Nuer]. Moscow, Science, 1985. 237 p. (In Russ.).
13. Polyakova T.A. *Problema teksta v filosofii kul'tury XX veka* [The problem of text in the philosophy of culture of the XX century. Thesis]. Rostov, 2014. 179 p. (In Russ.).
14. Harari J.V. (ed.). *Textual strategies: Perspectives in post-structuralist criticism*. London, Methuen, 1980. 46 p.

РЕГИОЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ КАК СЛОВАРЬ НОВОГО ТИПА

Р. В. Попов

Северный (Арктический) федеральный университет, Северодвинск, Россия

Рассматривается региолектный словарь как особый тип дескриптивного дифференциального словаря, включающего в себя специфически местные слова и значения — локализмы и регионализмы, как правило, не регистрируемые в нормативной лексикографии. Словарная статья такого издания, помимо принятого в толковых словарях многоаспектного описания языковых единиц, предполагает включение энциклопедической и культурологической информации.

Ключевые слова: *региолект, региолектный словарь, локализм, регионализм.*

Наиболее полный список отечественных словарей, составленный В. А. Козыревым и В. Д. Черняк, насчитывает более 3200 наименований [13. С. 4], и на первый взгляд может показаться, что носители русской лингвокультуры обеспечены лексикографической продукцией в полной мере. Однако, как известно, со временем меняются условия и типы коммуникации, в самой лингвистике постоянно происходит уточнение знаний о языке. Эти процессы, в частности, приводят к выделению новых функциональных вариантов языка, обладающих спецификой прежде всего на лексическом уровне. Это лексическое своеобразие требует своего словарного представления, ведь, как отмечал Д. Н. Шмелев, «всякое серьезное исследование лексики... возможно только на основе того, что достигнуто в лексикографии, поскольку без данных толковых словарей у нас нет необходимых сведений о лексике языка» [28. С. 31].

Начиная с 1990-х гг. ученые все настойчивее говорят о новых разновидностях территориальных вариантов русского национального языка — региолектах, выделение которых, однако, до сих пор вызывает споры. Так, еще в 1980-х гг. И. С. Попов [20] отмечает, что «современные говоры в традиционном понимании разрушены» [Цит. по: 24. С. 403]. А в 1991 г. В. И. Трубинский [25] и вслед за ним А. С. Герд [7] уточняют: диалекты не умирают, а перерождаются, трансформируются в региолекты. О модификации диалектов, переходе их в региолекты сегодня пишут В. А. Маслова [17], А. П. Майоров [16], Т. Ф. Новикова [18], В. И. Теркулов [24], Н. В. Хорошева [27] и другие исследователи.

Относительно региолектов важно понять два ключевых момента: во-первых, в отличие от тра-

диционных сельских говоров, региолекты служат для повседневного общения не только жителей сельской местности старшего поколения, но и населения всего региона, в том числе городской интеллигенции и молодежи. Во-вторых, основные элементы региолекта — лексические регионализмы относятся к разным слоям речи: среди них преобладают разговорно-литературные и сниженные, например жаргонные, единицы, но часто встречаются и нейтральные слова. В этом кроется одна из главных проблем выявления регионализмов в сравнении с теми же диалектизмами: регионализмы как будто растворены среди единиц различных лексико-стилистических категорий. Идентификации региональной лексики и ее ареализации препятствует еще и то, что словарное представление региолектов только зарождается. Не выделены в отдельную категорию регионализмы и в существующих общих толковых словарях, которые составлялись в основном в советское время, когда вопросы регионализации литературного языка по разным причинам, прежде всего идеологическим, активно не обсуждались.

В. И. Беликов первым обратил внимание на отсутствие в наших академических словарях территориально-маркирующих помет при описании явных регионализмов. По наблюдениям ученого, в МАС [10], подготовленный в Ленинграде (и, следовательно, имевший уклон в сторону ленинградского узуса), без регионально-ограничительных помет включены слова, совершенно неизвестные москвичам, например: *латка* — посуда, род продолговатой миски, употребляемой для жаренья; *поребрик* — выступ, окаймляющий край тротуара, дороги; *жакт* — жилищно-арендное кооперативное товарищество; и др. [5. С. 24].

Это же характерно для «Большого толкового словаря русского языка» (БТС) [14], который еще более «заметно регионализировался. Многие примеры из БТС оказываются либо непонятными (*точечный дом; панели проспекта; купить дом в садоводстве*). Сокращенные примеры либо не опознаются (*автобусная, трамвайная к., взять н. к врачу*), либо среди предложенных восстановлений нет «правильных» (для *В доме н. закрывается на кодовый замок* стандартно предлагается подстановка *подъезд*)» [3. С. 298].

В приведенных сокращениях «закодированы» петербургские регионализмы: *к.* — *карточка* (месячный билет для проезда в общественном транспорте); *н.* — *номерок* (планка, ярлык, жетон, кусок картона и т. п. с изображением цифры...); *п.* — *парадное* (главный вход). «Жаренное в кипящем масле изделие...» — это по-московски *пышка; точечный дом* — «высотный односекционный дом»; *панель* — «тротуар», а *садоводство* — «разновидность кооператива: совокупность... земельных участков с садами и огородами пайщиков» [14].

По мнению В. И. Беликова, сами лексикографы как носители региолекта «часто не подозревают, что обычные для них слова за пределами Петербурга [и Москвы. — Р. П.] могут оказаться полной экзотикой» [4]. Получается, в нормативной лексикографии в ряде случаев кодифицируется не общая, а региональная — московская или петербургская норма. Но ведь тогда и распространенные в других населенных пунктах регионально нормативные единицы тоже имеют право на регистрацию в общеязыковых словарях? А между тем они или вовсе в них не фиксируются, или помещаются в словник без идентифицирующих помет либо с пометами «заниженной» оценки: *прост.* (*нар.-разг.* — в БТС) или *обл.*, то есть квалифицируются как «деревенские», нелитературные. Например, петербургские лексикографы определяют *шаньгу* (печеное изделие в виде ватрушки или лепешки) как областное [10] или народно-разговорное [14] слово, тем самым понижая его статус, в то время как на Архангельском Севере все образованные носители русского языка говорят и пишут (например, на ценниках) только *шаньга*, поскольку соответствующий продукт в этом регионе по-другому не именуется.

Таким образом, словари адекватно представляют лишь ядро русского лексикона, а находящиеся на периферии словарного состава регионально отмеченные единицы не всегда получают полноценное отражение в толковых словарях. Поэтому

остро стоит вопрос о корректном словарном описании русских регионализмов, тем более что многие из них, как сказано выше, соответствуют местной литературной норме.

Надо сказать, лексикографирование регионализмов удачно началось с составления общенационального сводного словаря «Языки городов». В это электронное издание, выпущенное под редакцией В. И. Беликова, вошло 1217 лексических единиц, имеющих широкий географический ареал (сейчас словарь недоступен по ссылке). Появлению словаря во многом способствовал сбор материала на форуме «Городские диалекты», где активно обсуждалось свыше 5500 «кандидатов в регионализмы» [4]. (Форум, к сожалению, больше не поддерживается лингвистами.)

Кроме продолжения выпусков сводного словаря, регионализмы необходимо включать в общерусские словари, в том числе академические, маркируя их либо общей пометой *регион.*, либо пометами, уточняющими ареал распространения: *арх.*, *вят.*, *смол.* и под. (как в «Словаре русских народных говоров»). Полезны будут и двойные ограничительные пометы типа *регион. разг.*, *разг. жарг.* и т. п. Помета *регион.* должна заменить традиционную помету *обл.*, связанную только с диалектами, а потому сейчас не отражающую специфику языковой ситуации в регионах.

Однако основным типом региолектного словаря все же представляется *частный толковый словарь*, подготовленный на материале какого-либо одного региолекта или, скорее, на основе выборки регионализмов из языка конкретного города (см., напр.: [15]).

Каким видится «идеализированный тип» такого издания? Как и в любом толковом словаре, в нем дается подробное, с учетом полисемии и омонимии, толкование лексического значения регионализма, отмечается региональная фразеология. Например, в донецком региолекте значение «обходной путь» передается с помощью фразеологизма *идти чигирями* [24. С. 408]; в Архангельске в этом случае говорят *идти через Ширишу в Маймаксу*, а в Северодвинске — *идти через Рикасиху* (долгий, кружной путь здесь обозначают местные топонимы). Кроме того, региолектный словарь вскрывает парадигматические связи региональных слов: демонстрирует отношения синонимии, антонимии, указывает на вхождение местных лексем в те или иные смысловые группы (посредством пометы «см.»). Кроме разговорно-литературной лексики, в региолектный словарь следует без ограниче-

ний включать имеющие локальную окрашенность жаргонизмы и профессионализмы. Очень полезным является размещение в словаре архаизмов и историзмов.

Помимо этих черт, в той или иной степени присущих всякому хорошему толковому словарю, частный региолектный словарь имеет свою специфику. Главная его особенность заключается в избирательности лексикона: он включает в себя только специфически местные слова и значения — регионализмы и локализмы. Вслед за М. В. Ахметовой под *регионализмами* понимается лексика, «употребление которой ограничено одним или несколькими географическими ареалами», под *локализмами* — «лексика, употребление которой ограничено отдельно взятым населенным пунктом либо несколькими населенными пунктами, находящимися друг от друга на значительном расстоянии» [1. С. 156]. Локализмами, на наш взгляд, могут считаться не только апеллативы, но и онимы разных разрядов, прежде всего микротопонимы.

Таким образом, по характеру словника частный региолектный словарь — это толковый словарь, ограниченный выборкой специфически местной лексики, как правило, из языка одного города. (По понятной причине объем словника такого издания не может быть велик.) В идеале же региолектный словарь должен охватывать лексику двух-трех рядом стоящих городов и наиболее крупных сельских поселений *одной области*.

Вторая основная особенность региолектного словаря кроется в составе словника. Традиционно в русской лексикографии нарицательная лексика описывается отдельно от имен собственных — в апеллативных толковых словарях, онимы же фиксируются в соответствующих ономастических изданиях. Не все ученые, однако, с этим согласны. Например, П. Н. Денисов считал недостатком нашей лексикографии отсутствие собственных имен в общих словарях: «Академическая грамматика рассматривает нарицательные и собственные имена как равноправные единицы, а в словарях царит дискриминация собственных имен. ...Топонимы и в особенности микротопонимы составляют важную часть не только современной лексики, но и истории культуры» [9. С. 48—49]. Тем не менее едва ли не единственным толковым словарем, целенаправленно фиксирующим в одном словнике наряду с нарицательной лексикой микротопонимы, является «Словарь современного русского города» под редакцией Б. И. Осипова [21]. Правда, этот словарь, как известно, составлен на языковом

материале города Омска, но принцип избирательности лексикона, за исключением микротопонимики, в нем последовательно не проводился.

Действительно, несмотря на привлекательность идеи о включении в общий толковый словарь ономастического материала, на практике это трудно осуществимо: имена собственные «так или иначе будут перегружать словники общих словарей» [22. С. 39]. Поэтому ономастическую лексику, прежде всего микротопонимы, нужно включать в состав частных региолектных словарей, где такие единицы по праву займут центральное место. Не случайно более всего в региолектной лексикографии получили развитие словари городской микротопонимики. (Важно понять: даже если их авторы не используют понятие и термин «региолект», эти издания отражают ономастический пласт какого-либо региолектного идиома.)

Таким образом, «идеальный» словарь региональной лексики объединяет черты толкового словаря и топонимикона. Его словник состоит из апеллативов и народных микротопонимов, которые в структурном плане представляют собой однословные имена и словосочетания. Кроме того, в региолектные словари полезно помещать и единицы других разрядов онимов, например прозвища жителей города.

Новизна региолектного словаря, как и всякого словаря нового типа, проявляется еще в том, что он расширяет репертуар маркирующих помет. Так, если в разговорной письменной речи, а точнее в интернет-дискурсе, бытуют единицы типа *КМ* (улица Карла Маркса), *Лом* (улица Ломоносова) (ср.: *авария на углу КМ и Лом*), то в словаре для них необходимо вводить специальную помету типа *разг. письм.*, которая уточняет сферу их употребления. Кроме того, если в городской речи представлены узколокальные микротопонимы, встречающиеся только в лексике жителей конкретного микрорайона и знакомые другим горожанам (особенно это характерно для крупных городов), то для более точной идентификации таких единиц следует использовать помету *микрорайон*. (возможно, с указанием района города).

Региолектный словарь нацелен на отражение особенностей функционирования слов, поэтому в нем расширена зона иллюстративных примеров, которые можно подбирать из местной прессы, устной речи и комментариев в городских пабликах. Это оживит текст словаря, в нем зазвучат голоса разных жителей города. Здесь можно вспомнить, что еще Л. В. Щерба советовал давать больше

контекстов при семантизации словарной единицы. Однако важно вовсе не количество речевых примеров — необходимо, чтобы они не были однотипными и тем самым не перегружали словарную статью. Примеры желательно подбирать так, как это старались делать авторы словаря общего жаргона [11]: необходимо, чтобы они не только иллюстрировали значение и сочетаемость слова, но и сообщали дополнительные сведения об описываемой реалии, то есть представляли локальную культуру.

В связи со сказанным обратим внимание на еще одну важную черту «идеального» региолектного словаря. Сейчас много пишут о тесной связи языка и культуры как о двух взаимодействующих семиотических кодах. Понятно, что современная лексикография тоже не игнорирует этот факт: достаточно вспомнить «Большой фразеологический словарь русского языка» под редакцией В. Н. Телии [23]. Словарным произведениям сегодня недостаточно выполнять лишь задачу фиксации лингвистической информации, приписываемой той или иной языковой единице. Будущее за словарями, которые не просто инвентаризируют элементы языка, но описывают их как культурно-языковые феномены. Известный лексикограф В. Д. Девкин справедливо считал, что «очень многие явления языка могут быть осмыслены только с помощью словаря. <...>. Словарь — это прием, метод, способ, средство познания языкового явления. Все не пропущенное через словарь оказывается не полностью понятым, не всесторонне осмысленным» [8. С. 17, 19]. Таким образом, нам остро необходимы словари лингвокультурологического типа, а их среди отечественных словарей еще недостаточно.

Так и в региолектном словаре традиционная лингвистическая информация должна сопровождаться историческими, историко-бытовыми комментариями, энциклопедическими справками. Во-первых, это необходимо уже потому, что потенциальными читателями словаря, помимо носителей местной лингвокультуры, могут стать иногородние жители. (Хотя и местные жители не все хорошо знают историю и культуру региона.) Во-вторых, как говорилось, важное место в словаре занимают микропонимы, а их лексикографическое описание, помимо указания на локализацию топообъекта, обычно всегда содержит еще различную «энциклопедическую информацию: сведения из истории самого объекта, из истории его номинации и т. п.» [22. С. 22]. Из вышедших региолектных ономастических изданий в этом отношении показателен словарь [6].

Помимо перечисленных специфических черт, региолектный словарь в какой-то степени берет на себя функции прескриптивных словарей, например, орфографических, орфоэпических, словаря трудностей, поскольку отображает местные языковые формы, неизвестные или малоизвестные за пределами региона и города. Так, в Северодвинске для обозначения профессионального училища (в советское время — ПТУ, ГПТУ, сейчас это техникумы) широко используется слово *гónа* (*пренебр.*; *сниж.*). Склоняется оно или нет? Какого грамматического рода? Если судить по записанным нами примерам (*Пойти в гону учиться; Они в гона учатся; Родное гона! В первом гона учился; Недалеко от 21-го гона; В гоне тоже учился; Училища гонами всегда все звали*, др.), в региональной речи Северодвинска слово *гона* склоняется как существительное и ср. р., и ж. р., у него есть формы мн. ч. (*гóны, гон*), и в то же время оно может оставаться неизменяемым — таковы особенности узуальной нормы.

Кроме того, региолектный словарь сочетает в себе черты и словообразовательного словаря, то есть он должен показывать способы порождения конкретных регионализмов и локализмов. Особенно это важно для микропонимов, у которых необходимо эксплицитировать мотивирующий признак. Именно мотивировка чаще всего интересна и носителям местной лингвокультуры, и иногородним читателям: им любопытно, какой признак и почему лег в основу конкретного имени собственного. (В особенности большой интерес представляют разные версии происхождения региона.)

Исследователи отмечают интересную закономерность: как правило, «носители русского языка не отдают себе отчет в существовании региолекттов» [19], не осознают специфическую региональность своей обыденной речи. (Как отмечалось выше, это характерно даже и для лексикографов, и вообще для лингвистов.) Для того чтобы местные жители понимали свою культурно-языковую и географическую идентичность, в частный региолектный словарь наряду с внутрорегиональными полезно помещать и межрегиональные синонимы (или, точнее, эквиваленты) — лексические единицы, обозначающие сходные денотаты в других региолектах. Такие регионализмы можно снабдить, например, пометой *регион. син.* (региональные синонимы). К примеру, М. В. Ахметова и В. И. Беликов выявили более 60 разговорно-бытовых региональных наименований учреждений

профессионального образования, синонимов северо-двинской *гопы*: «бурса, шарага, каблуха, пугага, терем, техан, технарь, фазанка, учага, хабза и ряд других номинаций, ареал которых охватывает несколько областей, в том числе относящихся к различным странам СНГ» [2].

Перейдем к рассмотрению микроструктуры частного региолектного словаря. Она включает четыре *обязательные* зоны: 1) вокабулу, 2) зону грамматической информации, 3) толкование, 4) эмоционально-оценочные и социально-функциональные пометы — и три *факультативные* зоны: 1) иллюстративный материал (его удастся подобрать не для всех неофициальных микропонимов), 2) хронологические пометы, 3) культурологический комментарий и/или энциклопедические сведения.

Особенностью региолектных словарей является то, что в них в дополнение к словарным дефинициям могут использоваться фотоснимки городских топообъектов и реалий повседневной жизни (см. удачные в этом плане словари [6], [15]). Это представляется оправданным, поскольку фотография нагляднее вскрывает взаимосвязь между образным основанием и значением, например, микропонима, чем его описание в виде словесной дефиниции. В региолектные словари можно помещать и рисунки, и топографические карты.

В региолектном словаре продуктивно отграничивать полисемию/омонимию от *полиреферентности* (другие термины: *эврисемия, эксемия, широкозначность*; см. [12]). Полиреферентными являются лексемы «с открытой семантической вариативностью», у которых «частные значения... варьируют и уточняют общее семантическое содержание слова, отличаясь конкретными употреблениями, количество которых может быть довольно большим, а множество — открытым, постоянно пополняемым в живой речи» [26. С. 12]. Важно понять, что частные значения полиреферентных слов не находятся в отношениях непосредственной производности, как при полисемии; соответственно, им не свойственна иерархичность. Поэтому закономерно, что в словаре В. В. Химика полиреферентность показана иначе, чем традиционная полисемия: сначала дается общее широкое толкование, затем — блок разграничивающих значений.

К числу широкозначных единиц мы относим и микропонимы типа *китайская стена*. В семантической структуре этого коннотативного они-

ма выделяется общее значение — «протяженное многосекционное здание», а референтные значения актуализируются в тех или иных конституциях, при обозначении конкретного адреса, например: *Китайская стена* (дом по ул. Ломоносова, 120). Такое решение проблемы репрезентации в словаре широкозначных микропонимов является наиболее приемлемым, оно обусловлено промежуточным положением этих единиц в языковой системе: они находятся на границе апеллятивной и ономастической лексики. Например, *диеткой* может называться и любая в городе диетическая столовая, и конкретная, расположенная по определенному адресу; следовательно, у этой номинации должны быть выделены общее и частные значения; последние — в виде указания на локализацию топообъекта.

Повторим, что в региолектном словаре сфера функционирования должна определяться не только у апеллятивов, но и у неофициальных микропонимов, среди которых различаются разговорно-литературные, сниженные (экспрессивно-просторечные), жаргонные имена. Неофициальные топонимы, так же как и апеллятивы, градуированы по эмоционально-оценочной шкале, поэтому словарные формулировки их значений, следует сопровождать пометами «фам.», «ирон.» и т. п. Это является методически правильным, хотя в некоторых случаях лексикографические решения могут показаться дискуссионными, поскольку цитатные примеры, подтверждающие коннотацию, не так легко отыскать для всех микропонимов, собираемых, как известно, чаще всего анкетным методом.

Таким образом, «идеализированный» региолектный словарь — комплексный словарь интегрального типа, включающий энциклопедическую и культурологическую информацию, сочетающий в себе черты разных словарей: словообразовательного, исторического, словаря трудностей и др. Он отражает региональную норму, представляет систему местной лингвокультуры, а фиксируемые в нем территориальные языковые варианты позволяют утверждать о существовании у жителей региона особой локальной идентичности. Поскольку в словник такого издания включены собственные имена, относящиеся к разным эпохам, словарь осуществляет лингвокультурологическую межпоколенную связь, является посредником в диалоге городской культуры прошлого и настоящего.

Список литературы

1. Ахметова, М. В. Лексические регионализмы и локализмы в русскоязычном интернете: проблемы сбора материала / М. В. Ахметова // Русский язык и новые технологии : коллектив. моногр. — М., 2014. — С. 156—171.
2. Ахметова, М. В. Блогосфера как источник для ареальной лексикографии / М. В. Ахметова, В. И. Беликов // Русский язык: исторические судьбы и современность : тез. докл. междунар. конгресса. — М., 2014. — С. 253—254.
3. Беликов, В. И. Сколько норм в русском языке? / В. И. Беликов // Русский язык: исторические судьбы и современность : тез. докл. междунар. конгресса. — М., 2001. — С. 298.
4. Беликов, В. И. Предисловие к Словарю [Языки городов] [Электронный ресурс] / В. И. Беликов. — URL: <http://www.community.lingvo.ru/goroda> (дата обращения 14.09.2016).
5. Беликов, В. И. Сравнение Петербурга с Москвой и другие соображения по социальной лексикографии / В. И. Беликов // Русский язык сегодня. Вып. 3. Проблемы русской лексикографии. — М., 2004. — С. 23—38.
6. Бутеев, Д. В. Словарь неофициальных топонимов г. Смоленска / Д. В. Бутеев, В. Ю. Сергеев, А. Г. Сибиченков ; ред. В. В. Никифорова. — Смоленск, 2014.
7. Герд, А. С. Диалект — региолект — просторечие / А. С. Герд // Русский язык в его функционировании : тез. докл. междунар. науч. конф. «Третьи Шмелевские чтения». — М., 1998. — С. 20—21.
8. Девкин, В. Д. Введение в лексикографию // Девкин В. Д. Немецкая лексикография : учеб. пособие для вузов. — М., 2005. — С. 13—27.
9. Денисов, П. Н. Единицы словаря / П. Н. Денисов // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. — М., 1988. — С. 48—53.
10. Словарь русского языка [Электронный ресурс] : в 4 т. / ред. А. П. Евгеньева. — URL: <https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=240>.
11. Ермакова, О. П. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона / О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Р. И. Розина ; ред. Р. И. Розина. — М., 1999.
12. Капанадзе, Л. А. Как называются обиходные предметы и явления в разговорной речи / Л. А. Капанадзе // Русский язык: приложение к газете «Первое сентября». — 2001. — № 9. — С. 2—3.
13. Козырев, В. А. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший : монография / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб., 2015.
14. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / ред. С. А. Кузнецов. — URL: <http://gramota.ru/slovari/dic>.
15. Ливинская, И. В. Словарь региональной лексики и неофициальных топонимов г. Новосибирска / И. В. Ливинская, А. И. Матвеев. — Новосибирск, 2016.
16. Майоров, А. П. Региолект и регионализмы в современной языковой ситуации России / А. П. Майоров // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2016. — Т. 75, № 1. — С. 51—54.
17. Маслова, В. А. Региональная лингвистика: проблемы и перспективы / В. А. Маслова // Филологические науки. — 2015. — № 6. — С. 3—8.
18. Новикова, Т. Ф. Теоретико-прикладные проблемы описания современных региолектов / Т. Ф. Новикова // Acta Neophilologica. Olsztyn. — 2017. — № XIX (1). — С. 171—178.
19. Пиперски, А. Остаточные региолектные явления в языке трех поколений одной семьи [Электронный ресурс] / А. Пиперски. — URL: <https://www.academia.edu/5517881/> (дата обращения 02.03.2019).
20. Попов, И. С. О принципах разработки программы собирания сведений для областных словарей / И. С. Попов // Теория и практика областной лексикографии. — Л., 1984. — С. 116—124.
21. Словарь современного русского города / под ред. Б. И. Осипова. — М., 2003.
22. Сталтмане, В. Э. Ономастическая лексикография / В. Э. Сталтмане. — М., 1989.
23. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. — М., 2006.
24. Теркулов, В. И. Параметры описания лексической системы диффузного региолекта (на примере донецкого региолекта русского языка) / В. И. Теркулов // Русский язык в поликультурном мире : сб. науч. ст. : в 2 т. Т. I. — Симферополь, 2018. — С. 403—408.

25. Трубинский, В. И. Современные русские региолекты: приметы становления / В. И. Трубинский // Псковские говоры и их окружение : межвуз. сб. науч. тр. — Псков, 1991. — С. 156—162.

26. Химик, В. В. Предисловие // Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи : в 2 т. Т. 1. — СПб., 2017. — С. 4—13.

27. Хорошева, Н. В. Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках / Н. В. Хорошева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2011. — Вып. 3 (15). — С. 32—36.

28. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика : учеб. пособие / Д. Н. Шмелев. — М., 1977.

Сведения об авторе

Попов Роман Васильевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка Северного (Арктического) федерального университета, Северодвинск, Россия. roman11popov@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 1 (435). Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 133—141.

REGIOLECT DICTIONARY AS A DICTIONARY OF A NEW TYPE

R.V. Popov

*Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Severodvinsk, Russia.
roman11popov@gmail.com*

This paper deals with a regiolect dictionary as the specific descriptive differential dictionary which includes local/provincial words and their meanings being specific to a certain locality i.e. both localisms and regionalisms, which normally lack recording in received lexicographical vocabularies. Unlike regionalisms that are fairly common in any one regiolect (or in several regiolects), localisms exist within a narrower locus, usually one town. In comparison with regionalisms, more often than not genetically ascending to dialects, localisms are formed in purely urban environment, serve as code words of a town and are a kind of password for its inhabitants. Apart from its multi-sided linguistic description of linguistic units which is common for defining dictionaries, such an edition presents encyclopaedical and culturological information. Moreover, the regiolect dictionary combines properties of toponymic word-indices, word-formative, history specific dictionaries, etc. Thereby, it covers local-wise regional norms and constitutes a system of local-based linguoculture.

Keywords: *regiolect, regiolect differential dictionary, regionalism, localism.*

References

1. Ahmetova M.V. Leksicheskie regionalizmy i lokalizmy v russkoyazychnom internete: problemy sbora materiala [Lexical Regionalisms & Localisms Which Can Be Found at Russia-Based Websites: Challenges of Acquiring Materials]. *Russkiy yazyk i novye tekhnologii* [Russian Language and New Technologies]. Moscow, 2014. Pp. 156-171. (In Russ.).

2. Ahmetova M.V., Belikov V.I. Blogosfera kak istochnik dlya areal'noy leksikografii [Blogosphere Viewed as a Source of Areal Lexicography]. *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [Russian: Historical Nemeses & Contemporary Status]. Moscow, 2014. Pp. 253-254. (In Russ.).

3. Belikov V.I. Skol'ko norm v russkom yazyke? [How Many Norms Are There in Russian?]. *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [Russian: Historical Nemeses & Contemporary Status]. Moscow, 2001. (In Russ.).

4. Belikov V.I. *Predislovie k Slovaryu "Yazyki gorodov"* [Foreword to Dictionary 'Languages of cities']. Available at: <http://www.community.lingvo.ru/goroda>, accessed 14.9.2016. (In Russ.).
5. Belikov V.I. *Sravnienie Peterburga s Moskvoy i drugie soobrazheniya po social'noj leksikografii* [Saint Petersburg vs. Moscow including Other Assumptions Related to Social Lexicography Challenges]. *Russkiy yazyk segodnya. Vyp. 3. Problemy russkoy leksikografii* [The Russian Language Today. Iss. 3. Problems Russian Lexicography]. Moscow, 2004. Pp. 23-38. (In Russ.).
6. Buteev D.V., Sergeev V.Yu., Sibichenkov A.G. *Slovar' neoficial'nyh toponimov goroda Smolenska* [Dictionary of Smolensk City Specific Unofficial Place-Names]. Smolensk, 2014. (In Russ.).
7. Gerd A.S. *Dialekt — regiolekt — prostorechie* [Dialect — Regiolect — Common Parlance]. *Russkiy yazyk v ego funktsionirovanii* [Russian as the Language Being Functioning]. Moscow, 1998. Pp. 20-21. (In Russ.).
8. Devkin V.D. *Vvedenie v leksikografiyu* [Introduction to the Basics of Lexicography]. *Nemetskaya leksikografiya* [German Lexicography]. Moscow, 2005. Pp. 13-27. (In Russ.).
9. Denisov P.N. *Edinitsy slovarya* [Vocabulary Units]. *Nacional'naya specifika yazyka i ee otrazhenie v normativnom slovare* [Nation Specific Features of the Language Covered in Standard Dictionaries]. Moscow, 1988. Pp. 48-53. (In Russ.).
10. Evgen'eva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Modern Russian Literary Language]. Available at: <https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=240>. (In Russ.).
11. Ermakova O.P., Zemskaya E.A., Rozina R.I. *Slova, s kotorymi my vse vstrechalis': Tolkovyy slovar' russkogo obshchego zhargona* [Words Commonly Known to All of Us: General Russian Jargon Thesaurus]. Moscow, 1999. (In Russ.).
12. Kapanadze L.A. *Kak nazyvayutsya obihodnye predmety i yavleniya v razgovornoy rechi* [What You Name It for Everyday Items and Notions in Your Informal Speech]. *Russkiy yazyk: prilozhenie k gazete "Pervoe sentyabrya"* [Russian: Appendix to the Newspaper "First of September"], 2001, no. 9, pp. 2-3. (In Russ.).
13. Kozyrev V.A., Chernyak V.D. *Leksikografiya russkogo yazyka: vek nyneshniy i vek minuvshiy* [Russian Lexicography: The 21st Century & The 20th Century]. St. Petersburg, 2015. (In Russ.).
14. Kuznetsov S.A. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large Dictionary of the Russian language]. Available at: <http://gramota.ru/slovari/dic> (In Russ.).
15. Livinskaya I., Matveev A. *Slovar' regional'noy leksiki i neoficial'nyh toponimov goroda Novosibirsk* [Dictionary of Region-Wise Lexical Units and Unofficial Place-Names of Novosibirsk]. Novosibirsk, 2016. (In Russ.).
16. Majorov A.P. *Regiolekt i regionalizmy v sovremennoy yazykovoy situatsii Rossii* [Regional Dialect and Regional Words in Contemporary Linguistic Russia]. *Izvestiya Rossijskoy akademii nauk* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences], 2016, vol. 75, no. 1, pp. 51-54. (In Russ.).
17. Maslova V.A. *Regional'naya lingvistika: problemy i perspektivy* [Regional linguistics: problems and perspectives]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 2015, no. 6, pp. 3-8. (In Russ.).
18. Novikova T.F. *Teoretiko-prikladnye problemy opisaniya sovremennyh regiolektov* [Theoretical and Pragmatic Problems of Modern Regiolectal Descriptions]. *Acta Neophilologica. Olsztyn*, 2017, no. XIX (1), pp. 171-178. (In Russ.).
19. Piperski A. *Ostatochnye regiolektnye yavleniya v yazyke trekh pokoleniy odnoy sem'i* [Remnant Regiolect Phenomena in the Language of Three Family Generations]. Available at: <https://www.academia.edu/5517881/>, accessed 2.3.2019. (In Russ.).
20. Popov I.S. *O printsipakh razrabotki programmy sobiraniya svedeniy dlya oblastnyh slovarey* [About Philosophy of Preparing the Data Acquisition Program for Oblast Specific Dictionaries]. *Teoriya i praktika oblastnoy leksikografii* [Theory and Practice of Regional Lexicography]. Leningrad, 1984. Pp. 116-124. (In Russ.).
21. *Slovar' sovremennogo russkogo goroda* [Modern Russian City Dictionary]. Moscow, 2003. (In Russ.).
22. Staltmane V. *Onomasticheskaya leksikografiya* [Onomastic Lexicography]. Moscow, 1989. (In Russ.).
23. Teliya V.N. (ed.). *Bol'shoy frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskii kommentariy* [Large Phraseological Dictionary of the Russian language]. Moscow, 2006. (In Russ.).
24. Terkulov V.I. *Parametry opisaniya leksicheskoy sistemy diffuznogo regiolekta (na primere donetskogo regiolekta russkogo yazyka)* [Features to Be Considered for Describing the Lexical System of a Dif-

fused Regional Dialect (Donetsk Regional Dialect of the Russian Language is used for the instance)]. *Russkiy yazyk v polikul'turnom mire* [Russian in the Multi-Cultural World]. Simferopol, 2018. Pp. 403-408. (In Russ.).

25. Trubinskiy V.I. *Sovremennye russkie regiolekty: primety stanovleniya* [Modern Russian Regional Dialects: Signs for Their Growth]. *Pskovskie govory i ih okruzhenie* [Pskov Sub-dialects and Their Environment]. Pskov, 1991. Pp. 156-162. (In Russ.).

26. Himik V.V. *Predislovie* [Foreword to Dictionary]. *Tolkovyy slovar' russkoy razgovorno-obihodnoy rechi* [Colloquial Dictionary Thesaurus of the Russian Language], vol. 1. St. Petersburg, 2017. Pp. 4-13. (In Russ.).

27. Horosheva N.V. *Regiolekt kak promezhutochnyy idiom vo frantsuzskom i russkom yazykah* [Regiolect as Intermediate Idiom in the French and Russian Languages]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of the Perm University], 2011. no. 3 (15), pp. 32-36. (In Russ.).

28. Shmelev D.N. *Sovremennyy russkiy yazyk. Leksika* [Modern Russian Language. Lexicology]. Moscow, 1977. (In Russ.).

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВЫХ И НЕЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ ТАБАЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

А. Р. Раева, А. С. Смирнова

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

Статья посвящена, во-первых, выявлению совокупности языковых и неязыковых средств, используемых в немецкой и русской рекламе табачной продукции, во-вторых, установлению сходств и различий употребления данных средств в рекламных текстах генетически неродственных языков. Кроме того, в выбранном ракурсе исследования анализу был подвергнут статус рекламного дискурса табачной продукции Германии и России.

Ключевые слова: *реклама, рекламный дискурс, табачная продукция, языковые средства, неязыковые средства, генетически неродственные языки.*

Реклама в современном мире играет неоднозначную роль, особенно в отношении таких товаров, как алкогольная и табачная продукция. Как известно, существующий закон РФ «О рекламе» устанавливает значительные ограничения не только на рекламу алкогольной продукции, пива и изготавливаемых на его основе напитков, лекарственных средств, изделий медицинского назначения и медицинских услуг, продуктов детского питания, продукции военного назначения и оружия, но и табака, табачных изделий и курительных принадлежностей. Между тем рекламодатели, рекламопроизводители и рекламодиспетчеры предпринимают множество попыток обойти эти запреты. В результате, по данным Роспотребнадзора и ФАС России, по-прежнему отмечаются многочисленные факты несоблюдения рекламного законодательства. В этом случае реклама может быть признана ненадлежащей. Но в целом табачная отрасль как России, так и Германии пока не лишена рекламы, хотя Россия и присоединилась в 2008 г. к конвенции Всемирной организации здравоохранения по борьбе с табаком. При этом в ЕС все страны, за исключением Германии, на законодательном уровне ввели запрет на рекламирование табачных изделий и их спонсорство. Исходя из этого в декабре 2018 г. в Бундестаге состоялось общественное обсуждение на уровне экспертов по вопросу введения запрета на рекламу табачных изделий.

Актуальность данной статьи не может быть подвергнута сомнению, так как выбранная нами тема исследования затрагивает не только собственно лингвистические, но и социальные, психологические и медицинские проблемы. Также это напря-

мую затрагивает и процесс подготовки будущих журналистов [20]. Результаты исследования могут оказаться полезными не только для филологов и лингвистов, но и для маркетологов, психологов и представителей других смежных дисциплин, занимающихся подобной проблематикой.

Целью статьи является изучение текстов реклам табачных изделий в Германии и России в плане выявления специфики использования в них определенных языковых и неязыковых средств. Изучение системы средств, лежащих в основе рекламных текстов табачных изделий на немецком и русском языках, связано с целесообразностью комплексного рассмотрения анализируемого материала с учетом современных направлений в лингвистике.

Материалом исследования послужили 107 реклам табачной продукции, размещенные в интернет-сети, на официальных сайтах фирм-производителей различных марок табачной продукции на российских и немецких доменах, а также из электронных версий различных гляцевых журналов, в частности Glamour, Elle Girl, GQ, Esquire за период с 2005 по 2015 г. [Приложение].

Проанализированные нами тексты относятся к рекламному дискурсу, который считается «неотъемлемой частью современной жизни и может рассматриваться как часть культуры» [13. С. 1163]. Рекламу можно считать социокультурным явлением, которое затрагивает самые разнообразные сферы человеческой деятельности. Анализ зарождения и формирования данного вида текста служит подтверждением того, что «без рекламирования немыслима успешная деятельность производителей товаров и услуг в условиях рыночной экономики» [18. С. 436].

Реклама присутствует практически во всех областях современного социума. Существует несколько подходов к общей классификации рекламы. Один из наиболее распространенных основан на разделении рекламных текстов по стратегическим направлениям в зависимости от цели и объекта рекламирования. Этот подход подразумевает, что все виды рекламы условно разделяются на две основные группы: коммерческую и некоммерческую рекламу [7]. Реклама также является видом маркетинговой коммуникации, которая распространяет заранее оплаченную информацию с целью привлечения к товару (услуге, компании или организации) потенциальных потребителей коммерческих или информационных продуктов, а также извлечения прибыли.

По мнению доктора филологических наук, профессора А. Д. Кривоносова, рекламный текст — это текст, который содержит информацию о рекламе. Рекламный текст от обычного отличают по ряду признаков. Во-первых, он несет в себе данные о физическом или юридическом лице либо о продуктах и услугах. Во-вторых, реклама рассчитана на определенную аудиторию. В-третьих, рекламный текст способствует формированию или поддержанию интереса к физическому и юридическому лицу, продуктам и услугам [12. С. 13—14].

Уже со времен появления первых средств массовой информации реклама стала неотъемлемой частью жизни социума, а с развитием технологий только укрепила свои позиции. В современном мире большой поток информации, в частности различные пути донесения рекламного объявления, вынуждают производителей придумывать все более изощренные способы презентации своих товаров и услуг для получения оптимальной прибыли.

Как считают российские теоретики рекламной коммуникации В. В. Учёнова и Н. В. Старых, наиболее эффективными подходами к определению рекламы являются коммуникативный и семиотический. В рамках этого суждения они рассматривают рекламу как «ответвление массовой коммуникации, в русле которого создаются и распространяются информативно-образные, экспрессивно-суггестивные тексты, адресованные группам людей с целью побудить их к нужным рекламодателю выбору и поступку» [21. С. 8].

Говоря о рекламном тексте, следует заметить, что он является средством коммуникативного общения между производителем и потребителем. Согласно определению Американской

маркетинговой ассоциации, «реклама — это определенная информация о товарах, услугах или идеях и начинаниях, распространяемая на целевую аудиторию и спонсируемая заинтересованными в продвижении товаров и услуг людьми» [4. С. 3]. Это определение отражает важнейшую функцию рекламы — способность донести информацию рекламодателя к определенной целевой аудитории, при этом не контактируя напрямую с потенциальным покупателем. В данном случае реклама имеет неличный характер.

Что касается рекламного дискурса, то в институциональном медиадискурсе принято выделять его особую разновидность — рекламный дискурс, участниками которого являются: *коммуникатор*, который создает определенный текст рекламы, обладающий важной прагматической направленностью; *реципиент*, воспринимающий и интерпретирующий полученную рекламную информацию, а также *коммуникат*, который кодирует рекламное сообщение, иначе текст [19. С. 99].

В рекламном дискурсе коммуникат способен кодировать вербальные рекламные тексты и невербальные знаки, например эмблемы, логотипы, изображение рекламируемого продукта или товара. Таким образом, мы считаем, что коммуникация между упомянутыми участниками рекламного дискурса реализуется в своеобразном диалоге, сущность которого состоит в обмене информацией при помощи текстового произведения, сформированного согласно стратегии рекламного дискурса [1. С. 226]. Дискурс, по словам Н. Д. Арутюновой, — это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [2. С. 136—137]. В рекламе больше, чем в другой сфере коммуникативной деятельности, мы можем осознавать дискурс как динамический процесс, который отражается при помощи не только языковых, но и неязыковых, то есть невербальных средств. Взаимодействуя, они обеспечивают целостность и связность произведения, его коммуникативный эффект [14. С. 186].

Рекламные тексты, в том числе тексты реклам табачных изделий, многофункциональны. В качестве их основных коммуникативно-прагматических функций могут быть выделены четыре, в число которых входят воздействующая, социальная, информационная и экономическая функции. Воздействующая функция направлена на создание определенных стереотипов поведения, перестройку или закрепление ценностных ориентиров

в сознании личности. Социальная функция призвана способствовать коммуникационным связям в обществе, формировать общественное сознание, содействовать улучшению качества жизни. Сущность информационной функции заключается в том, чтобы распространять в массовом масштабе информацию о товаре или услуге, их характере и месте продажи, выделять товар определенной фирмы. И последняя, экономическая функция заключается в стимулировании распространения товаров и услуг [15. С. 11—12].

М. А. Филиппова в своей статье «Языковая специфика рекламного дискурса» выделяет следующие характерные черты рекламного дискурса: сжатость, лаконичность выражения, выразительность, емкость информации [22. С. 1034].

Изучая конкретный тип рекламного дискурса табачных изделий, необходимо обратить внимание на потребление данного товара в России и Германии, так как это напрямую связано с целью любой рекламы. Информационное агентство ТАСС сообщает [6], что согласно данным ВОЗ, в настоящий момент на 7,5 млрд населения Земли приходится примерно 1 млрд курильщиков. Потребители табака ежегодно выкуривают 5,7 млрд сигарет и выбрасывают примерно 1 млн т окурков.

В 2009 г. на территории Российской Федерации был проведен глобальный опрос взрослого населения о потреблении табака (GATS). В отчете сообщается, что «распространенность табакокурения среди взрослого населения России составила 39,1 %, среди мужчин — 60,2 %, и среди женщин — 21,7%». Участие в исследовании приняли около 11 тыс. чел. в возрасте от 15 лет, проживающие в 60 различных субъектах РФ [9]. По данным экспертов на 2008 г., в Германии реальное число курящих немцев колеблется в пределах 29 % [24].

Таблица 1

**Численность курильщиков
в Германии и России**

Страна	Германия (2008)	Россия (2009)
Численность, чел.	23 780 000	55 717 500

Однако с принятием антитабачных законов с июня 2013 г. в Российской Федерации запрещается показывать по телевизору курящих людей без предупреждающей надписи или рекламировать подобную продукцию в СМИ. Также на сегодняшний день в России и Германии на законодательном уровне запрещено курение в государственных учреждениях, общественных местах и транспор-

те и продажа табачных изделий лицам моложе 18 лет [10; 16]. Таким образом, табачные изделия, так же как и алкоголь, являются группой особых товаров, зависимой от законодательства той или иной страны.

Говоря о рекламе, следует заметить, что каждый рекламный текст состоит из определенного набора компонентов. Эти элементы мы можем менять местами, увеличивать или уменьшать их количество до тех пор, пока не будет получен новый облик рекламы или новый подход к ее составлению.

В ходе исследования нами были проанализированы прежде всего следующие *неязыковые средства*, используемые в рекламах табачной продукции: цвет и его оттенки, изображаемые объекты, использование рекламного пространства как соотношения изображения и текста.

Анализ показал, что для рекламы табачных изделий в России характерно преобладание синего цвета для фона (больше половины случаев), при направленности рекламы на мужскую аудиторию выбираются темные и серо-стальные оттенки, на женскую — розовые и лиловые.

Немецкие маркетологи данной области отдают предпочтение белому, золотистому и синему цветам для фона и не привязывают тот или иной цвет к полу потребителя. Использование темных, серо-стальных, розовых и лиловых оттенков почти всегда связано с гендерными стереотипами, поэтому было решено рассмотреть более подробно значения синего, белого и золотистого цветов.

Еще Иоганн Вольфганг фон Гёте в своей работе о цвете писал о том, что цвета действуют на душу, они могут вызывать чувства, пробуждать эмоции и мысль [8. С. 40]. Белый цвет является символом чистоты, свободы, всего доброго в культуре как Германии, так и России. Золотистый цвет следует отличать от желтого, так как и в русской, и в немецкой культурной традиции желтый ассоциируется с болезнями и легкомыслием. Золотистый же цвет, представленный также на немецком флаге, обозначает светлое будущее. Нужно обратить внимание, что семантика цвета может отличаться в разных культурах. Так, например, синий или голубой в русской традиции может означать небо, мужское начало, силу и мощь, для немцев синий цвет связан с верностью и преданностью [11. С. 196]. Таким образом, выбор цвета основан на его свойстве влиять на психику человека и вызывать определенные положительные ассоциации или эмоции.

Как показал проведенный анализ, к главному объекту изображения рассматриваемого реклам-

ного дискурса относится пачка сигарет. Остальные объекты могут варьироваться, но чаще всего это человек (люди), сигарета, определенный ситуативный фон.

В российских текстах реклам табачных изделий часто (около трети всех случаев) изображается один человек, выглядящий счастливым, довольным, уверенным в себе. Также в рекламе может присутствовать только рука человека, держащая пачку сигарет или сигарету.

В немецких рекламках, как правило, можно встретить компанию людей в неформальной обстановке: на вечеринке, на прогулке (около трети случаев). Изображение в большинстве случаев можно трактовать как определенную ситуацию или историю благодаря ситуативному фону, объясняющему происходящие события. В немецкой рекламе сигарет изображаются группы людей во время вечеринки, прогулки или развлечений. Рекламодатели показывают возможности использования табачных изделий в данные промежутки времени. Российская же реклама в большинстве случаев направлена на изображение успешного, довольного жизнью, самодостаточного человека, который может себе позволить покурить в любое время и не зависит от обстоятельств.

В российском рекламном дискурсе сигаретная пачка либо располагается крупным планом в центре, либо, если присутствуют другие объекты, занимает небольшое пространство и чаще всего располагается в правом нижнем углу. Название табачной марки указывается некрупным шрифтом в одном из углов рекламного текста.

Различие состоит в том, что в немецкой рекламе пачка сигарет значительно реже изображается крупным планом в центре, поскольку предпочтение отдается ситуативной наполняющей. Но, несмотря на это, рекламный слоган и название марки представлены крупно, поэтому часто занимают около трети самого текста. В таком случае сигаретная пачка располагается, как и в российской рекламе, в правом нижнем углу и почти не привлекает внимания.

Российская реклама табачных изделий больше направлена на изображение самого продукта, чем немецкая реклама. Как отмечалось выше, тексты реклам табачной продукции в Германии акцентируют внимание не на самом табачном изделии, а на ситуации, в которой он применим. Это привлекает больше внимания, так как в данном случае картинка получается более яркой и живой и может привлечь внимание даже некурящей аудитории.

Также вербальная составляющая играет в немецком языке большую роль, так как дополняет общую картину. Среди языковых средств как наиболее важные нами выделены синтаксические конструкции, в частности в плане длины предложений, стилистические приемы, например различные виды повторов, перечисления, антитеза.

В среднем длина основного слогана в российской рекламе табачного изделия равна примерно 4—6 лексическим единицам. Емкость и краткость в целом характерна для данного вида текста. Однако в немецких слоганах может использоваться до 10 слов, так как чаще всего слоган коррелирует с определенной ситуацией, изображенной на плакате, и дополняет ее.

Среди часто используемых синтаксических конструкций в слоганах выделяются эллипсисы: *5 Euro & mehr drin* (L&M); *Новые Тонкие NEXT* (NEXT), *Open for more* (L&M).

Организация текста с превалирующим числом кратких и сверхкратких предложений приковывает к себе внимание реципиентов, задает ритм, ускоряет процесс чтения и восприятия текста [5. С. 17].

Немецкая реклама табачной продукции часто строится по принципу «серийности»: одна и та же структура слогана используется для разных сюжетов изображаемого. Рассмотрим, например, серию реклам «5 Minuten Freiheit» от Winston:

- *1 Spätschicht. 20 Fahrten. 5 Minuten Freiheit* (на изображении таксист, закурывающий сигарету).
- *1 Bike. 3 Stunden Tuning. 5 Minuten Freiheit* (на изображении молодой человек около мотоцикла, закурывающий сигарету).
- *1 Morgen. 74 Kaffee. 5 Minuten Freiheit* (на изображении официантка с сигаретой).
- *1 Herrensalon. 25 Haarschnitte. 5 Minuten Freiheit* (на изображении курящая парикмахер и ее клиент на скамейке у барбер-шопа).

Таким образом, создается впечатление, что каждый может найти что-то свое, подходящее ему в определенной ситуации.

В синтаксическом плане важную роль также играют перечисления, которые чаще всего имеют форму моносиндетона или асиндетона. В рассматриваемых текстах реклам табачных изделий широко используется бессоюзие (асиндетон), представляющее собой намеренное опущение союзов между однородными компонентами высказывания. Данный стилистический прием служит целям усиления образительности речи и повышения экспрессивности рекламы; ср.: *Einzigartiger Stil, großartiger Geschmack, meine Wahl* (Gauloises), *Drei Tage*

Festival, zwei Nächte im Zelt, ein Moment der Freiheit (Gauloises), *Freiheit, Brüderlichkeit, Gelassenheit* (Gauloises).

В немецких рекламных табачных изделиях активно используется антитеза как стилистическая фигура контраста, которая представляет собой резкое противопоставление образов, состояний, понятий; ср.: *Gute Zeiten, Schlechte Zeiten*. В приведенном примере противопоставляемые понятия связаны между собой общей конструкцией, а также внутренним смыслом. Задействована также игра слов, например: *Wunsch ist Wunsch* (Lucky Strike), в основе которой лежит тавтология и сопоставление денотативного и сигнификативного компонентов значения слова.

В российских слоганах можно выделить несколько особенностей их построения. Так, здесь часто используются гиперболы: *Новый вкус — легче легкого* (L&M); метафоры: *Есть тонкая черта, которая отделяет многих от ИЗБРАННЫХ* (Parliament), *Вкус в высоком разрешении* (Kent); игра слов при назывании марки: *Золотое притяжение* (Золотое кольцо), *Характер не спряЧЕшь. Взгляни инаЧЕ* (Chesterfield); лексическая несочетаемость слов по причине смысловой несовместимости: *Тонкое решение* (Kent). Названные выше средства выполняют компрессивную функцию и экономят дорогое рекламное пространство.

Среди слоганов табачной продукции в России заметна тенденция к использованию восклицательных и побудительных высказываний, по своему воздействию сравнимых с лозунгами: *Все в твоей власти!* (Esse), *Мысли в стиле Kiss!* (Kiss), *Измени одним нажатием!* (Kent), *Время России* (Петр I). Восклицательные и побудительные высказывания используются с целью активизации эмоционального воздействия на адресатов рекламного текста.

Также часто используется прием «исправления», когда фраза или часть фразы зачеркивается и заменяется новой. Например: *Maybe forward* (Marlboro), *HAUPTSACHE, MAN MACHT ES ALLEN RECHT, FAST SO GUT WIE DAS ORIGINAL* (Lucky Strike).

Кроме того, к особенностям немецких реклам можно отнести: креативное обыгрывание названия марки: *Für schöne Westtage* (Fest), *Genießen ist Gold* (JPS Gold); юмор: *Was du von uns halten sollst? — Unsere Drinks* (Pall Mall).

Среди наиболее часто используемых лексических единиц в рекламном дискурсе табачных изделий России и Германии можно выделить ряд существительных, глаголов, прилагательных и местоимений, которые указаны в табл. 2.

Анализ показывает, что в то время как немецкие рекламные тексты постоянно апеллируют к абстрактному вечному понятию «свобода», российские маркетологи стараются больше обратить внимание на проходящую «моду» и «стиль». К интересным особенностям использования лексических единиц также можно отнести употребление в немецких рекламных табачных изделиях местоимений *wir* (мы), *unser* (наш) в противоположность русскому «мой», «твой». Это можно связать с предпочтением изображения компании людей как общности в немецком и одного человека в российском дискурсе.

В заключение хотелось бы обобщить вышесказанное. Неязыковые средства в рекламном дискурсе России и Германии сильно отличаются, начиная от используемых цветов и заканчивая соотношением текста и изображения. Реклама в России все еще разделяет потребителей по гендерному признаку, об этом свидетельствует применение темного и серого цветов для мужчин, розового и лилового для женщин. Остальные используемые цвета выделяются своей общепринятой положительной семантикой. Также в российской рекламе табачных изделий чаще используется образ одного человека, в то время как немецкие маркетологи предпочитают изображать сразу группу людей, занимающихся совместной деятельностью. При этом вербальный текст в немецких рекламных материалах занимает достаточно большую часть рекламного пространства, что делает рекламу более динамичной, яркой и привлекательной.

Таблица 2

Распространенные лексические единицы в рекламном дискурсе табачных изделий России и Германии

Лексическая единица	Германия	Россия
Существительные	Geschmack, Freiheit, Moment	вкус, мода, стиль, мир
Глаголы	genießen	открывать, изменить
Прилагательные	frei, neu, lang (länger), schön, mehr	новый, легкий, уникальный, тонкий
Местоимения	wir, unser	мой, твой

Так как чаще всего немецкий рекламный дискурс данной области изображает определенную ситуацию, слоган почти всегда дополняет ее, этим обусловлена его длина и построение. Российские слоганы ни к чему не привязаны, поэтому в большинстве случаев они либо обыгрывают название марки, либо побуждают к действию. Оба дискурса используют различные художественные приемы, привлекая за счет этого внимание потенциальных потребителей. В целом язык в рекламе, или рекламная речь, является одним из важнейших инструментов, отличающихся особой структурой построения. Для немецких и русских текстов реклам характерна лаконичность, которая достигается отсутствием в них слов, несущих избыточную информацию. Короткий рекламный текст быстрее и проще декодировать, поэтому реклама должна быть компактной и простой. Кроме того, она должна быть выразительной.

Безусловно, табачные изделия являются особым видом продукции, которая вызывает зависимость и пагубно влияет на состояние организма человека, поэтому особо регулируется законодательством. Но предупреждение о пагубном влиянии ограничивается только сноской внизу рекламного текста: «Курение вредит вашему здоровью».

Хотелось бы подчеркнуть, что настоящее исследование проведено нами не с целью пропаганды табакокурения, а для подробного изучения алгоритмов работы рекламы и ее влияния на современного человека, возможности привлечения не только курящих, но и незаинтересованных лиц. Такая реклама отличается лаконичными, но изобилующими художественными приемами слоганами, вызывающей интерес картинкой и позволяющей почувствовать причастность атмосферой.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Речевой жанр, дискурс, культура / Н. Ф. Алефиренко // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 5. Жанр и культура. — Саратов : Наука, 2007. — 440 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. — М. : Наука, 1992. — 383 с.
3. Ахметшина, А. А. Современная коммерческая реклама как идеологический аппарат государства. Социологический ракурс / А. А. Ахметшина // Вестник Чувашского университета. — 2009. — № 2. — С. 31—36.
4. Бове, К. Л. Современная реклама. Русское издание / К. Л. Бове, У. Ф. Арнс. — Тольятти : Довгань, 1995. — 704 с.
5. Бычковская, Н. В. Синтактико-прагматические особенности текстов интервью в массмедийном дискурсе (на материале современных немецких журнальных интервью) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Бычковская. — Уфа, 2016. — 24 с.
6. ВОЗ назвала число курильщиков на планете [Электронный ресурс] (30.05.2018) // Интернет-портал информационного агентства «ТАСС». — URL: <https://tass.ru/obschestvo/5249215> (дата обращения 14.08.19).
7. Габбасова, Г. А. Современная коммерческая реклама / Г. А. Габбасова, О. И. Таюпова // Языковые единицы в свете современных научных парадигм : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. (Уфа, 20 дек. 2018 г.). — Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. — С. 157—160.
8. Гёте, И. Учение о цвете. Теория познания / И. Гёте. — М. : Ленанд, 2018. — 200 с.
9. Глобальный опрос взрослого населения о потреблении табака (GATS). Российская Федерация, 2009 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.who.int/tobacco/surveillance/ru_tfi_gatsrussian_countryreport.pdf (дата обращения 14.08.19).
10. Госдума ратифицировала рамочную конвенцию ВОЗ по борьбе против табака [Электронный ресурс] (11 апреля 2008, последнее обновление 6 декабря 2017) // Newsru. — URL: <https://www.newsru.com/russia/11Apr2008/voz.html> (дата обращения 14.08.19).
11. Загладько, Л. А. Символическое значение цвета в фразеологических единицах немецкого языка [Электронный ресурс] / Л. А. Загладько // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. — 2009. — № 3. — С. 194—197. — URL: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/1193> (дата обращения 14.08.19).
12. Кривоносов, А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций / А. Д. Кривоносов. — 2-е изд., доп. — СПб. : Петербургское Востоковедение, 2002. — 288 с.
13. Минлибаева, Э. Р. Рекламный дискурс: ключевые проблемы / Э. Р. Минлибаева // Вестник Башкирского университета. — 2018. — Т. 23, № 4. — С. 1163—1168.

14. Минлибаева, Э. Р. Рекламные тексты в аспекте теории креолизации / Э. Р. Минлибаева // Вестник Башкирского университета. — 2018. — Т. 23, № 1. — С. 186—191.
15. Олянич, А. В. Рекламный дискурс и его конститутивные признаки // Рекламный дискурс и рекламный текст : коллектив. моногр. / А. В. Олянич ; науч. ред. Т. Н. Колокольцева. — М. : Флинта : Наука, 2011. — С. 10—38.
16. Поддерживаемая в актуальном состоянии версия закона «О запрете курения» в РФ [Электронный ресурс] // Гарант. — URL: <http://base.garant.ru/70321478/> (дата обращения 14.08.19).
17. Подставка, П. А. Семантика цвета в немецкой и английской культурах [Электронный ресурс] / П. А. Подставка // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки : сб. ст. по материалам XXX Междунар. студенч. науч.-практ. конф. № 3 (30). — URL: [http://sibac.info/archive/guman/3\(30\).pdf](http://sibac.info/archive/guman/3(30).pdf) (дата обращения 14.08.2019).
18. Таюпова, О. И. Реклама как вид медиатекста / О. И. Таюпова // Российский гуманитарный журнал. — 2017. — Т. 6, № 5. — С. 435—443.
19. Таюпова, О. И. Медиадискурс в системе институциональных дискурсов / О. И. Таюпова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы 9-й Междунар. науч. конф. (Челябинск, 18—20 апр.). Т. 2. — Челябинск : ЧелГУ, 2018. — С. 98—101.
20. Таюпова, О. И. Текстоцентризм в процессе современного журналистского образования / О. И. Таюпова // Трансформация медиасреды в 21 веке : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 24 апр. 2019 г.). — М. : РГГУ, 2019. — С. 132—136.
21. Учёнова, В. В. История рекламы / В. В. Учёнова, Н. В. Старых. — СПб. : Питер, 2002. — 304 с.
22. Филиппова, М. А. Языковая специфика рекламного дискурса [Электронный ресурс] / М. А. Филиппова // Молодой ученый. — 2016. — № 28. — С. 1033—1036. — URL: <https://moluch.ru/archive/132/37080> (дата обращения 14.08.2019).
23. Хаймендаль, Е. Цвет и Свет / Е. Хаймендаль. — Берлин, 1961. — 284 с.
24. Эксперты: число курящих в Германии значительно переоценивается [Электронный ресурс] (22.02.2008) // DW. — URL: <https://www.dw.com/ru/эксперты-число-курящих-в-германии-значительно-переоценивается/a-3144062> (дата обращения 14.08.19).
25. Perrin, D. Medienlinguistik. 3., aktualisierte Aufl. / D. Perrin. — Konstanz ; München : UVK Verlagsgesellschaft, 2015. — 259 S.

Приложение

Используемые материалы рекламного дискурса табачной продукции см.: <https://drive.google.com/open?id=1OCYBgCg25yP8sz2nE9YrjCFSsUzRAJr> (дата обращения 14.08.19).

Сведения об авторах

Раева Айгуль Робертовна — магистрантка 2-го года обучения кафедры немецкой и французской филологии Башкирского государственного университета, Уфа, Россия. raeva_1995@mail.ru

Смирнова Ариадна Станиславовна — магистрантка 2-го года обучения кафедры немецкой и французской филологии Башкирского государственного университета, Уфа, Россия. ariadna.st.smirnova@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 1 (435). *Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 142—150.*

DISTINCTIVE FEATURES OF LINGUISTIC AND EXTRALINGUISTIC MEANS IN TOBACCO ADVERTISESE

A.R. Raeva

Bashkir State University, Ufa, Russia. raeva_1995@mail.ru

A.S. Smirnova

Bashkir State University, Ufa, Russia. ariadna.st.smirnova@mail.ru

Advertising in the modern world plays a big role, especially regarding such controversial products as alcohol and tobacco. Despite the fact that smoking in Germany and Russia is perceived equally negatively, advertising is still actively used to promote goods and increase sales. The article considers various manipulative linguistic and extralinguistic methods used in print advertising of tobacco products (examples of which were taken from public sources) in order to attract both smokers and non-interested persons. Such an advertisement is distinguished by laconicity, but slogans abound in artistic techniques, painting the picture of belonging and allowing to feel the involvement in the atmosphere depicted. In the course of the work, it was established that the German print advertising is committed to the manipulation of social values and public recognition, and the Russian appeals to personal aspirations and material wealth.

Keywords: *advertising, advertese, psycholinguistics, tobacco products, the Russian language, the German language*

References

1. Alefirenko N.F. Rechevoj zhanr, diskurs, kutura [Speech genre, discours, culture]. *Zhanry rechi. Vyp. 5. Zhanr i kul'tura* [Speech genres. Iss. 5. Genre and culture]. Saratov, 2007. 440 p. (In Russ.).
2. Arutyunova N.D. *Predlozhenie i ego smysl* [Sentence and its meaning]. Moscow, 1992. 383 p. (In Russ.).
3. Akhmetshina A.A. Sovremennaya kommercheskaya reklama kak ideologicheskij apparat gosudarstva. Soziologicheskij rakurs [Modern advertising as a public outreach apparatus of government. From the sociological point of view]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of Chuvash University], 2009, no. 2, pp. 31-36. (In Russ.).
4. Bove K.L., Arens U.F. *Sovremennaya reklama. Russkoe izdanie* [Modern advertising. Russian edition]. Tolyatti, 1995. 704 p. (In Russ.).
5. Bychkovskaja N.V. *Sintaktiko-pragmaticheskiye osobennosti tekstov intervju v massmedijnom diskurse (na material sovremennyh nemeckyh zhurnalnyh interju)* [Syntactic-pragmatical distinctive features of interviews' texts in the discourse of media. Abstract of thesis]. Ufa, 2016. 24 p. (In Russ.).
6. VOZ nazvala chislo kurilshchikov na planete [WHO announced the number of smokers on the planet] from 30.05.2018. *Web-site of press agency TASS*. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/5249215>, accessed 14.08.19. (In Russ.).
7. Gabbasova G.A., Tayupova O.I. *Sovremennaya kommercheskaya reklama* [Modern advertising]. *Yazykovye edinicy v svete sovremennyh nauchnyh paradigim: materialy IV Vserossijskoj nauch.-prakt. konf.* [Units of language in the context of modern scientific paradigms: collection of articles on the results of the IV Russian student scientific and practical conference]. Ufa, 2018. Pp. 157-160. (In Russ.).
8. Goethe I. *Uchenie o cvete. Teoriya poznaniya* [Color study. Learning theory]. Moscow, 2018. 200 p. (In Russ.).
9. *Global'nyj opros vzroslogo naseleniya o potreblenii tabaka (GATS)* [Global Adult Tobacco Use Survey]. Russian Federation, 2009. Available at: https://www.who.int/tobacco/surveillance/ru_tfi_gatsrussian_countryreport.pdf, accessed 14.08.19. (In Russ.).
10. Gosduma ratificirovala ramochnuyu konvenciyu VOZ po borbe protiv tabaka [The State Duma ratified the WHO Framework Convention on Tobacco Control] from 11.04.2008, last update on 6.12.2017. *Newsru*. Available at: <https://www.newsru.com/russia/11apr2008/voz.html>, accessed 14.08.19. (In Russ.).
11. Zagladko L.A. Simvolicheskoe znachenie cveta v frazeologicheskikh edinicah nemeckogo yazyka [Symbolic meaning of color in German idioms]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow State University. Series: Linguistics], 2009, no. 3, pp. 194-197. Available at: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/1193>, accessed 14.08.19. (In Russ.).
12. Krivososov A.D. *PR-tekst v sisteme publichnyh kommunikacij* [PR-text in the public communications' system]. 2nd edition, amplified. St. Petersburg, 2002. 288 p. (In Russ.).
13. Minlibajeva E.R. Reklamnyj diskurs: kluchevye problem [Advertese: critical issues]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir State University], 2002, vol. 23, no. 4, pp. 1163-1168. (In Russ.).
14. Minlibajeva E.R. Reklamnye teksty v aspekte teorii kreolizacii [Advertising texts in relation to creolization theory]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir State University], 2018, vol. 23, no. 1, pp. 186-191. (In Russ.).

15. Olyanich A.V. Reklamnyi diskurs i ego konstitutivnye priznaki [Advertese and its distinctive feature]. *Kolokolceva T.N. (ed.). Reklamnyi diskurs i reklamnyi tekst* [Advertese and advertising copy]. Moscow, 2011. Pp. 10-38. (In Russ.).
16. Podderzhivaemaya v aktualnom sostoyanii versiya zakona "O zaprete kureniya" v RF [Up-to-date version of the Smoking Prohibition Law of Russian Federation]. *Garant*. Available at: <http://base.garant.ru/70321478/>, accessed 14.08.19. (In Russ.).
17. Podstavka P.A. Semantika cveta v nemeckoj i anglijskoj kulturah [Color meaning in German and English cultures]. *Nauchnoe soobshchestvo studentov XXI stoletiya. Gumanitarnye nauki: sb. st. po mat. XXX Mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf.* [Academic student community of the XXI century. Human sciences: collection of articles on the results of the XXX International student scientific and practical conference], iss. 3 (30). Available at: [http://sibac.info/archive/guman/3\(30\).pdf](http://sibac.info/archive/guman/3(30).pdf), accessed 14.08.2019. (In Russ.).
18. Tayupova O.I. Reklama kak vid mediateksta [Advertising as a mediatext type]. *Rossijskij humanitarnyj zhurnal* [Russian humanities academic journal], 2017, vol. 6, no. 5, pp. 435-443. (In Russ.).
19. Tayupova O.I. Mediadiskurs v sisteme institucionalnyh diskursov [Mediadiscourse in the system of institutional discourses]. *Slovo, vyskazyvaniye, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kulturologicheskom aspektoh: materialy IX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Word, sentence, text in the cognitive, pragmatic and culture contexts: collection of articles on the results of the IX Russian student scientific conference]. Vol. 2. Chelyabinsk, 2018. Pp. 98-101. (In Russ.).
20. Tayupova O.I. Tekstocentrizm v processe sovremennogo zhurnalistskogo obrazovaniya [Textocentrism in the modern journalists' education]. *Transformaciya mediasredy v XXI veke: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Transformation of mediasphere in the XXI century: collection of articles on the results of the International scientific and practical conference]. Moscow, 2019. Pp. 132-136. (In Russ.).
21. Uchjenova V.V., Starykh N.V. *Istoriya reklamy* [History of advertising]. St. Petersburg, 2002. 304 p. (In Russ.).
22. Fillippova M.A. Yazykovaya specifika reklamnogo diskursa [Language distinctive features of advertese]. *Molodoj uchenyi* [Young scientist], 2016, no. 28, pp. 1033-1036. Available at: <https://moluch.ru/archive/132/37080>, accessed 14.08.2019. (In Russ.).
23. Haimendal E. *Cvet i svet* [Color and light]. Berlin, 1961. 284 p. (In Russ.).
24. Exprety: chislo kuryashchih v Germanii znachitelno pereozenivaetsya [Experts: the number of smokers in Germany is significantly overvalued] from 22.02.2008. *DW*. Available at: <https://www.dw.com/ru/эксперты-число-курящих-в-германии-значительно-переоценивается/a-3144062>, accessed 14.08.19. (In Russ.).
25. Perrin D. *Medienlinguistik. 3., aktualisierte Aufl.* Konstanz, München, UVK Verlagsgesellschaft, 2015. 259 S. (In German).

Enclosure

Cigarettes advertising material of this study are available at: <https://drive.google.com/open?id=1OCYBgCg25yyP8sz2nE9YrjCFSsUzRAJr>, accessed 14.08.19.

ЦЕННОСТИ КОРПОРАТИВНОГО ДИСКУРСА: К МЕТОДИКЕ АНАЛИЗА

И. П. Ромашова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

Обсуждаются методологические вопросы анализа ценностей дискурсов. Автор применяет двухэтапную методику комплексного когнитивно-дискурсивного анализа для экспликации ценностей корпоративного дискурса. Результатом применения данной методики к текстам корпоративных миссий стало выявление типовых контекстов, в которых реализуется ценностная семантика, ее маркеров. В статье выстроена классификация ценностных концептов корпоративного дискурса.

Ключевые слова: *корпоративный дискурс, ценности дискурса, методы анализа ценностей дискурса.*

Ценности, по мнению лингвистов, представляют собой «интегральную часть дискурса, фиксирующего определенное видение мира, выгодное стоящим за этим дискурсом социальным акторам» [8. С. 122]. Анализ системы ценностей, воплощенных в том или ином дискурсе, составляет один из обязательных аспектов методики дискурс-анализа, предложенной В. И. Карасиком [5].

В данной статье проведен лингвистический анализ ценностей корпоративного дискурса (КД). В КД имеется специальный жанр, одной из композиционных составляющих которого является раздел «Ценности». Декларируя ценности в миссии, корпорации информируют общество о принципах, на основе которых они осуществляют свою деятельность. Материалом для исследования в настоящей статье стали тексты 36 миссий коммерческих структур, из которых 7 текстов принадлежат компаниям топливно-энергетической сферы, 11 — российским банкам, 7 — телекоммуникационным компаниям и 11 — IT-компаниям.

Если говорить о КД, то, несмотря на имеющиеся исследования по его концептуальной организации, вопрос о том, какие же ценности входят в концептосферу дискурса отечественных компаний и организаций, остается не до конца проясненным. В работах Ю. В. Данюшиной выявлены «аксиориторические доминанты» сетевого бизнес-дискурса нефтяных ТНК, в том числе российских [3. С. 40]. В частности, автор отмечает, что сетевой бизнес-дискурс нефтяных компаний России стал «более социализированным»: «В нем главные цели бизнеса/капитала должны подаваться как интересы общества» [3. С. 40]. В монографии специалиста по стратегическому менеджменту Н. В. Тесаковой изложена типология корпоративных ценностей,

декларируемых обычно в миссиях, однако автор опирается на миссии только зарубежных компаний [10. С. 14]. Полагаем, что когнитивно-дискурсивный анализ ценностей отечественных корпораций позволяет уточнить эту классификацию применительно к российским компаниям.

Методы и методология

Задача экспликации ценностей поднимает вопрос о лингвистической методике этой процедуры. Изучение ценностей находится в ведении специальной языковедческой отрасли — аксиологической лингвистики (Д. О. Добровольский, В. И. Карасик, Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Ю. Д. Апресян, В. В. Колесов, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, Е. В. Бабаева, С. Г. Воркачев, Н. В. Орлова и др.). Ценности в аксиологической лингвистике и дискурсологии объективируются в виде ценностных концептов: «концептов-ценностей», «аксиологических концептов» [7], «аксиологем» [4], «ценностных смыслов» [8]. По мнению исследователей, ценностный концепт представляет собой структуру сознания, фрагмент картины мира, объективированный в языке: «Анализ языковых средств системы оценки целостного текста позволяет выявить и описать тезаурус ценностных смыслов этого текста» [Там же. С. 122]. Ряд исследователей справедливо замечают, что особенностью языковой репрезентации ценностных концептов является то, что не все слова, обозначающие такие концепты, имеют в своем семном составе узуально закрепленную оценку (ср. аксиологические концепты русской культуры «душа», «совесть», «труд» и др.). Как следствие, при лингвокогнитивном анализе ценностный статус концепта обычно приходится

доказывать: «Вопрос о наличии аксиологической составляющей концепта не получил до настоящего времени однозначного решения» [1]. С. Г. Воркачев говорит о существовании особого «ценностного измерения концепта», которое «не имеет анализируемых специфических средств выражения и не является универсальным» [2. С. 6]. Иными словами, задача разработки методики лингвистического анализа ценностей остается актуальной, что заставило нас обратиться к теории данного вопроса.

Анализ научной литературы и собственного материала позволяет согласиться с теми исследователями, которые утверждают, что большинство маркеров, эксплицирующих ценностный статус концепта, носят дискурсивный характер. Так, Е. С. Миронец, М. В. Гаврилова и другие лингвисты устанавливают ценностный характер концепта на основе контент-анализа по степени частотности употребления его маркеров в дискурсе. Преимущественно о дискурсивных параметрах выявления ценностных концептов пишет В. И. Карасик, полагая, что способом экспликации ценностной семантики могут стать «аксиологические протокольные предложения» [6. С. 211]. Е. В. Бабаева в своих работах прямо говорит о «дискурсивном измерении ценностей», относя к его маркерам «фиксацию правил поведения различными системами нормативной регуляции (право, мораль, религия, обычаи, ритуалы, этикет)», «постоянную актуализацию в различных типах дискурса (рекламном, политическом, религиозном, масс-медиа) через использование ключевых и тематических слов, метафор, импликаций, аллюзий, аргументативных стратегий» [1. С. 11]. Как следствие, для моделирования ценностной составляющей концептов специалисты привлекают комплексные методики: контент-анализ, методы дефиниционного, семантического анализа, лингвокогнитивного анализа, но обязательно с привлечением контекстологического анализа и исследованием дискурсивной реализации концепта.

Размышления о дискурсивных средствах экспликации ценностей имеют непосредственное отношение к изучаемому жанру КД — миссии. В эталонном варианте миссии ценности должны быть заявлены открыто в специальном разделе «Наши ценности», но в рассмотренном материале такой раздел имеется только в 14 из 36 миссий: «*Наши ценности. Честность. Профессионализм. Менталитет победителя. Менталитет ответственного собственника. Взаимоуважение*» (Миссия «Газпром нефти»);

«*Надежный. Российский. Открытый*» (Ценности бренда ВТБ). В остальных случаях экспликация корпоративных ценностей требует применения лингвокогнитивного анализа. Следовательно, применительно к миссиям можно говорить о шкале эксплицитности выражения корпоративных ценностей — от открытой их декларации до текстов, где вербализация ценностей требует применения комплексной методики лингвистического анализа: контекстуальный анализ, выявляющий типовые контексты выражения ценностной семантики в жанре «миссия»; лексико-семантический анализ слов, выражающих ценностную семантику; когнитивно-дискурсивный анализ, позволяющий реконструировать фрейм «Корпоративные ценности» и его слоты. При таком подходе ценности КД выступают как идеологемы, формирующие концептуальные схемы и категории, обуславливающие процессы восприятия, обработки и оценки получаемой информации о том или ином идеологически значимом объекте (компании или организации).

Результаты исследования

Комплексный когнитивно-дискурсивный анализ ценностей на материале миссий позволил систематизировать контекстуальные средства репрезентации ценностных концептов и смыслов, реконструировать фрейм «Ценности КД» и выделить его слоты.

1. Слот «ценность — основа деятельности»

Поскольку ценности представляют собой центральное измерение дискурса, в миссиях они подаются как основа деятельности корпораций: *Наши ценности определяют смысл и содержание деятельности* (Миссия Сбербанка). Экспликация ценностей в качестве базовых принципов деятельности подчеркивается лексемами *ценно, ценится*, определением *базовые* (принципы), предикатами *основан (на)...*, *опираться на...*, *основан(ный) на принципах...*; предложно-падежными сочетаниями *на основе, на базе*: «Компания, в которой высоко *ценятся*: компетентность, командность» (Миссия IT-компании «Энтегрум»); «Банк действует *на основе* принципов надежности, качества, честного ведения бизнеса» (Миссия ММБанка); «...*основанного на принципах* справедливой конкуренции...» (Миссия IT-компании B2B-Center). Ключевая роль ценностей выражается с помощью лексем *главное, приоритет, основы, credo, культ*: «*Главное* в бизнесе — это результат» (Миссия IT-компании «Сапран-Групп»); «*Интересы клиентов — глав-*

ный приоритет в нашей работе» (Миссия банка «Урал ФД»); «Кредо компании: качественное выполнение работ» (Миссия «Авикомп Сервисез»).

2. Слот «ценность — условие, способ деятельности»

Представление о ценностях как об условии деятельности корпораций находит языковое выражение в предложно-падежных сочетаниях на основе..., за счет..., при (условии, соблюдении): «Мы достигаем этого на основе выверенных управленческих решений»; «повысить за счет образования и практики»; «расширение границ знаний при соблюдении профессиональной этики». Представление о ценности как об условии деятельности может передаваться прилагательными в припредикатной позиции для характеристики обстоятельства протекания действия: «Мы работаем и сотрудничаем с бизнесом в четком правовом, справедливом налоговом и прозрачном экономическом пространстве» (Миссия Центробанка).

3. Слот «ценность — цель деятельности»

Поскольку под ценностями в лингвистической аксиологии понимается «идеальное образование — модель должного» [8. С. 123], ценность заявляется в качестве цели корпорации — того, к чему корпорация стремится. Маркерами ценностной семантики становятся предлоги с целевым значением во имя..., для..., ради...: «во имя прогресса и процветания человечества»; «для развития каждого члена нашего коллектива»; «для достойного проживания и повышения благосостояния населения». Слот «ценность — цель деятельности» реализуется в КД с помощью глаголов *стремиться* (к), *нести* (в мир), *добиваться*..., *содействовать*, *(всемерно) способствовать* и отглагольных существительных, обретающих в этом контексте ценностную семантику: «Мы стремимся *добиваться высочайшего качества* предоставляемых услуг» (Миссия «ВымпелКом»); «*Вся наша деятельность построена вокруг и ради интересов клиентов*» (Миссия IT-компании В2В-Center). Кроме того, слот «ценность как цель» вербализуется с помощью придаточного цели: «*чтобы жизнь в регионе стала комфортной, благоустроенной*» (Миссия «Уралбанк ФД») — или деепричастных оборотов: «...*учитывая интересы клиентов, акционеров и персонала банка*» (Миссия Центробанка). Лексемы, которые обозначают цель корпорации, в таких контекстах обретают аксиологическую семантику.

4. Слот «ценности — атрибут корпорации»

Так как в миссии передается перспективный образ корпорации, построенный с учетом ее стратегических целей, то слова-ценности могут занимать роль характеризующего предиката при подлежащем, обозначающем компанию: «*Мы эффективны*» (Миссия Уралтрансбанка); «*ВТБ: Надежный. Российский. Открытый*».

5. Слот «ценности — блага, которые дает корпорация»

Данная семантика реализуется в контекстах: «*Мы видим свою миссию в ...*», «*Мы даем (людям, обществу)...*», которые управляют существительными или словосочетаниями, приобретающими в данном контексте ценностную семантику: «Мы даем людям *уверенность и надежность*, помогая реализовывать *устремления и мечты*» (Миссия Сбербанка); «Мы работаем с людьми и для людей. Мы создаем *увлекательный мир* мобильных коммуникаций и новых предложений» (Миссия МТС).

Изучение контекстуальных средств экспликации ценностной семантики позволило выявить состав ценностных концептов КД, воплощенных в миссиях.

Состав ценностных концептов КД

В первую очередь мы ориентировались на слова-ценности, эксплицитно представленные в разделе миссии «Наши ценности»: *лидерство* (12 выборов); *профессионализм* (8), *открытость* (8), *ответственность* (5), *патриотизм* (5), *надежность* (4), *честность* (4), *взаимоуважение* (3), *доступность* (3), *эффективность* (2), *потребности населения/общества/клиентов* (2), *инновационность* (1), *честность* (1). Как видно из перечня, большинство корпораций включают в состав ценностей *лидерство*, что должно характеризовать их как амбициозные профессиональные группы. Далее среди эксплицитно обозначенных ценностей доминируют социальные ценности: *открытость, ответственность, патриотизм, доступность, потребности населения/общества/клиентов*. Социальную ориентацию имеют также этические ценности: *надежность, честность, взаимоуважение*.

Когнитивно-дискурсивный анализ с опорой на выявленные контекстуальные маркеры ценностной семантики позволил также выделить следующие ценности КД: *лидерство* (в 25 миссиях), *клиентоориентированность* (в 18), *профессионализм* (15), *эффективность* (15),

инновационность (15), надежность (14), честность (14), открытость/прозрачность (12), развитие/рост (10), патриотизм (9), свобода (свободы) и права (9), единство (в том числе командное) (8), ответственность (7), конкурентоспособность компании и конкурентоспособность клиентов/страны/региона (7), забота о сотрудниках (7), равенство (равный доступ к услугам / равные права) (5), социальная ответственность (5), благополучие компании (5), качество работы/товаров/услуг (5), безопасность клиентов (5), традиции, духовные ценности (5), природа, экология (5), стабильность (клиентов) (4), комфорт, удобство (клиентов) (4), самореализация (сотрудников/потребителей) (3), культурный, научный потенциал страны (2), гармония (2).

Поскольку речь идет о дискурсе профессиональных организаций, первую группу корпоративных ценностей формируют принципы профессиональной деятельности. В этой группе абсолютно доминирует такая ценность, как *лидерство*: «*Лучший банк на рынке*» (Миссия Банка Москвы); «*Занимая лидирующие позиции в продвижении*» (Миссия IT-компании «ДатаКрат»); «*Мы идем в авангарде позитивных преобразований*» (Миссия IT-компании IBS). Доминирование ценности «лидерство» обусловлено задачей миссии как жанра, в котором декларируется роль и место компании в обществе и в профессиональной среде.

Многие компании отражают в миссиях такой принцип деятельности, как «клиентоориентированность». Анализ показал, что ориентация на удовлетворение потребностей клиентов составляет ключевую ценность современных корпораций. Принцип клиентоориентированности нередко является первым в списке ценностей: «*1. Все — для клиента. Вся наша деятельность построена вокруг и ради интересов клиентов*» (Миссия Сбербанка). Особенностью языкового воплощения этого ценностного концепта является то, что само слово «клиентоориентированность» в текстах практически не используется. «Клиентоориентированность» выступает как ценностная составляющая концепта «Клиент». Ценностную семантику концепт «Клиент» приобретает в контекстах: *ориентация на интересы клиента (потребителя), удовлетворение спроса потребителей*; в предложно-падежном сочетании *на благо клиента*. Изучение корпоративных миссий показало: «Клиент» в текстах миссий выступает как абсолютная ценность, что вербализуется в текстах припредикатными обстоятельствами и определениями со значени-

ем «тотального охвата» (*всегда, всё, весь, в любом случае, повсеместно*): *клиент всегда прав; всё — для клиента; вся наша деятельность построена вокруг и ради интересов клиентов*. Ценностная семантика объективируется через описание тех чувств, которые, согласно миссии, испытывают сотрудники корпорации по отношению к клиенту: «*помощь людям — с удовольствием и гордостью*»; «*с удовольствием консультируют клиентов*»; «*проявлять внимание к каждому клиенту, дружелюбие и приветливость*». Таким образом, когнитивно-дискурсивное моделирование аксиологической составляющей концепта «Клиент», обозначенной нами как «Клиентоориентированность», дает возможность выделить следующие ее характеристики: 1) «благо», «интересы», «потребности», «безопасность» клиента являются объектом постоянной заботы сотрудников корпорации; 2) клиент выступает в роли «гостя» или «партнера»; 3) ценностный статус подчеркивается вневременным хронотопом концепта «Клиент» (*всегда, в любом случае*); 4) миссии предписывают по отношению к клиенту кодекс «ценностного» отношения и поведения: *выслушать, услышать, помочь, с улыбкой, внимательно и приветливо*: «*Мы считаем своим профессиональным долгом решать задачи клиента как свои собственные*» (Миссия IT-компании «Астерос»). Когнитивное моделирование ценностного смысла «клиент ориентированность» концепта «Клиент» позволило сделать вывод о дискурсивной сакрализации клиента как ценности в КД коммерческих структур.

Третьим по частотности в миссиях заявлен принцип «Профессионализм». В текстах миссий данный ценностный концепт выражен преимущественно через однокоренные слова (*профессионалы, профессиональный, профессионализм*): «*Банк, последовательно проводящий взвешенный, разумный и профессиональный подход к рискам, банк, работать в котором стремятся лучшие профессионалы*» (Миссия Сбербанка); «*Мы приносим пользу. Мы профессиональны*» (Миссия Уралтрансбанка); «*...повышающие эффективность бизнеса наших заказчиков за счет использования передовых технологий, профессионализма...*» (Миссия IT-компании «Астерос»). Ценностная семантика находит выражение через использование узувальных устойчивых оборотов с позитивным оценочным значением: *профессиональный подход, профессиональный долг, образец профессионализма*. К средствам реализации ценностной семантики концепта «Профессионализм» относят-

ся предположно-падежные сочетания с орудийным значением: *опираясь на профессиональные знания, опора на профессионализм*.

Четвертым в списке принципов профессиональной деятельности выступает «*Эффективность*»: «*Быть лидером по эффективности*» (Миссия «Газпром нефти»); «*Мы эффективны*» (Миссия Уралтрансбанка). Корпорация может вкладывать свой, особенный смысл в понимание эффективности: «*Об эффективности. Умение достигать максимальных результатов при минимальных затратах показывает безусловную эффективность нашей деятельности. Выполняя задачу, мы неизменно стремимся к повышению результативности*» (Миссия IT-компании R-Style). В целом ряде примеров эффективность синонимизируется с результативностью или успешностью: «*Главное в бизнесе — это результат. Он определяет эффективность нашей работы*» (Миссия IT-компании «Сапран Групп»).

Профессионализм корпораций во многом определяется креативностью, готовностью к обновлению знаний, изменениям, то есть «*Инновационностью*»: «*используя инновации как способ ведения бизнеса*» (Миссия компании «Астерос»); «*Об инновациях. Новые информационные технологии — наша профессия*» («Сапран Групп»). Концепт вербализуется в основном через лексемы с корнем *нов-* (*новый, новатор, инновации*), а также через прилагательные *передовой, современный, креативный*: «*Мы уверены, что достигнем целей, стоящих перед компанией, благодаря постоянному введению новых технологий*» (Миссия компании «Ситроникс»); «*Мы компания, продвигающая передовые high tech технологии в общество и являющаяся новатором по предложению новых сервисов и услуг*» (Миссия компании Ortima); «*Мы креативны*» (Миссия Уралтрансбанка).

Таким образом, лидерство, клиентоориентированность, профессионализм, эффективность и инновационность составили основную группу ценностных смыслов и концептов, характеризующих профессиональную деятельность отечественных корпораций.

Вторую группу корпоративных приоритетов составили социально ориентированные ценности. Прежде всего туда вошли так называемые принципы «социальной ответственности»: «*служение обществу*» (Миссия Центробанка); «*Банк Москвы — социально ответственный банк*»; «*“Сургутнефтегаз” разделяет принципы социальной ответственности*». Причем в миссиях

не всегда расшифровывается, в чем заключаются «принципы социальной ответственности», что входит в концепт «Социальная ответственность». В целом можно согласиться с выводом лингвиста М. В. Терских, представившей лингвокогнитивную модель данного концепта, что социальная ответственность является, скорее, «позитивно окрашенной мифологемой, за которой часто нет никакого конкретного структурированного содержания» [9. С. 185].

Установлению аксиологического единства с социумом способствует вторая группа ценностей — этических. Они характеризуют отношения с целевыми аудиториями с точки зрения деловой этики. В эту группу вошли такие ценности, как *честность, открытость, надежность*. Чаще других в миссиях декларируется *честность*: «*вести бизнес честно и ответственно*» (Миссия «Газпром нефти»); «*Я честен с собой, коллегами и клиентами*» (Миссия Сбербанка); «*Мы работаем честно*» (Миссия банка «Русский стандарт»). Метафорическим эквивалентом честности в текстах миссий выступают *открытость/прозрачность/предсказуемость*, которые могут использоваться как синонимы: «*Мы ценим честность, открытость*» (Миссия «Сапран Групп»); «*Ценности бренда ВТБ: Надежный. Российский. Открытый; на принципах открытости, прозрачности и предсказуемости*» (Миссия Сбербанка).

К рассматриваемой группе социально ориентированных ценностей примыкают ценности общегуманитарные: *улучшение жизни, свобода, единение людей, равенство* (доступа к товарам и услугам, равенство прав), *традиции, духовные ценности, самореализация, культурный, научный потенциал, гармония*: «*Банк, в котором интересно работать*»; «*Мы делаем мир разумнее*» (Миссия «Сапран Групп») и др.

Анализ показал, что в системе ценностей КД, заявленных в миссиях, выделяются две ключевые группы. Первая содержит принципы профессиональной деятельности. Вторая — ценности, созвучные аксиологическим доминантам общества и отдельного человека. Заслуживает внимания тот факт, что одна и та же ценность подается в миссиях с точки зрения как корпоративных, так и общественных интересов. Ценности вступают в специфическую бинарную оппозицию «ценность для корпорации» / «ценность для общества»: *эффективность компании — эффективность бизнеса клиентов; благополучие компании — благополучие, благосостояние страны/населения/общества*

в целом; конкурентоспособность компании — конкурентоспособность страны/региона и др.

Проведенное исследование корпоративных ценностей показало, что комплексный когнитивно-дискурсивный анализ является эффективным методом изучения ценностей дискурса. Он позволяет вы-

явить текстовые маркеры ценностной семантики, на основе которых можно выделить и описать ценности КД, встроить их классификацию, показать их приоритетность, что само по себе является важным показателем для аксиологии.

Список литературы

1. Бабаева, Е. В. Дискурсивное измерение ценностей / Е. В. Бабаева // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2003. — Т. 1, вып. 1. — С. 11—15.
2. Воркачев, С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа / С. Г. Воркачев. — Краснодар : Техн. ун-т Кубан. гос. технол. ун-та, 2002. — 316 с.
3. Данюшина, Ю. В. Метафора в дискурсе бизнес-медиа (опыт социокогнитивного анализа) / Ю. В. Данюшина // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2011. — № 1 (026). — С. 37—44.
4. Дотдаева, Ф. И. Политические ценности в официальных обращениях президентов США / Ф. И. Дотдаева // Новые идеи в лингвистике XXI века : материалы I Междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. В. А. Хомякова. Ч. II. — Пятигорск : Пятигорский государственный лингвистический университет, 2009. — С. 37—43.
5. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. — Волгоград : Перемена, 2000. — С. 5—20.
6. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 385 с.
7. Миронец, Е. С. Изменение в концептуализации ценности «democracy» на примере инаугурационных речах президентов США / Е. С. Миронец // Современные гуманитарные исследования. — 2006. — № 5. — С. 189—194.
8. Молодыхенко, Е. Н. Ценности и оценка в дискурсе консюмеризма: Лингво-прагматический и критический анализ / Е. Н. Молодыхенко // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». — 2016. — № 3. — С. 122—130.
9. Терских, М. В. Социальная ответственность как ключевая категория современного рекламного и PR-дискурса / М. В. Терских // Политическая лингвистика. — 2012. — № 3 (41). — С. 178—185.
10. Тесакова, Н. В. Миссия и Корпоративный Кодекс / Н. В. Тесакова. — М. : РИП-Холдинг, 2003. — 187 с.

Сведения об авторе

Ромашова Инна Петровна — доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия. romashova.inna@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 1 (435). *Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 151—157.*

VALUES OF CORPORATE DISCOURSE: ON THE METHODS OF ANALYSIS

I.P. Romashova

Omsk F.M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia, romashova.inna@gmail.com

The article presents an overview of cognitive and axiological studies on methodological issues of discourse value analysis. The author of the article applies a two-stage method of corporate discourse value study. The application of this methodology to the texts of corporate missions has resulted in the identification of typical contexts in which value-based semantics is implemented and shaping of those value-based concepts and meanings that are presented in the corporate discourse. Application of methods of cognitive and discourse analysis allowed the author of the article to present classification of values of national companies, to identify principles of their presentation in the texts of missions. The practical significance of the study is determined

by the fact that this material is used in lectures on modern linguistic discourse studies and for teaching public relations subjects.

Keywords: *corporate discourse, discourse values, methods of analyzing discourse values.*

References

1. Babaeva E.V. Diskursivnoye izmereniye tsennostey [Discursive measurement of values]. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of the NGU. The Linguistics and Intercultural Communication Series], 2003, no. 1, pp. 11-15. (In Russ.).
2. Vorkachev S.G. *Kontsept schast'ya v russkom yazykovom soznanii: opyt lingvokul'turologicheskogo analiza* [The concept of happiness in the Russian language consciousness: the experience of linguoculturological analysis]. Krasnodar, Kuban. St. Technol. Univ. Publ., 2002. 316 p. (In Russ.).
3. Danyushina Yu.V. Metafora v diskurse biznes-media (opyt sotsio-kognitivnogo analiza) [Metaphor in the discourse of business media (the experience of socio-cognitive analysis)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics], 2011, no. 1 (026), pp. 37-44. (In Russ.).
4. Dotdayeva F.I. Politicheskiye tsennosti v ofitsial'nykh obrashcheniyakh prezidentov SSHA [Political values in official addresses of US presidents]. *Novyye idei v lingvistike XXI veka* [New Ideas in 21st New ideas in linguistics of the XXI century: Proceedings of the I International Scientific Conference, dedicated to the memory of Professor V.A. Khomyakova], pt. II. Pyatigorsk, 2009. Pp. 37-43. (In Russ.).
5. Karasik V.I. O tipakh diskursa [On the types of discourse]. *Yazykovaya lichnost': institucional'nyy i personal'nyy diskurs* [Language personality: institutional and personal discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2000. Pp. 5-20. (In Russ.).
6. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 385 p. (In Russ.).
7. Mironets E.S. Izmeneniye v kontseptualizatsii tsennosti "democracy" na primere inauguratsionnykh rechakh prezidentov SSHA [The change in the conceptualization of the value of "democracy" on the example of the inaugural speeches of US presidents]. *Sovremennyye gumanitarnyye issledovaniya* [Modern Humanitarian Studies], 2006, no. 5, pp. 189-194. (In Russ.).
8. Molodychenko E.N. Tsennosti i otsenka v diskurse konsyumerizma: Lingvo-pragmaticheskiy i kriticheskiy analiz [Values and evaluation in the discourse of consumerism: linguistic-pragmatic and critical analysis]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. The Humanities and Social Sciences Series], 2016, no. 3, pp. 122-130. (In Russ.).
9. Terskich M.V. Sotsial'naya otvetstvennost' kak klyuchevaya kategoriya sovremennogo reklamnogo i PR-diskursa [Social responsibility as a key category of modern advertising Social responsibility as a key category of modern advertising and PR discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2012, no. 3 (41), pp. 178-185. (In Russ.).
10. Tesakova N.V. *Missiya i Korporativnyy Kodeks* [Mission and Corporate Codex]. Moscow, RIP-Holding Publ., 2003. 187 p. (In Russ.).

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ СОВЕТИЗМОВ В РЕЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

К. О. Сапарова, С. А. Рузметов

Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан

Рассматривается проблема функционально-коммуникативной обусловленности употребления советизмов представителями старшего поколения в речи на примере узбекского языка. Отмечается, что в узбекском языке русские заимствования советского периода составляют особый пласт лексических единиц, являющихся в настоящее время характерным признаком речи в основном представителей старшего поколения.

Ключевые слова: *представитель старшего поколения, советизм, заимствование, дифференцированное восприятие, адаптация, арабизм, посредничество, дефицит наименований.*

В связи с процессом увеличения доли представителей старшего поколения в общей численности населения, что наблюдается во всем мире, вопросы, связанные со старостью и старением, становятся одними из ключевых и актуальных, обсуждаемых на мировом уровне. Выдвижение представителей старшего поколения в качестве объекта исследования обусловлено процессом общего старения населения во многих странах: в сравнении с 2017 г., когда доля пожилого населения составляла 13 % общей численности населения мира, по прогнозам демографов, к 2050 г. она будет составлять четверть населения (<https://www.un.org>). Это ставит на повестку дня вопрос об изучении проблем, связанных с процессом старения для геронтологов и ученых других смежных отраслей. В частности, приобретают особый научный интерес изучение вопросов речеповеденческой деятельности, исследование познавательных особенностей для лингвистов и т. д.

Кроме этого, как утверждает И. А. Стернин, общение представителей старшего поколения практически не изучено в возрастной и коммуникативной лингвистике. Данный вопрос стал предметом исследования только в психологии и психотерапии [10. С. 5]. В свою очередь неизученность коммуникативных особенностей представителей старшего поколения в лингвистике, в частности факторов, воздействующих на выбор и употребление иноязычных слов в речи, свидетельствует об актуальности выбранной нами темы данной статьи.

Пожилые люди — особая социально-демографическая группа, характеризующаяся неоднородностью внутри демографической группы, социальной зрелостью, специфическим миропониманием,

изменением социального положения в связи с выходом на пенсию, который обуславливает смену образа жизни, семейных и общественных функций, высоким профессионализмом, постепенным ухудшением здоровья, обусловленным процессом биологического старения [9. С. 170]. Представители старшего поколения отличаются от репрезентантов других возрастных групп особым образом мышления, социальной ролью, опытом, элементом которого можно считать мудрость, иногда и слабым состоянием здоровья, обусловленного ухудшением обмена веществ в организме, и т. п.

Для пожилых людей, по словам И. А. Стернина, характерны возрастные особенности восприятия некоторых понятий, в результате чего, говоря об одном и том же, пожилые и молодые понимают суть по-разному. Далее автор приводит в качестве примера слово «лидер». Под этим понятием молодежь подразумевает активного, амбициозного, наступательного человека с карьерным продвижением, а в сознании пожилого человека — это человек, умеющий брать на себя ответственность и оказывать поддержку другим [10. С. 17]. В качестве примера дифференцированного восприятия заимствований в узбекском языке представителями молодого и старшего поколений можно привести и слово *купон*, которое было заимствовано из французского языка (*couper — отрезать*) и через посредничество русского языка попало в узбекский. Под этим понятием пожилой человек может понимать денежную единицу (сум-купон), действовавшую в Узбекистане в 1993—1994 гг. Молодой человек понимает это слово в его новом значении «документ или отрезной талон, дающий право на скидку при покупке».

Как утверждает О. В. Бахмет, в английском языке есть лексические единицы, маркирующие принадлежность человека к определенной возрастной группе [1. С. 8]. Это проявляется и в узбекском языке. В качестве примера к слову, маркирующему принадлежность человека к старшему поколению, может послужить функционирование в его речи термина *кооператив*, заимствованного из немецкого языка (*Kooperative* — *сотрудничество*) через посредство русского. В советское время в русском языке часто употреблялось производное от данного слова прилагательное *кооперативный* (*кооперативный магазин* — магазин, основанный на принципе объединения средств пайщиков). С распадом СССР это прилагательное было заменено словом *акционерный*, производным от *акция*.

Изучая вопрос о различиях в речи пожилых людей и молодежи, Н. С. Трубецкой отмечает, что в большинстве случаев молодежь преднамеренно остерегается воспроизводить произношение пожилых людей, так как в их понимании речь представителей старшего поколения характеризуется «старомодностью» [11. С. 27]. Речь данных возрастных групп может различаться не только произношением, но и употреблением заимствованных слов: в речи молодежи преобладают новейшие заимствования, а речь пожилых людей может характеризоваться употреблением таких заимствований, которые ввиду некоторых обстоятельств могли устареть. Например, в речи пожилых людей часто используются советизмы — лексические единицы (слова, словосочетания, обороты, сокращения), проникшие в узбекский язык в годы советской власти из русского языка или через его посредство и обозначающие в основном понятия и реалии того периода.

«В годы советской власти узбекский язык развивается ускоренными темпами. Он обрел все компоненты и атрибуты, характеризующие современные развитые национальные языки: богатый словарный состав, разнообразную терминологию, развитую систему стилей литературного языка, научно разработанную грамматику и др. [13. С. 4]. Действительно, серьезные научные работы начались осуществляться в советский период. Именно тогда зародилось узбекское языкознание в научно обработанном виде. Исследованию подверглись не только литературный язык, но и его диалекты.

К. А. Ушаров, рассматривавший состояние узбекского языка в 1940-х гг., отмечал, что «узбекский язык переживал период бурного развития»: менялась экономика страны, бурными темпами

коллективизировались кишлак и аул, что непосредственно отражалось и на языке. Для обозначения новых явлений, новых межличностных отношений необходимы были новые слова [12. С. 5—6]. Однако «словарный состав узбекского языка не отвечал уровню развития промышленности, науки и культуры» [13. С. 4].

Дефицит наименований в узбекском языке для обозначения новых явлений и понятий восполнялся за счет заимствованных из русского или других языков слов. Например, в узбекский язык проникли слова *китель* (нем. *Kittel*), *линейка* (лат. *lineare*), *партия* (франц. *parti*). Кроме этого, узбекский язык заимствовал более сотни исконно русских слов типа *съезд*, *совет*, *райПО*, *общепит*, *комхоз*, *гражданин* и т. п.

В этот период в узбекский язык через русский проникли такие слова, как *билет* (документ, выданный какой-нибудь организацией и подтверждающий членство в ней), *газвода* (газированная вода), *пионер* (член детской коммунистической организации), *галстук* (пионерский — символическая шейная косынка пионеров), *значок* (небольшая символическая нагрудная иконка), *керосинка* (нагревательный прибор для приготовления пищи), *коллективизация* (объединение земельных участков мелкопоместных крестьян-дехкан), *комитет* (в основном выборный орган для руководства какой-нибудь деятельностью), *мотоцикл* (двухколесное транспортное средство с двигателем внутреннего сгорания), *обком* (сокр. от *областной комитет партии*), *партбилет* (сокр. от *партийный билет*, подтверждающий членство в партии), *печь* (бытовой прибор для приготовления пищи путем испекания), *райком* (сокр. от *районный комитет партии*), *сберкнижка* (сокр. от *сберегательная книжка*), *стакан* (стеклянный сосуд для жидкости), *телогрейка* (вид утепленной одежды), *фартук* (передник, защищающий одежду от грязи) и многие другие общественно-политические термины.

Эти слова были одними из самых частотных в печати, на радио и телевидении в годы советской власти.

Особую группу советизмов составляли аббревиационные образования, среди которых можно встретить и буквенные, и звуковые.

Буквенные аббревиатуры:

- АТС — автоматизированная телефонная станция.
- КПП — контрольно-пропускной пункт.
- ПТУ — профессионально-техническое училище.

Звуковые аббревиатуры:

- СЭС — санитарно-эпидемиологическая служба.

- ОВИР — отдел виз и регистрация иностранных граждан.

- ЗАГС — запись актов гражданского состояния.

Иноязычные слова, попав в узбекскую языковую среду, начинали подчиняться законам данного языка. В первую очередь они проходили этап фонетического освоения: *выговор* [в'и'гъвьр], *газик* [га'з'ик'] (автомобили, выпускаемые предприятием «Горьковский автомобильный завод»), *горелка* [г'ар'и'л'к'ja'] и т. д.

Суть процесса заимствования исследователями трактуется по-разному. Так, некоторые лингвисты под заимствованием подразумевают процесс «перемещения» лексических единиц из одного языка в другой (Л. П. Крысин, А. П. Майоров и др.), другие — слова, полученные в результате процесса освоения иноязычных слов (графическое, фонетическое, морфологическое оформление) (О. С. Ахманова, Е. В. Маринова и др.). Д. Э. Розенталь понимает заимствование шире, как «слова, вливающиеся из других языков, в результате экономических, политических и культурных связей с другими государствами...» [8. С. 69].

Не менее спорным вопросом в лингвистике является обозначение заимствованных слов. По этому поводу Д. С. Лотте отмечает, что такие слова в русском языке имеют несколько обозначений: *иностранные слова, иноязычные слова, иностранные заимствования, иноязычные заимствования, заимствования* и т. п. Ранее применялись также термины *иноплеменные слова* и *иноземные слова* [6. С. 9]. Рассматривая данный вопрос, некоторые исследователи пытаются даже дифференцировать их.

Так, В. Н. Ярцева заимствованным словам противопоставляет иностранные слова, звуковые, орфографические, грамматические и семантические особенности которых чужды исконным словам [15. С. 158]. По нашему мнению, обозначения «заимствованное слово» и «иноязычное слово» абсолютно тождественны: в обоих случаях чужое слово проникает в язык, оформляется соответствующим образом.

Здесь следует только различать типы заимствований по степени адаптированности в языке, под которыми мы различаем *полностью освоенные заимствования* и *слова, адаптированные частично*. В первом случае слово в узбекском языке может

служить производящей основой: *водопровод* (*водопроводчи, водопроводсиз*), *дружина* (*дружиначи*), *завхоз* (*завхозчилик*), *партия* (*партиячи, партиявий*), *печка* (*печкачи, печкасимон*), *погон* (*погонли, погонсиз*). Е. А. Земская отмечает, что «использование иноязычного слова в качестве базовой основы служит дополнительным показателем его вхождения в систему языка» [4. С. 14].

Итак, слова *водопроводчи, водопроводсиз, дружиначи, завхозчилик, партиячи, партиявий, печкачи, печкасимон, погонли, погонсиз* в деривационном отношении можно считать исконно узбекскими, так как они образовались на базе словообразовательных ресурсов узбекского языка. Частично адаптированные советизмы также понятны носителям языка, в нашем случае представителям старшего поколения, но их деривационный потенциал равен нулю (*жаркоп, извои, керосинка, паёк, политрук, чекист, шотландка*).

Если считать заимствования результатом экономических, политических, культурных, спортивных и других взаимоотношений, то их проникновение в язык необходимо для развития языка. Как верно отмечает Ч. Юйпин, нет такого языка, который был бы совсем свободен от иноязычных явлений, так как ни один народ в современном мире не живет совершенно изолированно [14. С. 87]. Это подтверждается и словами великого русского языковеда А. А. Реформатского, который указывает, что нет ни одного языка в мире, лексикон которого состоит только из исконных слов: в каждом языке имеется пласт заимствованных слов [7. С. 139].

Несмотря на это, в рамках «чистки» языка от иноязычных вкраплений, велась своего рода борьба с заимствованиями. Если заглянуть в историю, то, как отмечает Н. С. Валгина, в 1940-х гг. они оценивались как идеологически чуждые элементы, употребление которых в речи приравнивалось к антипатриотизму [2]. Следует отметить, что в Советском Узбекистане арабизмы также подверглись целевой политике их отторжения и выведения из состава узбекского языка как «архаичного наследия феодального прошлого» [5. С. 3]. Некоторыми государственными и негосударственными организациями делается попытка табуирования заимствованных слов, в частности и в России. В качестве примера можно привести инициативу ЛДПР по введению запрета на использование иноязычных слов в СМИ журналистами (<https://www.forbes.ru>), петиции британцев о запрете американизмов (<http://www.bbc.com>). В свою очередь в период независимости аналогичный процесс стал затрагивать и советизмы,

принимавшиеся как пережитки старого политического режима.

Взамен арабизмов в XX в. «узбекский язык обогатил свой словарный состав сотнями новых слов. Эти слова вошли в узбекский язык главным образом из русского или через его посредничество из английского, французского, греческого, латинского, итальянского, голландского и других языков» [13. С. 4—5].

Большая часть этих заимствований до настоящего времени сохранилась в речи представителей старшего поколения. Часть из них понятна представителям всех возрастных групп (*колхоз*, *завхоз*, *открытка*), некоторые — лишь людям пожилого возраста (*керосинка*, *пластинка*, *подстанция*), а остальная часть — полностью архаизировалась. К единицам, которые по сей день сохранились в речи представителей пожилого возраста, можно отнести следующие: *колхоз* (сокр. от «*коллективное хозяйство*») — форма организации сельскохозяйственного труда, когда крестьяне объединялись в коллективы без права получения назад своего земельного участка; *совхоз* (сокр. от «*советское хозяйство*») — государственное сельскохозяйственное предприятие, созданное на средства государства; *взнос* — денежные средства, внесенные за получение каких-нибудь привилегий, прав, услуг; *военкомат* (сокр. от «*военный комиссариат*») — отдел местного управления, занимающийся военномобилизационными, учетно-призывными вопросами; *ГАИ* (сокр. от «*государственная автомобильная инспекция*») — служба, контролирующая вопросы соблюдения правил дорожного движения и т. п.

Одной из причин сохранения подобных заимствований в узбекоязычной речи представителей старшего поколения является социально-историческая обусловленность их употребления при общении со своими сверстниками или консерватистские позиции.

Например, слова *завхоз* (сокр. от *заведующий хозяйством*), *заём* (денежные средства или драгоценные предметы, пореданные в долг), *заклад* (ценности, служащие в качестве залога до возвращения долга), *заправка* (пункт для заправки топливом транспортных средств), *карман* или адаптирован-

ный в узбекском языке *кармон* (вшитый в одежду мешочек для ношения необходимых мелких вещей), *кирза* (многослойная водонепроницаемая ткань, которая использовалась в качестве материала для сапог), *косилка* (механизированная машина для косьбы), *kozyрь* (в карточной игре: масть, имеющая преимущества над другими), *монпансье* или адаптированный в узбекском языке *манпаси* (мелкие ароматизированные конфеты) и т. п.

Следует отметить, что эти слова, как и обозначаемые ими понятия, изжили себя: представителям старшего поколения могут быть понятны значения этих слов, но у молодежи вызывают затруднения в интерпретации.

Дело в том, что в годы независимости ряд советизмов или перешли в разряд историзмов, или же были заменены арабско-персидскими словами, поскольку оценивалось как пережитки советского периода (*бронемашинна* — *зирҳли машинна*, *вешалка* — *илғич*, *взнос* — *бадал*, *дача* — *далаҳовли*, *краска* — *буёқ*, *колхоз* — *жамоа ҳўжжалиги*, *разведчик* — *жосус*, *тупик* — *берк кўча*, *устав* — *низом* и др.). Вполне закономерно, что подобные советизмы сохранились в речи представителей старшего поколения, а молодежь их не знает.

Итак, советизмы как характерный признак речи представителей старшего поколения представляют собой в современном узбекском литературном языке лексические единицы (слова, словосочетания, обороты, сокращения), перешедшие в данный язык в годы советской власти из русского языка или через его посредство под воздействием экономических, социально-политических, культурных, спортивных и других факторов и обозначающие в основном реалии и понятия того времени.

Функционирование советизмов узбекского языка в речи представителей старшего поколения является социально и исторически обусловленным явлением, характерным для общения пожилых людей преимущественно со своими сверстниками. При общении же с представителями других возрастных категорий советизмы могут выражать консерватистские позиции говорящих.

Список литературы

1. Бахмет, О. В. Языковая актуализация оценки геронтологических преобразований личности : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Бахмет. — СПб., 2006. — 22 с.
2. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина. — М. : Логос, 2001. — 304 с.
3. Геранина, И. Н. О термине «заимствование» / И. Н. Геранина // Известия ПГПУ. — 2008. — № 6 (10). — С. 101—103.

4. Земская, Е. А. Активные процессы в русском словообразовании нашего времени / Е. А. Земская // *Acta Neophilologica*. — 2006. — № 8. — С. 9—21.
5. Казакбаева, Г. А. Арабизмы в узбекском языке в прикладном и теоретическом аспектах : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Земская. — М., 2012. — 26 с.
6. Лотте, Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д. С. Лотте. — М., 1982. — 154 с.
7. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. — М. : Аспект Пресс, 2004. — 536 с.
8. Розенталь, Д. Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика / Д. Э. Розенталь. — М. : Оникс, 2001. — 384 с.
9. Сапожникова, Т. И. Социогеронтологическая характеристика пожилого возраста и старения как этапа жизненного цикла / Т. И. Сапожникова // *Ученые записки ЗабГУ*. — 2015. — № 4 (63). — С. 166—171.
10. Стернин, И. А. Общение со старшим поколением / И. А. Стернин. — Воронеж : Истоки, 2013. — 24 с.
11. Трубецкой, Н. С. Основы фонологии / Н. С. Трубецкой. — М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. — 372 с.
12. Ушаров, К. А. Узбекский язык на современном этапе и тенденции его дальнейшего развития / К. А. Ушаров. — Л. : Изд-во АН СССР, 1932. — 26 с.
13. Ханазаров, К. Х. Развитие узбекского языка за годы советской власти / К. Х. Ханазаров. — М., 1970. — 10 с.
14. Юйпин, Ч. Иноязычные заимствования в современном русском языке / Ч. Юйпин // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. — 2015. — № 4 (26). — С. 86—93.
15. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. — 709 с.

Сведения об авторах

Сапарова Кундуз Отабосевна — доктор филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Узбекского государственного университета мировых языков, Ташкент, Узбекистан. kundus@mail.ru

Рузметов Сурож Аллаберганович — докторант Ургенчского государственного университета, Ургенч, Узбекистан. mr.filolog@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 1 (435). Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 158—163

FUNCTIONAL AND COMMUNICATIVE CONDITIONS OF THE USE OF SOVIETISMS IN THE SPEECH OF REPRESENTATIVES OF THE OLDER GENERATION

K.O. Saparova

Uzbek State University of World Languages, Tashkent, Uzbekistan

S.A. Ruzmetov

Urgench State University, Urgench, Uzbekistan

The article discusses the problem of functional and communicative conditioning of the use of Sovietisms in the speech of representatives of the older generation in the example of the Uzbek language. It is noted that in terms of the use of borrowed words, the speech of older people differs from the speech of youth: modern borrowed neologisms predominate in youth speech while outdated borrowings prevail in the speech of representatives of the older generation.

Keywords: *representatives of the older generation, Sovietism; borrowing, differentiated perception, adaptation, Arabism, mediation, shortage of items.*

References

1. Bahmet O.V. *Yazykovaya aktualizatsiya otsenki gerontologicheskikh preobrazovaniy lichnosti* [Linguistic actualization of the assessment of gerontological personality transformations. Abstract of thesis]. St. Petersburg, 2006. (In Russ.).
2. Valgina N.S. *Aktivnyie protsessyi v sovremennom russkom yazyike* [Active processes in modern Russian]. Moscow, Logos Publ., 2001. 304 p. (In Russ.).
3. Geranina I.N. O termine "zaimstvovanie" [About the term "borrowing"]. *Izvestiya PGPU* [PSPU News], 2008, no. 6 (10), pp. 101-103. (In Russ.).
4. Zemskaya E.A. Aktivnyie protsessyi v russkom slovoobrazovanii nashego vremeni [Active processes in the Russian derivation of our time]. *Acta Neophilologica*, 2006, no. 8, pp. 9-21. (In Russ.).
5. Kazakbaeva G.A. *Arabizmyi v uzbekskom yazyike v prikladnom i teoreticheskom aspektah* [Arabisms in the Uzbek language in applied and theoretical aspects. Abstract of thesis]. Moscow, 2012. (In Russ.).
6. Lotte D.S. *Voprosyi zaimstvovaniya i uporyadocheniya inoyazyichnyih terminov i terminoelementov* [Issues of borrowing and streamlining foreign terms and term elements]. Moscow, 1982. 154 p. (In Russ.).
7. Reformatskiy A.A. *Vvedenie v yazyikovedenie* [Introduction to Linguistics]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2004. 536 p. (In Russ.).
8. Rozental D.E. *Spravochnik po russkomu yazyiku. Prakticheskaya stilistika* [Handbook of the Russian language. Practical styling]. Moscow, Oniks Publ., 2001. 384 p. (In Russ.).
9. Sapozhnikova T.I. Sotsiogerontologicheskaya harakteristika pozhilogo vozrasta i stareniya kak etapa zhiznennogo tsikla [Socioherontological characteristics of the elderly and aging as a stage of the life cycle]. *Uchyonyie zapiski ZabGU* [Scientific notes of ZabGU], 2015, no. 4 (63), pp. 166-171. (In Russ.).
10. Sternin I.A. *Obschenie so starshim pokoleniem* [Communication with the older generation]. Voronezh, Istoki Publ., 2013. 24 p. (In Russ.).
11. Trubetskoy N.S. *Osnovyi fonologii* [Phonology Basics]. Moscow, Izdatelstvo inostrannoy literaturyi Publ., 1960. 372 p. (In Russ.).
12. Usharov K.A. *Uzbekskiy yazyik na sovremennom etape i tendentsii ego dalneyshego razvitiya* [Uzbek language at the present stage and trends of its further development]. Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR Publ., 1932. 26 p. (In Russ.).
13. Hanazarov K.H. *Razvitie uzbekskogo yazyika za godyi sovetskoy vlasti* [The development of the Uzbek language during the years of Soviet power]. Moscow, 1970. 10 p. (In Russ.).
14. Yuypin Ch. Inoyazyichnyie zaimstvovaniya v sovremennom russkom yazyike [Foreign borrowing in modern Russian]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University], 2015, no. 4 (26), pp. 86-93. (In Russ.).
15. Yartseva V.N. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., 2002. 709 p. (In Russ.).

ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ ПОНЯТИЯ «ДУША» КАК БАЗОВОГО ПРИНЦИПА РУССКОГО МЕНТАЛИТЕТА (НА МАТЕРИАЛЕ ДУХОВНЫХ СТИХОВ ЗАУРАЛЬЯ)

В. П. Федорова

Курганский государственный университет, Курган, Россия

Рассматриваются взаимосвязи языка и ментальности, что находит отражение в общем культурном контексте. Анализ духовных стихов способствует выявлению мировоззренческой структуры общего философского аспекта, тайны души. Исследуется также «тайный язык» мироощущения зауральского крестьянства.

Ключевые слова: *душа, менталитет, духовные стихи, добро, зло, тело, ад, рай, старообрядцы, бинарные оппозиции, Бог, дьявол.*

Мы исходим из принципа отражения в языке ментальных особенностей этноса, той всякий раз по-разному «организованной души», о чем писал О. Шпенглер [21. С. 255].

Эмпирической базой исследования являются духовные стихи из архивных коллекций кафедры литературы и фольклора Курганского государственного университета, духовные стихи из Лаборатории археографических исследований Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (ЛАИ УрФУ V.99p/1406; Сборник исторических стихотворений и духовных стихов зауральских старообрядцев, 10—20-е гг. XX в. 8⁰. 41 л. — ЛАИ УрФУ. V.22p/641; Сборник. II пол. XX в. 4⁰. 134 л. — ЛАИ УрФУ. V.120p/1549; Сборник. II пол. XX в. 4⁰. 44 л.). Стихи бытовали в Зауралье. Использованы материалы из личного архива автора, а также изданные тексты.

В орбиту исследования включены стихи российской традиции и созданные в крае. Сопоставительный анализ позволил выявить одну из характерных черт зауральских старообрядческих стихов — переплетение библейских мотивов с местными проблемами, в частности с полемикой, связанной с духовной стороной организации семьи (брачного союза). На основе историко-филологического метода выявлено представление старообрядцев о важной роли человека в состоянии созданного Богом мироздания. Константным является мотив воздействия зла, коренящегося в душе человека, на появление зла во всей Вселенной (стих о Великом потопе, стих о Курганском Соборе). Филологический и сопоставительный методы позволили установить смещение объекта духовных стихов зауральских двоедан в область внутрен-

ней религиозной жизни. Вместе с тем отмечается константность мотивов о выходе частного разрушительного действия в мировое пространство, о всеобщности катаклизмов как результате греха в душе человека.

Духовные стихи зауральских староверов представляют базу для изучения диалектных особенностей речи края.

Духовные стихи записаны от староверов (двоедан) в Юргамышском, Куртамышском, Шатровском, Притобольном районах на переломе XX—XXI вв. Кроме того, включены стихи из стихарников старообрядцев. Темпоральные рамки бытования этих произведений установить трудно, так как пометки составителями рукописных книг, как правило, не оставлены. Характерна презентация Н. Водениковым (1910 г. р., д. Крутали) своего стихарника: «Сии духовные стихи духовной книги взяты с разных старообрядческих рукописей, составлены иноками и агирянами. Сборники стихов, переписанные полуставом, ценились очень дорого и передавались бережливо из рода в род, как святыня. Большая часть рукописей, хранящихся в библиотеки Академии наук в Петрограде, напечатана в христианской типографии в Москве в лето 1916» (орфография сохранена) [12. С. 3].

В рукописи на с. 22 отмечена дата записи одного из стихов: «1979 г., месяца июля». Видимо, часть текстов переписана из книги издания 1916 г. Других пометок нет. Важными источниками для наших наблюдений являются анонимные авторские тексты, написанные, очевидно, старообрядцем беспоповского поморского согласия, знавшим содержание решения Соборов, на которых решался, в частности, вопрос об обрядовой стороне создания семьи.

Соборы, как известно, не привели к единению старообрядчества. Стихи сложились здесь не случайно: в конце XIX — начале XX в. Зауралье стало центром полемики по поводу священнословных браков, о чем свидетельствует ряд соборов, проходивших в следующих селах: Галишево, Гагарье, Таловка, Озерки, Малочаусово, Гилева, Обухова, Малодубровная, Курган [8. С. 23—24]. Poleмика дала основание для острых, сатирических стихов неизвестного автора.

Характерно стремление автора стихов осмыслить святость и грех сквозь призму внутренней жизни старообрядцев края. Стихи вошли в старообрядческий сборник. Составлен он, видимо, в конце 1920-х гг. — после Курганского собора 1924 г. Краткое описание сборника дано в «Очерках истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий» [8. С. 4—24]. Внутренние раздоры отразились в восьми полемических духовных стихах, касающихся брака. Они являются ответом на разногласия суждений по поводу того, как с духовной стороны должна быть организована семья.

Часть исследуемых стихов, известных в крае, ориентирована на сюжеты, мотивы, образы народной Библии подобно многим фольклорным формам [1]. Духовные стихи — это отражение представлений о христианских ценностях, добре и зле во вселенском масштабе, семье и душе отдельного человека. По сути дела, это явление самопознания, понимания смысла жизни и праведничества.

Вместе с тем в духовных стихах раскрыто понимание пути христианского общества (мира) и человека к будущему, его выбора в драматических ситуациях между Космосом и Хаосом, Богом и дьяволом, добром и злом [16. С. 369]. На этом пути, как сделал вывод Н. И. Толстой, константным является противопоставление «своего» и «чужого», которое пронизывает все: от человека до мироздания [14. С. 8].

Надо отметить особый подход сочинителей стихов к «Вечной книге». «Русская народная вера по духовным стихам (а насколько можно сейчас судить и не только по духовным стихам) не соответствует многим догматам православия или соответствует им не в полной мере», — верно писал Н. И. Толстой [Там же. С. 9].

Из великого множества этнического вербального наследия зауральцами сознательно отбирались тексты, отвечающие духовному настрою русского этноса. По наблюдениям Ф. И. Буслаева, духовные стихи пришли по вкусу всему русскому народу и вошли в общую сокровищницу его религиозной

христианской поэзии. Поднявшись над множеством «текущих мелочей действительности, они — уже не забава и не досужее препровождение времени...» [3. С. 307]. Главным объектом художественного познания в духовных стихах является душа человека, стоящая перед выбором между Добром и злом, грехом и святостью, раем и преисподней.

Отметим, что обозначенная тема в качестве объекта исследования поставлена впервые. Она позволяет углубиться в проблему локального фольклора, в том числе в проблему содержания духовных стихов, диалектных особенностей, отражения в них зауральского диалекта. Актуализация внимания к локальным традициям отмечена публикациями С. Е. Никитиной [10], Ф. М. Селиванова [13], Е. А. Бучилиной [5], М. Г. Казанцевой [7], С. Г. Шулежковой [6], С. В. Батуева [4].

В духовных стихах святость предстает как своеобразный Космос — Добро, в котором человек получает адекватное воздаяние за свои дела.

Космос (от греч. «порядок», «краса», «украшение», «упорядоченность», «строение», «устройство») рассматривается нами как «эстетически отмеченный порядок» [9. С. 9]. Это понятие распространяется не только на мироздание, его устройство, но и на все, что есть во Вселенной. Это определенный закон порядка и универсальное состояние порядка, устройства, касающегося в том числе и человека как особой системы — части мироздания. Ему подчинено все: от мироустройства до обычаев ношения одежды. Ф. Ф. Ульянова (с. Ярославское Притобольного района, 1909 г. р.) спела духовный стих «Миру заступница» с мотивом порядка включения стиха в духовное пение. По ее воспоминаниям, названный стих пели в селе один раз в году перед Пасхой, как того требовал порядок:

*В пятницу святую все должны молчать,
В Христово Воскресенье должно размышлять.*

В эту же пятницу пели стих о снятии Иисуса Христа с креста:

Иосиф вместе с Никодимом

Пришли с креста страдальца снять, — сказала Ф. Ф. Ульянова в 1998 г. (Архив КГУ, колл. «Ярославское — 98». С. 10).

Противовес Космосу составляет Хаос как «беспорядочное состояние материи» [9. С. 580], вечная смерть для всего живого [Там же. С. 581].

Стремясь осмыслить противоборство зла и Добра, создатели и знатоки духовных стихов ориентировались не только на Библию, но и на разные формы традиционной этнической культуры.

Так, противостояние Добра и зла отражается в легенде о разрушении сотворенной Богом идеальной земли дьяволом. В с. Ярославском Притобольного района записана легенда о порче дьяволом совершенства земли, сотворенной Богом: «Ругаем ныне дороги. А чо ругать? Сами разбиваем. Это людское дело. А вот горы наши — это бес Богу помешал. Давно слыхала. Мне-ка под конец девярых десятков идет. Видишь, как у нас земля построена: то горка, то яма, то горка, то яма. Ну-к, так было: Бог строил землю. Сделал ладно, гладенько. Разгладил рукой. По какому-то делу оглянулся, бес в ту пору харкнул на землю. Появились овраги. И земля стала как бы корявой. У нас-то хорошо: речка рядом. До нее спускаться надо. Горки хоть не крутые, а все же горки. Смолоду ничего, хорошо ране бежала, а потом хуже. Бес, он всегда напомнит. Потому берешься за дело, скажи: “Господи благослави”» (Зап. в 1998 г. Федоровой В. П. и Антоновой Н. от Феклы Фадевы Ульяновой, 1909 г. р.; Архив КГУ, колл. «Ярославское — 98». С. 9).

Константно противопоставление ада ирая. В устном бытовании рай характеризуется как совершенное пространство, наполненное светом, теплом, жизнью, пением херувимов, согласием, радостью. Библейский мотив сотворения первых людей едва обозначен. В стихе «Плач Адама» первый человек в слезах только упоминает, что он был сотворен для жизни в раю [4. С. 101]. В рай «заключена бисте» и Ева. В стихе грех преступления пред Богом перенесен на женщину: она «Адама прельстила, Закон преступила, Богу согрubiла». Ее грех тем более тяжек, что будет распространен на весь род человеческий, перед которым открылась пропасть между Добром и злом, Космосом и Хаосом. С крестьянской точки зрения, проступок Евы объяснен умопомешательством, что вызывает не только осуждение, но и некоторое сочувствие: «Ум свой помрачила, во тьму погрузила». Оказавшись на «сшибке» между Богом и дьяволом, она, будучи не в себе (ум помрачен), нарушила заповедь Творца, став прародительницей людей, перед которыми будет всегда стоять необходимость выбора между святостью и грехом.

Мотивы погружения мира во вселенское зло, вселенский Хаос как результат отступничества людей от заповедей Бога и наказания за грехи положены в основу духовного стиха «О Потопе». Дж. Фрэнгер показал всемирное бытование прозы о Великом Потопе. Почти на ста страницах книги выявлена специфика отражения трагедии Потопа в фольклоре разных народов [19. С. 65—160].

В связке «мироздание — человек» главное место отведено человеку, от выбора которого зависит состояние Вселенной. Грехи людей вызывают катастрофу, воды люты, в которых гибнет все живое. Обращение к человеку с требованием понять ответственность перед миром приобрело обобщенный характер, что вызвало такой широкий интерес к стиху. Привлекала слушателей глубина трагедии земли, преданной человеком. Не случайно сюжет о Вселенском потопе всемирно известен. О широком интересе зауральцев к теме наказания людей за грехи потопом свидетельствует осмысление его не только в стихах, но и в легендах. Приведем два текста, записанные в удаленных друг от друга районах Зауралья. В одном из них потоп «напущен» за то, что люди перестали верить в Бога и пили без меры водку. Во втором вырисовывается мотив наказания людей за осквернение матери-земли.

Все тексты наполнены жизненными реалиями, подробностями поведения всего живого в пограничной ситуации. Единение в минуту опасности позиционируется как черта русского менталитета. Слушателям понятна трагедия утраты Космоса. Понятны и поиски людьми спасения: «Побежали в горы круты, там спастись... звери, един другого не вредили, лев с овцой, лев с овцой» [12. С. 36].

Усиливает трагедийное звучание стиха безжизненность водного пространства: «земли стало не видно, всё вода».

Мотив наказания за грехи является главным и в фольклорной прозе: «Мама рассказывала про Ноев потоп. Это во времена Ноя праведного было. Люди начали грешить, перестали верить в Бога. Бог бился-бился с имья, а оне пушше. Пили шибко, как сейчас. Бог предупредил, что нашьлет потоп. А люди что? Как пили, матерились, курили, не верили, не почитали родителей, так и продолжали. Один Ной с семьей от них отделялся. Поведения хорошего был. Ему заранее Господь сказал: “Строй ковчег, как кораблик, тогда не потонешь”» (Записано от поморки Благиной Анны Степановны, 1922 г. р., с. Пески; архив автора).

Легенда известна и в Шатровском районе. В Ильине информантом подчеркнуто всеобщее знание о Потопе: «Про Потоп знаешь? Про него у нас в семье читали, говорили. От стариков рассказы слышала» (Архив КГУ, колл. «Ильино — 91». № 80).

Константная тема ответственности человека за выбор между Богом и дьяволом перенесена и на природный мир — бессловесную тварь, живущую рядом с людьми. Вторая часть легенды

вводит в мир поведения зверей в минуту опасности. Поступки их — своеобразное зеркало выбора человека, его ответственности перед мирозданием за данные ему разум и слово. Греховный мир уподоблен собаке, за шубу ослушавшейся Бога и едва не погубившей его творение (Записано от Зои Евдотьевны Гордиевских, 1906 г. р.; Архив КГУ, колл. «Ильино — 91». № 80).

Праведность Ноя возрождает жизнь, что запечатлено в прозе и в стихе.

В духовных стихах отразились философские размышления о строении мироздания, о человеке как объекте борьбы добра и зла. Мир представлен тремя главными сферами: подземной и небесной, между ними — земля, локус обитания человека — творения Бога. Идеальная часть мироздания рисуется в соответствии с представлениями об идеале реальной жизни. Однако действует и дьявол. Его опасность таится в возможности незаметно проникать в человеческую жизнь, в самого человека.

В связи с мотивами козней дьявола как истоков церковной реформы настойчиво звучит мотив самостоянья человека, его духовной силы. Слабость одного властного человека порождает беду для всего русского мира.

В старообрядческой среде утвердилась мысль о том, что церковная реформа, гонение на древнюю церковь — греховный выбор патриарха Никона, совращенного дьяволом. Внимание сосредоточено на земных муках старообрядцев, сохранивших веру отцов. Выбор властью зла приводит к преступлениям, направленным на духовное и физическое уничтожение человека — создания Бога.

Наиболее широкий круг духовных стихов посвящен борьбе добра и зла в душе человека. Чаще всего персонажами произведений избираются молодые люди — юные души, пропитанные романтикой высоких чувств. Константны мотивы трудности жизни на земле, искушения неопытных душ. Спасение видится в помощи ангела, которого должно всегда носить в сердце.

Согласно выводам Г. П. Федотова, ценность духовных стихов состоит в том, что в них дан «в мельчайших подробностях моральный кодекс народа. Эта поэзия в отличие от былинного эпоса хочет не только забавлять, умилять и утешать, но учить и указывать путь спасения. Отсюда длинные обличения грехов и противопоставляемые им своды добродетелей» [18. С. 84].

Противопоставляя грешный мир небесному, святому, герой отрекается от земных благ во имя вечной жизни.

Постижение смысла жизни как служение Богу приводит к душевной тишине и покою. Идущий к Богу прославляет пустыню — тишину, покой, так необходимые для постижения смысла бытия.

«Похвала пустыне является одной из очень древних тем монашеской литературы Востока и Запада», — писал Г. П. Федотов [Там же. С. 76]. Слово позиционировалось опорой слабой душе в суровой аскезе. Цельность юношеской души соотнесена с физической силой. Слабый душой человек, став старым, беспомощным, предавшим идеалы служения Творцу, сохраняет демоническую гордыню, которая его «съедает».

Для зауральских стихов характерен поворот проблемы выбора между святостью и грехом в область отношения к таинству брака, что было актуальным в Половинском, Юргамышском и Притобольном районах. По свидетельству уставщицы Курганского молельного дома старообрядцев-поморцев Матроны Евсеевой родом из Половинского района, село Сумки и соседние населенные пункты округа исповедовали неприятие брака, то есть брака с таинством: «Жили бессвященнословным браком», — сообщила она. Семья их тоже была «бракоборской» (Архив автора. Запись 2012 г.). По сообщению Ф. Ф. Ульяновой, их Ярославка не признавала село Сумки: «Ни туда замуж, ни оттуда невесты. Не признавали их наши. Все мы одной веры, но не одинаки. Их называли бракоборами». На вопрос о названии «бракоборы» ответила: «Знать, за что-то браковали. А в Обуховой жили двоеданы. Звали их крестителями» (Архив КГУ. Колл. «Ярославское — 98». С. 9—10).

Многообразие толков подтачивало старообрядчество изнутри, что было пагубнее официальных преследований. Так, в селе Ильине старообрядцы «разбрелись» по четырем толкам: тополевы, березовцы, дырники и тихоновцы [16. С. 61—63]. По наблюдениям грамотной старообрядки Евдокии Максимиановны Спириной (1914 г. р.), разница между ними заключалась в количестве читаемых над усопшим стихов: «Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас». Кроме того, коренное различие заключалось в самом обряде моления: кому молились. Топелевы — тополю. Одно дерево стояло в центре села. В него вросла врезанная когда-то икона. Позже тополь «разбило громом», что вызывает разные толкования: как греховное дело и как святое. Срезанное дерево до сих пор стоит в середине села, но ему давно никто не молится. Березовцы поклонялись березе. Дырники молились в дыру, просверленную

в стене. Тихоновцы считались «неграмотными» (не знающими религиозных уставов). Они собирались у Тихона — старичка. В чем их «вера», даже Е. М. Спирина не знала [16. С. 63].

Ряд соборов не снял проблему. Борьба толков отразилась в стихах, в которых представлена широкая панорама взаимных обвинений в грехе отхода от веры отцов. Обратимся к рукописному сборнику духовных стихов из Курганского собрания, который входит в фонды Лаборатории археографических исследований Уральского федерального университета, V.99p/1406 (Курганское собрание). Он был приобретен в Куртамыше Курганской области в 1983 г. Стихи занесены в записную книжечку-ежегодник на 1910 г. Сохранились страницы 25—32, 35—62, 65—66, 75—98, 103—122. Часть страниц без текста. Восемь текстов записаны одной рукой карандашом и чернилами на с. 75—98, 106—199. В сборник включено восемь стихов, отразивших полемику по вопросам веры, в частности, — таинства брака. Автор стихов привел географию распространения браков без венчания: «О никонианах», «Увещевание к поморцам», «К обуховцам», «Сумцам», «О Соборе Гагаринском», «К крестителем» (так в тексте), «Стих не про святых», «О Дубровском Соборе», «Стих новый о раздоре в Курганском Соборе». Не упомянут собор, проходивший в большом селе Галишеве.

Отражение греховности предательства старой веры создатель стихов видит во всеобщем грехе — разрушении.

Истоки многообразия толков объясняются кознями дьявола, который царствует в мире, запутывая слабых душой людей.

Автор — «Божий раб скорбящий» — подчеркивает важность традиции, заветов отцов. Он явно знал житийную словесность, в русле предисловий которой презентует себя «рабом Божиим», скорбящим по поводу разрушения «древлего благочестия», отсутствия сопротивления дьяволу.

Под дьявольскую печать попали даже старообрядцы, которые помнят и знают законы староверия:

Больше все о браке,

Бывают и ссоры, чють не до драки (ЛАИ УрФУ. V.99p/1406, л. 89).

Создатель стихов подчеркивает глобальный характер зла отхода от заветов отцов. Так, на собор в Дубровное «собрались старики — расейцы и сибиряки». Прodelки дьявола привели только к шуму, все остались при своем мнении. Автор-беспопoveц призывает не верить попам, исповедующим никонианство:

Не спасают попы души,

У них глаза очень завидуци (ЛАИ УрФУ. V.99p/1406, л. 95).

В полемическом задоре автор стиха подвергает сатире поморцев за их нестойкость и переход к «новым попам». Опора на принцип бинарной оппозиции позволяет показать трагедию отрыва современных автору поморцев от корней, что ведет в бездну:

Прежде были попы — звезды,

А ныне почти все бегут в бездну (ЛАИ УрФУ. V.99p/1406, л. 96).

Разрушение истин старой веры — путь к бесу:

На христову Церковь все вы возмутились,

Ангели-хранители за то от вас отлучились (ЛАИ УрФУ. V.99p/1406, л. 97).

Манифестируя себя как человека, избежавшего дьявольских цепей, автор духовных стихов видит основу святости в служении Богу, в вере отцов и в деятельности подлинных защитников духовной веры: «Что старое-то — от Бога, а новое — от беса» (ЛАИ УрФУ. V.99p/1406, л. 96).

В стихах подчеркнута идея покаяния как ступени на пути к Богу. Автор видит восстановление лада в душе и получение покровительства Бога только через искренний отход от «козлов смердящих», «неверных», которыми изображаются поморцы-бракоборы:

Тогда будет вам отрада,

Вы избавитесь от ада,

Бог всегда ждет покаянья

От народов окаянных,

Если вы не обратитесь,

То спаситесь не надийтесь (ЛАИ УрФУ. V.99p/1406, л. 85).

К греховным отнесен обычай перекрещивания при переходе из одного толка в другой. Автор тонко подметил отсутствие подлинной веры у людей, «бегающих» из одного толка в другой:

Будет Вам беситься,

По два, по три раза креститься (ЛАИ УрФУ. V.99p/1406, л. 89).

Один из стихов названием атрибутирует адресатов: «Стих 6. Ко крестителем. Стих не про святых». Автор демонстративно подчеркивает всемирность зла: «И по всему свету размножились секты» (ЛАИ УрФУ. V.99p/1406, л. 90). Опираясь на традиционный фольклорный прием ступенчатого сужения образов, автор ведет читателей к суженному образу — богоотступникам, которые отвергают таинство брака. Раскрывая истинный идеал семьи, защитник старинных этнических устоев риторически вопрошает:

*Да кто же вам возбраняет? Брак вы совершайте.
Но только и тайну брака признавайте.*

*А христиан, признающих тайну брака,
К себе не прельщайте* (ЛАИ УрФУ. V.99р/1406, л. 95).

Искоренение зла автор видит в выявлении разрушительной роли не только отдельными толками, но и конкретными людьми. Этот замысел реализован в духовном стихе, названном «Стих новый о раздоре в Курганском соборе». Историческая справка: Курганский собор состоялся 5—7 февраля 1924 г. в Кургане, в поморском молитвенном доме во имя Покрова Божией Матери и святого Николая Чудотворца. Собор насчитывал 430 участников. На нем постановления Озерского 1875 г., Галишевского 1886 г., Малодубровского 1923 г. соборов были признаны «несогласными с учением Святой Церкви». Окончательное решение о постановлениях этих соборов было отложено до следующих соборов (ЛАИ, 22р/641, л. 92—93; 120р/1549, л. 30—32).

Открывается стих предисловием, характерным для поэтики лирических песен — психологическим параллелизмом:

*Возволновалось море и возмутились воды,
Собрались народы
Со всех стран
В город Курган.*

*Собрались не для пира,
А для устройства мира* (ЛАИ УрФУ. V.99р/1406, л. 106).

Заявка о том, что «скончавшийся» мир невозможно заново устроить, реализована в упреках не только всем сектам, но и конкретным людям. Прием ступенчатого сужения образов позволяет высветить вину всех начиная с отца Василия Самарина, участника Первого Всероссийского Собора поморцев в Москве в 1909 г. [8. С. 41]. А да-

лее следует перечень имен старообрядцев, каждый из которых виновен в том, что любовь к Богу остыла, а вера ушла в пустыню: это Мякинин Ипат, Михаил Чюваш, Колесовский слепой Яша, Диев и Раков, поморки Ипатовы, Нестор Данилов. Следуя концепции о раздорах в среде старообрядцев как кознях дьявола, автор стиха отметил роль людей в порождении зла раздоров, ведущих в ад. «Злобно дышащие люди» истинную «веру оконфузили». Позитивен призыв автора:

*Прошу вас, отступников, усмириться,
Будет вам, отступники, беситься* (ЛАИ УрФУ. V.99р/1406, л. 118).

Сам же обличитель просит у всех прощения, поясняя, что злое слово идет от желания сделать добро, победить зло.

Автор, «человек скорбящий, самый ничтожный», увидел «страшный мир заблудший» и сложил стихи для того, чтобы напомнить о возможности пути к Богу. Духовные стихи, бытовавшие в Зауралье, а иногда и сложенные в крае, свидетельствуют о том, что «осмысление проблемы мироздания увязывалось с нравственными вопросами. Так, все происходящее в мире, по версии зауральских двоedan (старообрядцев), зависит от человека, его нравственности или безнравственности [16. С. 369]. Только личная воля, личные устремления и думы, надежда на Бога, покаяние выводят из оков зла, создают добро, гармонию, а «личная воля, личные устремления, личные дела и думы отводят от греха, в какой бы он форме ни проявлялся» [Там же].

Список сокращений

Архив КГУ — архив кафедры литературы и фольклора Курганского государственного университета.

ЛАИ УрФУ — архив Лаборатории археографических исследований Уральского федерального государственного университета.

Список литературы

1. Белова, О. В. Славянские «библейские легенды»: от книжного источника к фольклорному нарративу / О. В. Белова // Первый Всероссийский конгресс фольклористов : сб. докл. : в 2 т. Т. 2. — М. : Гос. республиканский центр русского фольклора, 2006. — С. 271—289.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. — М. : Изд. Московской патриархии, 1990. — 1346 с.
3. Буслаев, Ф. И. Русские духовные стихи // Буслаев Ф. И. О литературе. Исследования. Статьи. — М. : Худож. литература, 1990. — С. 294—348.
4. Духовные стихи старообрядцев Куртамышского и Юргамышского районов по устному преданию и рукописным источникам XIX—XXI вв. / сост. С. В. Батуев. — Курган, 2016. — 179 с.
5. Духовные стихи. Канты (Сборник духовных стихов Нижегородской области) / сост., вступ. статья, подг. текстов, исслед. и коммент. Е. А. Бучилиной. — М. : Наследие, 1999. — 416 с.

6. Духовный фольклор на Южном Урале / отв. ред., автор вступ. ст. и коммент. С. Г. Шулежкова. — Магнитогорск : Изд-во Магнитогор. гос. ун-та, 2005. — 224 с.
7. Казанцева, М. Г. Духовные стихи в старообрядческой и православной традиции Урала / М. Г. Казанцева // История церкви: изучение и преподавание : материалы науч. конф., посв. 2000-летию христианства (Екатеринбург, 22—25 нояб.). — Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 1999. — С. 180—187.
8. Мангилев, П. И. К истории поморского согласия на Урале в XVIII—XX вв. / П. И. Мангилев // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. — С. 4—42.
9. Мифы народов мира: Энциклопедия : в 2 т. Т. 2. — М. : Совет. энциклопедия, 1992. — 719 с.
10. Никитина, С. Е. Устная традиция в народной культуре русского населения Верхоямья / С. Е. Никитина // Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по материалам археографических экспедиций 1966—1980 гг.) : сб. ст. / под ред. И. Д. Ковальченко. — М. : Изд-во МГУ, 1982. — С. 91—126.
11. Новиков, Ю. В. Духовные стихи русских старожилов Литвы / Ю. В. Новиков // Живая старина. — 1994. — № 3. — С. 35—37.
12. Сборник духовных стихов. Рукопись. Вторая половина XX века / сост. Н. В. Водеников. — Архив КГУ, колл. «Старообрядцы».
13. Селиванов, Ф. М. Русские народные духовные стихи : учеб. пособие / Ф. М. Селиванов. — Йошкар-Ола : Марийский гос. ун-т, 1995. — 159 с.
14. Толстой, Н. И. Несколько слов о новой серии и книге Г. П. Федотова «Стихи духовные» / Н. И. Толстой // Федотов Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). — М. : Прогресс : Гнозис, 1991. — С. 5—10.
15. Федорова, В. П. Зауральская невесткина неделя / В. П. Федорова // Сибирский фольклор : межвуз. сб. науч. тр. — Новосибирск, 1980. — С. 34—40.
16. Федорова, В. П. Русский фольклор / В. П. Федорова // История Курганской области (1861—1917). Т. 4. — Курган : Зауралье, 1998. — С. 368—382.
17. Федорова, В. П. Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья / В. П. Федорова. — Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 1997. — С. 368—372.
18. Федотов, Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) / Г. П. Федотов ; вступ. ст. Н. И. Толстого ; послесл. С. Е. Никитиной ; подгот. текста и коммент. А. Л. Топоркова. — М. : Прогресс : Гнозис, 1991. — 192 с.
19. Фрэзер, Дж. Фольклор в Ветхом завете / Дж. Фрэзер. — М. : Изд-во политической литературы, 1985. — 511 с.
20. Шапарова, Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии / Н. С. Шапарова. — М. : АСТ : Астрель : Русские словари, 2001. — 624 с.
21. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. — Новосибирск : Наука, 1994. — 584 с.

Сведения об авторе

Федорова Валентина Павловна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной филологии Гуманитарного института Курганского государственного университета, Курган, Россия. filfar@kgsu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 1 (435). *Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 164—172.*

THE CONCEPT “SOUL” AS THE BASIC PRINCIPLE OF RUSSIAN MENTALITY AND ITS REFLECTION IN LANGUAGE (A CASE STUDY OF SPIRITUAL VERSES OF THE TRANS-URAL REGION)

V.P. Fedorova

Kurgan State University, Kurgan, Russia. filfar@kgsu.ru

The article examines the interrelationships between language and mentality, which is reflected in the overall cultural context. The analysis of spiritual verses contributes to the identification of the worldview structure of the general philosophical aspect, to solving the mystery of the soul. The “secret language” of peacemaking of the peasants from the Trans-Ural Region is also explored. The comparative analysis of spiritual poems allows to reveal one of the characteristic features of Old Believers’ verses — interweaving of Biblical motives with local problems, in particular, with controversy related to the spiritual side of family organization (marriage union). On the basis of the historical and philological method, the Old Believers’ representation of man and his the important role of in the Universe is revealed.

Keywords: *soul, mentality, spiritual verses, good, evil, body, hell, paradise, Old Believers, binary opposition, God, devil.*

References

1. Belova O.V. Slavyanskije “biblejskie legendy”: ot knizhnogo istochnika k fol’klornomu narrative [Slavic “biblical legends”: from book source to folklore narrative]. *Pervyj Vserossijskij congress fol’kloristov: sbornik dokladov* [First all-Russian Congress of folklorists: collection of reports], vol. 2. Moscow, 2006. Pp. 271-289. (In Russ.).
2. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vethogo i Novogo zaveta* [The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testament]. Moscow, 1990. 1346 p. (In Russ.).
3. Buslaev F.I. Russkie duhovnye stihy [Russian spiritual verses]. *Buslaev F.I. O literature. Issledovaniya. Stat’i* [About literature. Researches. Articles]. Moscow, 1990. Pp. 294-348. (In Russ.).
4. *Duhovnye stihy staroobryadcev Kurtamyshskogo i Yurgamyshskogo rajonov po ustnomu predan’yu i rukopisnym istochnikam XIX-XXI vv.* [Spiritual poems of the Old Believers of the Kurtamyshsky and Jurgamyshsky districts according to oral legends and handwritten sources of the 19-21 centuries]. Kurgan, 2016. 179 p. (In Russ.).
5. *Duhovnye stihy. Kanty (Sbornik duhovnyh stihov Nizhegorodskoj oblasti)* [Spiritual poems. Kants (Collection of spiritual poems of Nizhny Novgorod region)]. Moscow, 1999. 416 p. (In Russ.).
6. *Duhovnyj fol’klor na Yuzhnom Urale* [Spiritual folklore on the South Ural]. Magnitogorsk, 2005. 224 p. (In Russ.).
7. Kazanceva M.G. Duhovnye stihy v staroobryadcheskoj i pravoslavnoj tradicii Urala [Spiritual verses in the Old Orthodox and Orthodox tradition of the Ural]. *Istoriya cerkvi: izuchenie i prepodavanie* [The history of the Church: learning and teaching]. Ekaterinburg, 1999. Pp. 180-187. (In Russ.).
8. Mangilev P.I. K istorii pomorskogo soglasiya na Urale v XVIII-XX vv. [To the history of Pomeranian accord on the Ural in the 18-20th centuries]. *Ocherki istorii staroobryadchestva Urala i sopredel’nyh territorij* [Essays on the history of old believers in the Urals and adjacent territories]. Ekaterinburg, 2000. Pp. 4-42. (In Russ.).
9. *Mify narodov mira: Enciklopediya* [Myths of the Peoples of Mira. Encyclopedia], vol. 2. Moscow, 1992. 719 p. (In Russ.).
10. Nikitina S.E. Ustnaya tradiciya v narodnoj kul’ture russkogo naseleniya Verhokam’ya [Oral tradition in the popular culture of the Russian population of Verhokamya]. *Russkie pis’mennye i ustnye tradicii i duhovnaya kul’tura (po materialam arheograficheskikh ekspeditsij 1966-1980)* [Russian written and oral traditions and spiritual culture (based on archaeological expeditions 1966-1980)]. Moscow, 1982. Pp. 91-126. (In Russ.).
11. Novikov Yu.V. Duhovnye stihy russkih starozhilov Litvy [Spiritual poems of Russian old residents of Lithuania]. *Zhivaya starina* [Living old], 1994, no. 3, pp. 35-37. (In Russ.).
12. *Sbornik duhovnyh stihov. Rukopis’. Vtoraya polovina XX veka* [Collection of spiritual poems. Manuscript. Second half of the 20th century]. *Arhiv KGU, koll. “Staroobryadcy”* [Archive of Kurgan State University. Collection of “Old Believers”]. Kurgan (In Russ.).
13. Selivanov F.M. *Russkie narodnye duhovnye stihy* [Russian folk spiritual poems]. Yoshkar-Ola, 1995. 159 p. (In Russ.).
14. Tolstoj N.I. Neskol’ko slov o novej serii i knige G.P. Fedotova “Stihy duhovnye” [A few words about the new series and the book of G.P. Fedotov “Spiritual Verses”]. *Fedotov G.P. Stihy duhovnye (Russkaya narodnaya vera po*

duhovnym stiham) [The spiritual poems (Russian folk belief in spiritual poems)]. Moscow, 1991. Pp. 5-10. (In Russ.).

15. Fedorova V.P. Zaural'skaya nevestkina nedelya [Trans-Ural week of the bride]. *Sibirskij fol'klor* [Siberian folklore]. Novosibirsk, 1980. Pp. 34-40. (In Russ.).

16. Fedorova V.P. Russkij fol'klor [Russian folklore]. *Istoriya Kurganskoj oblasti (1861-1917)* [The history of the Kurgan region (1861-1917)], vol. 4. Kurgan, 1998. Pp. 368-382. (In Russ.).

17. Fedorova V.P. *Svad'ba v sisteme kalendarnyh i semejnyh obychaev staroobryadcev Yuzhnogo Zaural'ya* [Wedding in the system of calendar and family customs of Old Believers of the Southern Trans-Ural region]. Kurgan, 1997. 283 p. (In Russ.).

18. Fedotov G.P. *Stihi duhovnye (Russkaya narodnaya vera po duhovnym stiham)* [The spiritual poems (Russian folk belief in spiritual poems)]. Moscow, 1991. 192 p. (In Russ.).

19. Frazer J.G. *Fol'klor v Vethom zavete* [Folklore in the Old Testament]. Moscow, 1985. 511 p. (In Russ.).

20. Shaparova N.S. *Kratkaya enciklopediya slavyanskoj mifologii* [Brief Encyclopedia of Slavic Mythology]. Moscow, 2001. 624 p. (In Russ.).

21. Spengler O. *Zakat Evropy* [Decline of Europe]. Novosibirsk, 1994. 584 p. (In Russ.).

КОЛОРАТИВНЫЕ КОЛЛОКАЦИИ И ИХ ФУНКЦИИ В ГАЗЕТНОМ ЗАГОЛОВКЕ

Л. В. Цвенгер

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Статья посвящена проблеме использования колоративных коллокаций в газетном заголовке, которая изучается в рамках комбинаторной лингвистики, исследующей синтагматические связи лексических единиц и их комбинаторный потенциал. Особое внимание уделяется специфике колоративной коллокации как комбинаторно обусловленной лексической единице. Полученные посредством функционально-семантического анализа результаты доказывают способность колоративной коллокации реализовывать, в соответствии с интенцией автора, определенные функции заголовка статьи.

Ключевые слова: комбинаторная лингвистика, колоративная коллокация, функционально-семантический анализ, функции заголовка газетного текста.

Введение

Одной из актуальных проблем изучения в рамках комбинаторной лингвистики, занимающейся исследованием синтагматических отношений единиц языка и их комбинаторным потенциалом [1. С. 8], является исследование *коллокаций* как универсальных языковых единиц, характерных для любого языка и являющихся важным структурно-семантическим элементом любого высказывания. В широком смысле коллокация понимается как *совместная встречаемость двух или более лексических единиц*, или *co-occurrence of two or more lexical items* [2. Р. 6]. Некоторые исследователи акцентируют внимание на том, что даже одно появление определенного сочетания слов в исходном корпусе текстов правомерно рассматривать как коллокацию [3. Р. 26]. Анализ таких языковых единиц посвящены работы многих отечественных и зарубежных лингвистов (Kjellmer, 1987; Sinclair, 1991; Halliday, 1993; Е. Г. Борисова, 1995; М. В. Влавацкая, 2011; Е. И. Архипова, 2016; М. А. Морозов, 2017; А. В. Коршунова, 2018 и др.). В настоящее время в рамках комбинаторной лексикологии, изучающей синтагматические связи слов и их комбинаторный потенциал [4], коллокации исследуются как тип комбинаторно-обусловленных (семантически, функционально, этнокультурно и т. д.) лексических единиц [5—7]. Для нашего исследования особую значимость имеют *колоративные коллокации*, представленные в заголовках газетных текстов.

Итак, *цель данной статьи* — выявить специфику функционирования колоративных коллокаций как средства формирования заголовка газетного текста.

Методами исследования являются: дефиниционный, контекстуальный и функционально-семантический анализ.

1. Колоративные коллокации как тип комбинаторно обусловленных лексических единиц

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью описания функционирования языковых единиц в сфере массовой коммуникации, что связано прежде всего с проблемами выявления лингвистических механизмов воздействия газетного текста на адресата. Так, например, по мнению исследователей, функции, которые выполняют газетные заголовки, находятся в прямой зависимости от выбора структурирующих их языковых средств. На наш взгляд, этот процесс связан с комбинаторикой языковых единиц из потенциально возможных и обусловлен интенциями автора текста, типом социальной ситуации и особенностями адресата. В связи с этим изучение специфики колоративных коллокаций, функционирующих в заголовках СМИ, представляет несомненный интерес.

Поясним, что сочетания слов «*прилагательное “цвет” + существительное*», или *колоративные коллокации*, с позиций комбинаторной лексикологии — это тип комбинаторно обусловленных сочетаний слов, образованных в основном по адъективному типу и ограниченных семантикой цвета.

Отметим, что особое внимание исследователей к единицам с компонентом «цвет» обусловлено тем, что они являются важной составляющей

картины мира. В то время как в окружающей нас действительности цвет не является самостоятельным денотатом, а всегда привязан к какому-либо типу объектов [8]. По мнению некоторых исследователей, единицы с компонентом цвета обладают устойчивым денотативным значением; иными словами, денотат таких единиц в различных контекстах понимается одинаково [9. Р. 12—25]. Таким образом, значимость цвета определяется ассоциациями, которые он вызывает в результате накопленного носителями того или иного языкового опыта, отражающего жизнедеятельность социума и воплощенного в номинации значимых событий и явлений. Так, ценность единиц с компонентом «цвет» состоит в том, что они представляют собой экономные, емкие, удобно устроенные способы хранения и передачи информации [10. С. 7—8].

Наряду с тем, что компонент цвета является специфической характеристикой колоративных коллокаций, этим единицам свойственны также такие характерные их особенности, как комбинаторность и комплексность [11]. Однако в плане устойчивости, регулярности, повторяемости, воспроизводимости и узуальности они далеко не всегда однозначны, потому что к ним могут присоединяться и единицы, ограниченные рамками контекста.

К категории колоративных коллокаций относятся, например, такие единицы: рус. *белая ворона*, *белое пятно*, *белый билет*; *белая тайна* — исследованная ранее заснеженная территория; англ.: *white spot*, *white noise*, *white elephant* — ненужная вещь, подарок, от которого трудно избавиться, *white supremacy* — превосходство белой расы и т. д. [12]. По нашему мнению, значимую роль в определении семантики колоративных коллокаций играет определенный контекст, позволяющий актуализировать смысл анализируемых единиц.

2. Специфика заголовка газетного текста

Динамично развивающиеся изменения в социуме требуют от СМИ большей информативности, наглядности, оперативности, поэтому заголовок становится одним из основных компонентов, отражающих актуальное состояние языка. В потоке сообщений различного рода заголовки призваны привлечь внимание, сориентировать в тематической направленности текста и вызвать желание продолжить чтение. И. А. Сыров определяет заголовок как коммуникативную единицу в позиции перед текстом, являющуюся его названием, имеющую синтаксическое оформление, прямо или косвенно указывающее на содержание текста и ограничива-

ющее одно речевое высказывание от другого [13].

Выявляя роль заголовка в газетном тексте, многие исследователи указывают на номинативную, информативную, прагматическую, рекламную функции как основные (например, А. С. Попов, В. Г. Костомаров, Э. А. Лазарева, В. С. Мужев). Кроме того, исследователи называют некоторые другие функции, среди которых аппелятивная, аттрактивная, ассоциативная и др. Вместе с тем подчеркивается *полифункциональность* как важная характеристика заголовков газетных текстов, в связи с чем целесообразно говорить о доминирующей роли той или иной функции в зависимости от интенции журналиста.

По мнению Ю. В. Верещинской, в заголовке заключена дополнительная смысловая нагрузка газетного текста, направленная прежде всего на реализацию *воздействующей функции* и определяемая отбором информационного материала, выносимого в заголовок [14. С. 6].

Как показывает наше исследование, *колоративные коллокации*, широко представленные в заголовке, являются важным элементом его структуры, а именно в презентации главной идеи текста, и способствуют реализации различных функций.

3. Анализ функционально-семантических особенностей колоративных коллокаций в заголовках газетных текстов

Материалом исследования послужили колоративные коллокации, отобранные сплошной выборкой из заголовков газетных текстов англоязычных и русскоязычных СМИ, опубликованных в 2018 и 2019 гг.

Прежде всего обратим внимание на то, что для определения функции употребления колоративной коллокации важно установить ее семантику, чему способствует проведение семного анализа компонентов данной единицы. Такой анализ представляет собой выделение сем, на основе которых была создана колоративная коллокация, и описание значений как упорядоченной совокупности сем. При этом извлечение семы возможно посредством логического анализа и наличия собственного опыта исследователя. Семный анализ проводится также на основе выделения сем из употреблений слова в текстах [15. С. 5—6]. В нашем исследовании обращение к семному анализу способствует успешной интерпретации колоративной коллокации в заголовке газетной статьи.

В ходе исследования мы опирались на функции заголовка, выделенные разными исследователя-

ми. Кроме того, за основу последовательности иллюстрируемых ниже примеров была взята идея Э. А. Лазаревой, заключающаяся в том, что функции заголовка реализуются поэтапно [16]. Так, наше исследование призвано установить, как выбор конкретной колоративной коллокации способствует реализации определенных функций газетных заголовков.

Выступая в качестве первого элемента смысловой структуры текста, заголовок называет статью (реализуется его *номинативная функция*), и передает определенные сведения о ней (реализуется *информативная функция*), что способствует принятию решения о дальнейшем знакомстве или отказе от чтения статьи.

По нашему наблюдению, для заголовков информационного текста (это *информативные* и *описательные заголовки*) характерно употребление преимущественно нейтральной лексики. Рассмотрим примеры информативных заголовков:

1) 'The Yellow House' Is a Major Memoir About a Large Family and Its Beloved Home. — The Times, 2019.

Коллокация *yellow house*, являясь названием книги и обозначая место, где происходят важные для семьи события, способствует реализации *информационно-номинативной функции* заголовка. Коллокация *yellow house* характеризуется относительной свободой связанности значений образующих ее компонентов; иными словами, между этими элементами нет специфичной связанности, поэтому они свободно сочетаются с другими лексическими единицами. Такие сочетания слов обусловлены нормами языка, а также интенцией говорящего.

2) Собянин сообщил об открытии девяти станций *красной ветки* раньше срока. — РБК Дейли, 2019.

Данный заголовок информирует читателя о сути произошедшего события, чему способствует коллокация *красная ветка*, позволяющая установить, о каком именно направлении Московского метрополитена будет идти речь в статье. Коллокация «*красная ветка*» представляет собой устойчивое сочетание, в котором компонент «*красная*» является относительно свободным и заменимым (в случае, когда речь идет о другой линии метро), и обозначает цвет, которым выделен определенный маршрут в схеме Московского метрополитена. Компонент «*ветка*» является связанным и незаменимым в обозначении совокупности станций данного маршрута и представляет собой метафорический перенос по сходству значения.

Как показывает исследование А. В. Сурта-

евой, важную роль в восприятии текста играет *ассоциативная функция* заголовка, которая заключается в создании у читателя определенного ряда ассоциаций, вызванных заглавием [17]. Использование колоративных коллокаций в заголовке не только вызывает яркий эмоциональный образ, но и позволяет читателю установить тематику газетного текста. Обратимся к примерам:

3) What is the *Green New Deal* and how would it benefit society? — The Guardian 2019.

Данный заголовок сформулирован в виде вопроса, что свидетельствует о побуждении автора читателя самому прийти к ответу на вопрос. По мнению исследователей, именно заголовки такого типа выполняют функцию воздействия на читателя и способствуют оптимизации чтения всего текста в целом. Коллокация *Green New Deal* выполняет *номинирующую функцию*, обозначая название программы, направленной на решение таких актуальных проблем общества, как неравенство и изменением климата. Общеизвестно, что в современных газетных текстах компонент *green*, как правило, указывает на связь с проблемами окружающей среды. Таким образом, коллокация *Green New Deal* выполняет также *ассоциативную функцию*, позволяя читателю определить тематику данной статьи.

В русскоязычных газетных текстах компонент *зеленый* выполняет подобную роль. Как показывает анализ заголовков, стремление к акцентированию внимания на событиях, связанных с экологией, обуславливает создание новых колоративных коллокаций. Обратимся к следующим примерам:

4) Что происходит в РФ в области *зеленого финансирования*. — РИА Новости, 2019.

Зелеными считаются долговые бумаги, средства от размещения которых направляются на финансирование проектов с экологическим эффектом. Подобные процессы освещаются в прессе при помощи таких коллокаций, как *зеленая экономика*, *зеленые облигации*, *зеленая генерация*, *зеленое финансирование* и др. Таким образом, доминирующей функцией данных коллокаций является *ассоциативная функция*, позволяющая установить тематику предлагаемого к прочтению материала.

Безусловно, основной задачей газетного заголовка является привлечение внимания читателя, что связано с *аттрактивной функцией*, рассматриваемой некоторыми исследователями в качестве основной [18]. Эта функция актуализируется при использовании языковых средств, способствующих созданию необычного, иногда интригующе-

го образа, что побуждает читателя ознакомиться с текстом статьи для получения более детальной информации. *Аттрактивная функция* заголовка реализуется, например, при использовании колоративных коллокаций, созданных на основе нарушения лексико-семантической сочетаемости ее компонентов, например:

5) Оранжевые сугробы стали поводом для проверки завода в Петербурге. — РБК, 2019.

6) Ручей в районе Санкт-Петербурга окрасился в фиолетовый цвет. — РБК, 2019.

7) Красные, как крокодил. — Коммерсант, 2019.

Аттрактивная функция коллокаций *оранжевые сугробы, фиолетовый ручей, красный крокодил* проявляется в том, что в составе компонентов данных коллокаций отсутствуют общие семы, тем самым подчеркивается аномальность существования подобных денотатов, что мотивирует читателя ознакомиться с содержанием статей.

Достижению *аттрактивной функции*, на наш взгляд, способствуют также лаконичные заголовки (как особый стилистический прием), позволяющие создать эффект обманутого и усиленного ожидания [16]. В основе данного явления лежит знание читателя о сочетаемостных свойствах языковых единиц. В представленных ниже заголовках используется прием антитезы, который нарушает предсказуемость содержания текста и обманывает связанные с ним ожидания, сформированные при восприятии заголовка. В результате возникает контраст между заголовком и текстом статьи. Рассмотрим, например, заголовки, представляющие собой трансформацию названия популярной книги Э. Джеймса «50 оттенков серого»:

8) *Все оттенки белого*. — Коммерсант, 2018.

Как показывает анализ, лексема *белый* не связана со своим прямым значением «цвет», а актуализирует значение «разрешенный законом», поскольку материал статьи посвящен теме легального бизнеса в Российской Федерации.

Эффект обманутого ожидания в данном случае происходит за счет того, что название заголовка вызывает определенные ассоциации, влияющие на формирование мнения и ожидания от статьи, которое опровергается ее содержанием.

Многие исследователи указывают на большое значение *рекламной функции* заголовка, что также связано с необходимостью привлечь внимание читателя к статье и произвести на него нужный эффект. Такая функция проявляется в субъективной оценке автора, оригинальной структуре заголовка, неоднозначности содержания, что по-

зволяет преподносить информацию так, чтобы она вызывала определенные эмоциональные состояния. Рассмотрим, например, заголовок:

9) *Жить в зеленых наслаждениях*. — Коммерсант, 2019.

Данный заголовок, на наш взгляд, выполняет *аттрактивную, экспрессивную и рекламную функции*. Языковая единица *зеленые наслаждения* является окказиональной коллокацией [19], созданная автором при помощи игры слов с применением паронимов для достижения специфического эффекта, а именно для передачи эмоций человека, проживающего в описываемом в статье жилом комплексе с парком. Определению семантики данной коллокации способствует контекст заголовка. Можно констатировать, что данная коллокация создана на основе ассоциации по сходству, или метафорическом переносе значения: *жить в зеленых наслаждениях* = *жить в зеленых насаждениях*, то есть испытывать ощущение высшей степени удовольствия от проживания в месте с обилием зелени. Формирование положительного образа описываемого комплекса с помощью коллокации *зеленые наслаждения* способно оказать воздействие на сознание читателя, а возможно, и на его выбор.

Усилению выразительности всей статьи способствуют заголовки-цитаты, например:

10) «В нашей стране черный — цвет красoty». — Коммерсант, 2018.

Цитата катарского дизайнера Вадха Аль Хайри, выбранная в качестве заголовка статьи, призвана, на наш взгляд, отразить основную идею минималистичного бренда, что отражено в семантике коллокации *черный цвет*. С другой стороны, автор статьи стремится разрушить некие негативные стереотипы, связанные с восприятием одежды *черного цвета*, акцентируя внимание на том, что такой цвет в первую очередь подчеркивает красоту женщины. Таким образом, коллокация *черный цвет* призвана в данном заголовке выполнять *аттрактивную и оценочную функции*.

Особая значимость заголовка газетного текста, по нашему мнению, также заключается в формировании отношения читателя к тексту, чему способствует *экспрессивно-оценочная функция* заголовка. Как правило, наибольшее *воздействие* оказывают те газетные заголовки, которые отличаются яркостью и необычностью, что, как считают исследователи, основано на *сочетании экспрессии и стандарта* [20. С. 153] как стилистического принципа организации и заголовка,

и самой статьи. Обратимся к примерам:

11) *The Red Summer: Chicago's race riots remembered 100 years on — in pictures.* — The Guardian, 2019.

Заголовок относится к иллюстрациям, отражающим расовые беспорядки в Чикаго, которые произошли 100 лет назад, но памятли до сих пор масштабами произошедшего насилия. Подчеркнуть трагичность события, которое стало причиной гибели большого количества людей, призвана коллокация *red summer* (*кровавое лето*), которая образована на основе метафорического переноса и выполняет *экспрессивно-оценочную функцию*.

Как показало исследование, экспрессивно-оценочная функция актуализируется также за счет использования в заголовках фразеологических единиц как языковых средств, обладающих дополнительными значениями, или коннотацией. Такие языковые единицы могут использоваться в стандартных и новых актуальных значениях. Обратимся к следующим примерам:

12) *Trump says he is concerned by 'white supremacy'.* — The Guardian, 2019.

Используя коллокацию *white supremacy* (*превосходство белой расы*), компоненты которой фразеологически связаны, автор заголовка стремится акцентировать внимание читателя на отношении политического лидера страны к актуальной проблеме расового неравенства, тем самым формируя положительный имидж представителя власти. Данная коллокация способствует формированию *воздействующей и оценочной функций* заголовка.

13) *HK property prices: red hot property.* — The Guardian, 2019.

Как показывает анализ контекста, используемая в заголовке коллокация *red hot property*, представляющая собой фразеологически связанное сочетание, позволяет охарактеризовать уровень цен на недвижимость, как буквально «раскаленный до предела». Так, данная коллокация выполняет *экспрессивно-оценочную и аттрактивную функции*.

14) *Death of the blue bloods 'red book' as Debrett's moves online only.* — Daily Telegraph, 2019.

В статье идет речь о том, что ежегодный справочник дворянства Debrett's, издаваемый с 1802 г., доступен теперь только в цифровом виде, поскольку прекращается публикация печатной версии. Коллокация *blue bloods* (*голубая кровь*) призвана акцентировать внимание на том, что данный справочник содержит сведения о людях аристократического происхождения, способствуя формирова-

нию *экспрессивно-оценочной функции* заголовка. Коллокация *'red book'* в данном контексте, с одной стороны, номинирует официальный справочник или родословную книгу. С другой стороны, данная коллокация подчеркивает, что эта книга имеет переплет красного цвета, тем самым выполняет *информационно-номинативную и аттрактивную функции*.

Необходимо отметить, что коллокации, подобные *white supremacy, red hot property, blue blood*, не конструируются в процессе речи из отдельных элементов, а используются автором как целостные словесные блоки, соответствующие единому смыслу. Определению семантики таких единиц способствует постоянный контекст, а перестановки компонентов коллокации могут препятствовать правильному восприятию ее смысла.

Важно подчеркнуть, что выражению оценки описываемого в статье события способствует использование терминологической колоративной коллокации. Рассмотрим следующие примеры:

15) В блоке Порошенко назвали итоги выборов «красной карточкой» для оппозиции. — РБК Дейли, 2019.

Терминологическая коллокация *красная карточка*, как правило, имеет отношение к спортивным мероприятиям и означает «удаление игрока с поля игры». Использование данной коллокации в анализируемом заголовке подчеркивает восприятие выборов как соревнования, где есть победители и проигравшие, а также позволяет установить оценку итогов выборов одной из сторон. Можно утверждать, что коллокация *красная карточка* в данном заголовке выполняет *оценочную функцию*.

16) *Yellow alert as hot-air balloon lands in suburbia.* — Daily Telegraph, 2019.

Коллокация *yellow alert* является терминологической и означает потенциальную опасность стихии, что демонстрирует, например, следующий заголовок:

17) В Москве объявили *желтый уровень* опасности из-за тумана. — РБК Дейли, 2019.

В рассматриваемом выше заголовке коллокация *yellow alert* выполняет *эмоционально-экспрессивную функцию*, отражая степень эмоционального потрясения жителей прибытием воздушного шара.

Результаты и выводы

Результаты проведенного анализа позволяют констатировать, что колоративные коллокации как особый тип комбинаторно обусловленных семантических единиц широко используются в заголовках газетных текстов в русскоязычных и англо-

язычных СМИ в качестве средства репрезентации разнообразных понятий и явлений значимых сфер жизнедеятельности социума. Использование данных единиц, как правило, обусловлено интенцией автора и тематикой публикации. Являясь важным компонентом заголовка, по сути, представляющего собой сжатое содержание текста, колоративная коллокация позволяет читателю сориентироваться в потоке информации, ассоциируясь с тематикой проблем, оказывает на читателя определенное воздействие, а также расширяет эмоционально-оценочные и экспрессивно-образные средства языка. Функционально-семантический анализ показал, что использование колоративных коллокаций способствует реализации следующих

функций заголовка газетного текста: *номинативно-информационная* (называние текста и передача содержания публикации), *экспрессивно-оценочная* (выражение авторской позиции), *аттрактивная и рекламная* (привлечение читательского внимания и создание нужного эффекта), *ассоциативная* (создание у читателя определенного ряда ассоциаций, вызванных заглавием).

Таким образом, колоративные коллокации являются важным функционально-семантическим и стилистическим средством, непосредственно участвующим в образовании заголовка газетного текста и способствующим успешной коммуникации адресата и адресанта.

Список литературы

1. Архипова, Е. И. Этнокультурные коллокации в лексикографическом аспекте (на русском и англо-американском языковом материале) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. И. Архипова. — Кемерово, 2016. — 250 с.
2. Богданова, О. Ю. Сопоставление функциональных особенностей заглавий художественных произведений и современной публицистики (на англоязычном материале) / О. Ю. Богданова // Ярославский педагогический вестник. — 2012. — № 3, т. I (Гуманитарные науки). — С. 140—143.
3. Верещинская, Ю. В. Испанский газетный заголовок: лингвопрагматический и национально-культурный аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Ю. В. Верещинская. — М., 2013.
4. Влавацкая, М. В. Комбинаторная лингвистика: теоретико-методологические основы зарождения и развития / М. В. Влавацкая // Научный диалог. — 2012. — № 3. — С. 8—23.
5. Влавацкая, М. В. Теоретические проблемы комбинаторной лингвистики. Лексикология. Лексикография / М. В. Влавацкая. — Новосибирск : НГТУ. — 2011. — 508 с.
6. Коршунова, А. В. Окказиональные коллокации в творчестве П. Б. Шелли и их типология / А. В. Коршунова // Научный диалог. — 2017. — № 5. — С. 44—56.
7. Коршунова, А. В. Окказиональные коллокации в типологическом и функционально-семантическом аспектах: на материале произведений русских, английских и французских поэтов эпохи романтизма : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А. В. Коршунова. — Кемерово, 2018. — 318 с.
8. Костомаров, В. Г. Русский язык на газетной полосе / В. Г. Костомаров. — М. : Изд-во Московского университета, 1971.
9. Кульпина, В. Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках / В. Г. Кульпина. — М. : Московский Лицей, 2001. — С. 7—9.
10. Лазарева, Э. А. Заголовок в газете : учеб. пособие для студентов-журналистов / Э. А. Лазарева. — Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1989.
11. Новиков, Ф. П. Динамика культурных кодов и ее отражение в семантическом поле цветообозначения: в русском, английском и французском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ф. П. Новиков. — М., 2012.
12. Онал, И. О. Терминологические коллокации как объект изучения / И. О. Онал // Научный диалог. — 2019. — № 1. — С. 73—87.
13. Стернин, И. А. Семантический анализ слова в контексте / И. А. Стернин, М. С. Саломатина. — Воронеж : Истоки, 2011. — 150 с.
14. Суртаева, А. В. Заглавие художественного текста как элемент его информационной структуры: на материале заглавий англоязычных художественных произведений XX—XXI вв. : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. В. Суртаева. — СПб., 2012. — 202 с.
15. Сыров, И. А. Функционально-семантическая классификация заглавий и их роль в организации

текста / И. А. Сыров // Филол. науки. — 2002. — № 3. — С. 59—68.

16. Цвенгер, Л. В. Колоративные коллокации с компонентами «белый» и «white» в сопоставительно-типологическом рассмотрении / Л. В. Цвенгер // Сопоставительные исследования. — 2019. — Вып. 16. — С. 36—41.

17. Berlin, B. Color term evolution: recent evidence from the World Color Survey / B. Berlin, P. Kay, W. R. Merrifield // Congress 84th Annual Meeting of American Anthropological Association. — Washington, 1985. — P. 29—43.

18. Cowie, A. P. Phraseology. Theory, Analysis, and Applications / A. P. Cowie. — Oxford : Clarendon Press, 1998.

19. Seretan, V. Syntax-Based Collocation Extraction / V. Seretan // Springer, 2011.

20. Vlavatskaya, M. V. Classifying Combinatorially Conditioned Meanings of Colorative Collocations [Электронный ресурс] / M. V. Vlavatskaya, L. V. Tsvenger // Proceedings of the International Conference on “Humanities and Social Sciences: Novations, Problems, Prospects” (HSSNPP 2019). Series: Advances in Social Science, Education and Humanities Research, 2019. — URL: <https://www.atlantis-pess.com/proceedings/hssnpp-19/125913412>.

Сведения об авторе

Цвенгер Лариса Владимировна — аспирантка третьего года обучения гуманитарного факультета НГТУ (научный руководитель — Влавацкая М. В., доктор филологических наук, профессор), старший преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарного факультета Новосибирского государственного технического университета, Новосибирск, Россия. czvenger@corp.nstu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 1 (435). *Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 173—180.*

COLORATIVE COLLOCATIONS AND THEIR FUNCTIONS IN NEWSPAPER HEADLINE

L.V. Tsvenger

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk. Russia. czvenger@corp.nstu.ru

The article covers the peculiarities of functioning of colorative collocations in newspaper headlines taken from Russian and English quality press. The research is conducted in the framework of combinatorial linguistics, which studies the combinatorial and syntagmatic properties of language units. Colorative collocations are defined as combinatory type of the lexical units limited by a color component. The purpose of this article is to reveal the semantics and functions of colorative collocations by means of functional-semantic analysis. To achieve this goal, the concept of “colorative collocation” was described. The importance of colorative collocations in representing the important social events is substantiated. The informative, nominative, evaluative, attractive, associative functions that colorative collocations perform in the headline set are revealed. It is proved that the choice of colorative collocation is determined by author’s intention. It is concluded that the analysis of the colorative collocation in both Russian and English languages reveals their rich potential for inclusion in the structure of newspaper article headlines.

Keywords: *combinatorial linguistics; colorative collocation; functional-semantic analysis, functions of newspaper headline.*

References

1. Arkhipova E.I. *Etnokul'turnyye kollokatsii v leksikograficheskom aspekte (na russkom i anglo-amerikan-skom yazykovom materiale)* [Ethno-cultural collocation in the Lexicographical aspect (on the material of the Russian and English languages). Thesis]. Kemerovo, 2016. 250 p. (In Russ.).

2. Bogdanova O.U. *Sopostavlenie funktsional'nykh osobennostey zaglavij hudozhestvennykh proizvedenij i sovremennoj publicistiki (na angloyazychnom materiale)* [Comparison of functional features of titles of works

of art and modern journalism (on the material of English language). *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Yaroslavl Pedagogical University. Humanities], 2012, no. 3, pt. I, pp. 140-143. (In Russ.).

3. Vereshchinskaya Y.U. *Ispanskij gazetnyj zagolovok: lingvopragmaticheskij i nacional'no-kul'turnyj aspekt* [Spanish newspaper headline: linguopragmatic and national-cultural aspects. Abstract of thesis]. Moscow, 2013. 22 p. (In Russ.).

4. Vlavatskaya M.V. *Kombinatornaya lingvistika: teoretiko-metodologicheskie osnovy zarozhdeniya i razvitiya* [Combinatorial Linguistics: Theoretical and Methodological Fundamentals of the Origin and Development]. *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue], 2012, no. 3, pp. 8-23. (In Russ.).

5. Vlavatskaya M.V. *Teoreticheskie problemy kombinatornoj lingvistiki. Leksikologiya. Leksikografiya* [Theoretical problems of Combinatorial Linguistics: Lexicology. Lexicography]. Novosibirsk, Novosibirsk State Technical University, 2011. 508 p. (In Russ.).

6. Korshunova A.V. *Okkazional'nye kollokatsii v tvorchestve P. B. SHelli i ih tipologiya* [Occasional Collocations in Poetry of P.B. Shelly and their Typology]. *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue], 2017, no. 5, pp. 44-56. (In Russ.).

7. Korshunova A.V. *Okkazional'nye kollokatsii v tipologicheskom i funktsional'no-semanticheskom aspektakh: na materiale proizvedeniy russkikh, angliyskikh i frantsuzskikh poetov epokhi romantizma* [Occasional Collocation in Typological and Functional-Semantic Aspects (on the material of the Russian, English and French romantic poets). Thesis]. Kemerovo, 2018. 318 p. (In Russ.).

8. Kostomarov V.G. *Russkij yazyk na gazetnoj polose* [The Russian Language in a Newspaper]. Moscow, Moscow University press, 1971. (In Russ.).

9. Kul'pina V.G. *Lingvistika cveta: Terminy cveta v pol'skom i russkom yazykah* [Linguistics of Colour: colour terms in Russian and Polish languages]. Moscow, Moscow Lyceum, 2001. Pp. 7-9. (In Russ.).

10. Lazareva E.A. *Zagolovok v gazete* [Headline in newspaper: study guide]. Sverdlovsk, Ural University Press, 1989. Pp. 69-72. (In Russ.).

11. Novikov F.P. *Dinamika kul'turnyh kodov i ee otrazhenie v semanticheskom pole cvetooboznacheniya: v russkom, angliyskom i francuzskom yazykah* [Dynamics of cultural codes and its reflection in the semantic field of color: in Russian, English and French languages. Abstract of thesis]. Moscow, 2012. 22 p. (In Russ.).

12. Onal I.O. *Terminologicheskiye kollokatsii kak ob'ekt izucheniya* [Terminological Collocation as Object under Study]. *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue], 2019, no. 1, pp. 73-87. (In Russ.).

13. Sternin I.A. *Semanticheskij analiz slova v kontekste* [Semantic Analysis of Words in Context]. Voronezh, Istoki, 2011. 150 p. (In Russ.).

14. Surtaeva A.V. *Zaglavie hudozhestvennogo teksta kak element ego informacionnoj struktury: na materiale zaglavij angloyazychnyh hudozhestvennyh proizvedenij XX-XXI vv.* [The title of the literary text as an element of its information structure: on the material of the titles of the English-language works of art of the XX-XXI centuries. Thesis]. 2012. 202 p. (In Russ.).

15. Syrov I.A. *Funkcional'no-semanticheskaya klassifikatsiya zaglavij i ih rol' v organizatsii teksta* [Functional-semantic classification of titles and their role in the organization of the text]. *Filol. nauki* [Philology science], 2002, no. 3, pp. 59-68. (In Russ.).

16. Tsvenger L.V. *Kolorativnyye kollokatsii s komponentami "belyy" i "white" v sopostavitel'no-tipologicheskom rassmotrenii* [Colorative collocations with component "belyy" and "white" in comparative-typological aspect]. *Sopostavitel'nyye issledovaniya* [Comparative Study], 2019, no. 16, pp. 36-41. (In Russ.).

17. Berlin B., Kay P., Merrifield W.R. *Color term evolution: recent evidence from the World Color Survey. Congress 84th Annual Meeting of American Anthropological Association.* Washington, 1985. Pp. 29-43.

18. Cowie A.P. *Phraseology. Theory, Analysis, and Applications.* Oxford, Clarendon Press, 1998.

19. Seretan V. *Syntax-Based Collocation Extraction.* Springer, 2011.

20. Vlavatskaya M.V., Tsvenger L.V. *Classifying Combinatorially Conditioned Meanings of Colorative Collocations. Proceedings of the International Conference on "Humanities and Social Sciences: Novations, Problems, Prospects". Series: Advances in Social Science, Education and Humanities Research, 2019.* Available at: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/hssnpp-19/125913412>.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ И АНАЛИЗ КОНТРАСТА КАК ДИСКУРСИВНОГО ОТНОШЕНИЯ

Д. К. Шер

Саратовский государственный университет, Саратов, Россия

Рассматриваются процесс, способы идентификации и методы анализа контрастных отношений в дискурсе. Целью исследования является выявление проблемных мест анализа, связанных с определением границ единиц анализа контраста, маркированностью контраста, альтернативными лексикализациями и множественными признаками дискурсивных отношений, а также последовательностью контрастных сегментов и надежностью дискурсивных маркеров. Разработаны процедуры идентификации выраженного и невыраженного контраста.

Ключевые слова: *идентификация контраста, (не)выраженный контраст, дискурсивные маркеры, контрастная связь, когезия и когерентность дискурса.*

Контраст — дискурсивное отношение, связывающее противоположные, противоречивые или противопоставленные объекты или явления на синтагматическом уровне в дискурсе. Контраст также рассматривается исследователями как принцип и риторический прием.

Для дискурс-анализа критично понимание контраста именно как отношения между дискурсивными единицами, а не как риторического или стилистического приема или принципа (например, принципа развертывания речи [4], организующего принципа [6; 10; 11], принципа выдвижения [1—3; 8; 9] и т. п.). Это связано с тем, что контраст обладает такими характеристиками, как полярность [15], дистантность, сложность [7] и другими, где есть возможность точного измерения. Кроме того, контраст зачастую является одним из компонентов «цитоплазмы» дискурса, то есть одновременно является отдельным компонентом и когезии, и когерентности фрагмента, а также в случае стилистического контраста может относиться к каждому отдельному сегменту дискурса, создавая целое пространство, заполняющее место между дискурсивными элементами. Повышение когезии и когерентности дискурса происходит за счет того, что контраст к основным синтаксическим и семантическим связям между элементами (например, те, что рассматриваются в *Link Grammar Parser* в работах Т. В. Батура и др.) добавляет одну и более контрастных связей (ср. с идеями о большей силе когезии аддитивных отношений у таких авторов, как Дж. Спенейдер, М. Табоада, Д. Дас, и др.).

В связи с гетерогенностью «цитоплазмы» дискурса и частыми случаями многозначности и многофункциональности элементов дискурса идентификация контраста представляет собой существенную проблему. Поэтому целью данного исследования является разработать способы надежной идентификации контраста, а именно решить задачи по выделению контрастных связей в дискурсе с помощью дискурсивных маркеров (ДМ), а в их отсутствие разработать другие методы идентификации; по определению границ контраста как текстовых, так и семантических, а в случаях с несколькими контрастами описать процедуру их разграничения; по определению зоны применимости теории риторических структур (ТРС) и других теорий, описывающих дискурсивные отношения, для нахождения и анализа контрастных связей.

Для идентификации контраста в дискурсе необходимо точно определить границы единицы анализа контраста. Единицы анализа контраста, так же как и любого другого отношения, образуют определенную иерархию. Уточним, что в структурном плане сегмент дискурса — отрезок дискурса, границами которого могут выступать союзы, пунктуационные знаки или атрибутивные предложения [26] (ср.: элементарная дискурсивная единица в ТРС). Вслед за У. Манном, К. Маттисеном, С. Томпсон, А. О. Литвиненко и другими считаем, что сегмент — клауза; или элементарная дискурсивная единица, которая может быть как разрывной, так и неразрывной [5; 16]. Дискурсивный элемент — часть такого сегмента. Соответственно, дискурсивный элемент — единица базового уровня, лексема (в отличие от ТРС). Фрагмент же —

совокупность нескольких сегментов дискурса, которые, в свою очередь, состоят из элементов.

Идентификация контрастных отношений в дискурсе может производиться на основе семантических связей, характеристик контраста и дискурсивных маркеров. Рассмотрим варианты идентификации контраста и связанные с каждым из них проблемы в обратном порядке: от наименее комплексного анализа до более комплексного.

В случае выраженного контраста дискурсивные отношения образуются с помощью ДМ, к примеру, в структурах с союзами координации (*and, or, nor, yet* и др.) и субординации (*hence, since, before, after* и др.) и с соединительными дополнениями (наречия *then, actually* и др.), словами-связками (*as a result, moreover* и др.), а также с различными контрастными союзами (*but, although, whereas* и др.). Следует заметить, что рекурсия и когезия предполагают определенную дистанцию между элементами дискурса. Полагаем, что дистанция между элементами дискурса и рекурсия способствуют образованию дополнительных контрастных связей и что в зависимости от величины дистанции и количества рекурсий варьируется сила когезии, когерентности дискурса и, соответственно, эффективности речевого воздействия.

Маркированные дискурсивные отношения, или отношения выраженного дискурсивного отношения, образуются между смежными элементами дискурса, связанными какой-либо структурой, а также могут связывать как смежные элементы дискурса, так и несмежные [14]. ДМ помогают быстро найти и определить вид дискурсивных отношений как «вручную» (лингвистическая модель Л. Поланьи, графическая база данных Ф. Вольфа и Э. Гибсона, аннотации Табоады и др.), так и автоматически (лексикализованная грамматика по принципу прилегающих иерархических структур D-LTAG — А. Джоши, Р. Прасад и Б. Веббер) с помощью электронных корпусов PDTB2.0 [18] и RST-SC [13].

Однако для идентификации немаркированного контраста необходимо провести анализ по его характеристикам. Так, отношение может быть аддитивно (то есть дает дополнительную информацию), по полярности негативно, двунаправленно (термины из работ М. Луверса [15]) и может обладать такими характеристиками, как дистантность, сложность, имплицитность, стилистичность (термины из работы Д. Шера).

Приведем несколько примеров.

And it's *unbelievable* to see what you do. I will say that we just ended a *nightmare* known as *NAFTA*.

They took our — they *took our jobs* for a long time. They took it for a long time. And we now have a brand-new *U.S.-Mexico-Canada Agreement*. It's a *whole different ballgame* [24].

В примере мы видим два полюса контраста: 1) *unbelievable; U.S.-Mexico-Canada Agreement; whole different ballgame*; 2) *nightmare; NAFTA; took our job*. Здесь контраст аддитивен (не содержит указания времени или причины), негативен (имеется противопоставление), двунаправлен (клаузы с противопоставлением, могут следовать в любом порядке), по длине дискурсивной дистанции это микроконтраст, по количеству контрастных связей между указанными полюсами — сложный, из-за отсутствия дискурсивных и других маркеров — имплицитный, нестилистический. Однако внутри данного фрагмента также реализуется и стилистический контраст с похожими характеристиками: *a whole different ballgame* — где пересекаются публицистический и разговорный стили.

Идентификация по характеристикам контраста неразрывно связана с идентификацией на основе семантических связей и дополняется последней. В рамках идентификации на основе семантических связей как выраженного, так и невыраженного контраста существуют три основные проблемы: альтернативные лексикализации, множественность признаков дискурсивных отношений и пересекающиеся отношения.

Альтернативные лексикализации представляют собой маркеры, которые могут констатировать наличие разных дискурсивных отношений в зависимости от контекста, другими словами, многозначность ДМ (ср.: нестабильные ДМ у Дж. Спенейдера и др.):

1. I will say that we just ended a nightmare known as NAFTA. They took our — they took our jobs for a long time. <...> *But* we're bringing your jobs back to America.

2. I Very happy with that. *But* you've been around — 116 years of brilliant American craftsmanship. And that's what it is.

3. I Where's Bob? What a job you've done. What a job. He did this deal. He did China. He did Japan. They all worked together. *But* fantastic job [24].

В первом примере *but* — контраст, во втором — детализация, в третьем — оценка/интерпретация (классификация дискурсивных отношений по Манну и Томпсон). При этом Д. Трамп употребляет данный маркер 38 раз в этой речи: очевидно, что отношения, которые может сигнализировать *but*, не ограничиваются вышеупомянутыми тремя видами.

Выбор дискурсивного отношения для каждой альтернативной лексикализации следует базировать на процедуре подстановки маркера. В случае немаркированного, имплицитного контраста процедура идентификации состоит из инференции отношения между клаузами и подстановки соответствующего маркера [19], при этом крайне необходимо учитывать максимальный контекст фрагмента, поскольку точность такой операции напрямую зависит от объективности и количества входящих факторов [20]; в случае же маркированного, эксплицитного контраста, на наш взгляд, процедуру необходимо дополнить верификацией синонимичным маркером, чтобы решить альтернативность лексикализации в пользу того или иного значения:

They say, «Sir, your opponent is heading to Michigan.» And that wasn't scheduled either. *But* what did that mean to me? That meant that she had problems [24].

Здесь *but* теоретически может являться фоном, интерпретацией, оценкой, неволевитивной причиной или детализацией. Подстановкой синонимичных союзов и фраз для данного контекста: *so, thus, though, and, anyway* — и, опираясь на семантику *mean*, решаем, что данная альтернативная лексикализация образует отношения интерпретации.

Перспективой исследования мы видим решение проблемы синтаксически и лексически свободных единиц (таких как, например, *mean* для отношений интерпретации), которых обнаруживается более половины (а в некоторых случаях более 98% для детализации, 93% для фона [Taboada, 2006]) в политическом и экономическом дискурсах и которые констатируют те или иные дискурсивные отношения.

Множественные признаки дискурсивных отношений представляют актуальную проблему идентификации и анализа таких отношений, в частности, контраста [13; 23]. Под множественными признаками дискурсивного отношения понимаем наличие одновременно нескольких дискурсивных связей между сегментами, которые накладываются

друг на друга при обработке того или иного фрагмента в сознании реципиента:

Remember, [the tax cut was the biggest tax cut in the history of our country]₁. [And what do they do?]₂ [They impeach you]₃ [24].

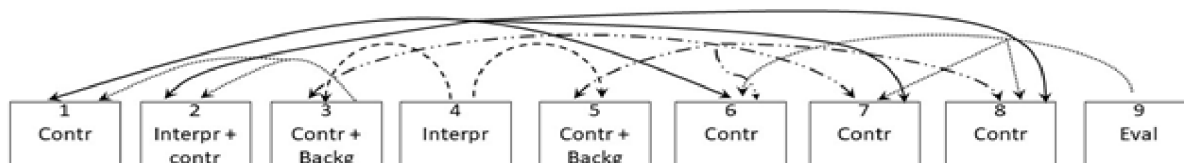
Сегменты 1 и 3 образуют два полюса контраста (терминология наша. — Д. Ш.). Полюс контраста — это сегмент или совокупность сегментов дискурса, который противопоставляется или противоречит другому сегменту или совокупности сегментов. Между данными полюсами контраста образуются отношения детализации, последовательности, неволевитивного результата и контраста (прагматического).

Когда на одном полюсе контраста присутствует сразу несколько дискурсивных отношений, мы говорим о неравнозначности полюсов контраста. Значительный дисбаланс полюсов контраста относительно количества дискурсивных отношений может свидетельствовать о манипуляции со стороны автора высказывания, который пользуется техникой НЛП для убеждения реципиента в правильности пресуппозиции, содержащейся в сегменте, на который приходится большее количество контрастных связей.

Поскольку один элемент может быть связан контрастными отношениями с несколькими элементами (в терминах иерархических структур *node with multiple parents*) нелинейно [17], возникает необходимость изучать пересекающиеся зависимости [26], то есть пересечения отношений сегментов дискурса (см. рисунок ниже):

[The locks were rotting away]₁. [It was all talk and no action.]₂ [And I was being told, «It's never going to happen, sir.»]₃ [Too much money.]₄ [It's just not going to happen.]₅ ... [And we're going to have it all set.]₆ [We got our maximum funding.]₇ and [we have the maximum design]₈. [And it's going to be good for another hundred years, they say]₉ [24].

На наш взгляд, наличие точек пересечения таких отношений прямо пропорционально силе когезии и когерентности фрагмента.

Contr (contrast) — контраст, *interpr* (interpretation) — интерпретация, *backg* (background) — фон, *eval* (evaluation) — оценка.

Несмотря на это, на наш взгляд, можно предположить, что структура фрагмента дискурса и смежность контрастных сегментов могут оказывать скрытое, имплицитное воздействие на адресата. Последовательность контрастных сегментов в фрагменте, на наш взгляд, также важна для такого воздействия.

Таким образом, следует выработать разные процедуры идентификации и анализа для выраженного и невыраженного контраста. Для первого вида

контраста целесообразно проводить сопоставление ДМ с видами дискурсивных отношений и последующей верификацией. Для второго — проводить инференцию ДМ с подстановкой и верификацией, опирающейся на характеристики контраста и семантические связи и исключаяющей все остальные значения в случае альтернативной лексикализации или констатирующей наличие множественных признаков.

Список литературы

1. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сб. ст. / И. В. Арнольд. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. университета, 1999. — 444 с.
2. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования) : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / И. В. Арнольд. — Изд. 2-е. — [Б. м.] : Просвещение, 1981. — 300 с.
3. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык : учеб. для вузов / И. В. Арнольд. — 5-е изд., испр. и доп. — М. : Флинта : Наука, 2002. — 384 с.
4. Бочина, Т. Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Т. Г. Бочина. — Казань, 2003. — 449 с.
5. Литвиненко, А. О. Описание структуры дискурса в рамках теории риторической структуры: применение на русском материале / А. О. Литвиненко // Труды Международного семинара «Диалог-2001» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. — Аксаково, 2001. — С. 159—168.
6. Мартынова, О. П. Контраст как семантико-функциональная основа художественного текста (на примере текста англоязычного короткого рассказа) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О. П. Мартынова. — М., 2006. — 185 с.
7. Назарова, Р. З. Функционирование приема контраста в политическом дискурсе в зависимости от несубъектных экстралингвистических факторов / Р. З. Назарова, Д. К. Шер // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. — 2013. — Т. 13, вып. 3. — С. 41—45.
8. Постоловская, Н. А. Использование контраста в авторских отступлениях в романах Торнтон Уайлдера / Н. А. Постоловская // Интерпретация художественного текста в языковом вузе : межвуз. сб. науч. тр. — Л., 1981. — С. 71—81.
9. Седых, Э. В. Контраст в поэзии как один из типов выдвигания (на примере циклов стихотворений «Песни Неведения» и «Песни Познания» Уильяма Блейка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Э. В. Седых — СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 1997. — 18 с.
10. Степанова, Н. Ю. Контраст как средство создания комического эффекта (лингвостилистический аспект) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н. Ю. Степанова. — М., 2010. — 213 с.
11. Цветкова, А. Н. Контраст в образном строе английской народной сказки : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. Н. Цветкова. — М., 2012. — 16 с.
12. Batura, T. V. Link Grammar Parser for Turkic languages and algorithms for estimation the relevance / T. V. Batura, F. A. Murzin, A. M. Bakiyeva, S. Zh. Tazhibayeva, A. S. Yerimbetova, S. K. Sagnayeva // The 10th Int. Conf. on Application of Information and Communication Technologies (AICT2016), 12—14 October 2016. — Baku, Azerbaijan. — P. 104—107.
13. Das, D. RST Signalling Corpus / D. Das, M. Taboada, P. McFetridge // Linguistic Data Consortium, University of Pennsylvania. — Philadelphia, 2015.
14. Joshi, A. Discourse annotation: discourse connectives and discourse relation / A. Joshi, R. Prasad, B. Webber // COLING/ACL Tutorial. — Sydney, 2006.
15. Louwerse, M. An Analytic and Cognitive Parameterization of Coherence Relations / M. Louwerse. — Cambridge, 2001. 320 p.

16. Mann, W. Rhetorical structure theory and text analysis / W. Mann, C. Matthiessen, S. A. Thompson // *Discourse Description*. — Amsterdam : Benjamins, 1992. — P. 39—78.
17. Moore, J. A problem for RST: the need for multi-level discourse analysis / J. Moore, M. Pollack // *Computational Linguistics*. — 1992. — № 18 (4).
18. Prasad, R. The Penn Discourse Treebank 2.0 / R. Prasad, N. Dinesh, A. Lee, E. Miltsakaki, L. Robaldo, A. Joshi, B. Webber // *Proceedings of LREC*. — 2008. — P. 2961—2968.
19. Prasad, R. Realization of Discourse Relations by Other Means: Alternative Lexicalizations / R. Prasad, A. Joshi, B. Webber // *Proceedings of the 23rd International Conference on Computational Linguistics (COLING 2010: Posters)*. — Beijing, China, 2010. — P. 1023—1031.
20. Saito, M. Using phrasal patterns to identify discourse relations / M. Saito, K. Yamamoto, S. Sekine // *Proceedings of the Human Language Technology Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics (HLT-NAACL 2006)*. — New York, 2006. — P. 133—136.
21. Spenader, J. Antonymy in contrast relations / J. Spenader, G. Stulp // *Proceedings of the Seventh International Workshop on Computational Semantics*. — Tilburg, 2007.
22. Spenader, J. Reliable discourse markers for contrast relations / J. Spenader, A. Lobanova // *Proceedings of the 8th international conference on computational semantics*. — Tilburg, 2009.
23. Taboada, M. Discourse Markers as Signals (or Not) of Rhetorical Relations / M. Taboada // *Journal of Pragmatics*. — 2006. — No. 38 (4). — P. 567—592.
24. Trump, D. The USMCA meeting at Dana Incorporated in Warren, Michigan. January 30, 2020 [Электронный ресурс] / D. Trump. — URL: <https://factba.se/transcript/donald-trump-speech-usmca-dana-incorporated-warren-michigan-january-30-2020>.
25. Witt, A. Linguistic Modeling of Information and Markup Languages / A. Witt, D. Metzger // *Text, Speech and Language Technology*. Vol. 40. — Springer, 2010. — 266 p.
26. Wolf, F. Representing discourse coherence: a corpus-based study / F. Wolf, E. Gibson // *Computational Linguistics*. — 2005. — № 31.

Сведения об авторе

Шер Денис Карлович — кафедра английского языка и методики его преподавания Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского Саратов, Россия. sher_denis@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 1 (435). *Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 181—187.*

THE IDENTIFICATION AND ANALYSIS OF CONTRAST DISCOURSE RELATIONS

D.K. Sher

Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia. sher_denis@mail.ru

The article looks into the process and instrumentality of identification and the method of contrast relations analysis. The goal of this research is detecting blind spots of contrast analysis in such areas as determining the span of units of contrast analysis, contrast markedness, alternative lexicalizations, multiple signals of discourse relations, as well as in the field of contrast segment sequences and reliability of discourse markers. The procedures for tracking down both marked and unmarked contrast have been worked out.

Keywords: *contrast identification, (un)marked contrast, discourse markers, contrast bond, discourse cohesion and coherence.*

References

1. Arnold I.V. *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality: collected papers]. St. Petersburg, Saint-Petersburg University Press, 1999. 444 p. (In Russ.).
2. Arnold I.V. *Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka (stilistika dekodirovaniya)* [Modern English Stylistics (Stylistics of Decoding)]. 2nd edit. Prosvetsheniye, 1981. 300 p. (In Russ.).

3. Arnold I.V. *Stilistika. Soveremennyi angliyskii yazyk: uchebnik dlya vuzov* [Stylistics. Modern English Language: coursebook for university students]. 5th Edit, revised and extended. Moscow, Flinta, Nauka, 2002. 384 p. (In Russ.).
4. Bochina T.G. *Kontrast kak lingvokognitivnyi prinzip russkoy poslovitsy* [Contrast as a Linguo-cognitive Principle in Russian Sayings: PhD thesis: 10.02.19]. Kazan, 2003. 449 p. (In Russ.).
5. Litvinenko A.O. *Opisaniye struktury diskursa v ramkah teorii ritoricheskoy struktury: primeniye na russkom materiale* [Discourse Structure Description in Theory of Rhetorical Structures: Russian Language Application]. *Trudy Mezhdunar. Sem. po kompiuternoy lingvistike i eyo prilozheniyam "Dialog-2001"* [International seminar on computer linguistics and its applications "Dialog-2001"]. Aksakovo, 2001. Pp. 159-168 (In Russ.)
6. Martynova O.P. *Kontrast kak semantiko-funktsionalnaya osnova hudozhestvennogo teksta (na primere teksta angloyazychnogo rasskaza)* [Contrast as a Semantic and Functional Backbone of Fictional Literature (English Short Story Example): PhD thesis: 10.02.04]. Moscow, 2006. 185 p. (In Russ.).
7. Nazarova R.Z., Sher D.K. *Funktsionirovaniye priema kontrasta v poiticheskom diskurse v zavisimosti ot nesub'ektnykh ekstralingvisticheskikh faktorov* [The Effect of Non-subject Extralinguistic Factors on the Functioning of Contrast in Political Discourse]. *Izvestiia Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. Novaia seriia. Seriya Filologiya. Zhurnalistika* [News of Saratov State University. New series. Series Philology. Journalism], 2013, vol. 13, iss. 3, pp. 41-45. (In Russ.).
8. Postolovskaya N.A. *Ispol'zovaniya kontrasta v avtorskikh otstupleniyah v romanah Torntona Waildera* [The Use of Contrast in Author's Digressions In Thornton Wilder's Novels]. *Interpretatsiya hudozhestvennogo teksta v yazykovom vuze: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Fiction text interpretation in universities of humanities: intercollegiate collection of papers]. Leningrad, 1981. Pp. 71-81. (In Russ.).
9. Sedyh E.V. *Kontrast v poezii kak odin iz tipov vydvizheniya (na primere ziklov stikhotvorenii "Pesni Nevedeniya" i "Pesni Poznaniya" Wiliama Bleika)* [Contrast in poetry as one of salience types (William Blake's "Songs of Innocence and Experience"). Abstract of thesis]. Saint-Petersburg: Gerzen RSPU, 1997. 18 p. (In Russ.).
10. Stepanova N.Y. *Kontrast kak sredstvo sozdaniya komicheskogo effekta (lingvostilisticheskii aspekt)* [Achieving comic effect by using contrast (linguo-stylistic aspect): abstract of PhD thesis: 10.02.04]. Moscow, 2010. 213 p. (In Russ.).
11. Tsvetkova A.N. *Kontrast v obraznom stroye angliyskoy narodnoy skazki* [Contrast use and imagery in English folk tales: abstract of PhD thesis: 10.02.04]. Moscow, 2012. 16 p. (In Russ.).
12. Batura T.V., Murzin F.A., Bakiyeva A.M., Tazhibayeva S.Zh., Yerimbetova A.S., Sagnayeva S.K. *Link Grammar Parser for Turkic languages and algorithms for estimation the relevance. The 10th Int. Conf. on Application of Information and Communication Technologies (AICT2016). 12-14 October 2016. Baku, Azerbaijan.* Pp. 104-107.
13. Das D., Taboada M., McFetridge P. *RST Signalling Corpus. Linguistic Data Consortium.* University of Pennsylvania, Philadelphia, 2015.
14. Joshi A., Prasad R., Webber B. *Discourse annotation: discourse connectives and discourse relation. COLING/ACL Tutorial.* Sydney, 2006.
15. Louwerse M. *An Analytic and Cognitive Parameterization of Coherence Relations.* Cambridge, 2001. 320 p.
16. Mann W., C. Matthiessen, S.A. Thompson *Rhetorical structure theory and text analysis. Discourse Description.* Amsterdam, Benjamins, 1992. Pp. 39-78.
17. Moore J., Pollack M. *A problem for RST: the need for multi-level discourse analysis. Computational Linguistics,* 1992, no. 18 (4).
18. Prasad R., Dinesh N., Lee A., Miltsakaki E., Robaldo L., Joshi A., and Webber B. *The Penn Discourse Treebank 2.0. Proceedings of LREC,* 2008. Pp. 2961-2968.
19. Prasad R., Joshi A., Webber B. *Realization of Discourse Relations by Other Means: Alternative Lexicalizations. Proceedings of the 23rd International Conference on Computational Linguistics (COLING 2010: Posters).* Beijing, China, 2010. Pp. 1023-1031.

20. Saito M., Yamamoto K., Sekine S. Using phrasal patterns to identify discourse relations. *Proceedings of the Human Language Technology Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics (HLT-NAACL 2006)*. New York, 2006. Pp. 133-136.
21. Spenader J., Stulp G. Antonymy in contrast relations. *Proceedings of the Seventh International Workshop on Computational Semantics*. Tilburg, 2007.
22. Spenader J., Lobanova A. Reliable discourse markers for contrast relations. *Proceedings of the 8th international conference on computational semantics*. Tilburg, 2009.
23. Taboada M. Discourse Markers as Signals (or Not) of Rhetorical Relations. *Journal of Pragmatics*, 2006, no. 38 (4), pp. 567-592.
24. Trump D. *The USMCA meeting at Dana Incorporated in Warren, Michigan. January 30, 2020*. Available at: <https://factba.se/transcript/donald-trump-speech-usmca-dana-incorporated-warren-michigan-january-30-2020>.
25. Witt A., Metzger D. Linguistic Modeling of Information and Markup Languages. *Text, Speech and Language Technology*, vol. 40. Springer, 2010 266 p.
26. Wolf F., Gibson E. Representing discourse coherence: a corpus-based study. *Computational Linguistics*, 2005, no. 31.

**ОСТАНАВЛИВАЮЩИЕ МГНОВЕНИЕ.
РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Н. Н. ШЛЕМОВОЙ
«ЖАНРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В РУССКОЙ МАЛОЙ ИМПРЕССИОНИСТСКОЙ ПРОЗЕ
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА»
(ЧЕЛЯБИНСК: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ЮУРГУ, 2019. 226 С.)**

М. А. Перепелкин

Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С. П. Королева, Самара, Россия

Монография кандидата филологических наук Н. Н. Шлемовой является наукоемким исследованием, актуальным и ценным с нескольких точек зрения. Это связано с тем, что в ней три смысловых центра, вокруг которых строится научный сюжет: жанр и жанровые тенденции, импрессионизм и импрессионистская проза, первая треть XX в. Взаимодействие между этими смысловыми центрами — напряженное (в самом положительном, продуктивном значении этого слова) и неослабевающее с первых страниц монографии до самого ее финала — создает ее нерв, динамику, глубину, обеспечивает ей читательский интерес и делает востребованной научным сообществом. Автор монографии поставил перед собой непростую задачу: минуя многочисленные сложившиеся в литературоведческой науке клише, по-новому взглянуть на одну из самых непростых в русской культуре художественных эпох и, не повторяя подчас поверхностных или недостаточно проверенных, а иногда и просто ошибочных гипотез предшественников, приблизиться к пониманию того, как именно время реагировало на «исчерпанность канонических моделей мира». Собственно, последний озвученный тезис — реакция на «исчерпанность канонических моделей мира» и стремление эту исчерпанность преодолеть — и есть та центральная проблема, которую исследует в своей монографии Н. Н. Шлемова. Удачно выбранный подход сочетает в себе два начала, которые можно назвать «содержательным» и «формальным». Когда речь идет об импрессионизме как культурном явлении, о его истоках, эстетической концепции, специфике импрессионистского мирообраза, о взаимодействии импрессионизма с классической традицией и экспрессионизмом как другой составляющей художественной модели, автор апеллирует к категориям «содержательного» подхода. Но, переходя к рассмотрению

того, как импрессионистский образ мира воплощается в жанровой модели русской малой прозы, Н. Н. Шлемова демонстрирует способность тщательного анализа художественной формы. «Содержательный» и «формальный» подходы, каждому из которых отдается предпочтение в двух первых главах монографии, сочетаются в следующих за ними. Причем если в третьей главе «формальное» доминирует над «содержательным», то в четвертой как раз таки доминирует «содержательное». Таким образом, Н. Н. Шлемова находит возможность быть убедительной и в одном и в другом случае: обобщения и абстракции, присутствующие в работе, опираются на скрупулезный анализ конкретных фактов, а работа с текстом и его формальными элементами подготавливает выход на обобщения, характеризующие эстетическую программу и мировидение.

Четко поставленная проблема, найденный удачный подход к ее решению, введение в научный оборот целого корпуса текстов, ранее не соотносимых или соотносимых только вскользь с импрессионистской моделью, тщательный анализ отдельных текстов и текстовых элементов делают монографию Н. Н. Шлемовой актуальной, обеспечивают ей необходимую степень новизны, теоретической и практической значимости, а выводы, к которым приходит ее автор, обоснованными. Достоверность выводов обеспечивается как весьма основательной теоретической базой, так и безусловной репрезентативностью рассматриваемого материала. Тщательной продуманностью отличается композиция монографии, читатель которой вместе с ее автором проделывает путь от осознания проблемы «исчерпанности канонических моделей мира» через жанровые поиски и осознание жанрового потенциала тех или иных художественных форм в раскрытии импрессионистского мирообраза к осознанию гармонии нового типа, отражением

которой могут считаться циклические единства и лирическая книга как феномен литературного импрессионизма.

Остановимся на конкретных результатах, достигнутых автором в ходе исследования, попутно обращая внимание на доказательность аргументации. Справедливо отметив, что импрессионизм находится в ряду самых сложных для теоретического анализа явлений, Н. Н. Шлемова предприняла самую тщательную ревизию имеющихся взглядов и трактовок импрессионизма в научной литературе. Данная ревизия позволила ей сделать вывод о том, что под импрессионизмом следует понимать «некую общекультурную тенденцию, обусловленную формированием своеобразного мироощущения, специфической системы мировидения, мировосприятия, характеризующейся рядом особенностей». К последним автор относит такие особенности, как «субъективность видения объективного мира», «опора на первичный, чувственный образ, возникший при непосредственном, свежем взгляде на предмет», «мобильность восприятия», «цепкость творческого зрения и неполнота охвата», утонченное эстетическое восприятие бытия и т. д. Под влиянием всех этих особенностей мировидения складывается эстетическая концепция, влияющая на создание уникальной модели мира и воплощающаяся в особенностях поэтики импрессионистского произведения. Эта концепция тоже становится объектом самого внимательного и сосредоточенного анализа Н. Н. Шлемовой, которая повсюду обнаруживает стремление не довольствоваться общими словами и половинчатыми выводами, а последовательно расставляет все точки над «и». Именно такими точками над «и» можно считать выделенные автором основные категории, составляющие концептуальное ядро импрессионизма, так или иначе представленное в произведениях, тяготеющих к данному феномену. Особое внимание уделено вопросу о причинах формирования импрессионистского мироощущения и его социально-исторических, культурных и философских истоках. И здесь автор обнаруживает умение систематизировать, обобщать, солидаризироваться с предшественниками, а если необходимо — решительно противопоставлять свою точку зрения тому, что было сказано ранее, и аргументировать позицию.

Стремление расставить точки над «и» и «дойти до самой сути» заставило Н. Н. Шлемову обратиться к выявлению специфики импрессионизма в контексте взаимодействия классических тради-

ций и модернистских тенденций в малой прозе, а также рассмотреть импрессионизм и экспрессионизм как две составляющие синтетической художественной модели. Таким образом, если ранее автор пытался охарактеризовать импрессионизм «изнутри» данного феномена, то теперь им принята попытка очертить его внешние контуры через сопоставление со смежными явлениями. Итогом этой работы становится достаточно емкое определение феномена импрессионизма, выступающее в качестве фундамента исследования и позволяющее автору уверенно двигаться дальше — к рассмотрению того, как импрессионистский миробраз воплощался в жанровой модели русской малой прозы.

Отметим, что, переходя к анализу жанровых воплощений импрессионистского мироощущения, автор хорошо понимает и поясняет читателю, почему это делает. Делает он это потому, что «жанр... становится экспериментальным полем, в котором отразились эстетические искания художников слова, в частности писателей, тяготеющих к импрессионизму». Соответственно, сделав акцент на этом, Н. Н. Шлемова делает концептуальный обзор направлений, существующих в теории жанра, рассматривает тенденции в исследовании малой прозы и только после этого обращается к анализу сигналов, «ориентирующих читателя в восприятии произведения как целостного миробозраза» и воплощенных в заголовочно-финальном комплексе. Данный комплекс на страницах монографии анализируется как жанромаркирующий элемент в импрессионистском произведении. Следует подчеркнуть, что анализ заголовочно-финального комплекса сопровождается выходом на понимание концепции творчества того или иного писателя, а автор неизменно обнаруживает самое пристальное знакомство с контекстом, не ограничиваясь рассмотрением отдельных явлений, которые привлекаются к анализу. К достоинствам этой части монографии следует отнести выделение нескольких семантических групп заглавий произведений, в которых присутствуют элементы импрессионистской парадигмы. Логично вытекающим из вышесказанного и хорошо аргументированным представляется и предпринятый Н. Н. Шлемовой анализ жанрового потенциала малой лирической прозы в раскрытии импрессионистского миробозраза, в котором особое внимание обращено на лирический рассказ и миниатюру как жанры, способные запечатлеть «нюансы неопределенных чувств».

Отдельное внимание на страницах монографии уделено интермедиальной природе импрессионистских жанров и лирическому циклу и книге как формам выражения импрессионистского типа мировидения. При этом интермедиальность интересует автора как тип расширения экспериментального поля импрессионизма, а циклы и книги — как разные варианты архитектурной модели выражения импрессионистского мировидения. Тщательный анализ как интермедиальных жанровых форм, так и циклов, книг позволил Н. Н. Шлемовой сделать вывод о синтетизме жанровой модели импрессионистского текста, а так-

же дать определения импрессионистского цикла и импрессионистской книги как одним из самых продуктивных жанровых форм в русской прозе первой трети XX в.

Подводя итог сказанному, хотелось бы выразить убеждение в том, что исследование Н. Н. Шлемовой, являющееся плодом большого труда, несомненно, должно быть признано завершённой, самостоятельной работой, которая может быть квалифицирована как научное достижение, теоретически и практически ценное, открывающее новые перспективы изучения эпохи модернизма.

Сведения об авторе

Перепелкин Михаил Анатольевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского национального исследовательского университета им. акад. С. П. Королева.

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 1 (435). *Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 188—190.*

**STOPPING A MOMENT.
REVIEW OF N.N. SHLEMOVA'S MONOGRAPH
"GENRE TRENDS IN RUSSIAN SMALL IMPRESSIONIST PROSE
OF THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY"
(CHELYABINSK: PUBLISHING CENTER OF SUSU, 2019. 226 P.)**

M.A. Perepelkin

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russia

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
«РИТМ РУССКОЙ ПРОЗЫ: КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ»
ПОД РЕД. ПРОФ. Т. Ф. СЕМЬЯН
(ЧЕЛЯБИНСК: БИБЛИОТЕКА А. МИЛЛЕРА, 2019. 161 С.)**

Е. А. Селютин

Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия

В организации художественного дискурса важную роль играет ритм прозы — явление специфическое и своеобразное. В значительном корпусе научных сочинений феномен ритма прозы рассматривается как проблема общепилологическая: исследователи обнаруживали выраженность ритмических характеристик в различных уровнях художественного текста — языковом, мотивно-образном, композиционном и др. Тем не менее изучение данного феномена до сих пор является актуальным и перспективным, так как позволяет представить новый аспект анализа литературного произведения, сформировать целостное представление об особенностях идиостиля писателя, особенностях его творческого мышления.

Коллективный труд преподавателей кафедры русского языка и литературы Южно-Уральского государственного университета посвящен анализу ритмической организации произведений тех писателей, творчество которых представляет важнейшие тенденции определенных историко-литературных эпох.

Во введении к монографии авторы кратко рассматривают историю изучения проблемы художественного ритма и определяют ритм как явление, проявляющееся концептуально значимыми повторяющимися элементами либо категориями на всех уровнях литературного произведения и прежде всего языковом.

Авторы уточняют, что прозаический ритм создается не буквальным повторением какого-либо выразительного элемента текста, а связан с накоплением качества, трансформацией смысла и потому не тавтологичен.

Структура монографии подчинена логике последовательного изучения ритмического своеобразия русской прозы в общих и частных проявлениях, с его индивидуальными и в чем-то схожими интонациями.

Автор первой главы «Ритм прозы В. Короленко» Т. Ф. Семьян отмечает, что ритмические особен-

ности прозы проявляются в особенностях синтаксической организации произведения. Совокупность часто употребляемых синтаксических конструкций составляет индивидуальный синтаксис писателя, создает неповторимое звучание фразы, интонацию которой читатель может узнать даже на слух, при наличии необходимого культурного опыта.

В результате исследования сделан вывод, что наиболее ярко особенности прозы Короленко проявляются в зоне речи повествователя, которую составляют рассуждения, описания, лирические и философские отступления, пейзажи. По мнению автора главы, основу создания индивидуальной короленковской интонации образуют различные формы грамматико-синтаксического параллелизма. Они придают волнообразный характер повествованию и содействуют музыкальности фразы.

Анализируя ритмическое своеобразие прозы В. Короленко, исследователь вычленяет такие специфические доминирующие ритмы, как синтаксический, лейтмотивный, стиховой. Естественное сочетание этих ритмических уровней выражает особенности стиля писателя.

Т. Ф. Семьян убедительно доказывает, что стиховое начало в прозе Короленко привносит специфические особенности в ритмическую организацию и обнаруживается в элементах, традиционно ассоциирующихся со стихотворной речью: метре, рифме, звукописи, анафоре, лексических длинных цепях однородных членов, инверсивных конструкциях.

Интересный ракурс исследования ритма прозы представлен во второй главе, где ритмическое своеобразие романов знакового писателя серебряного века А. Белого рассматривается в аспекте осмысления визуально-графического уровня текста. Основным предметом исследовательского внимания Е. В. Федоровой становится взаимосвязь микро- и макроуровней текста: внешнего визуального облика, ритмической организации и идейного замысла произведений.

По мнению исследователя, наиболее продуктивной синтаксической моделью в романах А. Белого выступает акцентирование с помощью тире союза внутри дополнительной придаточной поясняющей или дополняющей части, что помимо основной традиционной паузы между темой и ремой создает добавочную, немотивированную паузу, диктуемую особым ритмом повествования.

Автор главы утверждает, что неклассический визуальный облик прозы А. Белого наглядно иллюстрирует необходимую интонацию прочтения текста: использование строфической организации, дополнительных отступов, графического эквивалента текста, шрифтовой акциденции позволяет обозначить паузы, замедлить или ускорить ритм повествования, а также маркировать повторяющиеся элементы, которые, в свою очередь, образуют в тексте ритм образов и мотивов. По мнению исследователя, сочетание двух невербальных составляющих текста: визуальной и звуковой — становится одним из основных организующих принципов прозы А. Белого; таким образом, осмысление визуально-ритмических особенностей прозы писателя позволяет охарактеризовать структуру и концептуальные особенности произведений.

В 3-й главе монографии исследовано ритмическое своеобразие прозы М. Цветаевой на визуальном, синтаксическом, фонетическом, лексическом и композиционном уровнях. Е. В. Канищева концентрирует свое внимание на литературном билингвизме творчества М. Цветаевой, который предопределил в ее прозаических произведениях отчетливую, специфически оформленную ритмическую организацию, выражающую индивидуальные особенности художественного мира поэта.

Автор главы приходит к выводу, что проза М. Цветаевой ориентирована на передачу экспрессивного внутреннего монолога. Ритм прозы формирует уровень внутренней речи, передает особенности речемыслительной деятельности, направленной на непрерывный самоанализ, постоянное внимание к собственным психологическим процессам. Прозаические тексты поэта фиксируют процесс мыслительной деятельности писателя, который активно проявляет себя в двух художественных регистрах — в стихах и в прозе. Е. В. Канищева доказывает, что данная установка проявляется в ритмическом своеобразии

прозы, ярко акцентированном в динамичном чередовании описательных и повествовательных фрагментов, в проникновении стиховых элементов в текст.

Е. В. Канищева приходит к выводу, что ритмическую структуру прозы поэта на синтаксическом уровне формируют особенности грамматического построения предложений, проявляющиеся в использовании инверсий, парцеллированных конструкций, синтаксического параллелизма, семантически емких знаков препинания.

Четвертая глава монографии посвящена изучению ритма прозы одного из ключевых представителей «третьей волны» эмиграции и одного из основателей русского постмодернизма — Саши Соколова. Н. А. Яковлева высказывает мнение, что индивидуальной особенностью формирования ритмического рисунка романов Саши Соколова является изначальная художественная задача писателя стереть грань между «прозой» и «поэзией», в том числе и в ритмическом плане.

В главе убедительно доказано, что ритм прозы активно представлен в произведениях Саши Соколова на трех уровнях текста: синтаксическом, фонетическом и сюжетно-композиционном. По мнению Н. А. Яковлевой, ритмическая картина каждого художественного уровня романов писателя неоднородна и самобытна, так как ритм произведений связан с реакцией на совокупность всех впечатлений героя и напрямую зависит от движения эмоционального фона в тексте. При этом очевидным остается первостепенное значение ритмической организации речи героев для передачи самоощущения и самоопределения неоднозначных и уникальных персонажей романного наследия Саши Соколова.

Н. А. Яковлева считает, что синтаксический ритм, одинаково сложный и неоднородный во всех произведениях Саши Соколова, напрямую связан с логикой нарративной организации и развитием сюжетной линии.

Таким образом, монография кафедры русского языка и литературы ЮУрГУ, посвященная вопросам изучения ритма русской прозы, вносит весомый вклад в современную филологическую науку. Предложенная методика анализа феномена прозаического ритма представляется методологически продуманной и продуктивной, так как она применима при анализе творчества авторов разных эпох и художественных систем.

Сведения об авторе

Селюткина Елена Александровна — кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Челябинского государственного института культуры.

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 1 (435). *Philology Sciences. Iss. 119. Pp. 191—193.*

**REVIEW OF THE COLLECTIVE MONOGRAPH
“RHYTHM OF THE RUSSIAN PROSE”
ED. BY T.F. SEMYAN
(CHELYABINSK: MILLER LIBRARY, 2019. 161 P.)**

E.A. Selyutina

Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Chelyabinsk, Russia

MONTEBVS ELSIN
LO IACTABAT COR
CRVDELIS ALEX NI
CARMEN NOS TRI
REFORMA F DN VN
MONTEBVS ELSIN
LO IACTABAT COR
CRVDELIS ALEX NI
CARMEN NOS TRI